

Линетт Нони не перестаёт впечатлять своими историями.

ТЕРРИ БРУКС, автор бестселлеров *New York Times*

ПРЕДАТЕЛИ КРОВИ

ЛИНЕТТ НОНИ

Линетт Нони не перестаёт впечатлять своими историями.
ТЕРРИ БРУКС, автор бестселлеров *New York Times*

ПРЕДАТЕЛИ КРОВИ

ЛИНЕТТ НОНИ

Annotation

Кива думала, что жаждет мести. Но чувства меняются, люди меняются... Всё изменилось.

После того, что произошло во дворце, Кива отчаянно желает знать две вещи: в безопасности ли её близкие, и смогут ли те, кого она подвела, когда-нибудь простить её. Но теперь, когда королевства стоят на пороге войны, на карту поставлено гораздо большее, чем её разбитое сердце.

Новое начало – рискованное предприятие, которое заставит смертельных врагов и ненадёжных союзников объединиться в гонке со временем, чтобы спасти не только Эвалон, но и весь Вендерол. Кива больше не может просто выживать – она должна бороться за то, во что верит. За тех, в кого верит.

Но сможет ли она выстоять, когда всюду таятся опасности, а жизни всех, кто ей дорог, находятся под угрозой?..

Заключительная книга трилогии «Тюремный лекарь».

- [Линетт Нони](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [Наши дни](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

- [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Линетт Нони

Предатели крови

Lynette Noni
THE BLOOD TRAITOR
Copyright © 2022 by Lynette Noni
Jacket art © 2022 by Jim Tierney

© Куралесина И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

* * *

Дорогие читатели!

В этом цикле с самого начала поднимались взрослые темы, но, учитывая финал «Золотой клетки», путь, который предстоит проделать Киве, куда сложнее, чем все, что ей уже пришлось пережить. Я старалась писать о сложных вещах как можно более мягко, но, пожалуйста, имейте в виду: на страницах книги некоторые читатели могут встретить триггеры.

Всем, кто хотел сдать,
но решил продолжать,
пытаться,
надеясь,
выживать:
эта книга для нас.

Пролог

Она рыдала.

Слезы ручьями текли по лицу, капали с подбородка, пропитывали одежду. Плакать приходилось тихо. Никто не должен знать о ее горестях.

Потому что никто не поймет.

Обняв руками колени, она уставилась во тьму палатки, молясь давно позабытым богам. Умоляя о прощении. Хотя знала, что не заслуживает его и не сможет заслужить никогда.

Учитывая, что она сделала.

Учитывая, что она *создала*.

Ее сотрясли рыдания.

– Я ошиблась, – беззвучно произнесла она. – Надо все исправить.

Я должна все исправить.

В таком состоянии ее и нашел мужчина: она раскачивалась на месте от душевной боли, вся в слезах.

Он замер на пороге палатки, потом бросился к ней, упал на колени, взял ее дрожащие руки в свои.

– Что случилось, родная? Тебе плохо? Болит где-нибудь?

Она подняла на него глаза, полные слез, и хрипло ответила:

– Я ошиблась.

Он нахмурился:

– В чем ошиблась?

По щекам снова заструились слезы.

– Во всем.

Мужчина не стал скрывать растерянность. Как и страх.

– Ты приболела, – проговорил он. – Скажу Зулике, чтобы пришла и вылечила...

– *Нет!* – закричала женщина, отдергивая руки, и ее напряжение волной захлестнуло палатку.

Мужчина присел на корточки, разглядывая ее. Повторил тихонько:

– Что случилось?

Женщина долго молчала. А когда наконец ответила, слова вырвались с мучительным скрежетом:

– Зулика убила их. Сломала им шеи одним мановением руки.

Мужчина побледнел:

– Кого?

– Деревенских – всех, кто попался ей на глаза. Всех, кто не так на нее посмотрел. Всех, кто не захотел присоединиться. – Женщина сглотнула. – Все думают, что это сделала я. Но я... – Она покачала головой и прошептала: – Я знала, что она становится сильнее, но такое... Я никогда не думала, что случится нечто подобное. И никогда этого не хотела. Она обещала, что больше не станет ее использовать, особенно после последнего раза, когда она... Когда я...

– В последний раз ты ее остановила, – сказал мужчина утешающе, но твердо. – Не позволила ей убить принца и стражу. Они живы и здоровы.

– Та стражница *руку* потеряла.

– Потеряла бы больше, если бы ты не сняла с нее магические путы. И наследный принц был бы мертв. – И тихо добавил: – Ты же не так давно сама этого желала. Чтобы стало на одного Валлентиса меньше.

– Я не понимала... – Женщина вновь покачала головой. – Он же просто мальчик... Даже младше Торелла. Я увидела его и... – Она закрыла глаза и повторила: – Он же просто мальчик.

– И все-таки его семья стоит у тебя на пути. И он в том числе.

– Есть много способов занять престол. Способов, которые попутно не причинят вреда никому из моих близких. Я не могу... – Она всхлипнула. – Не могу потерять кого-нибудь еще. Не такой ценой. Она же доведет себя до смерти, если будет и дальше использовать ее во вред. Магия разрушит ее изнутри.

Тщательно подбирая слова, мужчина ответил:

– Не вини себя за действия Зулики. Это ее выбор.

– Ты ошибаешься, Голдрик. Все, что она делает, она делает из-за меня, – ответила женщина, мысленно обратившись внутрь и вспоминая, что случилось лишь несколько часов назад. Хрустящие кости, сломанные шеи, падающие тела – мужчины, женщины, дети, все умерли мгновенно. – Я научила ее всему, что она знает. Это моя вина.

Повисла тяжелая пауза, а потом мужчина – Голдрик – спросил:

– Какие будут приказы, моя королева?

Лишь тогда Тильда Корентин подняла изумрудные глаза и встретила его взгляд, и он, ее лучший друг, ее наиболее доверенный советник, все понял без слов еще до того, как она прошептала ответ. До того, как она попросила его о помощи.

И тогда, склонив друг к другу головы, они придумали план.

Наши дни

Глава первая

Кива Корентин горела.

Пламя опаляло ее, и кровь закипала в венах, и она стонала, и брыкалась, и отбивалась от рук, которые удерживали ее на месте.

– Она вся горит, – раздался грубый мужской голос. – Дай ей воды.

Киву захлестнула вонь рвоты, такая близкая, что она поняла – это ее собственная рвота, и ее вновь затошнило.

Она была больна.

Нет – не больна.

Где-то в глубине души она знала, что страдает не от болезни.

На нее обрушился вихрь воспоминаний: голубые с золотом глаза, зацелованные губы, жуткие тени и битое стекло, карамельная пыльца и железные решетки. Но затем воспоминания рассеялись, образы ушли из памяти, и остался лишь чистый жар, составляющий самую ее суть.

– Боги, какой кошмар, – раздался полный отвращения женский голос.

Меж губ Кивы всунули деревяшку. Вода полилась по пересохшему горлу, плеснула на подбородок.

– Ага, – согласился мужчина. – Причем *твой* кошмар. У меня на дохляков времени нет.

Руки, что держали Киву, исчезли. Она попыталась сесть, но тело охватили языки пламени. Веки распахнулись на тысячную долю секунды, однако огня она не увидела. Горела она сама – полыхала *изнутри*.

– Она не дохлая, – возразила женщина.

– Ты погоди, – ответил мужчина издалека, будто уже с порога. – Она слишком уж набралась, теперь без дури не выживет. Бросила б ты ее. Или уж добила бы из жалости, если духу хватит. – Смешок. – У тебя-то с этим вряд ли возникнут сложности.

– Ты же тюремный лекарь! – сердито заметила женщина. – Помочь ей – твоя работа.

Еще один мужской смешок.

– Ей уже никто не поможет.

В ушах так грохотало, что Кива почти не слышала удаляющихся шагов. Сердце колотилось неестественно быстро. *Опасно* быстро.

Она смутно понимала, что зря не переживает о своем состоянии, но ничем не могла себе помочь, не могла даже *думать* под всепожирающей агонией, полыхающей в теле.

В мозг вонзился поток ругани, следом появилась мозолистая рука, которая пробралась под шею и грубо потянула наверх, и к губам Кивы вновь прижали стакан.

– Пей! – приказала женщина, силой вливая Киве в рот воду. – Хочешь жить, так пей.

Кива попыталась послушаться, давясь жидкостью и все гадая зачем. Если ее жизнь теперь такова, то определенно лучше бы умереть. «Добить из жалости», сказал тот мужик. Киве этого и хотелось: чтобы полыхающий ад как отрезало, чтобы зияющая дыра в груди исчезла навсегда.

Дыра, которая, как она понимала, к ее нынешнему состоянию не имела никакого отношения.

В памяти вновь мелькнули голубые с золотом глаза – еще один мучивший ее образ, пусть и страдания эти были иного рода, – а потом снова исчезли.

– Твою мать, Кива, *ней* же! – раздался злой женский голос.

Но Кива не могла проглотить больше ни капли. Ее затрясло, огонь мешался со льдом. Кожу покрывал пот, хотя она дрожала от резкого холода, но, когда ее накрыли одеялом, она заскулила, чтобы его убрали.

Слишком жарко.

Слишком холодно.

Слишком.

– Пожалуйста, – прохрипела она, не зная, чего просит и у кого. – *Пожалуйста.*

– Ты не помрешь вот так, – твердо сказала женщина. – Не так.

Но Кива ей не поверила. Потому что она хотела, чтобы все закончилось, все.

И когда сил терпеть пытку уже не осталось, она отдалась блаженным объятиям забвения.

Когда Кива открыла глаза, первым делом она увидела змею.

Комната шла кругом – слабо освещенное пространство, полное голых тюфяков и ветхих одеял, знакомый едкий запах.

Это лазарет, шепнули из дальнего уголка памяти. Лазарет Залиндова.

Ее охватила тревога, но она не смогла даже испугаться по-настоящему – на языке налип карамельный вкус, а змея открыла пасть и заговорила.

– *Соберись!* – прошипела змея, грубо трясая ее. Голос напоминал о той женщине, которая лила ей в глотку воду.

Кива хихикнула и потянулась потрогать змею.

Ее ударили по рукам.

– Тебе надо идти со мной в тоннели, иначе тебя добьют. Слышишь? Не начнешь работать, и тебе крышка.

Подгоняемая змеей, Кива села, и голова мотнулась набок. Она смутно разглядела, что одета в грязную серую рубаху, и сморщилась от вони собственной рвоты.

– Боги, ты хоть представляешь, что происходит? – буркнула змея. Она обвилась вокруг Кивиной спины и подняла ее на ноги. – Слишком много ангельской пыли тебе давали по дороге сюда, теперь ты без нее не можешь.

Змея потащила ее по лазарету.

– Я кое-что раздобыла, тебе хватит на пару дней. Будем снимать тебя с нее потихоньку, иначе органы начнут отказывать. Понимаешь меня?

– Говорящая змея... – сонно протянула Кива, спотыкаясь, когда ее вытянули на улицу. Она подняла руку к солнышку и улыбнулась ярким цветам вокруг. – Денек славный...

Змея грязно выругалась и прошипела сквозь стиснутые зубы:

– Кива, это я, Креста. Соберись.

Креста.

Выходит, не змея.

Но почти.

Креста Восс. Имя всколыхнуло в Киве неприязнь и страх, а также воспоминания о мускулистой девушке с нечесаными рыжими патлами, светло-кариими глазами и татуировкой змеи на щеке. В Залиндове она работала на каменоломне и знала Киву больше пяти лет. И все эти пять лет открыто ее ненавидела. Это она возглавляла местных бунтовщиков,

верных Кивиной сестре, Зулике Корентин, нынешней королеве Эвалона, – та уселась на краденый трон, отняв у Кивы все. Все и всех.

– Плохая змея, – промямлила Кива, пытаясь вырваться из рук Кресты. – Ухдии.

– Да хватит!

Креста плотнее ухватила Киву и, сойдя с дорожки на жухлую траву, повела ее к каменному строению под куполом в центре двора.

– Ты без меня и до вечера не протянешь.

– Протяну... – Кива вновь споткнулась, перебираясь через сухие кустики под ногами. Перед глазами у нее все вращались разноцветные пятна, отскакивали от белых стен в отдалении. – Или нет. Без разницы.

– Ты сама себя слышишь?

Они дошли до здоровенной ямы в земле, которая привлекла спутанное внимание Кивы. Не сразу получилось припомнить, как взорвалась и сложилась внутрь сторожевая вышка. Теперь от нее ничего не осталось – одно лишь воспоминание.

– Мот. – Мысли на миг прояснились, и Кива выдохнула имя человека, который подорвал вышку. – Где Мот?

– Умер, – равнодушно ответила Креста. – Лично смотритель казнил сразу после бунта – того, который помог тебе слинять.

Кива с тоской вспомнила санитаря из морга, который заботился о ней, помог выжить в Ордалиях, но долго задержаться на этой мысли не вышло – она испарилась ветром. Кива потрясла головой, пытаясь прогнать кутерьму цвета, пытаясь вспомнить, о чем говорила змея.

– Из Залиндова не слинять. – Она хихикнула как сумасшедшая. – Даже если уже слиняла.

Креста не ответила – ей помешала группа одетых в серое заключенных с усталыми лицами, которые безвольно брели через сухую траву туда же, к зданию под куполом.

– Тебе надо собраться, прежде чем мы дойдем до тоннелей, а то охрана отправит тебя в Бездну, – шепотом предупредила Креста. – А может, даже и не станут заморачиваться.

– Без разницы, – пробормотала Кива, волоча ноги.

Креста еще сильнее стиснула руку Кивы и прошипела:

– Ты мне как-то сказала, что я сильная и крепкая, что я все переживу. Что я сама ради себя должна найти повод выжить. Теперь я повторяю тебе то же самое, Кива Меридан.

Осев в руках Кресты, Кива ответила:

– Это не мое имя.

– Твое.

– Не мое!

– Тебе решать, кто ты, – жестко заявила Креста. – И какая ты. Но сейчас тебе надо выбрать жизнь. С остальным потом разберешься.

Даже несмотря на то, в каком жалком состоянии пребывала сейчас Кива, слова Кресты ее задели. Мысль о том, что все в ее руках, была смехотворна. Десять лет в Залиндове за нее решали другие, а она день за днем боролась за выживание. А когда наконец почувяла вкус свободы, ее собственные решения лишь привели ее обратно, к началу, и по пути она потеряла больше, чем могла представить.

Дыра в груди вновь заныла, и даже ангельская пыль не могла приглушить эту боль.

– Ты только не думай, что мне есть до тебя дело, – безжалостно продолжала Креста. – Но ты когда-то спасла мне жизнь, и теперь я твоя кровная должница. Так что сегодня ты не помрешь, и завтра тоже не помрешь, и дальше тоже, пока клятая наркота не выведется из организма. А потом сама решай, какого дьявола делать со своей жизнью. Живи, умирай – это уже не моя забота. Но до тех пор будешь меня слушаться. А я говорю тебе: соберись и приготовься к худшему дню в своей жизни.

Кива так увлеклась речью Кресты, что не заметила, как они дошли до здания под куполом и встали в очередь из прочих заключенных перед лестницей, ведущей вниз, в тоннели.

Пытаясь мыслить трезво, Кива пробормотала:

– Почему ты здесь?

Креста досадливо цокнула:

– Я только что объяснила!

Кива качнула затуманенной головой. Вероятно, сегодняшняя доза была меньше той, которая держала ее в отключке несколько недель, так что у нее получалось даже задавать вопросы, пусть даже она едва мямлила.

– Нет, почему ты не в каменоломне?

Помедлив, Креста ответила:

– Рук перевел меня сюда после бунта. Ему не понравилось, что я прожила так долго, поэтому теперь я в тоннелях, жду неминуемой

мучительной смерти.

У Кресты осталось шесть месяцев. Максимум – год. Такова судьба тоннельщиков Залиндова.

Судьба, которую предстояло разделить и Киве, раз уж тюремным лекарем она больше не числилась.

Ей бы прийти в ужас, но она не нашла на это сил.

Почему-то ей казалось, что дело тут не в ангельской пыли.

– Следующий, – скучающе позвали мужским голосом, и Кива, подняв взгляд от сухой травы, обнаружила, что они добрались до входа в здание, где двое охранников направляли заключенных к лестницам, поднимающимся из прямоугольной дыры в земле.

– Я понимаю, тебе сейчас очень плохо, – торопливо сказала Креста, пока заключенные перед ними лезли в шахту. – Но ни за что не отпускаяй лестницу.

Взглянув в безразличное лицо Кивы, она спешно добавила:

– Подумай, что для тебя важно! Тот пацан – ну, заика. Ты его любишь. Не забывай про него.

Тинн.

В памяти всплыло смутное воспоминание о веснушчатом мальчишке со щелястыми зубами, и сердце вновь сдавила боль.

– Следующий, – повторил охранник, махнув Киве и Кресте.

– Перекладина за перекладной, – сказала Креста. – Ради пацана. Я с тобой.

Кива тупо кивнула; голова казалась слишком тяжелой для плеч и в то же время удивительно легкой. Креста пихнула ее вперед, и Кива запнулась о собственные ноги, повеселив охранников. Они знали, кто она и как низко пала. Они *потешались*.

Внутри вспыхнуло пламя, но сразу погасло: когда она взялась за металлические перекладки, ангельская пыль уже все унесла.

Две лестницы были прибиты в ряд, и когда Кива начала спускаться по первой, Креста, верная своим словам, полезла рядом – сначала до первой площадки, потом еще ниже. Они спускались все ниже и ниже, перекладина за перекладной, площадка за площадкой, и Креста шепотом подбадривала ее. Кива разглядывала собственные руки, будто чужие, ничего не чувствуя, лишь смутно осознавая, что спускается, что мышцы горят, что воздух становится холодным и застоявшимся.

Типп. Ради Типпа она выдержит.

Даже если после того, что он узнал, после того, что она *натворила*, он теперь наверняка ненавидит ее.

Кива болезненно всхлипнула, и Креста посмотрела на нее с тревогой. Но тут последняя лестница подошла к концу, и по лицу Кресты разлилось облегчение.

Угроза миновала.

И в то же время – нет.

Потому что не успела Кива отдышаться, как ее утянули в освещенный люминием тоннель, в котором муравьями копошились ряды заключенных. Ее охватила тихая паника, привычная клаустрофобия, приглушенная ангельской пылью.

Когда она оказалась здесь в прошлый раз, других заключенных тут не было. Но она была не одна.

Голубые с золотом глаза. Парящий магический огонек. Прекрасный снегоцвет.

В этот раз образ прогнала не ангельская пыль, а сама Кива.

Она была не в силах вспоминать это.

Не в силах вспоминать *его*.

Под ногами захлюпало, и, опустив взгляд, Кива увидела, что земля сменилась грязью, затем лужами, а потом вода поднялась и до колена. Когда один из надзирателей приказал остановиться, Кива обнаружила, что по пути кто-то всунул ей в руки кирку. Она примерилась, взмахнув ею, как мечом.

Кэддон учил ее этому, тренировал ее с учебным деревянным мечом.

Кива закрыла глаза и отогнала и это воспоминание тоже, позволив ангельской пыли притушить вернувшуюся боль. Уронила руки, пытаясь не забывать, где она, почему она здесь и что от нее требуется.

Работать в тоннелях.

Теперь она работала в тоннелях, и ее задача – копать в поисках воды, а потом прокладывать ей путь в подземный водоем.

Хуже места для работы в Залиндове не было. Самая сложная работа, и физически, и морально. Здесь умирали быстрее всего.

– Думай о пацане, – приказала стоящая рядом Креста. – Только о нем и думай.

Командный тон заставил Киву подчиниться, и когда надзиратели приказали начать ломать стены из плотного известняка, лицо Типпа заняло все ее мысли.

Снова и снова Кива била железной киркой по неподатливому камню. Удары отдавались в руках, от грохота сводило зубы. Ей нравилось, как горят с каждым движением мышцы, глаза застилала пыль, слух заполнил звон сотен кирок по твердому камню. Она смутно осознавала, что Креста работает рядом, что она напоминает ей о Типпе, что велит продолжать работу. Останавливаться было нельзя: остановишься – и вернутся надзиратели. Они ходили туда и сюда, держа наготове плети и дубинки. Не давай им повода, повторяла Креста. Работай. Работай. *Работай.*

Кивина кирка покрылась кровью из лопнувших волдырей и трещин на ладонях, и кровь капала с деревянной рукояти. Она чувствовала боль, но приглушенно, как и все остальное.

А потом все изменилось.

Потому что секунды сливались в минуты, а минуты – в часы, и воздействие ангельской пыли начало слабеть.

Сначала пришла легкая, но назойливая боль в затылке. Дальше появился медный привкус на языке, задрожали пальцы, и скользкую от крови кирку стало трудно держать. Когда охранники объявили долгожданный конец смены, Кива вся продрогла, несмотря на изнурительный труд, и наконец протрезвела достаточно, чтобы осознать: то, что она пережила, ни в какое сравнение не идет с тем, что ее ждет.

– Мне так плохо, – простонала Кива, пока они ждали своей очереди подняться наверх.

– Да уж, – откликнулась Креста. – В этом твоём лазарете найдется что-нибудь полезное?

– Лазарет больше не мой, – возразила Кива, покачиваясь от изнеможения.

Освободившись из Залиндова, она смогла откормиться и потренироваться, и вместе с обезболивающим эффектом ангельской пыли все это дало ей сил выдержать целый день тяжелой работы. Но теперь она чувствовала, что у нее болит все тело. Зато мысли впервые за много недель были яснее некуда, так что она изо всех сил старалась

сконцентрироваться и припомнить, какие растения могут облегчить синдром отмены.

– Придется это пережить, – понимающе сказала Креста, откидывая спутанные рыжие волосы с потного лица. – Посмотрим, что удастся наскрести.

Кива пробормотала что-то в ответ, сама не понимая толком, что сказала; лихорадка нарастала, ее всю трясло. Она не помнила, ни как лезла вверх, ни как Креста довела ее до спального корпуса и бесцеремонно сгрузила на нары; она была вся в пыли и грязи, одежда до сих пор в следах рвоты. Сколько она так пролежала, дрожа и потея, она не знала, мышцы ныли, в окровавленных ладонях безжалостно билась боль.

– Дай руки.

Вернулась Креста. Кива не знала, как долго та отсутствовала или как давно вернулась. Змеиную татуировку почти не было видно под слоем грязи.

По ладоням провели чем-то влажным, и их пронзило острой болью. Кива попыталась выдернуть руки, но Креста не отпустила.

– Следи, чтобы на ладони никакая грязь не попадала, а то инфекцию подхватишь.

Кива замерла: слова эхом отдались в памяти. Она их уже слышала. Она их уже *говорила*.

Сильные руки, сильное тело, взъерошенные темно-золотистые волосы, прекрасные губы с понимающей усмешкой, смеющиеся глаза – голубые с золотом.

В сердце вновь что-то надорвалось, и Киве стало так больно, что даже дрожь на миг прекратилась. Но сейчас она была не в лазарете. И *его* с ней не было.

Не было сейчас.

Не будет никогда.

– Съешь-ка вот что, – велела Креста, вновь привлекая внимание Кивы. Она протягивала пригоршню мелких зеленых луковичек, желтых и оранжевых цветков и черную обугленную деревяшку.

Кива не стала спрашивать, как Креста пробралась в сад лазарета, не стала и задумываться над тем, как та добыла уголь из крематория. Но одно все-таки спросила, сунув в рот растения и поморщившись от ощущения древесного угля на языке:

– Про уголь я ничего не говорила.

– Ты не первая с ломкой на моем веку, – буркнула Креста, продолжая очищать ладони Кивы. – Уголь впитает из крови отраву.

Киве захотелось спросить, кому еще помогала Креста, но ее вдруг согнуло от спазма в желудке, и она охнула и свернулась клубочком.

– Тебе бы поесть, – заявила Креста. В голосе не было ни тепла, ни заботы о Киве, лишь голая констатация фактов.

– Меня же... – Киву вновь согнуло, и она стиснула зубы, – просто вывернет.

Креста принялась возражать, но Кива уже не слушала: живот так болел, что она не замечала больше ничего вокруг. Луковицам крошिवы, углю и лепесткам виалки и сумаслици нужно какое-то время, чтобы подействовать, но и тогда они не исцелят ее полностью. Если Креста в самом деле собралась отучать Киву от ангельской пыли, ночка будет та еще.

Следующее, что помнила Кива, – это как к ее губам прижимают кусок хлеба, пропитанный бульоном. Лоб вспотел, ее бросало то в жар, то в холод.

– Нет, – простонала она, отворачиваясь.

– Тебе нужны силы на завтра, – ответила Креста и сунула ей в рот еще хлеба. – На одной ангельской пыли долго не протянешь.

– Пыль... – охнула Кива, давась едой, хрипло и отчаянно. – Прошу... Мне надо... Хоть крошечку...

Перед глазами все расплывалось, но Кива увидела, как застыло лицо Кресты.

– Тебе нужно поесть, а потом поспать. Утром получишь еще.

Кива затрясла головой; ее так колотило, что зубы стучали.

– Мне надо *сейчас!*

– Ешь. – Креста запихнула в нее еще один кусок хлеба.

Кива подавилась, но Креста зажала ей рот ладонью и заставила проглотить.

– Уголь поможет не выbleвать все наружу, – сказала Креста. – Бороться придется не только физически, но и морально. Нужно только хотеть бороться.

Кусок за куском Киву пичкали хлебом, и та застонала. Креста была непоколебима, глуха к мольбам и не собиралась выделить даже крошечку ангельской пыли, чтобы облегчить ночь.

Эта война продолжалась часами, Кива хныкала, а ее тело вопило, умоляя хоть о секунде передышки.

– Да заткни ж ты ее! Люди вообще-то спят! – возмущались прочие заключенные, которым не повезло оказаться поближе.

– Мамке своей жаловаться будешь, – отбивала Креста. Их жалобы – как и жалобы Кивы – мало ее трогали.

Но потом, посреди ночи Кива так глубоко провалилась в свое безумие, что завопила во всю глотку, перебудив половину барака:

– ДАЙ МНЕ! ДАЙ! МНЕ НАДО! НУ ДАЙ ЖЕ МНЕ...

Креста с руганью заткнула ей рот ладонью, стянула ее, потную, дрожащую, с нар и в лунном свете потащила мимо глазающих разбуженных заключенных. Они ввалились в темную душевую, Креста впихнула Киву под душ и включила ледяную воду.

Хватая воздух и отплеываясь, Кива попыталась выбраться из-под душа, но Креста удержала ее на месте, попутно промокнув и сама.

– Пусти! – завопила Кива.

– Не пущу, – бросила сквозь зубы Креста, крепко ее держа. – Пока не угомонишься наконец.

Кива попыталась вырваться, но бесполезно – она слишком ослабла, можно было и не стараться. Почти сразу она с пыхтением повисла на Кресте.

– Все, угомонилась? – спросила та.

Кива лишь кивнула – без сил, без воли к сопротивлению.

Креста выключила воду, и Кива сползла на пол с ней рядом. Обе уселись, прислонившись к стене душевой, промокшие насквозь и продрогшие, и шумное дыхание эхом уходило во тьму.

– Какая ж ты заноза в жопе, – буркнула Креста.

Вспомнился Кэлдон, который не раз говорил Киве то же самое. Вспоминать его было больно, но губы Кивы все равно дрогнули в подобии улыбки. Стуча зубами, она выговорила:

– М-мне и д-до тебя это г-говорили.

– И еще не раз скажут.

– П-прости, – прошептала Кива. Ледяная вода протрезвила ее достаточно, чтобы она осознала свое поведение, пусть даже виноват был наркотик. – И с-спасибо. За п-помощь.

– Это еще не конец, – предупредила Креста. – Все еще впереди.

Кива понимала. Но она собиралась найти способ отблагодарить Кресту, когда выкарабкается – если выкарабкается, – даже если та всего лишь возвращала долг.

– Ты сказала, что уже помогала кому-то слезть с ангельской пыли, – сказала Кива, мысленно благодаря прочистивший голову холод. – Кому это?

Креста молчала так долго, что Кива уже почти решила, что ответа не дождется. Но та наконец чуть слышно произнесла в темноте душевой:

– Еще в детстве, задолго до Залиндова, моя сестра нашла закладку с ангельской пылью и не разобралась, что это такое. Получила передозировку, чуть не умерла. Я не отходила от нее, пока она не поправилась.

– Сколько в-вам б-было?

– Мне десять, – ответила Креста. – Ей восемь.

Совсем дети.

– А ч-что родители?

– Дома было так себе, – ровно произнесла Креста. – Сестра была такой доброй, такой ласковой, но отец считал это слабостью. В его доме не было места для робких, так что он вытирал об нее ноги; ему и дела не было, жива она еще или нет. А мама... У нее все силы уходили на то, чтобы уцелеть. У сестры осталась только я.

Креста говорила с болью, хоть Кива и видела, как та пытается это скрыть. Она спросила, все еще стуча зубами:

– И ч-что дальше?

– Я помогла ей справиться с передозировкой, потом с ломкой. После этого она и близко к ангельской пыли не подходила.

– Нет. – Кива растерла плечи, чтобы согреться. – С семьей что б-было дальше?

В этот раз Креста молчала еще дольше.

– Нет никакой семьи. Больше нет.

В этих словах крылось столько всего, что Кива закрыла глаза. Креста попала в Залиндов больше пяти лет назад, еще подростком лет шестнадцати. Что бы ее сюда ни привело... Как бы она ни потеряла родителей и сестру... Кива слишком многого не знала, чтобы строить догадки о ее прошлом.

– Как...

– Хватит сказок на ночь, – сказала Креста так резко, что Кива сразу вспомнила, что они не подруги. До недавних пор – может, до этого самого момента – они были скорее врагами. – Попытайся заснуть.

Кива моргнула в темноте душевой.

– З-здесь?

– Обратю в барак тебе нельзя. Еще одна такая выходка, и охрана придет проверить, в чем дело, – ответила Креста, устраиваясь поудобнее.

– Но т-тут заледенеть можно! – Однако пока Кива возмущалась, ее снова окутало тепло: шок от ледяной воды проходил, и симптомы ломки возвращались. Душ, может, и был холодный, а вот воздух поздней весной уже достаточно прогрелся. Если высохнуть, все будет не так уж скверно. Она спала и в местах похуже – правда, ни разу не мучаясь при этом от ломки.

– Спи, – велела Креста, не обращая внимания на нытье Кивы. – Пока можешь.

Киве хотелось возразить, хотелось задать миллион вопросов, пока голова еще свежая, хотелось задержаться в нынешней ясности сознания до утра, когда ее ждет очередная доза ангельской пыли. Но Креста была права: нужно было поспать, пока еще можно, собраться с силами, чтобы пережить грядущий день – и физически, и морально.

Так что Кива стиснула зубы, преодолевая волны жара и холода, закрыла глаза и позволила изнеможению овладеть собой.

* * *

Следующие три дня были худшими в жизни Кивы, дальнейшие четыре – примерно такими же, а неделя, которая последовала за ними, мало чем отличалась.

Все это время Креста, верная слову, не отходила от Кивы, давая ей по утрам ровно столько ангельской пыли, чтобы хватило пережить рабочий день, и с каждым разом уменьшая дозу; а по ночам она спала рядом в душевой. Кива часто вырывалась и кричала, изо всех сил отбиваясь от Кресты. Так же часто Кресте приходилось держать Киве волосы, пока та опорожняла желудок. Даже уголь уже не помогал:

когда начиналась ломка, ничто не спасало от тошноты, боли в животе, пота и лихорадки. У Кивы болело все тело, и не только из-за постоянных спусков в тоннели – этого она почти не замечала, часы под землей пролетали как в тумане, оставалась лишь грязь, пыль и боль, – но и из-за того, что каждую ночь приходилось бесконечно бороться с самой собой.

Это было слишком, слишком сложно, *слишком*.

Каждый день она мечтала о смерти, не в силах выносить эти муки – и не только муки ломки. Наркотик постепенно выводился из организма, и нахлынули воспоминания: то, что она видела, и то, что *сделала*. И люди, с которыми она это сделала.

Это была иная боль, гораздо хуже. От такой никогда не исцелиться. Она и не заслужила исцеления.

Так что она отбрасывала воспоминания и радовалась мукам ломки, пока через две недели после прибытия в Залиндов дрожь не ослабла, тошнота не унялась, отчаяние не отступило.

Все кончилось.

Но самое скверное ждало ее впереди.

Глава вторая

Кива разглядывала кровавые волдыри и сорванные мозоли на ладонях, но ничего не чувствовала. Как и раньше, как и все последние недели.

Ничего, кроме холода. Ничего, кроме онемения.

Ничто ее не волновало.

Она это заслужила.

Кара, говорила она себе, хотя никакая кара не будет достаточной.

– Жуй.

Под нос Киве сунули горбушку черствого хлеба; руки были пыльные, но не окровавленные. Эти руки видывали тяжкий труд и привыкли махать киркой час за часом, день за днем.

Смотритель Рук ошибся, ожидая, что в тоннелях Креста быстро умрет. Она была как таракан, и Кива уже сомневалась, способно ли хоть что-нибудь доконать ее.

– Пять минут! – сообщил ближайший охранник в черной форме; не выпуская из рук плети, он прохаживался по залитому люминиевым светом проходу. Можно было и не напоминать: на обед каждый день выделялось одно и то же время.

– *Жуй!* – повторила Креста и сунула хлеб Киве. Они сидели в рядок с другими заключенными, опираясь спинами на известняк и положив инструменты рядом на этот краткий миг передышки.

Креста пихнула ее под ребра, и Кива машинально поднесла еду ко рту и принялась жевать всухомятку.

– Теперь пей, – приказала рыжая, и Кива послушно зачерпнула рукой грязной воды из лужи под ногами. На вкус было как грязь, но хлеб провалился внутрь, а организм получил воды.

Выжить. Больше она ничего и не могла теперь, даже если всего лишь оттягивала неизбежное.

Кива всегда понимала, что быстро умрет на любой работе за стенами лазарета. Она неспособна была бесконечно пахать, как Креста. С возвращения в тюрьму прошло около пяти недель, и Кива уже удивлялась, что она столько протянула, но понимала, что без помощи Кресты не справилась бы. То ли из жалости, то ли по каким-то

совершенно иным причинам Креста не бросила ее, когда закончилась ломка, как ожидала Кива. В ее обхождении не было ни тепла, ни дружбы, она раскрывала рот, только чтобы заставить Киву следить за собой, но за минувшие пять недель они каким-то образом стали командой. Если одна падала, то другая непременно поднимала – и чаще всего поднимать приходилось Кресте.

Кива все еще не понимала зачем. Они очень многое еще не обсудили: ни то, что Креста была главарем местных мятежников, ни то, знала ли она, кто такая Кива на самом деле. До побега – точно не знала, но с тех пор очень многое изменилось; например, не осталось никаких местных мятежников.

Смотритель Рук об этом позаботился.

Во время бунта и так погибло очень много заключенных: Грендель, Олиша, Нергал и еще множество Кивиных знакомых, но смотритель все равно устроил потом массовую казнь. Петли не избежал никто из сообщников Кресты, и лишь ее одну перевели в тоннели из садистского желания Рука продлить ее страдания.

Это была единственная причина помогать Киве, которую та могла придумать, – потому что в каком-то странном смысле рыжая знала Киву и не опасалась ее. И может быть, Кресте этого недоставало, ведь она потеряла не меньше, чем Кива.

«Нет, – подумала Кива, вновь разглядывая свои окровавленные ладони. – Меньше».

Вспоминать его имя, вызывать в памяти лицо было больно, но она заставила себя, бессознательно потянувшись к амулету под одеждой, который охране было приказано оставить ей по прибытии.

«Мне хочется, чтобы у тебя осталось напоминание о сегодняшнем дне – обо всем, чему ты помогла случиться», – сказала тогда Зулика сквозь решетку глубоко под Речным дворцом в Валлени.

Она бы и так не забыла, даже без королевского герба, висящего на шее постоянным удушающим напоминанием. Невозможно было забыть. Она видела его каждый миг каждого дня; полные боли и ужаса голубые с золотом глаза, когда он понял правду: она все у него отняла – и трон, и магию, и сердце.

Джарен Валлентис.

Бывший наследник престола Эвалона, ныне вынужденный бежать из дворца в изгнание – и все по вине Кивы.

И не только Джарен. Из-за ее решений пострадали и другие близкие ей люди: Наари, Кэлдон, Типп, даже ее собственный брат, Торелл. Она понятия не имела, что им пришлось пережить с той ночи, когда все пошло прахом.

Закрывая глаза, она видела Наари в луже крови после удара смертоносной магии Зулики; видела Кэлдона, который смотрит на едва живого Джарена, а потом кричит, чтобы Кива убегала, и верность семье в нем борется с любовью к ней; видела отчаяние Типпа, который осознал, что она много лет лгала ему, видела, как малыш падает от удара Зулики, а та заявляет, что он будет просто обузой, пока ему все не объяснят, – а Кива так и не успела ничего объяснить. Его препоручили заботам Рессинды, которая обещала присмотреть за ним, равно как и за Тореллом, которого ударили кинжалом во время налета мирравенских похитителей. Но не от рук мирравенцев он едва не умер, а от рук Зулики.

За всем этим стояла Зулика.

Все это произошло по вине Кивиной сестры, которая объединилась с Миррин Валлентис, чтобы захватить Эвалон; а принцесса вступила в сговор с королем Мирравена Навоком, пойдя против собственной семьи во имя любви к сестре Навока, Серафине.

Но даже зная все это, Кива винила себя. Потому что это благодаря ей у них все получилось. Это она выболтала им все, что требовалось, чтобы захватить престол, и тем самым предала всех близких.

И Джарена тоже.

Он никогда ее не простит.

Она и *сама* себя не простит.

Такие, как она, прощения не заслуживают.

Только смерти.

Так что поделом ей, что ее отправили обратно в Залиндов – здесь она и встретит свой конец. В этот раз ей не выбраться, и никто за ней не придет. Она осталась сама по себе, все правильно.

Она все это заслужила, все эти муки и страдания. Но даже при всем при этом никакое наказание не исправило бы содеянное. С этим оставалось только жить – а вскорости и умереть.

– Ну, всё! – позвал ближайший надзиратель, и остальные эхом понесли его слова дальше по тоннелю. – За работу!

Кива тяжело поднялась на ноги – и, конечно, Креста была рядом. Когда-то Кива боялась наткнуться на нее в тюрьме из-за ее враждебности и склонности поднимать бучу по любому поводу: от нее лучше было держаться подальше. Однако, пусть они обе теперь и оказались загнаны в один тупик, Кива не собиралась забывать, что однажды Креста угрожала убить Типпа – заявляла, что он труп, если Кива не сможет выходить Мятежную королеву. А ведь Киве никакие угрозы были ни к чему: все-таки Тильда Корентин – ее родная мать.

По крайней мере, была ею когда-то.

А теперь Тильда мертва.

Кива не смогла ее спасти.

И отца не спасла тоже.

И брата, Керрина.

Половины ее семьи не стало.

Пусть в их смертях не было вины Кивы, ее все равно преследовало осознание, что, если бы она применила свой целительский дар, она бы могла уберечь их от смерти. Если бы она только *осмелилась*.

Она всех подвела.

И теперь расплачивалась.

И за это, и за многое другое.

– Уснула, что ли? – буркнула Креста. – *Коняй*.

Кива заморгала, вдруг осознав, что, пока сокамерники разбирали инструменты, она просто стояла и снова пялилась на ладони.

Окровавленные ладони.

Полные силы.

Стоит лишь захотеть, она призовет свой дар – и тот явится вспышкой золотого сияния. Или же – одна неверная мысль, и она призовет магию смерти, унаследованную от предка, Торвина Корентина. Ту самую, которая прокляла ее маму и извратила сестру. Теперь она внутри ее самой. Всегда там была.

Кива передернулась и сжала кулаки.

– Кирку подбери! – прошипела Креста.

Кива будто в тумане взглянула на нее, замечая, как змеиное тату морщится от тревоги. А потом увидела, что встревожило Кресту: из-за угла вывернул надзиратель и направлялся прямо к ним.

Это был Кость.

Дремавший было инстинкт самосохранения вынудил Киву быстро подобрать кирку и ударить по известняку.

За десять лет в Залиндове Кива поняла, что по-настоящему бояться здесь нужно только двоих: Кость и Мясника. Бледный черноглазый надзиратель был буйным и непредсказуемым; обычно он вышагивал с арбалетом на плече по внешним стенам или на вышках. Раз он спустился вниз...

По коже поползли мурашки. Кива ждала, когда же он пройдет мимо.

Он не прошел.

Вместо этого он остановился прямо за ней, перехватил древко кирки и вырвал инструмент у нее из рук.

Креста работала теперь медленнее, от нее так и веяло опаской: одним глазом она присматривала за Кивой, другим – за Костью, и в ореховых глазах светилось предостережение.

Кива сглотнула и обернулась.

– Ну приветик, лекарка, – мурлыкнул он.

Он глядел на нее с насмешкой, и этот взгляд прорвался сквозь пелену онемения, окутывавшую Киву неделями, затопив вены страхом. Раньше, когда она была тюремным лекарем, у нее была защита от надзирателей вроде Кости. Не только потому, что кроме нее их было бы некому вылечить, но и потому, что она ходила в любимицах смотрителя. Безопасности это не гарантировало, но от многих тюремных кошмаров избавило.

Здесь, в тоннелях, этой защиты у нее больше не имелось. И уж точно Рук за нее не вступится.

Кость шагнул вперед, и Кива непроизвольно отшатнулась, ударившись спиной об известняк. Заключение слева замялся, но затем вернулся к работе, молотя киркой еще быстрее, будто не желая привлекать к себе внимание.

Но справа от Кивы Креста совсем бросила работать.

– Чего надо? – спросила она, поднимая взгляд на Кость.

Он едва удостоил ее взглядом:

– Работай давай, Восс.

Скверно, что он помнил ее фамилию: надзиратели обычно обращались к заключенным только по номерам.

Кость опустил левую руку на арбалет, ухмыльнулся Киве и предложил:

– Прогуляемся?

Он отшвырнул ее кирку и потянулся к ней, отчего у Кивы внутри все перевернулось. Но не успел он дотронуться, как между ними влезла Креста.

– Обожаю гулять, – бодро заявила рыжая. – Куда идем?

Кость сверкнул на Кресту глазами.

– Предупреждаю в первый и последний раз.

Та не пошевелилась, оставшись между ними живым барьером.

– Креста... – попыталась Кива, но во рту пересохло, и она умолкла.

– Если Киве можно размять ножки, то и всем можно, – заявила Креста, игнорируя нависшую угрозу. А может, даже наслаждаясь ей. – Так нечестно!

Кость склонил голову набок, разглядывая ее.

– Вообще, я бы даже посмотрел на это представление. Но сегодня я не в настроении. – Он отвел взгляд и махнул паре тоннельных надзирателей, чтобы те подошли, а потом вновь посмотрел на Кресту. – Можешь копать сама или же они могут тебя заставить. Выбирай.

Кива встревожилась еще сильнее, потому что Креста вызывающе осталась на месте, и подоспевшим надзирателям пришлось схватить ее с двух сторон.

Кость удовлетворенно усмехнулся, глядя, как Креста брыкается у них в руках, а потом обернулся к Киве:

– Ты. За мной.

Кива панически посмотрела на Кресту и поняла, что рыжая вот-вот выкинет какую-нибудь глупость – например, нападет на надзирателей, – и поэтому торопливо выдавила:

– Ничего! Я скоро вернусь!

В этом она не была так уж уверена, поскольку понятия не имела, что на уме у Кости, но будет куда хуже, если Кресту накажут вместо нее. Стоит той продолжить сопротивляться – и не хочется даже представлять, какие последствия их ждут.

Глядя Кресте в глаза, Кива молча умоляла ее сдаться, и та наконец перестала брыкаться и недовольно качнула головой в знак согласия.

Кива облегченно вздохнула, но застыла, когда Кость развернулся на каблуках и быстро пошел прочь, бросив через плечо:

– Не услышу твоих шагов за спиной, и гулять ты отправишься в покойницкую.

Креста вырвалась из рук надзирателей и от души пихнула Киву вперед, добавив:

– Кость языком не мелет, как сказал – так и будет. Беги.

– Но ты...

– Делай как велено, будь умницей, – кисло попросила Креста, вновь подпихивая Киву. – Иди.

Креста бросила на Киву последний взгляд, вопрошая, почему та еще здесь, вернулась на свое место у стены и принялась рыть. Надзиратели не спускали с нее глаз, но Кива не сомневалась, что рыжей хватит ума не нарываться. Креста и так многим рисковала, влезая поперек Кости, который получил свое прозвище за то, что имел обыкновение бессердечно ломать заключенным кости, и порой на то не было иной причины, кроме скуки.

При мысли, до чего могло бы дойти, потеряй он терпение, Киву охватила вина. Но тут она вспомнила, что он ждет ее, и поспешила следом, бросив на Кресту последний взгляд – убедиться, что та спокойно работает. Кость она догнала уже у самых лестниц. Он, кажется, почти расстроился, увидев ее, и так стиснул арбалет, будто только искал повода пустить его в ход.

Кива тревожно покосилась на оружие, и Кость ухмыльнулся, но лишь кивнул на лестницу:

– Наверх. – И добавил издевательски: – Дамы вперед.

Отчетливо ощущая, как Кость следит за каждым ее движением, Кива послушно полезла по перекладинам. Кажется, прошла вечность, прежде чем они поднялись на поверхность. В голове у нее роилось множество вопросов, но ни один из них она не смела задать.

Однако ей и не пришлось, потому что, как только она вышла вслед за Костью на полуденное солнце, то увидела, зачем он спустился за ней.

А точнее, кому она понадобилась.

Прямо у входа в здание их ждал смотритель; его темнокожее лицо осталось бесстрастным, когда он взглянул на нее – пропотевшую, запыленную.

При виде его Кива резко остановилась.

За пять недель она еще ни разу его не встречала, кроме как в день своего прибытия, а в тот раз мозг был так затуманен наркотиком, что едва запомнил их встречу. Зубастая улыбка, полная злорадства, да несколько глумливых слов, которыми он ее поприветствовал, – вот и все. Тогда она и не почувствовала почти ничего, но теперь все было иначе.

Взор затянуло алым, когда она взглянула на человека, повинного в стольких смертях.

Включая и ее отца много лет назад.

– Так ты в самом деле не подохла, – без экивоков заявил Рук.

Кива не ответила, напоминая себе, что, если она на него набросится, Кость ее схватит. Кэлдон в Речном дворце дал ей пару уроков боевых искусств, но ей ни за что не совладать одновременно с Руком и Костью – да и по отдельности тоже. Навыки ее оставляли желать лучшего, и это если не брать в расчет несколько недель недоедания и суровых условий заключения. Если она хочет заставить его за все поплатиться, нужно думать головой и выжидать.

– Должен признать, не ожидал, – продолжал Рук. – Особенно учитывая, в каком состоянии тебя привезли. Тебе удалось меня удивить.

Он посмотрел ей в глаза, и звездчатый шрам показался ей еще более зловещим, чем обычно.

– Но ты же у нас всегда выкарабкаешься, да?

Кива подняла голову, но ничего не ответила.

– Сказать нечего? – Он поднял бровь. – Какая жалость. Но я не поболтать с тобой пришел. С тех пор как ты сбежала, от тебя сплошные проблемы, Кива Меридан, – а точнее, Кива *Корентин*.

Она постаралась ничего не выдать, но краски сбежали со щек, и лицо Рука вспыхнуло торжеством.

– Вот уж чего не ожидал, – сказал он. – Хотя теперь ясно, чего ты полезла в Ордалии. Родная матушка, во дела.

Он издевался, и Кива так сжала кулаки, что ногти впились в кожу.

– Но это все ерунда, я бы не трогал тебя, если б не этот твой принц, – сказал Рук, распаяясь. – Ты знала, что он пытался сместить меня с поста зрителя? Собирался даже выдвинуть обвинение, веришь ли. Но я подчиняюсь не Эвалону – по крайней мере, не только

Эвалону. Я отвечаю перед правителями всех восьми королевств, и, если уж говорить о законах, решает большинство. В отличие от твоего принца Деверика, они-то ценят мои заслуги и понимают, что я спасаю весь Вендерол от худших отбросов общества. А уж как, это не их забота. Так все и шло, пока ко мне не прицепился твой принц.

Рук нахмурился, и Кива застыла.

– Они, может, и отказались прислушаться к обвинениям Деверика, но теперь за мной наблюдают куда плотнее, – сказал смотритель. – И мне это не с руки. Совсем не с руки.

Он подался вперед – совсем немного, но достаточно угрожающе, чтобы Кива преисполнилась самых дурных предчувствий.

– Раз уж его тут нет, чтобы прочувствовать мое недовольство, то я решил, что оно достанется тебе – тем более ты уже поправилась.

Предчувствия Кивы окрепли, когда Рук махнул рукой и из-за угла выплыли два его телохранителя.

– Мясник уже тебя заждался, Н18К442, – сообщил Рук, когда новоприбывшие подхватили Киву под руки.

Она поняла его не сразу, но, когда поняла, сердце остановилось.

Рук растянул губы в усмешке и продолжил:

– У него и комнатка особая припасена – для тебя берег.

Глава третья

Тьма.

Вот и все, что осталось Киве, – все, чем осталась Кива.

Свернувшись в комочек в углу непроглядно-черной камеры в Бездне, она пыталась найти волю к жизни, а внутренние демоны нашептывали, что нужно сдаться, что все ее ненавидят и никто никогда не простит. Что нет смысла жить.

Эти мысли одолевали ее с тех самых пор, как организм очистился от ангельской пыли несколько недель назад, но неестественная тьма Бездны усиливала их, заставляя ее сворачиваться в клубок и зажимать уши, будто это могло заглушить осуждающие голоса.

Она оказалась в персональном аду – и этот ад она сотворила своими руками.

Отчаяние одиночной камеры Киве довелось пережить лишь раз – после того, как Джарен спас ее от испытания водой. Сенсорная депривация тогда чуть не погубила ее, но благодаря предупреждению Наари Кива знала, что к финальному испытанию ее освободят.

В этот раз никаких гарантий не было. Она знала только, что красная морда Мясника загорелась предвкушением, когда телохранители Рука приволокли ее днем в изолятор – он обрадовался так, что на секундочку сердце у нее ушло в пятки: Кива испугалась, что ее утащат прямо на порку. Окровавленная плеть, кромсающая тело Джарена, до сих пор снилась ей в кошмарах. Но Мясник избавил ее от этого ужаса – у него имелись на нее другие планы и другие пытки.

– Боль уйдет, а темнота останется, – лукаво заявил он, волоча ее к Бездне, и швырнул ее внутрь, оставив один на один с ее собственными безжалостными мыслями.

Вина, горе, стыд не покидали ее ни на мгновение, пока медленно ползли секунды, потом минуты, потом часы. И все это время Кива вновь и вновь вспоминала одни и те же лица: Джарен, Наари, Типп, Кэлдон, Торелл.

Она слышала последние слова Джарена: *«Как... ты... могла?»*

Она слышала, как предупредил похолодевший Кэлдон: *«Убегай»*.

Она слышала, как обвинял ее дрожащим, полным слез голосом Типп: «Ты К-Корентин?»

А затем видела наглое лицо сестры, бледную, как луна, кожу, смеющиеся глаза цвета меда и ужасные слова, которые бесконечно вертелись у Кивы в голове: «Отлично сработано, сестренка! Без тебя у меня бы ничего не вышло».

Если Рук собирался пытаться Киву, лучше наказания, чем запереть ее с личными демонами, он бы не выдумал. Тьма лишь подпитывала их.

– Я не могу, – прошептала Кива, дрожа и раскачиваясь на месте. – Я не выдержу.

Она и не хотела выдерживать. Какой в этом смысл, если она все потеряла? У нее ничего не осталось, ничего и никого.

Пусть лучше тьма заберет ее.

Пусть лучше все закончится.

Пусть лучше придет конец.

Но затем мелькнул свет, резкий и слепящий, и послышался чей-то рык, будто кого-то швырнули к Киве в камеру, и тело рухнуло на твердый камень, а дверь снова захлопнулась.

– Сукинсын! – прошипел у ног Кивы знакомый голос, ослабевший от боли.

Киве почудилось, что она видит сон. Или что она уже на том свете.

– Креста?

– Кто ж еще? – подтвердил ворчливый голос.

На миг у Кивы все вылетело из головы, но еще один стон боли заставил ее пошарить в темноте, пока она не нашла соседку, причем при первом же касании Креста охнула и отшатнулась.

– Что они с тобой делали? – спросила Кива, двигаясь осторожнее. – Где болит?

Креста сдавленно хохотнула:

– Лучше спроси, чего они *не делали* и где *не болит*.

Кива замерла, побоявшись причинить Кресте еще больше боли.

– Это из-за того, что произошло в тоннелях? – неуверенно спросила она.

– Понимаю, сложно поверить, – съязвила Креста, – но надзиратели типа Кости не особо церемонятся с теми, кто посмел им

перечить.

Послышался шорох и приглушенная ругань. Когда Креста снова заговорила, она пыталась отдышаться, а голос раздавался совсем рядом – видимо, она ухитрилась встать.

– Стоило того. Видела бы ты их удивленные рожи!

– Это я виновата, – прошептала Кива. – Ты из-за меня здесь очутилась.

– Здесь я очутилась из-за *себя*, – отрезала Креста. – Никто не смеет силой помыкать более слабыми. Не останови ты меня, я бы с радостью им врезала. Уж поверь.

Слушая ее, Кива вспомнила спутавшиеся в голове первые дни ломки, когда Креста рассказывала о собственной семье и упомянула, что мать изо всех сил старалась «уцелеть» рядом с отцом. Подробности Киве были ни к чему – судя по всему, Кресте всю жизнь доставалось от мужчин, и сегодняшний день не стал исключением.

– Чем я могу помочь? – спросила Кива, бесполезно суетясь вокруг. Она ничего не видела: если бы не затрудненное дыхание Кресты, она бы и не догадалась, что та рядом.

– Суету прекрати, – ответила Креста. – Мясник зашвырнул меня к тебе только потому, что знал: тебя расстроит то, что он сделал со мной, а этот садист хочет тебя помучить. Но мне бывало и похуже, я скоро буду на ногах.

Она задумчиво помолчала и добавила преувеличенно безразличным тоном:

– Ну если только не хочешь ускорить процесс этой своей волшбой.

Превозмогая потрясение, Кива ответила почти обвиняющим тоном:

– Так ты все-таки знаешь, кто я такая!

Креста молчала так долго, что Кива уже прикидывала, не отрубилась ли та. Но потом Креста ответила, тщательно подбирая слова:

– Когда начался бунт, я побежала прямо в лазарет. Мне было велено беречь Тильду, без нее я бы отсюда не выбралась. Повстанцы собирались забрать меня вместе с ней. Ну, так мне говорили.

Последнюю ремарку она буркнула себе под нос, но потом вновь заговорила громче:

– Я не успела. Мальчишка – Типп – уже лежал на земле, считай, без сознания, а Тильда... – Она замолчала, будто припомнив, с кем говорит, и дальше заговорила осторожнее: – Она услышала, как я подошла, вцепилась в меня из последних сил и потянула к себе. А потом назвала твое имя.

Кива спросила онемевшими губами:

– А она... Она еще что-нибудь говорила?

– Я объяснила, что я – не ты, но она только притянула меня поближе и сказала: «Передай ей, что я ее люблю. Передай, что я прошу прощения. Передай, что я пыталась...»

У Кивы на глаза навернулись слезы.

– Пыталась что?

Креста ответила нехарактерно мягко:

– Она не успела договорить. – И быстро добавила: – Я прикинула, что пацан не жилец, так что оставила его и пошла драться – меня бесило, что со смертью королевы я лишилась шанса сбежать и что я сама не догадалась, кто ты такая. До тех пор.

– Никто не знал, – тихо откликнулась Кива. – Никто и не должен был знать.

Еще одна пауза, а потом Креста сказала:

– Ты исцелила мальчика.

Кивок – пусть даже Креста не могла увидеть.

– Но твоя мать умерла, прежде чем ты успела вылечить и ее.

Кива не ответила – молчание говорило за нее.

Креста вздохнула:

– Да уж.

Кива невесело, с болью хохотнула.

– Не говори.

По щеке скользнула слеза, и Кива шепотом призналась:

– И это еще не самое скверное.

Во тьме Бездны Кива отбросила настороженность – к чему она ей теперь? – и рассказала Кресте все остальное. Все, что она так долго удерживала внутри: как их с отцом отправили в Залиндов, как она десять лет прождала мести, как в итоге оказалась в Речном дворце с кровными врагами и вдруг обнаружила, что они ей вовсе и не враги. Потом она рассказала о том, что случилось на балу, и в довершение – как ее накачали наркотиками и вернули обратно в Залиндов.

Только теперь Креста, присвистнув, признала:

– Неудивительно, что ты такая развалина.

Кива решила, что отвечать бессмысленно. Это правда, она и была развалиной. И ее не починить.

Креста фыркнула, и Кива поняла, что последнее она произнесла вслух.

– Поверь мне, починить можно все, – твердо заявила Креста, выжившая в каменоломне. – Дышишь? Значит, еще жива, а значит, можешь исправить все, что сломала.

Кива покачала головой в темноте:

– Тут уже ничего не поправить.

– Боги, я уж и забыла, какая ты упертая, – буркнула Креста. – То есть тот придурочный тоннельщик – ну тот, которому я съездила по лицу, когда он вступился за твою девичью честь или что там еще, – он оказался твоим заклятым врагом?

– «Заклятый» звучит громковато, – слабо возразила Кива. И добавила себе под нос: – Да и «придурочный» тоже.

– Он соврал о себе, и не по мелочи, а в критически важном вопросе, так ведь? – давила Креста.

– Я ему тоже соврала, – вступилась за Джарена Кива. – И врала дольше, и бед это наделало куда больше.

Креста разочарованно хмыкнула.

– Давай-ка вместе прикинем. Он тебе соврал, но ты все равно его простила. Он воплощает в себе все, что ты поклялась ненавидеть...

– «Поклялась»? – Кива скорчила гримасу. – Я такого не говорила!

– ...и все равно, – продолжала Креста будто сквозь зубы, – ты все-таки умудрилась в него втюриться.

Кива захлопнула рот, сердце пронзила боль.

– Не кажется ли тебе, что если он любит тебя так же, как ты его, – а судя по твоим словам, все говорит именно об этом, – то может быть, *может быть*, у тебя все-таки есть шанс?

– Он меня не простит, – севшим голосом ответила Кива. – Да и какая разница, я его больше не увижу...

– Может, и не простит, – согласилась Креста, перебивая ее. – Но разве он не заслуживает, чтобы ты хоть попыталась бы добиться его прощения после всего, что натворила?

– Да что я тут могу...

– И еще Наари, – продолжала Креста, не слушая возражения Кивы. – Она мне нравилась. Для охранницы она почти ничего.

Наари была больше чем «ничего», но Кива не стала поправлять Кресту, уверенная, что рыжая просто еще раз ее перебьет.

– Что-то мне подсказывает, что злобу она затаит, но даже здесь, в Залиндове, было очевидно, что ты для нее не чужая, – сказала Креста. – Думаешь, ей бы хотелось, чтобы ты просто махнула на все рукой и сдалась? Разве ей бы понравилось, что ты бросила их разгребать твои делишки, даже не попытавшись ничего исправить?

У Кивы сдавило горло.

– Я не могу говорить за второго принца, как там его...

– Кэлдон, – тихо подсказала Кива.

– Да, он. Но кажется, он единственный знал про тебя всю правду и *все равно* остался на твоей стороне, даже после того, как твоя сестричка пырнула его двоюродного братца и умыкнула у них страну. Сдается мне, вернуть его доверие будет не особо сложно, если ты его вообще теряла.

Кива сжала губы, чтобы не дрожали.

– Ну а что до твоего брата, то понятия не имею, с чего ты решила, что подвела его, – он, вообще-то, гребаный генерал повстанцев! Уж если кто кого подвел, так это он тебя – почему он не вытащил тебя отсюда?

– Он пытался, – вставила Кива, вспомнив, как Торелл хотел вызволить ее и Тильду, но Зулика отозвала отряд.

– Лучше надо было пытаться. И быстрее, – твердо заявила Креста, и Кива вспомнила, что та тоже ждала атаки повстанцев. – Да и вообще, мог бы догадаться насчет планов вашей психованной сестрички и остановить ее, пока не стало слишком поздно. Магия смерти? Ну серьезно? – Креста неверяще фыркнула. – Любовь, конечно, слепа, но не настолько же.

– Откуда бы ему знать, что она...

– Ну, а пацан? – снова перебила ее Креста. – Ладно остальные, но за него-то ты должна бороться. У него, кроме тебя, никого нет.

Ее слова больно ранили Киву.

– Ему без меня лучше.

– Сама-то веришь в это?

– Я ему соврала.

– Да ты *всем* соврала, – равнодушно указала Креста. – Проехали. Что с того-то? Все врут. Я тебе постоянно вру, а ты все равно сидишь рядом.

Кива наморщила лоб:

– О чем ты врешь? – И добавила: – И, вообще-то, мне некуда деваться. Нас тут заперли.

– Тут уж ничего не поделаешь, – ответила Креста, проигнорировав первый вопрос. – Это не в нашей власти. А знаешь, что *в нашей*?

– Что? – Кива сама не знала, готова ли к ответу.

– Может, мы и застряли в Бездне – по крайней мере, пока что, – но только мы решаем, как это воспринимать. Можем пялиться в темноту, пока она нас не сожрет, а можем осознать, что это лишь временно, и помнить, что когда-нибудь свет вернется, – сказала Креста. – Все зависит от точки зрения.

Она умолкла на миг, потом тихо сказала:

– Кива, ты же была бойцом. Разве твои друзья не хотели бы, чтобы ты боролась – не только за себя саму, но и за них? После всего что случилось, разве ты не задолжала им хотя бы это?

У Кивы в горле встал комок, который она не смогла сглотнуть. Она чувствовала его в своем голосе, выдавливая в ответ:

– Какая разница? Я все равно никогда больше их не увижу.

– Один раз ты уже сбежала из Залиндова. Кажется, для тебя нет ничего невозможного.

– Тогда мне помогли. А в этот раз никто и не знает, что я здесь – ну, разве что Зулика с Миррин и охрана, которая меня привезла.

Креста задумчиво хмыкнула.

– Ладно, признаю, так будет посложнее. Но все равно, никогда не говори «никогда».

Зашуршала одежда, когда она пошевелилась, затем раздался стон боли, и Кива вспомнила о ранах Кресты.

Отстранив тревогу, Кива предложила:

– Прежде чем ты начнешь перечислять, почему мне следует готовиться к побегу, постой минутку спокойно, дай тебя вылечу.

Она пододвинулась, коснулась ладонями тела Кресты, закрыла глаза и воззвала к магии в крови. Кива никогда этому не училась и понятия не имела, что делает, но долгие годы сила бурлила совсем рядом, ждала ее, готовая откликнуться на любой приказ. Даже когда

Кива изо всех сил пыталась подавить дар, она все равно слышала его шепот. Только после побега из Залиндова сила начала бесконтрольно вырываться наружу, требуя внимания.

А теперь, попытавшись призвать магию, Кива удивленно поняла, что уже несколько недель ее не ощущала – с той самой ночи бала-маскарада.

Вновь открыв глаза, она не увидела ничего, кроме тьмы Бездны, и застыла, вспомнив, как Зулика колдовала свою темную магию. Внутри Кивы дремало то же самое зло. Одна мысль, и вместо исцеления она убьет Кресту.

– Что-нибудь должно происходить? – нетерпеливо спросила Креста.

– Я... – Кива сглотнула. – Дай мне минутку.

Закусив губу и не обращая внимания на то, как от тревоги на коже даже в стылой камере выступает пот, она прогнала все мысли о темных, сумрачных щупальцах магии. Ее дар был добром, он помогал людям, исцелял их. Она бы никогда не применила его во зло.

Набрав воздуха, чтобы успокоиться, Кива вновь призвала дар, и на этот раз ощутила, как он колыхнется внутри. Но едва золотой свет заплясал на пальцах, снова нахлынула паника, и свечение исчезло, оставив их в прежней темноте.

Креста ехидно заметила:

– Ну и времечко ты выбрала, чтобы разучиться.

Кива потрясенно ответила:

– Прости. Наверное... Просто устала. Магии нужна энергия, а у меня ее не слишком много в последнее время.

Так и есть, сказала себе Кива. Она измождена, недоедает и измотана эмоционально. Чем подпитываться дару? Наверное, поэтому он и молчал все это время. Если бы ее обучали, она бы, возможно, умела призвать силу даже в таких условиях, но все, что она знала о даре, она узнала сама. И в основном путем проб и ошибок при содействии большого везения.

Везение, очевидно, закончилось.

– Не переживай, – сказала Креста. – Я же говорю, со мной все более-менее, через пару дней буду как новенькая.

Киву охватила вина за неудачу – за *еще* одну неудачу. Креста так много помогала ей с возвращения в Залиндов, а она не смогла даже в

благодарность облегчить ее боль.

– Я практически слышу, о чем ты думаешь, – буркнула Креста. – Хватит. Я в норме.

– Ты ранена, – возразила Кива. – А я...

– Да ерунда. Видела бы ты, что со мной сделали после бунта. Вот тогда было так себе.

Кива поморщилась. Тогда она, допустим, не слишком любила Кресту, и не факт, что любила ее теперь, но чужие страдания никогда не доставляли ей удовольствия.

– Будь я умнее, осталась бы в лазарете, когда до меня дошло, кто ты такая, – можно было догадаться, что если ты переживешь Ордалию, то отправишься прямо к матери и пацану, – протянула Креста. – Сбежали бы вместе.

Кива попыталась представить себе это – как Креста бежит из Залиндова вместе с ней, Наари, Джареном и Типпом, – но такую картинку было сложно даже вообразить. Однако от вопроса она не удержалась:

– Все это время ты ждала, пока повстанцы тебя освободят?

– Да толку-то с того, – буркнула Креста.

– А как ты... В смысле... Я все думаю... – снова попыталась Кива. – Как ты попала в повстанцы?

– Вставай.

Кива вздрогнула:

– Что?

– Хочешь получить ответ, так заслужи его. Поднимай булки.

Кива свела брови:

– Я не...

– Мама всегда говорила: когда плохо, нет средства лучше, чем движение. Посиди долго не двигаясь, и проблемы совсем одолеют. У тебя проблем навалом, и они слишком давят. Я уже говорила: надо вернуть тебе силу духа. Вот сейчас этим и займемся.

– Но я...

– Зад поднимай, лекарь.

– И дальше что? – огрызнулась Кива. – Не то чтобы мне было, куда идти. Мы с тобой вдвоем в эту камеру еле помещаемся.

– Что я говорила про восприятие? В замкнутом пространстве кучу всего можно переделать. Ты вот рассказывала, как тренировалась с

этим своим принцем... с братом...

– С Кэлдоном, – снова напомнила Кива.

– Бег выкидываем, а большая часть остальных упражнений была на силу, равновесие и выносливость, и везде надо просто повторять определенные движения.

Кива нахмурилась:

– Да, но...

– Вот их ты сейчас и будешь делать. Пока мы тут заперты, будешь шевелиться и тренироваться. Разгонишь кровь, прочистишь мысли, – заявила Креста. – И может быть, как отвлечешься от ненависти к себе, поймешь наконец, что у тебя, вообще-то, есть повод жить – и еще что есть люди, которым тоже хочется, чтобы ты выжила, пусть ты в это и не веришь.

У Кивы защипало в глазах.

– Зачем тебе это? – прошептала она в темноту. – Почему тебе не все равно?

– Когда тебя принесли, было все равно, – прямо ответила Креста. – Но ты прилипчивая, как сыпь, подцепил – не избавишься.

Кива невольно фыркнула от смеха.

Креста вновь посерьезнела и тихо добавила:

– Все заслуживают, чтобы за них боролись, даже когда – особенно когда – ты сам за себя бороться не в состоянии. Когда-то ты тоже так сделала. Боролась за меня, спасла мне жизнь, и с тех пор я каждый день тебя ненавидела, потому что мне приходилось делать то же самое: бороться, каждый день бороться, день за днем. А это *нелегко*. Трудно, мучительно, *больно*. Но потом я поняла, что это тоже часть жизни, и когда-нибудь все окупится. Пришлось в это поверить – за себя и за тебя.

И она закончила громче и тверже:

– Так что поднимай зад, лекарь. Пора тренироваться.

Киву охватила буря эмоций: огорчение, гнев, раздражение, но вместе с тем и проблеск чувства, которого она не испытывала уже очень давно – надежды.

Креста была права: ради близких Кива обязана встать, держаться, *сражаться*. Она не представляла, как все исправить, и не знала, будет ли у нее вообще возможность, учитывая, что она сидит в тюрьме, но,

если есть хоть малейший шанс заслужить их прощение, она должна постараться. Ради них – и ради себя.

Так что она поднялась на ноги.

А потом под понукания Кресты Кива принялась выполнять упражнения, которые Кэлдон каждое утро вбивал в нее в Речном дворце. Ящика, на который нужно вставать, у нее не было, так что вместо этого она приседала, пока не начали гореть бедра. Пробежаться вокруг казарм она не могла, и потому трусила на месте, пока не завопили легкие. Тренировочного меча не имелось, но она все равно припомнила и повторила все выпады и блоки, пока по лицу не покатился пот.

Креста сдержала обещание и все это время рассказывала о себе.

– Я уже говорила, что мне было десять, когда сестра свалилась с передозом, – сказала она, пока Кива стояла на одной ноге, высоко задрав руки. – Через год батя вышел из себя, как никогда раньше, и начал вымещать злобу на мне. Но сестра вмешалась, попыталась его остановить, бросилась мне на защиту с неожиданной для него яростью. Он... Она... Они...

Креста умолкла. А когда заговорила вновь, голос был жестким и спокойным:

– За одну ночь я потеряла всех, кроме матери. А мне было всего одиннадцать. Мы остались одни, перепуганные, из имущества – только одежда на нас. Я до сих пор не представляю, как мы пережили те первые пару недель.

Кива не могла вздохнуть, слыша, какая боль скрывается за каждым словом. Чувствуя эту боль. Правая нога задрожала, так что она опустила ее на землю и подняла другую, снова подняла руки и замерла.

– После этого мы долго жили чужой милостью – бродили от деревни к деревне, выбирались из Мирравена на юг и наконец незаконно перешли границу Эвалона.

Кива так удивилась, что переспросила:

– Так ты из Мирравена?

– Когда-то там жила.

– У тебя нет акцента.

– Когда мы перешли границу, нам не хотелось выделяться, – ответила Креста. – Спрятать от других то, что не хочешь показывать,

просто. Уж тебе ли не знать.

Признав ее правоту, Кива снова сменила ногу.

– Несколько лет мы бесцельно бродили, нигде не оставаясь надолго. У матери не было плана, она просто пыталась выжить, уберечь нас обеих. Но потом, когда мне было шестнадцать, она заболела. Легочная гниль. Она быстро разрослась, и скоро мама уже с трудом дышала и кашляла кровью.

Кива поморщилась. Легочная гниль была ужасной болезнью, и от нее мало что помогало. Больные обычно умирали за несколько недель, а иногда и за считанные дни.

– Едва оказавшись в Эвалоне, мы сразу услышали, что некая наследница Корентинов встала во главе повстанцев, – продолжала Креста. – Нам не было дела до старой свары между Сараной и Торвином, как и до того, кто сидит на троне Эвалона. Проблемы чужого престола нас не касались, так что мы держались подальше от любых сторонников что Валлентисов, что Корентинов, ни с кем не водили дружбы, жили сами по себе. Но когда болезнь приковала маму к постели, деревенский лекарь вскользь упомянул магию Тильды Корентин – жаль, сказал он, что повстанцы не набирают солдат неподалеку.

Кива припомнила слова Торелла о первых годах правления Тильды, о том, как она с помощью дара исцеляла всех, кто нуждался в помощи. Лишь потом она начала требовать, чтобы они заслужили исцеление, чтобы они доказали верность делу повстанцев, прежде чем получить лечение. Если тогда Кресте было шестнадцать, значит, все происходило лет пять назад – видимо, тогда Тильда еще лечила людей.

– Я понимала, что шансы малы, но кроме мамы, у меня никого в мире не было, и ради нее я готова была на что угодно, – сказала Креста. – Так что я оставила ее на попечение лекаря и отправилась на поиски Мятужной королевы.

Кива пошатнулась и лишь через несколько секунд смогла восстановить равновесие.

– Нашла ее?

– Нет, – ровно ответила Креста. – Я нашла достаточно зацепок, чтобы подобраться к самому лагерю, но потом ошиблась и спросила не того человека, куда идти. Он оказался королевским стражником под

прикрытием и арестовал меня по обвинению в государственной измене.

Голос у нее охрип.

– Прямо перед тем, как меня посадили в тюремную повозку, принесли сообщение от маминого лекаря – он сказал, что она умерла. Я с ней даже не попрощалась.

Кива поставила ногу на землю, опустила руки.

– Креста... – она умолкла, не представляя, что сказать.

– Никогда не думала, с чего я решила убить себя, когда меня только привезли? – спросила Креста.

Конечно, Кива думала об этом. Но даже не полагала, что...

– Не тебе одной казалось, что ты потеряла все, – тихо сказала Креста. Но потом продолжила уже громче: – Я уже говорила: я всерьез ненавидела тебя за то, что ты меня спасла. Каждый раз, когда ты попадалась мне на глаза, я вспоминала, что ты лишила меня выбора. В отместку я приложила все усилия, чтобы сделать твою жизнь неприятной.

«Неприятная», – это мягко сказано, решила Кива.

– Но потом я поняла, что тебя надо благодарить за то, что ты сделала. И я очень благодарна. Жизнь стоит того, чтобы жить, даже если иногда хочется умереть. Вот чему меня научили последние пять лет.

Она помедлила, сомневаясь, потом добавила:

– Я знаю, что раньше этого не говорила, но спасибо тебе. Без тебя меня бы здесь не было.

Пытаясь обуздать эмоции, Кива ответила:

– Пожалуйста. Но мы же обе понимаем, что и я могу сказать то же самое. Без тебя я не пережила бы ломку. И после ни дня бы не выжила.

– Мне казалось, ты и не собиралась выживать? – выразительно спросила Креста.

Кива фыркнула, то ли раздраженно, то ли смешливо.

– Так уж вышло, что я сблизилась с одной самодовольной девчонкой с каменоломни, которой, кажется, вздумалось, что мне следует еще немножко покоптить небо. Надо, говорит, возместить ущерб, заслужить прощение.

– Она дело говорит, – признала Креста. – Ты бы прислушалась.

В этот раз в Киве победил смех. Потянув усталые мышцы, она заметила:

– Я так и не поняла, как ты в повстанцах-то оказалась.

– Как бы со стороны это ни выглядело, одной из них я так и не стала, просто работала на них. Типа того, – ответила Креста. – Тут один охранник – из их братии, он меня и завербовал, сказал, что закроет глаза на самые громкие мои выходки, если я буду докладывать про...

Креста резко умолкла.

– Боги, поверить не могу, что до меня так и не дошло!

– Что?

– В мои задачи входило вербовать заключенных и устраивать беспорядки, но еще мне полагалось шпионить, особенно за *тобой*. Я думала, это потому, что ты загадочная подружка надзирателя и им хотелось поближе наблюдать и за тобой, и за ним. А теперь понимаю, что это, наверное, приказали твои родные – хотели за тобой присматривать.

Кива подумала о том, как за эти десять лет в заключении она лишь время от времени получала зашифрованные записки, из которых и узнавала хоть что-нибудь о жизни мамы, брата и сестры, и сама посылала наружу лишь кратенькие сообщения с новостями. Она не знала, что и чувствовать, услышав, что они через других заключенных приглядывали за ней. Но отодвинула это в сторону и спросила:

– Ты говорила, что тебе нет дела до вражды между моей семьей и... И семьей Джарена. – На его имени Кива чуть запнулась. – Наверное, я просто недопоняла, зачем ты согласилась с ними работать. Особенно учитывая... Ну, что это из-за них ты тут оказалась – косвенно. Разве ты на них не злилась?

– Я на всех злилась. Ты же знаешь.

– Тогда зачем...

– Они предложили сделку, – ответила Креста. – Если я навербую достаточно заключенных, повстанцы придут и освободят нас. До их восстания мне никогда дела не было – я всерьез говорила, что стараюсь держаться подальше от королевских делишек. Корентины, Валлентисы – не мои проблемы, кто правит Эвалоном. Но я увидела шанс на свободу и воспользовалась им.

Кива обдумала ее слова и поняла, что большинство на месте Кресты поступили бы так же. Ничего удивительного, что ей было так важно, чтобы Кива помогла Тильде выжить – ведь тогда повстанцы наконец освободили бы Тильду и заодно и их всех.

В голове у Кивы закрутились колесики, и она спросила:

– А что с тем охранником? Может, он помог бы передать весточку...

– Умер, – равнодушно ответила Креста. – Стоял в карауле на вышке, когда та взорвалась.

Кива поморщилась:

– И кому ты теперь докладываешь?

– Никому, – зевнула Креста. – Если я все правильно поняла, моим повстанческим денькам пришел конец. Тем более после всего, что ты рассказала про свою сестру. Правда думаешь, что я совсем чокнутая, что полезу в *такое*? Нет, спасибочки.

– Она огорчится, – пробормотала Кива, вспоминая слова Зулики о Кресте: *«Она очень помогает нашему делу даже в стенах тюрьмы»*.

Кива позлорадствовала, что Креста никогда не была по-настоящему предана повстанцам, а работала с ними только из корысти, пытаясь уберечь себя.

– Жизнь полна огорчений, – снова зевнула Креста, на этот раз погромче. – К тому же мне что-то не хочется болтаться рядом с человеком, который силой мысли сердца останавливает.

Повисла неловкая, натянутая тишина, а потом рыжая откашлялась и заявила:

– Присутствующие не в счет.

Не позволив страху завладеть собой, Кива прыснула от смеха и сама удивилась, насколько легче ей стало после долгого периода беспробудности. И тут Креста рассмеялась вместе с ней – голова кругом шла от изнеможения и боли, и еще оттого, что бывшие враги теперь оказались заперты вместе в тесной темной клетке и искренне делились болезненным прошлым.

Лишь отсмеявшись, Кива вновь услышала, как зевает Креста, и откликнулась:

– Поздно уже. Давай спать, сон лечит.

– А тебе надо отдохнуть, чтобы завтра продолжить тренировки, – ответила Креста, поддразнивая Киву.

Но та ответила только:

– Знаю.

Потому что в ней что-то изменилось, зажглась вновь некая искорка. Тьма внутри отравила ей целые недели, но теперь наконец забрезжил свет, пусть даже всего лишь огонек вдалеке. До него еще придется дотянуться, побороться. Но, как она уже выяснила, половина битвы – это собрать волю в кулак и попытаться.

Так что, свернувшись на холодном полу и закрыв глаза, Кива не стала перебирать в уме, что и кого потеряла, а вспоминала их лица – Джарена, Наари, Кэлдона, Типпа, Торелла – и думала о том, как сильно их любит.

За них стоит драться.

За них стоит жить.

И пусть даже непонятно как, она найдет способ заслужить их прощение.

Потому что они это заслужили – и она тоже.

Глава четвертая

Ни Кива, ни Креста не могли отследить, сколько времени они вместе пробыли взаперти в Бездне. Шли дни, Креста успела полностью выздороветь и начала тренироваться вместе с Кивой, и в темноте они нередко сталкивались и спотыкались друг об друга.

Они пытались замерять время по еде – ее приносили дважды в день, насколько они поняли, и это было больше, чем давали Киве во время Ордалий, но все равно меньше, чем им требовалось, особенно с такими интенсивными тренировками. Кива была постоянно голодна, но считала, что это хороший знак, потому что до этого она неделями жила без аппетита, слишком погрузившись в свое горе. Мама Кресты оказалась права: чем больше Кива тренировалась, тем лучше себя чувствовала, и физически, и психически. Ей почти понравилось сидеть взаперти с Крестой, чья язвительность держала ее в тонусе и заставляла трудиться до предела и еще больше.

А потом, примерно через десять дней после их заключения дверь в камеру открылась.

– Наружу, – грубо приказал Мясник.

Кива как раз закончила усердно приседать и отдыхала у стены, пытаясь восстановить дыхание, но, услышав резкий приказ, торопливо выпрямилась. Сердце у нее ушло в пятки.

– Быстро! – нетерпеливо велел он.

Кива с трудом поднялась на ноги и вслед за Крестой вышла наружу; обе прикрывали глаза от слепящих люминиевых фонарей – слишком долго они просидели в темноте.

– Не ты. – Мясник схватил Кресту за плечо и пихнул ее назад. – Тебя не звали.

Он снова захлопнул тяжелую каменную дверь, оставив Кресту в камере, а Киву в одиночестве.

– Шевелись, – велел он, подталкивая ее вперед. Наморщил нос и отошел подальше. – Боги, ну и вонища.

При других обстоятельствах Кива сгорела бы со стыда, но теперь радовалась, что десять дней без возможности помыться заставляют Мясника держаться от нее на расстоянии.

– Некогда тебя отмывать, – продолжал он. – Придется им потерпеть твой запашок.

«Кому – им?» – хотелось спросить Киве. Но, заметив, как его рука сжалась на плети, она мудро промолчала.

Мясник повел ее вверх по каменным лестницам, по сумрачным коридорам изолятора, и наконец они вышли наружу. Пока Кива сидела в Бездне, весна сменилась летом, и солнечный свет был так ярок, что пришлось смаргивать слезы, когда Мясник вытолкнул ее наружу.

– Давай шевелись.

Кива спотыкалась, пока глаза привыкали к яркому свету. Ей ужасно хотелось узнать, куда они идут, но потом стало страшно: Мясник провел ее через всю территорию, мимо спуска в тоннели, прямо к воротам. Над южной стеной располагались личные покои зрителя – неужели это он ее вызвал? Неужели ее вытащили из Бездны лишь ради новой пытки?

Кива задрала подбородок и решила, что вынесет все, что ей уготовано. Если время, проведенное в Бездне, чему и научило ее – если *Креста* чему-то ее научила, – то тому, что многое зависит от отношения. У Рука было ровно столько власти, сколько она ему давала. Он мог сломить ее тело, но не дух. Только если она ему это позволит.

Несколько недель она поддавалась тьме Залиндова, да так, что хотелось умереть, лишь бы не чувствовать боли от собственных ошибок. И хоть она никуда не делась – и не денется, пока не выпадет шанса попытаться исправить положение, – эта боль больше не владела ею.

Она пережила это и переживет что угодно – и не потому, что в обратном случае *Креста* ей навалит.

Собираясь с духом, Кива пошла за Мясником дальше, в караулку охраны, к железным воротам в высоких известняковых стенах. Она впервые подошла так близко к внешнему миру с тех пор, как ее привезли сюда почти семь недель назад. Добавить еще полмесяца пути из Валлени, и выходит, что Кива пропала больше двух месяцев назад. Внутри все сжалось при мысли о том, что могло произойти за это время, но она торопливо задушила этот страх, потому что понимала, что ничего не может с этим поделать – пока что.

– Жди тут, – велел Мясник, остановившись прямо перед воротами.

Кива нахмурилась и удивилась еще сильнее, когда он вошел в сторожевую башню, нависающую над въездом в тюрьму.

Ее подмывало сбежать, но она знала, что это плохая идея. Прятаться было негде, а если охране придется ее искать, последствия ей не понравятся. Но в голове все равно бурлили вопросы – и их стало еще больше, когда она выглянула за ворота и увидела там четверку темных лошадей, запряженных в черную карету. Она была полностью закрыта, отделана полированным серебром, а окна прикрывали тяжелые занавеси. На передке сидели двое: они были одеты примерно так же, как охрана Залиндова, только кожаная броня на них была серой, а не черной. Один из них держал поводья.

Кива подалась вперед, чтобы разглядеть получше, но отскочила назад, когда из башни высыпала небольшая группа надзирателей и направилась к ней. Впереди шел смотритель – выражение лица у него было такое, что Кива попятилась еще, – а рядом шагал Мясник. Но внимание Кивы было приковано к трем незнакомцам в серой коже – двум мужчинам и женщине, которые с интересом разглядывали ее.

В их взглядах не было ничего непристойного, и лишь поэтому Кива смогла выдержать этот осмотр. В их глазах читалось скорее любопытство – и еще отвращение, все-таки выглядела она неважно.

– Переодеть в чистое ее не могли? – спросила женщина, чьи каштановые волосы были стянуты в строгий пучок. Услышав ее акцент, Кива охнула и вновь осмотрела доспехи – она их узнала, и внутри у нее все оборвалось.

Женщина была мирравенкой. А броня у нее – да у них всех – была такая же, как та, в которую были облачены бойцы мирравенского отряда, похитившего Киву, чтобы шантажировать Джарена, – те самые мирравенские солдаты короля Навока, который заключил с повстанцами союз в обмен на их помощь при вторжении в Эвалон. Именно эту сделку заключила мать Кивы, чтобы оказаться в Залиндове, и по условиям этой же сделки Зулика должна была выйти за Навока, скрепив союз двух королевств браком.

Тревожно разглядывая одетую в серое группу, Кива задалась вопросом, не следовало ли все-таки убежать и спрятаться, и плевать на последствия.

– Ты велела привести ее, – ответил Рук, играя желваками на скулах. – В каком состоянии, не уточняла.

Женщина бросила на него сердитый взгляд, но один из ее спутников, тот, что повыше, прервал ее, сказав с таким же сильным акцентом:

– Да неважно. Переоденем по пути.

Кива мысленно повторила его слова, пытаясь их осознать. Звучало так, будто...

Да нет. Наверняка слышалось.

– Вы же понимаете, что если заберете ее, то навлечете на себя гнев новых королей Эвалона, – с угрозой сказал Рук. – Вряд ли им придется по нраву, что вы освободили одну из самых ценных их пленниц.

Кива уставилась на него, потом обернулась на солдат в сером, не смея надеяться. Они правда заберут ее из Залиндова? Неужели свобода так близко?

– Королева Зулика лично отдала приказ, – сказала женщина, все еще хмуро взирая на Рука. – Кива Корентин должна присутствовать на королевской свадьбе. Приказ вы получили – вам велено передать ее под нашу ответственность. Незамедлительно.

Королевская свадьба. Кива не могла поверить своим ушам: Зулика в самом деле на это согласилась. Выйти замуж за Навока, за человека, которого, насколько Кива знала, она никогда не видела. Новый король Мирравена слыл человеком коварным, проицательным и невероятно жестоким – настолько, что убил собственного отца, чтобы занять трон. Как Зулика могла согласиться на мамину сделку, особенно если от нее требовалось связать себя с таким вот человеком? И что более существенно, зачем допускать на свадьбу Киву? Неужели за прошедшие два месяца совесть разыгралась, и теперь Зулика хочет извиниться? Или Торелл узнал, куда сослали Киву, и потребовал ее освободить? Или у этого великодушия имеется какая-то еще причина?

Узнать было неоткуда, равно как и выяснить, почему за ней явились мирравенские солдаты, а не эвалонские.

Все это очень ей не нравилось, но если это значит покинуть Залиндов, обрести свободу...

Глупо было бы не воспользоваться таким шансом. Так она оказывалась еще на шаг ближе к друзьям – и к тому, чтобы заслужить их прощение.

Не веря собственному счастью, она обернулась к зрителю. Он так скрежетал зубами, что слышали все вокруг, но коротко кивнул ей, обозначая свое неохотное согласие. Темные глаза полыхали пламенем, когда он встретил взгляд Кивы и заявил:

– Ты вернешься. И я буду ждать.

Затем он махнул охране у ворот, молча приказывая не вмешиваться, развернулся и медленно ушел.

Мясник двинулся за ним, но перед этим ухмыльнулся Киве через плечо и сообщил:

– Попрощаюсь за тебя с подружкой.

«Креста».

Кива бросила взгляд в сторону изолятора, хоть его отсюда и не было видно. После всего что сделала Креста, Киве претила сама мысль бросить ее, но она ничего не могла поделать: три мирравенских солдата вывели ее из ворот к карете.

– У меня там подруга... – начала Кива.

– Молчать! – отрезала женщина.

– Но она...

– Замолчи, или отрежу язык.

Кива похолодела, осознав, что мирравенка не блефует. У нее при себе имелось немало оружия, а двигалась она с уверенностью, говорящей о том, что пользоваться этим оружием она умеет. Каким бы приказам она ни следовала, среди них явно не говорилось «будь помягче».

Может, Зулика вовсе и не смягчилась – да Кива и не поверила бы, заяви сестра такое при встрече.

Пока ее сажали в карету, Кива обернулась в последний раз и не смогла понять, что ощутила при этом. В основном облегчение от неожиданной свободы, тревогу из-за новых тюремщиков и печаль из-за того, что пришлось бросить Кресту.

Облегчение было сильнее всего, но печаль не отступала.

«Я вернусь за тобой, – мысленно поклялась она. – Обещаю».

А потом дверь кареты закрыли на замок, и она осталась сидеть в свете люминия напротив высокого солдата, а женщина и второй мужчина поехали верхом впереди кареты, увозя Киву из Залиндова.

Увозя ее навстречу свободе.

Глава пятая

Едва они проехали сквозь густой Чернодревный лес, как Кива поняла, что они едут на север, а не на юг. Это объясняло, почему за ней приехали мирравенцы: вероятно, свадьба планировалась в замке Навока в Задрии, а не в Речном дворце Валлении.

Это открытие расстроило и встревожило Киву, потому что с каждой милей она удалялась от друзей.

В голове роилось множество мыслей, пока они ехали в дикое северное королевство. Зулика уже с Навоком? Когда свадьба? А потом Киву отправят обратно в Залиндов? И если да, то как сбежать и вернуться в Валлению в одиночку?

Она слишком многого не знала, и все эти вопросы занимали ее разум, пока ландшафт менялся с пышных горных лесов Эвалона на скалистые пустоши Мирравена, и чем дальше они ехали, тем сильнее преобладали эти серые каменистые равнины. Теплой встречи от этого королевства явно ждать не стоило, но Кива подбадривала себя мыслью о том, что по мере приближения к столице она приближается и к шансу на побег.

Чтобы не сойти с ума, она старалась делать упражнения, к которым они с Крестой приучили себя в Бездне, каждый раз, когда они останавливались переночевать – обычно они разбивали лагерь у дороги или ночевали в какой-нибудь таверне в одной из унылых деревушек по пути. Энергичные движения помогали держать мысли в узде и бороться с тьмой, которая одолела ее в первые дни в Залиндове. Если она вновь погрузится в эту всепоглощающую беспомощность, не станет лучше ни ей, ни кому-то еще. А учитывая, что мирравенцы кормили ее как на убой («Да ты ж совсем кожа да кости», – буркнула ей мирравенка), Кива потихоньку восстанавливала форму, которую потеряла, покинув Речной дворец. Ей еще было над чем работать, но она очень старалась окрепнуть и физически, и психически, чтобы быть готовой к грядущему.

Пока они ехали на север, Кива припоминала, что ей известно о Задрии и королевской семье Килдарион. Она уже знала, что от короля Навока лучше держаться подальше, но его сестра, принцесса

Серафина, считалась его полной противоположностью, воплощением доброты. А впрочем, она ведь любила Миррин, и одного этого хватило бы, чтобы Кива усомнилась насчет ее характера.

Кроме брата и сестры, из этой семьи она мало о ком слышала. Их отец, Арракис, умер трудами Навока, а мать будто бы сбежала несколько лет назад, бросив двоих детей, – и ходили слухи, что она не успела выбежать даже за пределы дворцовой ограды, как Арракис выследил ее и убил. Кроме этих скудных сведений, у Кивы ничего не было. О самой Задрии она тоже практически ничего не знала: слышала только, что это столица Мирравена, расположена она в центре страны и отрезана от моря. Ей было не по себе, но все равно разбирало любопытство глянуть, как выживает город посреди этой каменистой пустоши.

Спустя дюжину дней малоприятного путешествия они наконец добрались до Задрии, и растрескавшаяся бесплодная земля начала полого подниматься. Не скрывая любопытства, Кива распахнула занавески кареты и уставилась на вид, который расстилался перед ней.

Город был построен на открытом всем ветрам сером горном склоне. Деревьев не было – только скалы да валуны, насколько хватало глаз. Солнце уже ушло за горизонт, так что темные здания, спиралью уходящие к самому верху горы, освещали фонари. На вершине пристроился замок из почерневшего камня – не дворец, а крепость.

Киве стало не по себе, когда они добрались до укрепленных стен города – и по толщине, и по высоте они раза в три превосходили известняковые стены Залиндова. Ворота не имелось – входом служила часть самой стены, которая медленно открылась перед ними громадной каменной дверью, когда стража впустила их внутрь.

Карета застучала по неровной брусчатке улочек, поднимаясь к нависающему замку, и Киву пробрало до мурашек. Она попыталась посмотреть в окошко, но в темноте мало что получалось разглядеть, здания сливались воедино, а горожане, которым хватило отваги выйти на пронизывающий холод, накидывали капюшоны плотных плащей. Если в Мирравене таким было лето, Киве и представлять не хотелось, какими кошмарными были зимние месяцы. Она провела руками по дорожной одежде, которую ей выдали вскоре после отъезда из Залиндова – темно-зеленая рубашка с поясом, коричневые штаны и пара теплых сапог, – и ощутила благодарность за то, что ее стражи,

суровые и немногословные, все-таки давали ей каждую ночь теплое одеяло. Вообще говоря, они хорошо о ней заботились – уж куда лучше, чем все, с кем она столкнулась в Залиндове.

Кива вспомнила о Кресте, все еще запертой в тюрьме, и сердце сжалось, но она сказала себе, что если Креста продержалась в каменоломне пять долгих лет, то и еще немного протянет. Хотелось думать, что после проведенных вместе дней Креста будет верить, что Кива за ней вернется, что Креста понимает, скольким Кива ей обязана и что она непременно вернет этот долг, как только подвернется возможность.

Когда карета добралась до верхней точки города и замедлила ход, Кива выбросила рыжую из головы и насторожилась. Она торопливо прикинула, не стоит ли выпрыгнуть и убежать – все лучше, чем встречаться с сестрой и будущим зятем, – но одного взгляда на бдительную мирравенку напротив хватило, чтобы понять, что ничего не выйдет.

Когда они пересекли каменный подъемный мост – и как только местные ухитрились выкопать ров в горе? – Кива собралась с духом и постаралась, как могла, успокоить дыхание. Что бы сестра ни заявила в свою защиту, ее поступков ничем не извинить. Кива не собиралась ни сдаваться, ни прощать. По крайней мере, пока Зулика не вернет краденую корону. А этого, как Кива уже поняла, не произойдет.

Миновав двое железных ворот, карета наконец стала замедлять ход у подножия гранитной лестницы, что вела ко входу в замок. Наверху кто-то стоял, но яркий люминиевый свет освещал его со спины, и лица было не разглядеть. Однако силуэт был женский, и на мгновение у Кивы перехватило дыхание, но потом они подъехали ближе, и она увидела, что это не ее сестра, так что сердце вновь унялось.

«Я не готова», – подумала Кива, не представляя, где найти силы встретиться с Зуликой после всего, что та натворила.

Предательство.

Смертельная магия.

Ангельская пыль.

Заключение.

Слишком много всего.

«А выбора-то все равно нет», – поняла Кива, собираясь с духом; стражница отперла дверь кареты и выпихнула Киву на мороз.

Кива скатилась по ступенькам и метнула на мирравенку гневный взгляд, но та, не обратив внимания, махнула солдатам на облучке и остальным, кто сопровождал их верхом. После быстрого обмена кивками мирравенцы отправились дальше в замковый двор – очевидно, в поисках конюшни и казарм.

Теперь, вблизи, Кива заметила, что земля вокруг была удивительно плоской, будто какое-то древнее божество срезал мечом верхушку горы, создав место для замка с обширным двором, который короной возвышался над городом. Если бы не всеобъемлющий ужас, Кива с радостью и восторгом все бы здесь осмотрела. Но вместо этого ее прошибло холодным потом, несмотря на стужу, и тревога лишь возросла, когда стражница подтолкнула ее к лестнице.

У женщины, которая вышла их встречать, были седые волосы, собранные в низкий пучок, и много морщин. Одета она была в черное платье с кроваво-красным передником на талии, а выражение лица говорило, что у нее еще куча дел поважнее.

Кива шагнула вперед – частично потому, что стражница опять подтолкнула ее, – и сказала:

– Эм, здравствуйте, я Кива Мер... э-э-э, Корентин. Моя сестра...

– Я мадам Мерит, экономка, – перебила седая дама. У нее был легкий акцент, говорила она четко и строго. – Добро пожаловать в замок Блэкмаунт.

Тон у мадам Мерит был вовсе не гостеприимный, в отличие от слов.

– Спасибо, – запинаясь, ответила Кива. – Не могли бы вы подсказать...

– Если изволите проследовать за мной, – вновь прервала ее мадам Мерит, – мы приведем вас в порядок перед аудиенцией у Его Величества. Вы, несомненно, устали в дороге, но у него плотный график и он желает встретить вас перед тем, как отойти ко сну.

При мысли о том, чтобы вот так сразу встретиться с королем Навоком, у Кивы застыла кровь в жилах. Как минимум она надеялась сначала поговорить с сестрой.

– Простите, а Зулика...

– Сюда, пожалуйста, – перебила ее мадам Мерит, развернулась и стремительно пошла по лестнице в замок.

Примерзнув к месту, Кива смотрела ей вслед, пока стражница не сказала:

– Покидать замок без сопровождения тебе запрещено – пристрелят, не успеешь шагнуть на мост. Выходит, варианта у тебя два: можешь пойти с Мерит сама или я тебя потащу.

Раздраженно взглянув на нее, Кива поспешила вслед за экономкой и заметила, что стражница осталась на месте. Видимо, угроза насчет моста была не шуткой, раз нянька Киве больше не требовалась. С тем же успехом можно было остаться в Залиндове: здесь она оказалась такой же пленницей.

Упав духом, Кива быстро догнала мадам Мерит и торопливо зашагала следом по темным коридорам замка. Речной дворец Валлентисов был полон света, белого мрамора и золота, а в Блэкмаунте любили обсидиан и инкрустации из серебристого люминия, создающие жутковатый эффект, особенно в сочетании с доспехами, алыми гобеленами и ковровыми дорожками. Было очень красиво, но такая обстановка давила и вызывала тревогу.

Вслед за мадам Мерит Кива поднялась по черным лестницам с серебряными перилами, прошла по коридорам, где на стенах висели картины с жестокими батальными сценами. Когда они наконец остановились перед резной дверью, Кива уже обнимала себя за плечи, а зловещая атмосфера вокруг просачивалась в самое сердце.

Экономка открыла дверь и пригласила Киву внутрь – там обнаружилась роскошная спальня в черно-красных тонах с серебряной отделкой, в тон всему, что Кива уже успела увидеть. У одной стены стояла большая кровать с горой подушек, с потолка в центре свисала люминиевая люстра, гостеприимно освещавшая мрачную комнату. Балкона не было, но тяжелые алые портьеры закрывали три внушительных окна. Кива надеялась, что из них открывается вид на столицу, и ей не терпелось проверить – но позже.

Сейчас всем ее вниманием завладела встретившая их в комнате девушка с косой, уложенной вокруг головы и спускающейся на плечо; волосы были очень светлые, практически белые, а глаза такие светло-голубые, что казались серебряными. Она была одета примерно так же,

как мадам Мерит: черное платье, в этот раз со шнуровкой под грудью, и кроваво-красный передник на поясе.

– Леди Корентин. – Девушка поприветствовала ее с сильным мирравенским акцентом и присела в поклоне. – Для меня честь служить вам.

Кива едва не подпрыгнула, услышав титул.

– Это Бринн, ваша горничная, – сказала мадам Мерит. – Она будет вам прислуживать.

Экономка обернулась к девушке и приказала:

– Подготовь ее к встрече с королем, а потом проводи в зал для аудиенций на первом этаже.

Бринн вновь присела в реверансе:

– Как пожелаете, мадам.

Не добавив ни слова, строгая немолодая дама широким шагом вышла за дверь и закрыла ее за собой.

Киве как-то сразу полегчало, но тут подошла Бринн, и пришлось вновь собираться.

– Идемте, госпожа, – позвала горничная, мягко коснувшись руки Кивы, и повела ее в другую дверь сбоку. – Лучше не томить короля ожиданием.

Кива покорно пошла за ней.

– Пожалуйста, зови меня Кива. Я никакая не госпожа. И уж точно не леди Корентин.

Бринн захлопала глазами, на лице мелькнуло удивление.

– Прошу прощения, госпожа, но вы член королевской семьи.

– Нет, – торопливо возразила Кива, когда они вошли в пышную ванную комнату, где уже исходила паром темная ванна на когтистых лапах. – Мой предок когда-то давно к ней принадлежал, но совершенно справедливо потерял этот титул, когда перестал служить народу и стал ему вредить.

Горничная удивилась еще сильнее.

– Но ваша сестра – королева...

– Она захватила то, на что у нас уже нет никакого права, – прервала ее Кива. И добавила, поникнув: – История долгая и вспоминать ее заново совсем не хочется. Так что, пожалуйста, давай просто... Если ты не против, правда, лучше зови меня Кива.

Бринн одарила Киву долгим взглядом серебристых глаз – более долгим, чем, как показалось Киве, дозволяется послушным служанкам, особенно в местах вроде Блэкмаунта, – но потом ее лицо как-то необычно озарилось смесью изумления, уважения... и изрядной доли любопытства.

– Хорошо, Кива, – отозвалась Бринн, и Кива слабо улыбнулась в ответ впервые за двенадцать дней с тех пор, как рассталась с Крестой. – А теперь все-таки раздевайтесь и полезайте в ванну.

Лишь спустя пару минут, когда горячая вода в ванне принесла облегчение измученному с дороги телу, Кива осмелилась спросить:

– Я сегодня увижусь с сестрой? До короля? Я бы хотела... Было бы неплохо сначала поговорить с ней. – И добавила быстро: – Нет, вот что: ты не знаешь, мой брат здесь? Торелл?

А знал ли он вообще, где Кива – и где она находилась до этого?

Бринн перестала оттирать Киве ногти.

– Мне приказано не отвечать на вопросы, пока Навок с вами не поговорит.

Кива повторила, подняв брови:

– Навок?

– Король Навок, – торопливо исправилась Бринн. – Прошу прощения.

Кива решила не заострять внимания на таком панибратстве.

– По крайней мере, скажи, когда свадьба?

Бринн опять помолчала, кусая губы, и сказала:

– Простите, госпожа... ой, Кива. Лучше мне не болтать.

Киву охватило разочарование, но она понимала, почему горничная столь немногословна.

– Ладно, – буркнула она. – Спрошу короля.

Не то чтобы Кива дожидаться не могла этой встречи, но все-таки она ехала в такую даль не для того, чтобы просто отмокнуть в ванне – хоть и, конечно, роскошной.

Оттерев Киву дочиста, Бринн нарядила ее в алое шелковое платье, куда более парадное, чем те наряды, которые она носила в Речном дворце, если не считать маскарада. И спереди, и на спине имелись соблазнительно глубокие вырезы, а разрез на подоле обнажал ногу практически до бедра, отчего Киве хотелось постоянно придерживать юбку.

– Есть какой-нибудь плащ, накинуть сверху? – спросила она, указав на излишне открытые грудь и ногу. И буркнула тихонько: – Тут же весь Вендерол видно.

Кажется, последнюю фразу она произнесла все-таки недостаточно тихо, потому что Бринн закашлялась, чтобы спрятать смех, пляшущий в серебристых глазах. Но, посерьезнев, ответила:

– Извините. Его Величество желает, чтобы вы надели именно это.

По выражению ее лица Кива тут же поняла, что сама горничная думает о короле и какова будет его реакция, если его приказов ослушаются. Кива чувствовала себя не в своей тарелке, но ей не хотелось, чтобы Бринн угодила в переплет из-за такой ерунды, как платье, так что она, как могла, пристроила на груди амулет – чем заслужила полный любопытства взгляд от Бринн, которая, очевидно, едва сдержалась, чтобы не спросить насчет символа Валлентисов, – и позволила горничной уложить волосы, чтобы те волнами заструились по спине.

Лишь после этого Бринн отошла на шаг назад и признала:

– Прекрасно.

Кива не казалась себе прекрасной. Зрелище из нее было то еще, к тому же зрелище полуголое, но она кивнула в знак благодарности, мечтая, чтобы встреча с Навоком поскорее закончилась и можно было вернуться в комнату и поразмыслить, что делать дальше.

Теперь, когда Кива была готова, Бринн повела ее по замковым коридорам, постепенно спускаясь. По пути им встречались лишь горничные и слуги, одетые примерно так же, как Бринн, в черное с красным, и солдаты в серой броне, которые патрулировали коридоры там и тут или стояли на часах у закрытых дверей. Лишь когда они вышли в пустой коридор, Бринн заговорила:

– Можно спросить?.. Если не возражаете... – она замялась.

– Конечно, – подбодрила Кива.

– Просто... Несколько месяцев назад прошел слух, что вы выжили в Ордалиях и потом сбежали из Залиндова, – неуверенно произнесла Бринн.

– Так и было, – подтвердила Кива, – но мне помогали.

– Тогда... Простите, но как... – Бринн откашлялась с заметным смущением. – Я слышала, что Серую Гвардию послали за вами в Залиндов. Это правда?

Серая Гвардия – отличное имечко для солдат Навока, решила Кива.

– Да, – сказала она. И ответила на тот вопрос, который не решалась задать Бринн: – Не знаю, как много тебе известно о том, что случилось в Эвалоне, но в ту ночь, когда моя сестра захватила трон, пострадало еще немало людей. Она знала, что я не одобряю ее действия и что я сделала бы все возможное, чтобы вернуть все на круги своя, так что они с Миррин Валлентис накачали меня наркотиком и тайно отправили в тюрьму, чтобы я не смогла помочь друзьям вернуть королевство.

Бринн потрясенно воззрилась на нее и переспросила:

– Другьям?

– Джарену Валлентису... то есть принцу Девериду, – поправилась Кива, а сердце заняло от одного звучания его имени, – и его двоюродному брату Кэлдону. Ну и остальным.

Повисла долгая тишина, пока они спускались на еще один пролет по обсидиановым ступеням, а потом Бринн спросила:

– Но ведь дружба с принцами противоречит всему, во что верит ваша семья, разве не так? Вражда между Корентинами и Валлентисами вошла в легенды.

– Я говорила, история долгая, – с нескрываемой болью в голосе ответила Кива. – Но Джарен и Кэлдон... – У нее сдавило горло. – Их очень сложно не полюбить.

Бросив взгляд на Бринн, Кива обнаружила, что горничная всматривается в нее, будто решая, верить или нет.

– Честно, – доказывала Кива, – видела бы ты их, ты бы поняла.

Но тут она вспомнила, что принцы раньше уже бывали в Задрии с дипломатической миссией, и уточнила:

– А кстати, видела ли ты их? Давно ты тут работаешь?

– Всего несколько месяцев, – ответила Бринн. – Если они и приезжали, я их не видела.

Кива не успела заверить ее, что принцы не приезжали: оба были слишком увлечены решением ее проблем – сперва в Залиндове, а позже в Валлени; горничная остановилась перед закрытыми двойными дверями, по обеим сторонам которых стояли гвардейцы. Переступив с ноги на ногу, она украдкой взглянула на стражников, будто сомневаясь, говорить или не нужно.

Наконец она придвинулась ближе и прошептала:

– Нрав короля все знают. Кланяйтесь пониже и не поднимайтесь, пока он не позволит. Без дозволения не говорите. В глаза не смотрите, а то он решит, что вы бросаете ему вызов. Не уходите, пока не отпустит. Представьте, что имеете дело с диким зверем, готовым в любой момент на вас броситься.

Кива и так вся извелась из-за грядущей встречи, но теперь внутри все совсем сжалось.

– Ты не пойдешь со мной?

Бринн покачала головой, как бы извиняясь.

– Серая Гвардия отведет вас обратно в покои, как освободитесь. Я буду ждать там.

Кива чуть успокоилась, но не до конца. В горничной было что-то располагающее к себе, некая прямота, которая заверяла, что Бринн Киве не враг, что ей можно доверять.

Но Кива не собиралась доверять первой встречной. Особенно в таких местах, как замок Блэкмаунт.

– Ступайте, – поторопила Бринн и кивнула ближайшему стражнику, который постучал в дверь и потянулся открыть ее. – Все будет хорошо. Не забывайте, что я сказала.

Кива сглотнула, а потом напонила себе обо всем, что ей довелось пережить за свои семнадцать лет. Уж с королем-то она справится, даже с таким жестоким, тем более если в процессе получит некоторые ответы. Нрав там или не нрав, а Навок скоро окажется ее зятем, так что причин вредить ей у него никаких. Она просто встретится с ним, расспросит и оставит заниматься своими делами.

Наметив план действий, Кива выпрямила спину и кивнула Бринн в знак готовности, а затем шагнула вслед за стражей в залу для королевских аудиенций. Внутри все от пола до потолка было в тех же черных, алых и серебристых тонах, а у дальней стены она заметила ревущий камин. Перед ним, развернутые от входа, стояли два темных бархатных кресла, и одно было занято.

Король Навок не повернулся на стук дверей, закрывшихся за спиной Кивы; ей было видно лишь его затылок и волосы цвета темной бронзы, вольно пронизанные рыжеватыми и медными прядями, что вместе напоминало яростное пламя в очаге.

Кива неуверенно замялась у входа.

– Не робей, – позвал Навок, все так же не оборачиваясь. Говорил он мягко и обходительно, акцент был куда слабее, чем у всех, с кем Кива успела поговорить в его королевстве. – Подойди, дай взгляну на тебя.

По позвоночнику поползли мурашки, особенно когда Кива вспомнила слова Бринн о том, что он сам выбрал этот откровенный наряд. Но она заставила себя пройти вперед, обошла незанятое кресло и остановилась спиной к камину перед Навоком. По инструкциям горничной она присела в поклоне, не поднимая глаз и мучительно осознавая, сколь низок вырез платья – спасибо, хоть амулет Валлентисов скрывал что мог. С разрезом на багряном подоле она ничего поделывать не могла, он почти непристойно обнажал ногу.

Помня предупреждение Бринн, Кива не поднималась, стиснув зубы, а Навок не позволял ей выпрямиться так долго, что это казалось уже оскорбительным. Когда он наконец велел ей встать, она едва удержалась от гневного взгляда в его сторону.

Кива выпрямилась; жар от камина обжигал ей спину, но она не стала отходить вперед, иначе бы оказалась слишком близко к Навоку. В кресло она тоже не села – ждала позволения короля, которого, впрочем, не последовало.

Когда Кива подняла взгляд вопреки всем советам Бринн, то обнаружила, что глаза короля шарят по ней, и ее пробрало еще сильнее. Но она не дала себе погрязнуть в этом ощущении, и, стараясь скрыть неприязнь, прямо посмотрела на затянутого в черное человека, устроившегося в бархатном кресле.

Если бы Кива попробовала представить, как выглядит Килдарион, она вообразила бы полные злобы глазки и грубые черты – то есть внешность, которая соответствует тому, что говорят о его отталкивающем характере. Но Навок... Он был иным. Он развалился в кресле, но даже так было видно, что у него крепкая здоровая фигура с широкими плечами и развитой мускулатурой. И лицо...

Кива стиснула губы – ее иррационально злило, что жестокий северный правитель выглядит *вот так*.

Глаза у него были светло-карие, очерченные густыми ресницами, подчеркнутые буйными волосами; тяжелую челюсть покрывала рыжеватая щетина. Он не был красив в классическом смысле, это было нечто большее. Неидеальное. Дикое.

Опасное.

– Ну какая милашка, – наконец протянул он, качнув хрустальным кубком с янтарным напитком.

Кива сощурилась и прикусила язык, чтобы не ляпнуть что-нибудь такое, за что ее бросят в темницу.

– Где Зулика? – спросила она.

Обнаженной спине становилось жарковато, но Кива не пошевелилась, не обращая внимания на треск пламени позади. Не в силах вынести тишину, она надавила:

– Могу я с ней поговорить?

На это Навок отреагировал – насмешливо улыбнулся.

– В последний раз, когда ты виделась с сестрой, она отправила тебя в Залиндов. Не терпится поквитаться?

Кива скрестила руки, потом поняла, что так вырез стал только интереснее, и торопливо их опустила.

– Ну я же здесь. Она велела страже забрать меня из тюрьмы ради вашей свадьбы, и я хочу знать зачем.

Навок склонил голову и переспросил:

– Моей свадьбы?

– Вашей с Зуликой, – с растущим нетерпением пояснила Кива. Не в силах удержаться, она язвительно добавила: – Поздравляю, прекрасная партия! И когда же счастливый день?

Король хохотнул, и от этого звука у Кивы в ушах зазвенел тревожный звоночек. Навок отставил кубок на столик у кресла, изящно поднялся и стремительно шагнул вперед, оказавшись прямо перед ней. Она не позволила себе отшатнуться – отчасти потому, что не хотела выглядеть запуганной, а отчасти потому, что идти было некуда – камин не давал отойти.

– Она тебе не сказала, да? – Глаза Навока заблестели от удовольствия. – Ты ничего не знаешь.

Звоночек зазвучал еще громче, и кроме него Кива уже ничего не слышала.

– О чем не сказала? – выдавила она, уже догадываясь, какой будет ответ, но не в силах поверить – да и не желая верить в это.

– Я не на сестре твоей женюсь, – ответил Навок, расплываясь в довольной улыбочке. – А на *тебе*.

Глава шестая

В голове не осталось ни единой мысли – после заявления Навока разум словно застыл. Но потом все внутри панически затрепетало, и под грохочущий стук сердца Кива попыталась припомнить разговор с Зуликой в темнице под Речным дворцом.

«Ты выходишь замуж за короля Навока? – потрясенно спросила тогда она. – Таков уговор?»

«Мама не знала про Королевскую Триаду, не знала, что есть другой законный способ», – ответила в свою защиту сестра, а потом поделилась планом объединить силы повстанцев с войсками Мирравена, чтобы помочь им захватить Эвалон и гарантировать, что на трон сядет Корентин – пусть даже Корентин в браке с Килдарионом.

Только теперь Кива осознала, чего сказано не было: Зулика не подтверждала, что мать обещала выдать за Навока *именно ее* в этой проклятой сделке. Вопрос Кивы остался без ответа, ей не дали ни единой подсказки насчет того, что ждет Киву в случае, если северный король наложит на нее лапы.

– Да ты потрясена, – ворвался Навок в водоворот мыслей Кивы.

Она была не потрясена. Она была в ужасе.

– Если уж честно, – продолжал он, – Тильда в самом деле собиралась сочетать нас с твоей сестрой. Но я видел, как отчаянно она хочет добраться до тебя, так что быстро прикинул: она верила, что ты самая сильная из ее дочерей – а значит, ты-то мне и нужна. – Он рассмеялся. – С чего она взяла, что я соглашусь на меньшее?

Стремительно, как молния, Навок выбросил руку и провел пальцами по щеке Кивы. Она отшатнулась от его прикосновения, едва не свалившись в камин, чем изрядно повеселила короля.

Стараясь отодвинуться, Кива обогнула кресло и сразу же почувствовала себя гораздо лучше, когда оказалась вдалеке от камина, который так и норovil поджечь ей платье, а заодно и от короля. Ее *нареченного*.

Боги, ее мутило.

– Тут какая-то ошибка, – хрипло произнесла Кива. – Я не сильнее Зулики. Даже не близко. Уговор там или нет, но...

– Все уже готово. – Навок махнул рукой, прерывая ее, вернулся в кресло и отпил из кубка. – Все приготовления завершены, свадьба через два дня.

Два дня?

Кива покачнулась.

Навок вновь молниеносно оказался рядом и подцепил амулет у нее на груди.

– В письме Зулика просила, чтобы он остался у тебя. Говорит, в качестве напоминания. Но твоя сестра мне не указ, и меня не радует, что ты таскаешь герб моего врага. – Он помрачнел. – Носи, пока мы не обручимся, а потом я не желаю его видеть. Понятно тебе?

Кива уставилась на него, не успевая осознать его слова, вообще ничего не понимая. Кое-как она выдавила:

– Зулика приедет на... на... – Помогите ей вечность, это слово она произнести не могла, особенно теперь, узнав, какая роль ей уготована.

Навок ухмыльнулся.

– На свадьбу? Нет. Твоя сестра в Валлени, разгребает дела рук своих. Как и следовало ожидать, подданные не горят желанием ей подчиняться. Ну и, наверное, тебе интересно – твой брат не представляет, где ты, не говоря уже о грядущем бракосочетании.

Кива упала духом: все ее надежды разбились, он правда ни о чем не знает.

– А вот моя сестра приедет, кстати, – продолжал Навок. – Едет из Терифа со своим женихом, Вошеллом. На весну я отправил ее погостить у них, но завтра они должны вернуться, как раз к нашему счастливому дню.

Вопреки всему Кива нахмурилась.

– Я думала, раз Миррин стала королевой, ты согласишься разорвать помолвку сестры, чтобы они могли быть вместе?

Навок вновь отхлебнул напиток, разглядывая Киву над краем кубка.

– Серафине лучше с Вошеллом.

Кива сощурилась:

– Хочешь сказать, Мирравену лучше заключить союз с Карамором через эту свадьбу?

Как бы Кива ни злилась на Миррин за то, что та натворила, она все равно сочувствовала принцессе: в каком же та сейчас раздрае,

предала всю семью ради любви, а Навок не выполнил свою часть сделки.

Король пожал широкими плечами и ответил с хитрецей во взгляде:

– Мы просто пешки в игре под названием жизнь. Моя сестра знает себе цену и понимает, как важна ее жертва для королевства. Вошелл – слабак. Серафина еще слабее. Когда они станут королем и королевой, то прибегут за помощью ко мне; править их королевством буду, по сути, я. Мирравен, Карамор, Эвалон – три величайшие державы Вендерола окажутся у меня в кулаке. Другим странам останется только склониться передо мной. – У него заблестели глаза, будто имелись и другие планы, еще более амбициозные, но больше он ничего не добавил.

Кива была так ошарашена, что произнесла лишь одно:

– Эвалон еще не твой.

– Практически мой, – возразил он.

– Их войска не допустят вторжения, – настаивала Кива.

– Ты забываешь, что эти войска теперь подчиняются твоей сестре.

А если они не признают ее власть, путь расчистят повстанцы.

Она покачала головой.

– Джарен и Кэлдон тебя остановят. И Эшлин.

Сестра Кэлдона командовала войсками Эвалона. Судя по всему, что Кива о ней слышала, она ни за что не допустит победы Мирравена.

Навок усмехнулся:

– Пусть попробуют.

Кива сменила тактику:

– Ты не знаешь Зулику. Говоришь о пешках, но теперь корона у нее, и она ни за что ее не отдаст.

Взгляд Навока помрачнел еще сильнее.

– Какой у нее выбор? – Он осушил кубок. – Понимает она это или нет, но она просто греет мне новый трон.

Кива фыркнула. Королю, очевидно, еще не доводилось узреть магию смерти Зулики. Может быть, после этого он осознает наконец, что выбрал себе не ту сестру.

– Смотрю, тебя это потешает, – сказал Навок. – Если думаешь, что я не знаю о... способностях... твоей сестры, то ты горько

заблуждаешься. Но у меня есть свои способы ответить на это. И ты, дорогая невеста, – один из них.

Всю насмешливость Кивы как рукой сняло.

Но она не успела уточнить, что он имеет в виду, – он продолжил уже более спокойно:

– Кстати об этом: у меня есть для тебя свадебный подарок.

Он ухватил ее за локоть и потащил вперед.

– Пошли, – сказал он, не обращая внимания на ее попытки вырваться. – Думаю, тебе понравится.

Не оставив ей выбора, Навок вывел ее из залы для приемов, и двое часовых, которые стояли на посту у дверей, отправились вслед за ними.

У Кивы оставалось еще очень много вопросов, но после всего, что она только что узнала, в голове образовалась пустота; осталась лишь одна задача – выжить. Пока они шли через весь замок и спускались по длинным каменным лестницам, она молчала, собираясь с мыслями и с духом, чтобы встретиться с тем, к чему вел ее король.

Лишь глубоко под землей Кива снова начала вырваться, потому что наконец поняла, куда ее вел Навок.

В темницы.

– Уймись, – буркнул он, крепче стискивая ее руку. – Говорю же, свадебный подарок. Мы ненадолго – просто повидеешься с ним и пойдем обратно.

«С ним?»

Кива прекратила вырваться, охваченная любопытством и страхом.

Пробравшись по запутанному лабиринту стылых каменных коридоров и миновав множество Серых гвардейцев, которые патрулировали столько камер, сколько Кива никогда не видывала в одном месте, даже в Залиндове, Навок наконец остановился.

Перед ними были ржавые железные прутья, а за ними – клетушка, освещенная одиноким люминиевым фонарем на обсидиановой стене. В углу камеры виднелись хлипкие нары, заваленные каким-то тряпьем – по крайней мере, так думала Кива, пока эта кипа не пошевелилась.

Тряпье вдруг оказалось человеком, который, заметив, что к нему пришли, принялся неспешно подниматься. Стража избивала его: обветренное лицо покрывали синяки и отеки, на ногах он держался

некрепко. К облегчению Кивы, она вовсе не узнавала его – ни грязные лохмы до плеч, темные с проседью, ни неопрятную бороду на тяжелой челюсти. Но полные чувства карие глаза не отрывались от нее, и в них читалось потрясение.

– Кива? – прохрипел он. Глубокий голос было почти не слышно: он редко говорил.

Кива, сама того не замечая, попятилась, пока рука Навока ее не остановила.

– Позволь представить: Голдрик Шоу, – произнес король; по красивому лицу было заметно, что он с нетерпением ждет реакции. – Может быть, ты о нем слышала: он был близким другом твоей матушки. Он может поведать тебе все, что ты хочешь узнать о ней и о тех десяти годах, что вы были разлучены.

Навок махнул в сторону избитого пленника свободной рукой:

– Допрашивай вволю, когда пожелаешь.

Кива уставилась на узника, осознав, кто он такой: бывший командир повстанцев, учитель и друг ее матери. Невозможно было поверить, что он стоит перед ней.

В первую очередь потому, что его считали мертвым.

«Голдрик первым заметил, что она уехала, и отправился за ней – может, хотел остановить, – вспомнила она слова Торелла, когда тот рассказывал, как Тильда сбежала из лагеря повстанцев и отправилась в Мирравен. – Но он не вернулся. Мы нашли лишь его плащ, весь в крови».

Тор и Зулика решили, что Голдрика убила Тильда – говорили, что под конец она была не в своем уме. Но напала на него Тильда или нет, он, очевидно, выжил, а потом, видимо, отправился вслед за ней в Задрию.

Кива быстренько прикинула в уме, что Тильду привезли в Залиндов шесть месяцев назад. Значит, Голдрик сидел в темнице Навока уже полгода, а учитывая, что мятежники считали его мертвым, у него не было никакой надежды на освобождение.

– Это правда ты? – прохрипел Голдрик, ковыляя ближе к решетке. Он осмотрел ее, а потом прошептал: – В самом деле. У тебя мамины глаза.

У Кивы перехватило дыхание, когда она поняла, что этот человек знал ее маму, пожалуй, лучше, чем кто бы то ни было. Он видел, как

Тильда превратилась из женщины, не желавшей применять дар, в ту, что лечила всех направо и налево, а потом обратилась ко злу и стала чудовищем. Он стал свидетелем каждого шага на этом пути. Он мог ответить на вопросы, которые Кива даже задать не осмеливалась.

Но... Ей не хотелось ничего спрашивать в окружении стражников, и уж тем более не при Навоке, который наострил уши.

– Я бы хотела поговорить с ним наедине, пожалуйста, – сдавленно выговорила Кива.

– Не сегодня, – ответил король.

Он потащил ее прочь.

– Нет, постойте...

– Не сегодня, – твердо повторил он. – Ты проделала долгий путь. Отдыхай, а завтра снова навестишь его.

Кива обернулась через плечо – Голдрик смотрел ей вслед, пока ее уводили прочь по коридору. Он не окликнул ее, не молил о свободе. Но во взгляде было обещание.

И боль.

Боль не от синяков – от того, что он увидел ее. Что бы он ни чувствовал, когда смотрел на нее, ему было больно. Может быть, от того, что сделала ее мать, а может, он просто очень скучал по Тильде – без сомнения, они были очень близки. Точно ясно только одно: ему не терпелось поговорить с Кивой.

Завтра, сказал Навок. Можно и подождать еще один день.

Но пока ее тащили по бесконечным лестницам вверх, в комнату, она поняла, что больше ждать нельзя. Потому что через два дня ее насильно выдадут замуж, а значит, следует убраться из замка Блэкмаунт до того, как ее навеки привяжут к его хозяину.

Глава седьмая

Когда Навок втокнул Киву в дверь и без лишних слов ушел, Бринн уже ждала в комнате.

Жених, очевидно, не собирался ее очаровывать, но Кива и так уже поняла, что от нее ему нужно только кровное родство с хранителями трона Эвалона. И возможно, еще он использует ее как оружие против сестры. Вот это точно была не лучшая затея. Ее подмывало задержаться в Блэкмаунте просто, чтобы посмотреть, как он неизбежно схлестнется с Зуликой, но это искушение меркло перед риском выйти за него замуж. Нет, надо покинуть замок и бежать от Мирравена как можно дальше.

– Вы так бледны, госпожа... эм, Кива, – заметила Бринн, бросаясь навстречу Киве, чтобы проводить ее к кровати. В напряженном взгляде серебристых глаз читались тревога и забота. – Он вас ударил?

Этот вопрос и заинтересовал, и испугал Киву. Бринн предупреждала, что Навок известен скверным нравом, но Киве и в голову не приходило, что он может ударить ее.

– Нет, все в порядке, – ответила она, рухнув на бархатистое одеяло и борясь с искушением обнять подушку в утешение. Сейчас не время поддаваться чувствам или гадать, почему мать преподнесла ее Навоку на блюдечке. Чувства и вопросы подождут, а сейчас ей нужен план.

Еще было нужно, чтобы Бринн ушла: хоть интуиция и подсказывала, что горничной можно доверять, вероятность, что она информатор, была слишком велика.

Почуяв, что Бринн собирается спросить, как прошла встреча с Навоком, Кива быстро сказала:

– День был долгий. Хочу побыть одна.

Бринн виновато уставилась на кроваво-красный ковер:

– Простите, но мадам Мерит велела мне остаться с вами. На случай, если вам что-нибудь потребуется ночью.

Она указала в дальний угол роскошной комнаты, где стоял тюфяк, который Кива до этого не заметила.

– Обещаю, вы и не заметите меня, пока не понадобится.

Неудивительно, что Киву не стали запирают – а она-то поражалась оба раза, когда ее оставляли в комнате одну. Бринн сразу бы заметила, попытайся она сбежать.

Кива приглушенно выругалась, но затем заставила себя сделать глубокий вдох, мысленно примиряясь с этим и говоря себе, что уже поздно и что в голове все слишком перепуталось, чтобы решать что-то прямо сейчас. Все еще нужно поговорить завтра с Голдриком, так что придется ждать до тех пор, прежде чем что-то делать, а потом...

«Что – потом?» – спросила у себя Кива. Даже если в самом деле получится сбежать из Блэкмаунта – хотя стражница сказала, что это невозможно, – что дальше? Нужно вернуться в Эвалон, но родина казалась далекой, как луна.

– Прошу прощения, – сказала Бринн, врываясь в мрачные раздумья Кивы, – я просто...

Она робко оборвала себя, затем начала снова:

– Мне говорили, что я слишком уж любопытна для горничной. Ужасный изъясн. – Она сплела и расплела пальцы, собралась с духом и спросила: – Вы ведь не знали про свадьбу? Вы раньше спрашивали, когда назначена *их* свадьба. Не знали, что она *ваши*.

Горничная была, может, и любопытная, но еще и наблюдательная.

– Понятия не имела, – признала Кива. – Я думал, он возьмет в жены мою сестру.

– Разве это не хорошие новости? – обнадеживающе спросила Бринн, как-то пронзительно вглядываясь в Киву. – Вы из Корентинов. Ваша семья теперь правит Эвалоном. Женитьба с королем Навоком объединит два королевства по праву крови.

Кива устало покачала головой.

– Я уже говорила: моя сестра захватила престол. Он не наш. Чем раньше Валлентисы вернутся на трон, тем лучше. И поверь, меньше всего мне охота выходить за человека вроде Навока. Может планировать сколько вздумается, но я ни за что не помогу ему в захвате Эвалона.

Кива торопливо захлопнула рот, спохватившись, с кем говорит, но потом поняла, что ей все равно. Навок знает о ее чувствах, и оттого, что она выболтала все горничной, хуже уже не станет.

Бринн смотрела на нее все так же пронзительно, долго рассматривала ее, а потом заявила:

– Вы не шутите, да?

– Говорю чистую правду. – Кива потерла лицо. – Бринн, я устала. Давай не будем...

– Конечно. Прошу прощения, – ответила горничная, поспешила к шкафу и вернулась с чистым ночным бельем. – Разберу вам кровать. Вам нужно набраться сил перед грядущим.

Бринн и не представляла, насколько права. Но как бы Киве ни хотелось иметь завтра свежую голову, все равно, когда она залезла под одеяло, еще несколько часов ворочалась, пока наконец не провалилась в изнеможении в сон.

* * *

Наутро Киву разбудил грохот в дверь. Она подскочила в кровати. Ей казалось, что она и минутки не проспала, мысли путались, как паутина.

Она кое-как разглядела, как Бринн спешит к двери, но створка распахнулась раньше, и в комнату ворвался король Навок.

Киве пришлось решать, что делать, за долю секунды. В кровати она чувствовала себя уязвимой, хотела встать, но вспомнила свой шелковый наряд и передернулась при мысли, что он увидит ее в таком виде. Тогда она натянула одеяло до подбородка, бросая на короля гневные взгляды, в которых читалось все, что она думает по поводу этого раннего визита.

Бринн, как заметила Кива, напряженно прижалась к стене, потупив взор и словно пытаясь слиться с ближайшим гобеленом. Киве и самой хотелось поступить так же.

– Все еще в постели, – заметил Навок.

Даже понимая, как это неразумно, Кива не удержалась от ехидного замечания:

– Разве? Точно?

При свете дня король был все так же хорош собой, даже когда скалился на нее.

– Вставай, – приказал он. Развернулся на каблуках и бросил через плечо: – Не появишься в тронном зале через полчаса – вернусь за тобой. И поверь, тебе не хочется, чтобы я возвращался.

Он исчез за дверью так же стремительно, как и явился.

Кива судорожно вздохнула и выбралась из кровати навстречу Бринн.

– Нужно было разбудить вас... – Горничная заламывала руки. – Но вы так плохо спали, что я...

– Ты не виновата, – заверила ее Кива. – Ты не знаешь, что ему понадобилось? Свадьба же... – она подавилась этим словом, – только завтра.

Бринн собрала свежую одежду для Кивы и поторопила ее в ванную комнату.

– Да что угодно. Сегодня должны приехать его сестра и принц Вошелл. Может, уже приехали, и ему хочется познакомить вас с ними?

Кива надеялась, что дело в этом. Ей было интересно посмотреть на королевскую семью, особенно на девушку, в которую была влюблена Миррин. Но даже если так, ей не хотелось тратить время зря. Каждая упущенная минута – это минута, которую она могла потратить на поиск пути из замка.

Бринн ловко помогла Киве надеть новое платье, на этот раз черное. Ткань прилегала к телу, обрисовывая медленно возвращающиеся изгибы и намек на мышцы, которые Кива пыталась нарастить.

– Тут вообще есть нормальная одежда? – спросила Кива, хмуро рассматривая очередной разрез на бедре. Но на этот раз, к ее счастью, прикрыто было больше: только разрез, а верх платья диагонально проходил через грудь и поднимался на одно плечо, оставляя другое обнаженным.

– Извините. Его Величество...

Кива вздохнула:

– Дай угадаю: сам выбирал.

– Погодите, вы еще свадебное платье не видели, – буркнула горничная полным отвращения тоном, принимаясь укладывать Киве волосы.

Киву слегка замутило при этих словах, но вот то, как они были сказаны...

– Ты не слишком-то любишь Навока, да?

К удивлению Кивы, Бринн не испугалась и не бросилась защищать короля, а фыркнула:

– Его не назвать всеобщим любимчиком. Даже собственная сестра ему не рада, а она – самое милое и доброе создание на свете. Что говорит о нем лучше?

Уважение Кивы к горничной вмиг возросло. Она осторожно спросила:

– Ты вчера рассказывала, что работаешь здесь всего несколько месяцев. Он... Он что-то *сделал*, чтобы заслужить такое мнение о себе?

Пальцы Бринн замерли, и она повернулась, чтобы взглянуть Киве в глаза.

– Нет, ничего такого. – Она указала на свое платье горничной. – В таком наряде я все равно что мебель. Могу быть хоть его покойной матушкой, а он и не заметит, потому что ни разу на меня не посмотрит. В его мире слуги – низшие существа, и относится он к нам соответственно: как будто нас вовсе не существует.

Ее глаза озорно блеснули:

– Я так часто убиралась у него в покоях, а он продолжал совещания, даже не замечая, что я в комнате. Я такого наслушалась, не поверите!

И будто не признавшись только что в том, что знает вещи, за которые ее можно обвинить в государственной измене, Бринн вернулась к прическе Кивы – замысловатому многослойному сооружению, украшенному блестящими бусинами.

– А это не слишком? – вяло спросила Кива, смотрясь в зеркало.

– Вы невеста короля, – ответила Бринн, провожая ее из ванной обратно в спальню, куда уже принесли завтрак: блюдо, полное фруктов и булочек. – Это мелочи!

Кива состроила гримасу и принялась за еду. Аппетита не было, но в планы на день входил побег, так что следовало хорошенько подзаправиться перед долгой дорогой обратно в Эвалон.

Преодолевая тошноту, она съела весь завтрак, закончив только когда Бринн сказала, что пора идти. Затем горничная вновь провела ее по замку – обе молчали всю дорогу, погрузившись в собственные мысли.

– Будут какие-нибудь еще советы? – спросила Кива, когда они подошли к большим золоченым дверям, у которых снова статуями застыли двое гвардейцев.

Вместо ответа Бринн коснулась пальцем амулета на шее Кивы – надеть его было дерзостью, учитывая, что король уже выразил свое неудовольствие на этот счет. Но он разрешил носить его до свадьбы, а Киву не волновало, выдает ли это ее истинные чувства к нему.

– Я слышала, про амулет Валлентисов всякое говорят. Считается, что он умеет хранить в себе защитную магию.

– Умеет, – подтвердила Кива. – Но он иссяк. Сейчас в нем нет никакой силы.

Лицо Бринн застыло.

– Тогда вот ответ на ваш вопрос: все, что я сказала в прошлый раз, плюс все, что только придет в голову. Навок, может, и симпатичный, но он опасен, и чего бы он от вас ни хотел... – Горничная покачала головой. – Просто будьте осторожнее, Кива. Он не потерпит непокорности, даже от невесты.

Бринн выглядела так серьезно, что внутри у Кивы все сжалось.

– Лучше ступайте, – сказала горничная, которую, кажется, вовсе не радовала необходимость оставить Киву одну. – Я буду ждать вашего возвращения в комнате.

Кива была благодарна ей за поддержку, но уже всюду размышляла, как бы ей улизнуть по пути от Навока в покои. Может быть, получится придумать какую-нибудь отговорку для конвоя и...

«Голдрик!» – вспомнила Кива, вспотев. Перед побегом еще нужно попасть в темницу.

Зайдя пока что в тупик, она отвернулась от Бринн и дала знак Серым гвардейцам, чтобы те распахнули дверь. Затрепетав, она стремительно зашагала по алой ковровой дорожке, которая укрывала черный мрамор плитки и бежала через всю комнату до обсидианового возвышения, на котором разместился серебристо-алый трон. С потолка свисали многочисленные знамена, каждое с черной пантерой на красном поле – она стояла на задних лапах, оскалившись и выпустив когти. На стене за тронем был герб Килдарионов – та же пантера напротив своего зеркального отражения, а между ними щит с двумя перекрещенными мечами. Другие стены прорезали большие арочные окна, все выходящие на гору над городом. Кива лишь мельком взглянула на этот вид и встретилась взглядом с Навоком – король восседал на троне и наблюдал за каждым ее шагом.

– Ты не спешила, – заявил он, когда она остановилась перед ним.

Она не отвела взгляд и не присела в поклоне.

– Я не опоздала.

Навок не шелохнулся: один локоть он удобно устроил на алом бархатном подлокотнике, кулаком подпер щеку, ноги вытянул вперед. Он был напряжен, несмотря на расслабленную позу, так напряжен, что Кива невольно отшатнулась.

Он изогнул губы в улыбочке, будто ее реакция польстила ему.

– Хочу посмотреть, на что ты годна, – сказал он. – Покажи.

Кива моргнула:

– Прости, что?

Навок махнул рукой.

– Твоя магия, – пояснил он. – Хочу посмотреть. Давай.

У Кивы вырвался неверящий смешок.

– Вот так запросто?

Король сощурил карие глаза:

– Второй раз просить не буду.

Веселье испарилось, Кива скрестила руки на груди.

– Вы ранены? Или больны?

– Нет.

– Тогда скажите на милость, что мне лечить? – Ее тон сам за себя говорил, что она думает о его глупом требовании.

Навок помрачнел.

– Последний шанс, невеста моя.

Кива бросила на него сердитый взгляд и не удержалась:

– Не называйте меня так. И я не собираюсь ради вас колдовать. Даже если бы хотела – а я не хочу, – магия так не работает.

Король поднялся и так быстро шагнул к ней, что она попятилась, но он оказался проворнее – схватил ее за руку и удержал на месте. Пальцы впились ей в предплечье стальными оковами, и она вскрикнула, почувствовав, как скрежещут кости.

– Мы еще мало знакомы, так что давай-ка я кое-что поясню, – склонившись, прошипел он ей на ухо. – Когда я велю что-то сделать, ты выполняешь. Ты не споришь – ты слушаешься. Ясно тебе?

Пальцы стиснулись так, что у Кивы на глазах вскипели слезы, но она сжала зубы, не желая показывать, как ей больно.

– Я задал тебе вопрос, – тихо, угрожающе произнес он. – Отвечай.

Киве было очень страшно, но она ответила:

– Я думала, мне запрещено спорить.

Кива знала, что это не слишком мудро, но она слишком многое пережила, чтобы теперь ее унижал жадный до власти королек. Навоку предстояло стать ее мужем – если не учитывать, что она не собиралась дожидаться свадьбы, – и намеренно или нет, но он уже признал, что она нужна ему в неминуемой стычке с Зуликой. Следовательно, ей он не навредит – в общем и целом.

Услышав ответ, король выпустил ее, подарив Киве мгновение самодовольства.

Но потом поднял руку...

И наотмашь ударил ее по лицу.

Удар был настолько сильным, что Кива с криком упала на колени, прикрывая рукой щеку, а на глаза опять набежали слезы. Мельком она заметила, что на предплечье уже расцветает отпечаток руки, но сейчас куда сильнее беспокоила пульсация под глазом, где кожа на скуле уже начала опухать и натягиваться.

– Вставай! – безжалостно приказал Навок.

Кива прикусила язык, чтобы не ляпнуть что-нибудь и не усугубить ситуацию, и неуверенно встала.

– Давай, вылечись, – велел он.

Кива покачала головой, но не потому, что вновь ему отказывала – она была не такой дурой, – но потому, что ее дар не сработал бы на ней самой.

– Я не могу. Она не будет...

– Все упрямишься? – в ярости перебил ее Навок.

Не дожидаясь ответа, он отошел к трону. Позвонил в колокольчик, вновь уселся и сказал:

– Кажется, тебе просто не хватает мотивации.

У него было такое выражение лица, что Кива поняла: слушать он не станет, даже если она попытается объяснить. Она прикинула, далеко ли успеет убежать, если попробует рвануть из тронного зала. Но не успела она сделать и шага, как двери распахнулись и вошел незнакомый мужчина, темнокожий и темноволосый, с глазами будто бездонные черные провалы.

– Tua Carem, – поприветствовал он короля по-мирравенски, низко кланяясь.

Подобно Навоку, он с головы до пят был одет в черное, но в отличие от короля, чей наряд был парадным с алой оторочкой, одежда незнакомца больше походила на кожаную броню, какую надела бы Наари, только оружия не было видно.

– Geh nerro eh jakoweh ken darra?

– Встань, – велел ему Навок на общем. И обратился к Киве таким дружелюбным тоном, будто забыл, что только что ударил ее: – Это Ксуру. У него есть особые таланты, которые кажутся мне особенно ценными, когда дело касается моих недругов. И, судя по всему, моей непокорной невесты тоже.

Кива сглотнула и снова прикинула, не стоит ли рискнуть и сбежать. Но Навок догадался, о чем она думает, и, кликнув Серую Гвардию, приказал им встать у внутренних дверей, перекрыв ей выход.

Затем король обратился к Ксуру на мирравенском. Предвкушение, отразившееся на лице новоприбывшего, дурным предчувствием отозвалось у Кивы в груди.

Повернувшись обратно к Киве, Навок заявил:

– Мое терпение иссякло. Покажи мне свой дар – или ты не оставишь мне выбора, и мне придется тебя заставить.

«Ну, удачи», – подумала Кива, но сочла за лучшее придержать на этот раз язык, лишь кивнула и подняла руки. Себя ей исцелить не удалось бы, но она все равно могла покориться приказу Навока и показать, что ее дар в самом деле существует, а заодно не дать Ксуру применить его «таланты».

Но... Кива еще ни разу не пыталась призвать силу, когда ей не нужно было кого-то исцелить. А в последний раз, когда она пыталась – чтобы вылечить Кресту в Бездне, – ничего не вышло.

Сейчас было не время сомневаться в себе, так что она стиснула зубы, невзирая на боль, расходящуюся по лицу, и обратилась к магии в крови. Всего лишь искорка золотого света – этого хватит, чтобы показать ему. И он бы от нее отцепился.

По спине катился пот, пока Кива пыталась вытянуть дар наружу, но он словно игнорировал ее, отказывался подниматься к поверхности. Будто знал, что здесь нечего лечить – а если и было, он не желал принимать в этом участие.

«Пожалуйста! – про себя молила Кива, с ужасом представляя, что именно король может приказать Ксуру, если она не справится. –

Пожалуйста!»

Кажется, она целое столетие выманивала силу наружу, и все без толку. Но только она собралась уже взмолиться о пощаде, как вдруг почувствовала. Покалывание в кончиках пальцев, тепло по рукам, а затем – едва заметное золотистое мерцание, исходящее от ладоней. Ничего подобного слепящему сиянию настоящего исцеления, но и это доказывало, что она владеет магией, и она победно взглянула на короля, прежде чем сияние не развеялось полностью.

Он изогнул бровь:

– И это все?

Кива не проронила ни звука, не желая вновь столкнуться с его гневом.

– Твоя мать заявляла, что ты сильна. Невероятно сильна. А ты мне что? Огонечек? – фыркнул Навок. – Жалкое зрелище.

Он кивнул на Ксуру, вновь бросил ему что-то на мирравенском, затем вновь повернулся к Киве и закончил:

– Кажется, тебе все-таки не хватает мотивации.

Это было единственное предупреждение, которое получила Кива, прежде чем Ксуру поднял руки и взмахнул ими. Жест мог бы показаться нелепым, если бы не огненный шар, который возник из ниоткуда и рванул к Киве.

Когда ее ударило пламя, она успела подумать о трех вещах:

Ксуру владел стихийной магией.

Он был аномалией.

А она *горела*.

Глава восьмая

Кива едва успела развернуться и нырнуть вниз, прежде чем магия Ксуру ударила в нее: огненный шар врезался сзади в ее обнаженное плечо. Попади он прямо в нее, было бы куда хуже, а он лишь задел по касательной. Но боль немедленно вгрызлась в тело, и Кива закричала и съежилась.

Содрогаясь, она повернулась, чтобы посмотреть на рану, но увидела только...

Ее затошнило при виде ожогов.

– Больно, наверное, – сказал Навок, и Кива резко обернулась к нему; по щекам бежали слезы. – Исцелись, сразу полегчает.

Было так больно, что не получалось даже думать, не то что говорить. Сквозь сжатые зубы она бросила:

– Я не могу, убл...

– Хочешь снова получить? – прервал ее король. – А то Ксуру нетрудно.

Огненный маг-аномалия ухмыльнулся и призвал новый огонек, который заплясал у него на пальцах. Кива отшатнулась, и от этого рывка стало больно и ожогу, и все еще пульсирующей скуле, но боль на лице не шла ни в какое сравнение с плечом и спиной.

– Да *послушай* же ты...

– Неужели так сложно подчиниться? – снова перебил ее Навок, подаваясь вперед на троне. Кивнул Ксуру: – Еще!

Аномалия ухмыльнулся шире и размахнулся, собираясь вновь швырнуть в Киву пламя.

– Нет! – до хрипоты закричала она и вскинула обе руки, закрываясь.

– Что, во имя вечности, здесь творится?

При звуках этого нежного женского голоса Ксуру бросил взгляд за спину Кивы и быстро погасил огонь. Она оглянулась следом и увидела девушку, которая стремительно вошла в тронный зал вместе с молодым мужчиной; оба были одеты элегантно, но по-дорожному.

– Нав? – настаивала девушка. Ее золотистые волосы, темнее, чем у короля, выгорели на солнце, а глаза были спокойного бледно-

зеленого цвета. Все в ней было нежное, от фарфоровой кожи до изящных черт лица.

Ее спутник казался ее противоположностью, хотя и не менее яркой. Кожа у него была насыщенного темно-коричневого цвета, телосложение – некрупное, но с очерченной мускулатурой, черные волосы коротко подстрижены, а на лбу – золотой обруч. Картина была столь притягательная, что Кива, даже несмотря на боль, не могла отвести взгляд.

– Тебя это не касается, Сера, – ответил Навок, и Кива поняла, что угадала: новоприбывшие были его сестрой и ее нареченным.

– Не видел ее месяцами и теперь встречаешь вот так? – с легким акцентом спросил Вошелл глубоким медовым голосом, в котором пылал гнев.

Кива удивилась: на лице принца не заметно было ни единого признака слабости, о которой говорил Навок. Напротив, Вошелл смотрел на короля Мирравена твердо.

– Не стоит, Вош, – устало произнесла Серафина, опуская ладонь на его руку. – Я бы лучше спросила, что такое мы прервали, когда...

Она охнула и умолкла: Кива чуть повернулась и нечаянно продемонстрировала ожог.

До этого Серафина спокойно шагала к трону, но, едва заметив рану Кивы, рванулась вперед так, что дорожный плащ взметнулся за плечами. Замедлила шаг она лишь после того, как заметила испуг на лице Кивы, который та не смогла спрятать.

– Все хорошо, – успокаивающе сказала Серафина. Подойдя ближе, она хотела получше рассмотреть рану, но Кива отшатнулась, настороженная и неуверенная.

– Твоих рук дело?

Кива решила, что полный гнева вопрос Вошелла обращен к ней, но тут поняла, что он все еще сердито смотрит на Навока – даже яростнее, чем раньше.

Король предупреждающе сверкнул глазами, но ответил спокойно, даже со скукой:

– Моя неуклюжая невеста споткнулась и наткнулась на люминиевый фонарь. Выглядит страшнее, чем на самом деле.

Серафина задержала взгляд на горячей, пульсирующей щеке Кивы и сощурилась.

– А с лицом у нее что, брат? – спросила принцесса все тем же мягким тоном, но с некой жуткой ноткой, которую Кива не ожидала услышать. – Тоже люминиевый фонарь?

Она показала на синяк в форме ладони на предплечье Кивы.

– И это?

Навок стиснул зубы:

– Я же говорю, неуклюжая она.

Ксуру соглашался, стоя рядом, и Кива возненавидела их обоих.

Серафина вздернула подбородок:

– Неуклюжая она или нет, но моя будущая сестра ранена. Я провожу ее в комнату и присмотрю, чтобы ей оказали помощь.

Тут случилось нечто странное: Навок рассмеялся. Веселья в этом смехе не было, только злоба и язвительность. Серафина заметно напряглась, будто жалея о том, какие слова выбрала.

– Все мечтаешь занять теплое местечко, до сих пор? – издевательски спросил Навок. – Мог бы догадаться, что *моя* свадьба порадует *тебя* больше, чем меня.

Он бросил на Киву похотливый взгляд и добавил:

– Хотя первая брачная ночь не должна разочаровать. Уж ее-то я буду ждать с нетерпением. – Выразительная пауза. – Если смогу дотерпеть до завтра.

У Кивы теперь не только плечо горело – по венам поползли ужас и отвращение.

– Никто тебя не заставляет жениться, – сказал Навоку Вошелл, недовольно кривя губы. – И ты сейчас говоришь о собственной *невесте*. Поосторожнее со словами.

Навок высокомерно взглянул на него.

– А не то что, Вош?

Караморский принц не отступил, как того явно ожидал Навок.

– А не то у нас с тобой появится больше проблем, чем уже имеется, – заявил Вошелл.

Король откинулся на спинку трона, задумчиво разглядывая союзника. Что-то прикидывая, он протянул:

– Сдается мне, что-то поменялось с нашего последнего разговора.

– Поменялось, – коротко бросил Вошелл. – Нам многое нужно обсудить.

Он окинул взглядом комнату: от дрожащей Кивы до Ксуру с горящими глазами, и закончил:

– Наедине.

Навок был предельно заинтригован, пусть и не мог скрыть раздражение – то ли оттого, что больше нельзя мучить Киву, то ли потому, что Вошелл не вел себя как бесхарактерный дурачок, Кива не знала. Да и не хотела знать. Потому что чем дольше она здесь оставалась, тем сильнее была угроза, что ее либо стошнит, либо она просто лишится чувств.

Почувствовав ее муки, Серафина обратила на нее добрый взгляд:

– Идем. Нужно осмотреть твои раны.

Кива не осмелилась посмотреть на Навока, когда принцесса осторожно обняла ее за талию и повела из тронного зала. Каждый шаг отдавался агонией, плечо горело, лицо пульсировало болью.

Нужно просто добраться до комнаты, твердила себе Кива. А потом избавиться от принцессы. И Бринн тоже как-нибудь выпроводить. А потом найти дорогу к Голдрику.

А потом нужно сбежать.

Кива застонала: все это казалось невыполнимым, даже когда она не была ранена, а теперь она без чужой помощи и ходить-то едва может. Но она не позволила безысходности захлестнуть себя с головой. Выбора не было: в любом случае нужно убираться из Блэкмаунта до того, как ее заставят хотя бы на шаг приблизиться к алтарю.

Когда они поднимались по второй лестнице, ожог разболелся столь невыносимо, что Кива начала отчаянно искать, на что отвлечься, так что ляпнула, вероятно, не самую умную вещь:

– Я знаю про вас с Миррин. – Она почувствовала, как напряглась принцесса, и добавила уже не так уверенно: – Сочувствую насчет Вошелла.

Серафина вновь расслабилась и улыбнулась Киве – едва заметно, но искренне.

– Вошелл хороший человек. Мне его жальче, чем саму себя. Он заслуживает, чтобы его любили так, как не могу я.

– Вы тоже этого заслуживаете, – сказала Кива. Пусть она и осуждала Миррин за предательство, но все равно могла понять, почему принцесса Валлентис объединилась с Зуликой. Любовь ослепила их всех.

– Мы с Мирри... – Серафина печально покачала головой. – Нам не суждено быть вместе.

В ее голосе слышалась глубокая печаль, и она же читалась в выражении лица.

Полная сочувствия, Кива спросила:

– Я слышала, что помолвку предложил ваш брат. Почему вы дали согласие?

Серафина вздохнула:

– Тебе не понять.

– Может, и так, – ответила Кива. – Но я хотела бы попытаться.

Принцесса погрузилась еще сильнее, хотя казалось, уже некуда.

– У меня во всем мире остался только он. Если я не подчинюсь ему...

Она слабо содрогнулась. Но затем что-то в ней переменялось, будто она вдруг вспомнила, что говорит с предполагаемой невестой Навока.

– Он не всегда ужасен. Он может... Может заботиться и защищать.

«Скорее уж запереть», – горько подумала Кива.

– И он вознаграждает за верную службу, – продолжила Серафина, будто все перечисленные достоинства Навока заставят Киву забыть, как он обращался с ней. Как *мучил* ее. – Еще он невероятно амбициозный и целеустремленный.

– И хочет захватывать королевства, которые ему не принадлежат, – буркнула Кива.

Серафина вновь застыла и на этот раз не расслабилась. Понизив голос, она сказала:

– Я не выгораживаю его после того, что он сделал с тобой. У него тяжелый нрав, однако обычно он не прибегает к побоям. Он поступил неправильно во всех смыслах. Но я просто...

Она отвела взгляд, зелень глаз померкла. Полным эмоций голосом она поделилась:

– Поздно ночью, когда мир уже спит, я смотрю на звезды и мечтаю о том, как могла бы сложиться совсем другая жизнь. Мечтаю о семье, которой не имела, о свободе, по которой тоскую. Мечтаю о том, чтобы кто-нибудь полюбил меня так сильно, что спас бы от всего этого.

Она опустила голову.

– Вошелл – не герой моей мечты, но он позаботится обо мне. Знаю, тебе этого не понять, однако так мой брат будет счастлив. Мне это важно, пусть даже я хотела бы иного.

Принцесса обратила печальный взор на Киву и повторила:

– У меня остался только он.

Вопреки предположению Серафины Кива отлично ее понимала, и даже хуже, могла поставить себя на ее место. Она знала, как сильны семейные узы, как они способны влиять на взгляды и поступки. Серафина в юности потеряла мать, а не так давно и отца. Пойди она против желаний Навока – потеряет и его, и тогда останется в полном одиночестве. Этот страх Кива понимала как никто, и хоть отчасти ей хотелось потряхнуть Серафину и велеть ей сопротивляться брату, в то же время ее хотелось обнять и сказать, что все будет хорошо – пусть даже обе понимали, что это неправда.

– Знаешь, – сказала принцесса, когда они наконец подошли к спальне Кивы, и голос у нее был подчеркнито-веселый, будто она желала оставить в прошлом все сказанное ранее, – я вдруг поняла, что нас так и не представили по всей форме.

– Мне кажется, поздно уже знакомиться, – сказала Кива, стараясь не стонать от вновь нахлынувшей боли.

Серафина согласно хмыкнула.

– Несмотря ни на что, мне очень хочется познакомиться с тобой поближе, Кива Корентин.

Слова были искренними и честными. Она тихо добавила:

– Обещаю, все будет не так уж скверно. И еще обещаю помогать тебе на каждом шагу.

Кива начинала понимать, почему Серафину так любили: ее кроткий нрав и искренняя доброта не могли не очаровывать. Навок считал это ее слабостью, но Кива думала, что это – сила.

Но, так или иначе, она не намеревалась задерживаться в Мирравене, чтобы принять предложение принцессы.

– Спасибо, – ответила Кива, не раскрывая своих планов. – Мне пригодится любая помощь.

Серафина улыбнулась в ответ так сладко, что заныли зубы.

– Давай-ка уложим тебя отдыхать, – сказала она, потянувшись открыть дверь спальни. – Я разыщу мадам Мерит и велю послать за

лекарем.

Прикинув варианты, Кива предложила:

– Можем отправить Бринн.

Если горничная покинет ее покои, Кива сможет незаметно улизнуть. И никакая боль ее не остановит.

– Бринн? – переспросила Серафина, входя внутрь.

– Моя горничная. – Кива подняла глаза и как раз заметила, как означенная девушка замерла у дальней стены комнаты. Ее почти не было видно – скрывали тени у распахнутых гардин, но Кива узнала ее по знакомому силуэту.

– Боги, госпожа, вы ранены! – воскликнула Бринн и бросилась в ванную комнату. Оттуда она крикнула: – Я принесу чистых бинтов!

– Леди Киве нужен лекарь, – крикнула ей Серафина, подводя Киву к кровати.

– Сейчас же все улажу, Ваше Высочество! – откликнулась горничная достаточно громко, чтобы ее расслышали. Но вот обратно не вышла, и Серафина нахмурилась, глядя в сторону ванной.

– Прошу, принцесса, – сказала Кива, которую мало заботила невоспитанность Бринн. – Вы наверняка утомились дорогой. Спасибо, что проводили, но теперь обо мне и Бринн может позаботиться.

Нужно, чтобы Серафина покинула ее до того, как горничная уйдет за лекарем, иначе принцесса может решить, что обязана остаться.

– Ваш брат прав, на вид куда хуже, чем на самом деле.

Кива врала, и уж это Серафина понимала. Но принцесса лишь неуютно переступила с ноги на ногу и уточнила:

– Уверена?

– Вы и так потратили на меня столько времени, – настаивала Кива.

Было очевидно, что принцесса предпочла бы остаться, то ли из беспокойства, то ли потому, что ей самой хотелось поболтать, но, к счастью, она поняла намек и направилась к двери.

– Если понадобится, не стесняйся, отправляй за мной горничную, – предложила Серафина. Покосилась в сторону ванной, явно сомневаясь в умениях Бринн, и пробормотала: – Или, может быть, кого-нибудь еще.

Кива чуть не улыбнулась.

– Хорошо. Благодарю.

Ей хотелось сказать, как она рада знакомству, как надеется, что с Вошеллом все наладится, но, не рискнув выдать себя, она лишь тихо попрощалась и облегченно выдохнула, когда дверь за принцессой закрылась.

– Ушла? – тихо спросила Бринн, выглядывая в спальню.

В этот раз нахмурилась уже Кива: она наконец поняла, что горничная не за бинтами убежала – она там *пряталась*. За время знакомства, сколь ни короткое, Кива убедилась, что Серафина ничем не напоминает Навока, и Бринн незачем было ее бояться.

– Что с тобой?

Не ответив на вопрос, горничная поспешила к ней и поджала губы, когда заметила вспухшую щеку Кивы, а осмотрев плечо, зашипела.

– Ожог глубокий, – сказала Бринн, отодвигая платье от раны. Огненный шар ударил Киву в обнаженное плечо, так что, к счастью, ткань не вплавилась в кожу.

– Знаю, – ответила Кива, чувствуя каждый мучительный волдырь. Ее заметно трясло, на лбу выступил пот, хотя теперь, когда схлынул адреналин, ее пробирало ознобом до костей. Но она не могла позволить себе поддаться этой боли: время было на исходе.

Она повторила просьбу Серафины:

– Можешь, пожалуйста, найти лекаря?

Бринн обязательно нужно выпроводить, и немедленно.

Однако горничная покачала головой.

– Лекарь тут не особо поможет. Не успеет до...

Она оборвала себя, но Кива поняла, что она не хотела упоминать свадьбу.

– Пожалуйста, Бринн, – упрашивала Кива. – Мне очень больно.

Тут она не лгала.

Горничная продолжала хмуро оглядывать ожог, но потом, видимо, пришла к некоему решению и приказала:

– Ложитесь. На живот.

– Нет, серьезно, сходи за...

– Кива, ложись, – твердо велела горничная.

Киву потряс не столько даже ее тон, а то, что по мановению ее руки прямо из пола проросло блестящее зеленое растение.

Не сиди Кива уже на кровати, она бы упала навзничь.

Бринн владела магией земли.

– Ты аномалия! – охнула Кива. За свои семнадцать лет она слышала об аномалиях лишь слухи, а теперь встретила двоих всего за час.

– Ложись, – повторила Бринн, указывая на кровать.

Кива была так ошарашена, что подчинилась, скривившись, когда при движении потревожила плечо. Она осторожно опустилась на подушку здоровой щекой, с восхищением наблюдая, как Бринн призвала еще одно растение рядом с первым. Оба растения Кива знала, но работала раньше только с одним.

Первым было алоэ; Бринн достала из кармана передника ножик и надрезала зеленый стебель, из которого начал сочиться гелеобразный сок.

– Сначала нужен красноцвет, – Кива указала на второе растение. – Чтобы очистить рану.

– Да, но он жжется так, что тебе небо с овчинку покажется, – возразила Бринн.

– Если пойдет заражение, я на небе и окажусь.

Горничная отложила алоэ – неохотно – и потянулась за красноватым стеблем, но потом наклонила голову набок и снова махнула рукой. Рядом с красноцветом выросли еще два цветка: один с белоснежными лепестками, желтеющими к кончикам, а второй потрясающего фиолетового цвета с красными тычинками, растущими из центра. Кива таких никогда не видела.

– Молочная дымка, – пояснила Бринн, отрывая белый цветок, и Кива вздрогнула от удивления. Отец как-то раз упоминал молочную дымку, но сказал, что она невероятно редкая и ценится за сильное обезболивающее действие.

Разумеется, как только Бринн взрезала бутон и капнула соком на плечо Кивы, боль сменилась онемением, да таким, что она застонала от облегчения.

– Расцеловала бы тебя, – пробормотала она в подушку, понимая, что, если онемение продлится достаточно долго, она, возможно, сумеет сбежать из замка.

Горничная хихикнула и начала очищать плечо Кивы красноцветом.

– Не хочешь рассказать, что случилось?

– Не особо, – ответила Кива, чувствуя, как вместе с болью отступает дрожь.

Пальцы Бринн замерли.

– Перефразирую. Как человек, который сейчас тебе помогает, я хотела бы узнать, что случилось.

Кива заворчала:

– Для горничной ты очень настойчива.

Бринн не ответила и не вернулась к ране, и Кива добавила:

– Ладно, но прошу тебя, поторопись. У меня еще есть... дела.

– Какие дела?

– Просто дела! – защищаясь, ответила Кива, жалея, что горничная ведет себя не как полагается горничным.

Бринн как бы шутя заметила:

– Время пролетит быстрее, если расскажешь, что случилось, пока я занимаюсь раной.

Кива в этом сомневалась, но, когда Бринн снова начала промывать рану, коротко рассказала, чего хотел в тронном зале Навок и как Серафина и Вошелл прервали вторую атаку Ксуру, и закончила, как бы невзначай упомянув о напряжении, промелькнувшим между королем Мирравена и принцем Карамора.

– Навок и Вош решили поговорить с глазу на глаз? – спросила Бринн, щедро намазывая гель алоэ на рану Кивы, чтобы создать увлажняющую и защитную пленку. – Прямо сейчас?

– Наверное, – ответила Кива.

Больше ничего не спросив, Бринн обработала гелем щеку Кивы, недовольно щуря серебристые глаза, – теперь она точно знала, что это дело рук лично Навока. Сходив в ванную, она вернулась со стаканом воды. Лишь теперь она сорвала с фиолетового цветка несколько лепестков и тычинок и бросила их в воду.

– Выпей.

Кива попробовала сесть, но Бринн опустила ладонь на здоровое плечо и прижала ее к постели.

– Не вставай, пока алоэ не впитается. Просто подними голову и выпей так.

– Что там? – спросила Кива, делая осторожный глоток. Питье слегка отдавало цветами и фруктами.

– Ты вряд ли слышала... Это цветок со Змеиных островов. Живущие там монахи называют его Змеиным Поцелуем, – ответила Бринн. – Ускоряет заживление, но использовать можно только в крайних случаях.

– Почему? – Кива отпила еще.

– Потому что он ядовит.

Кива выплюнула питье.

– *Что?!*

Бринн закатила глаза.

– Все будет хорошо. – Помолчав, она уточнила: – Голова поболит немножко, живот поноет, может, временно ослепнешь. Но не переживай, за несколько часов все пройдет. И тебе станет гораздо легче. Просто больше не принимай в ближайший месяц, а то начнутся проблемы.

Кива вытаращилась на горничную:

– Ты дала мне *яд?!*

– Убивает в основном мужчин, – легко отозвалась Бринн. – У тебя неплохие шансы.

Но Кива едва слышала ее, потому что до нее запоздало дошло, что еще сказала Бринн, и она чуть не закричала:

– За несколько *часов?!*

Бринн забрала стакан из застывших от ужаса пальцев Кивы.

– Да. И, к твоему сожалению, мне нужно кое-куда отойти, но я боюсь, что ты выкинешь что-нибудь глупое, пока меня нет – например, попытаешься улизнуть. Так что лучше поспи, заодно не почувствуешь побочные эффекты Змеиного Поцелуя.

В словах Бринн таилось так много всего, что и встревожило, и ошеломило Киву, но она не смогла ответить – она и дышать-то не могла.

Как бы ни пыталась она вдохнуть, тело словно забыло, что делать с кислородом. И отказало не только дыхание – она не могла шевельнуться, конечности не подчинялись, будто какая-то тяжесть придавила ее к постели, не позволяя встать.

– Вернусь, как только смогу, – мягко сказала Бринн, хотя Кива взирала на нее круглыми, полными ужаса глазами. – Все будет хорошо, Кива. Верь мне.

И тут в глазах у лишенной воздуха Кивы потемнело, и она потеряла сознание.

Глава девятая

– Кива, вставай. Пора идти.

Киву кто-то потряс, и она медленно очнулась, ничего не понимая. Не сразу она вспомнила, почему лежит на животе, почему вообще заснула – хотя нет, не *заснула*. Ее отравила Бринн, стихийная аномалия, которая владела не только магией земли, но и воздуха.

Бринн, которая теперь возвышалась над Кивой, подняв ладони в жесте извинения.

– Я могу объяснить.

Кива не дала ей возможности. Несмотря на раны, она скатилась с кровати и сбила горничную с ног. Сквозь раздернутые занавески сочился лунный свет, а значит, она проспала почти *весь день*. Бринн украла у нее львиную долю того скромного времени, которое Кива могла бы потратить на побег из Блэкмаунта. Свадьба уже *завтра*. Бежать нужно *немедленно*. И как бы ей ни нравилась горничная – если не учитывать отравление и усыпление, – она не могла позволить Бринн помешать ее планам.

– Что... ты... творишь?! – пропыхтела горничная, когда Кива всем телом вжала ее в ковер. Спасибо хоть молочная дымка до сих пор действовала, но если выбирать, она бы предпочла мучиться от боли, а не потерять несколько часов.

Кива не ответила – была занята поисками чего-нибудь, чем можно вырубить Бринн. Но горничная стремительно перевернулась, оказавшись сверху, да так легко, что Кива ошеломленно застыла, а потом вновь принялась бороться.

– Да прекрати же! – сердито бросила Бринн. – Раны растревожишь!

Киве было все равно. Она сражалась все более отчаянно, и Бринн, видя, какой вред она сама себе наносит, выпустила ее и вскочила на ноги. Кива сделала то же самое – а затем вновь набросилась на горничную.

Вторым легким движением Бринн сместилась в сторону и схватила Киву за здоровую руку, выведя ее из равновесия и закрутив

волчком. В следующий миг Кива поняла, что обе руки заведены за спину, а горничная стоит позади и приказывает:

– Кива, прекрати! Я пытаюсь тебе помочь!

– Отпусти, Бринн!

– Меня зовут не Бринн, а Эшлин. И если хочешь получить хоть малейший шанс сбежать сегодня, придется меня слушаться.

Кива застыла – не только из-за слов горничной или внезапного исчезновения мирравенского акцента, а из-за самого имени.

– Эшлин? – неверяще выдавила она. – То есть Эшлин *Валлен*...

– Тссс! – Горничная – которая, очевидно, горничной не являлась – шикнула на нее. – Хочешь, чтобы нас обеих прикончили?

В следующее мгновение руки Кивы отпустили, и она медленно повернулась, чтобы взглянуть на девушку перед собой – на генерала армии Эвалона. Ее волосы были гораздо светлее, чем золото брата, а глаза – куда бледнее, чем его кобальтовая синь, но теперь, когда Кива знала, что искать, она увидела в ее чертах некую схожесть с Кэлдоном – особенно в том, как она держалась: высокая, гордая, ни одного лишнего движения.

– Что ты здесь делаешь? – выдохнула Кива. – Почему ты горничная?

– Нужно уходить, пока еще можно. – Эшлин бросилась к креслу и подобрала с него сверток темной ткани, который вручила Киве. – Надевай, я пока расскажу немного, а потом пора идти.

В свертке Кива узнала наряд горничной, такой же, как у Эшлин: черное платье со шнуровкой на груди и кроваво-красный передник. Подгоняемая Эшлин, она принялась снимать свое платье и переодеваться, а принцесса рассказывала.

– Я здесь уже три месяца, шпионю за Навоком, – объясняла Эшлин, завязывая на поясе Кивы передник. – Собиралась уйти еще несколько недель назад, едва узнала, что устроили в Валлени твоя сестра и Миррин, но потом услышала, как Навок потешается над тем, что тебя опять заперли в Залиндове и что он собирается забрать тебя и сделать своей женой, – и поняла, что нужно остаться. Я присматривалась к тебе с самых Ордалий: знала, кто ты такая и как ты важна Джарену и Кэлдону.

Она мельком коснулась амулета, спрятанного под платьем Кивы.

– Они бы меня никогда не простили, позволь я, чтобы тебя выдали замуж против воли.

Кива сглотнула и хрипло ответила:

– Насчет этого я сомневаюсь. Расстались мы... скверно. Особенно с Джареном.

Эшлин поджала губы:

– Об этом я тоже слышала. И тебе придется с ним это как-то решить. Однако я знаю своего двоюродного братца – он бы пришел в ужас, если бы тебя принудили выйти за Навока. Так что пора убираться отсюда и немедленно. – Она показала на Кивино плечо: – Как оно?

– Почти не болит, – ответила Кива. – Молочная дымка еще работает.

– Славно.

Эшлин поправила платье Кивы и отошла на шаг, чтобы оценить итог.

– Если наткнемся на Навока, голову не поднимай, и в этом наряде он на тебя даже не посмотрит, – распорядилась она, и Кива, вспомнив сказанные ей утром слова, поняла, как мирравенский король так долго не замечал Эшлин, которая была у него на виду. – Но вот Серу нужно избегать любой ценой.

До Кивы вдруг дошло, почему при виде Серафины Эшлин в роли Бринн убежала в ванную: она пряталась не из страха перед принцессой, а потому, что в отличие от Навока, вернувшаяся Сера потрудилась бы взглянуть на Эшлин и, конечно, сразу узнала бы ее.

– Я завела пару полезных знакомств, так что из замка нас выведут, но потом останемся сами по себе, – продолжила принцесса. – В городе нас ждут припасы, надо будет их забрать, а потом украсть пару лошадей и убираться как можно дальше из Задрии, пока Навок не понял, что тебя нет. Ночка будет та еще, осилишь?

Кива заторможенно кивнула – у нее голова шла кругом.

– Если ты тут шпионишь, разве тебе не следует остаться? – спросила она. – По идее, уехать я и сама смогу, если ты поможешь мне выбраться из замка.

Зная теперь, кто такая Эшлин, у которой, кстати, имелся надежный план побега, Кива предпочла бы остаться с ней. Но и

лишать ее возможности выведать сведения, за которыми та сюда явилась, Кива тоже не собиралась.

Однако Эшлин покачала головой.

– Я же говорю: несколько недель назад собиралась уходить. Хорошо, что не сделала этого: я многое разузнала с тех пор, как тебя привезли. Но теперь пора возвращаться в Стоунфордж: надо все рассказать, пока не стало слишком поздно.

Звучало весьма тревожно, но Киве было о чем переживать и без размышлений о том, зачем Эшлин нужно в самый северный военный лагерь Эвалона. Так что она подавила свои опасения и пошла вслед за принцессой к двери.

– Не забывай: никому не смотри в глаза, – напомнила Эшлин. – И не отходи от меня.

Только выйдя в коридор, Кива вспомнила, что осталось еще одно незавершенное дело на сегодня. Она выругалась – так громко, что Эшлин резко обернулась, чтобы шикнуть на нее, – но Кива успела первой:

– Нам надо в темницы. Мне нужно кое с кем поговорить, прежде чем мы уйдем.

* * *

Ничего удивительного, что Эшлин не пришла в восторг, услышав о Голдрике, особенно когда поняла, что прохлопала важного пленника в Блэкмаунте. Но согласилась, что знания Голдрика о Тильде и повстанцах стоили того, чтобы рискнуть и пробраться в подземелья. Однако она решила, что они не просто побеседуют с Голдриком, а заберут его с собой.

Кива сомневалась, что у них получится вытащить его из камеры, не привлекая внимания Серой Гвардии, однако она отбросила сомнения и последовала за Эшлин по черно-красным коридорам. Они торопились, но на них не обращали внимания ни слуги, ни стражники. Похоже, в этих нарядах они и правда практически невидимки.

Наконец они дошли до спуска в темницы, и чем ниже они уходили под землю, тем более сыро и холодно становилось вокруг.

Эшлин замедлила шаг, оказавшись на развилке, похожей на лабиринт.

– Куда? – прошептала она.

Кива указала налево и пошла вперед, но принцесса отодвинула ее:

– Я первая.

Кива поняла, что она сделала это неспроста, когда за следующим же углом они обнаружили тройку идущих навстречу гвардейцев: те заметно оживились, увидев горничных, шатающихся по местам, где им совершенно нечего делать.

Кива собиралась было наплести что-нибудь о том, как они заблудились, но не успела – все трое с криком схватились за головы, а потом попадали без сознания на пол.

Онемев, Кива обернулась к Эшлин, но та лишь пожала плечами:

– Воздух под высоким давлением на барабанные перепонки. Какое-то время полежат.

Кива поморщилась: она испытала нечто похожее от рук Миррин в ночь маскарада. Стражников было почти жаль, но тут она вспомнила, что их с Эшлин ждало бы что-нибудь похуже.

– Надо спешить, – поторопила принцесса.

Они пошли дальше по лабиринту коридоров, и Киве пришлось поднапрячь память, чтобы выбирать путь правильно. Наконец она сказала:

– Почти пришли, только завернуть за угол.

Едва она произнесла это, как из-за угла появились двое стражников – так близко, что они едва не столкнулись.

Эшлин, не задумываясь, бросилась на них, на этот раз атаковав не магией, а кулаками и пинками, пока оба не упали на пол точно так же, как первые трое.

Все случилось так быстро, что Кива только охнула.

– Незачем тратить магию, когда простые способы сработают ничуть не хуже, – сказала Эшлин, даже не запыхавшись.

Кива молча согласилась, а потом ткнула пальцем дальше в темный каменный коридор:

– Туда. До конца.

Они поспешили по коридору и обнаружили, что Голдрик уже на ногах: разглядеть из камеры он ничего не мог, но услышал возню со

стражниками. Карие глаза потешно округлились, когда он увидел Киву, и выпучились еще сильнее при виде Эшлин.

– Ваше Высочество, – прохрипел он, сгибаясь в поясе.

Эшлин фыркнула:

– Ой, да ладно, мы оба знаем, кому из нас ты хотел бы кланяться.

Кива неловко переступила с ноги на ногу – она забыла, что Голдрик бывший лидер повстанцев, а следовательно, хотел бы увидеть на троне Эвалона Корентинов.

– Но это мы обсудим позже, – продолжила Эшлин и жестко добавила: – Во всех подробностях.

Обветренное лицо Голдрика было очень серьезно, словно он смирился со своей судьбой.

– А теперь отойди назад, – приказала Эшлин. – И будь готов бежать.

Кива сомневалась, что Голдрик сможет бегать. Он был крепко сложен и, несмотря на седые пряди в волосах и бороде, на вид ему было всего лет сорок пять или чуть больше, но он провел в заключении добрых полгода. Кроме того, изрядные синяки на его лице вызывали невольное желание попытаться его исцелить, с которым Киве приходилось бороться: она понимала, что даже если получится призвать дар, в чем она после сегодняшнего утра была вовсе не уверена, магия осветит все подземелье, как маяк.

Заметив ее беспокойство, Голдрик отошел от железной решетки, твердо держась на ногах, и тихо заверил ее:

– Со мной все будет хорошо.

– Тоже отойди, – велела Эшлин Киве, не обратив внимания на ее тревоги, и та немедленно сделала три больших шага назад.

Затем принцесса махнула рукой в сторону прутьев, и они затряслись, изгибаясь от магии то ли земли, то ли воздуха – Кива не знала. По каменному коридору пронесся чудовищный скрежет, но наконец прутья подались в стороны, и Голдрик смог протиснуться наружу.

– Надеюсь, больше охраны внизу нет, а то это они бы точно слышали, – буркнула Эшлин, потирая уши.

Бросив на Голдрика яростный взгляд, она заявила:

– Ранен ты или нет, если отстанешь – бросим тебя тут. А если попробуешь что-нибудь выкинуть – серьезно, что угодно, – высосу у

тебя из легких весь воздух, а труп зарюю так глубоко, что пожалеешь, что не остался в камере. Понял?

Голдрик кивнул так же серьезно, как и раньше. Кива не стала его подбадривать: она сама еще не знала, заодно ли они с человеком, который считался главным советником матери, и не узнает, пока они не поговорят. Но сейчас им следовало сосредоточиться на побеге.

Наверх они вернулись тихо и быстро, и Кива облегченно вздохнула, увидев, как в конце последнего лестничного пролета мелькнул знакомый роскошный черно-красный интерьер. Но потом Эшлин резко затормозила посреди лестницы и прошипела проклятие. Кива выглянула из-за нее и увидела...

«Нет!» – мысленно охнула она.

У лестницы стояло не меньше дюжины Серых гвардейцев, а среди них ухмылялся король Навок.

– Неплохая попытка, – сказал он. – Но если вы решили, что я ничего такого не ожидал...

Он умолк, переведя взгляд с Кивы на Эшлин. На лице отразилось неверие, потом ярость, когда он понял, почему генерал Эвалона здесь и в таком наряде.

– Выведи нас наружу, – прошептал Голдрик Эшлин. – Когда окажемся на открытом воздухе, я смогу...

Он не договорил, потому что Навок рявкнул:

– *Ксуру!*

Темноглазый шагнул вперед, на кончиках его пальцев заплясали языки пламени.

– *БЕГОМ!* – крикнула Эшлин, толкая Киву вперед, когда в них полетел огненный шар. Принцесса махнула рукой, и он, не причинив никому вреда, врезался в обсидиановую стену. Еще один взмах сбил с ног Навока, Ксуру и всех гвардейцев, расчистив пространство, куда рванули Кива, Голдрик и Эшлин.

– Если Навок соберет весь гарнизон Блэкмаунта, я не справлюсь... А он соберет! – предупредила принцесса, пока они мчались по коридору к выходу из замка. – Моя магия не безгранична.

– Нам просто нужно оказаться снаружи, – снова повторил Голдрик. Он громко пыхтел, кожа под синяками побледнела, но он не отставал ни на шаг. – Там я смогу...

– *СТОЯТЬ!* – донесся вопль Навока.

Над ними, едва разминувшись с головой Голдрика, промчался еще один огненный шар.

– *Эшлин*, – прошипела Кива. – Слишком близко!

Принцесса, не глядя, махнула за спину, и пол сзади хрустнул, разламываясь прямо посреди коридора.

– Больше я ничего не могу, а то на нас весь замок рухнет, – сказала Эшлин тяжело дыша: магия забирала у нее немало сил.

– Мы почти добрались, – сказала Голдрик, указывая вперед, на знакомые большие двери. Там стояли две пары Серых гвардейцев, которые насторожились при виде беглецов, но еще один взмах руки Эшлин отбросил их на изрядное расстояние прочь по другому коридору.

– Улизнуть от Навока незаметно не вышло, – пожаловалась принцесса. – Остается только надеяться, что он не перекроет весь город до того, как мы добежим до наружной стены.

– Куда вы собирались? – торопливо спросил Голдрик, когда все выбежали наружу, на свежий ночной воздух. – Добравшись до Эвалона, куда вы хотели поехать? Воронова Башня? Крепость Хайуорт?

– Стоунфордж, – коротко ответила Эшлин, уводя их через замковый двор к подъемному мосту, уже не заботясь о том, чтобы оставаться незамеченной – смысла не было. – Туда ближе всего, и никто не рискнет отправиться за нами вслед. Если поторопимся, уложимся за неделю.

– Нам не придется...

– *Хватит!* – донесся сзади голос Навока, прервав Голдрика. Все трое замерли посреди двора. Но не из-за его приказа, а из-за того, что они узрели перед собой. – Оглянитесь, – добавил король, хотя это уже и не требовалось: они и так прекрасно видели целые ряды Серой Гвардии между собой и железной решеткой первых ворот Блэкмаунта. – Вы окружены. И прежде чем ты, дорогая Эшлин, выкинешь что-нибудь глупое, тебе следует знать, что Ксуру – не единственная аномалия в моем распоряжении. Очень тщательно подумай, что сделать дальше.

Несмотря на предостережение Навока, Кива была готова попросить принцессу заколдовать что-нибудь, что угодно. Но Голдрик заговорил первым.

– Быстро, возьмите меня за руки, – приказал он, протягивая им ладони.

– Зачем... – начала Кива.

– *Давай же!* – поторопил он, но потом сам дотянулся до Кивы и до Эшлин, лишив их выбора, и вцепился в них стальной хваткой. – Наберите воздуха – и постарайтесь, чтобы вас не стошнило.

Кива хотела было спросить, о чем он вообще толкует, но тут встретилась взглядом с Эшлин и только теперь почувствовала.

Ветер.

На ровном месте вдруг поднялся жуткий ветрище и ударил ее так, что у Кивы перехватило дыхание. Но этим дело не кончилось: внезапно воздух вокруг закружился воронкой и, оторвав ее от земли, увлек за собой в ночное небо.

Киву вращало как торнадо, и она закричала, но потом закрыла рот. Она чувствовала крепкую хватку Голдрика, связывающую их двоих, и успела еще поразиться, как *он* вытворяет такое, но удивление померкло на фоне выворачивающей наизнанку тошноты – так ее крутило.

Она ничего не видела, кроме размазанной чернильной тьмы ночи, воздух стал ледяным, а ветер все хлестал, да так, что на Киве будто живого места не осталось.

Наконец, спустя несколько секунд – хотя казалось, что прошли часы, – все наконец прекратилось, а Кива вернулась на твердую землю. Голова кружилась, и она тут же рухнула на колени; она смутно понимала, что оказалась на залитой лунным светом полянке, а вдалеке мерцают огни деревушки, но больше ничего не рассмотрела: пришлось закрыть глаза, чтобы справиться с приступом тошноты.

Откуда-то слева застонала Эшлин.

– Боги, что это было?

Голдрик, не успев ответить, упал без чувств.

Когда его тело шлепнулось на землю, Кива вновь открыла глаза и переборолла остатки головокружения.

– Голдрик?

В ответ она услышала только как вырвало Эшлин, так что Кива шатко подползла к бывшему лидеру повстанцев, чтобы пощупать его пульс.

– Уф, – буркнула Эшлин, когда рвота остановилась. Потом спросила погромче: – Умер?

Под пальцами Кивы бился сильный пульс, и она ответила:

– Кажется, просто потерял сознание.

– Ничего удивительного, – ответила Эшлин, кое-как вставая на ноги. – Ни разу не видела, чтобы магию воздуха применяли вот так. Даже не знала, что это вообще возможно.

Она с прищуром всмотрелась в сторону деревни, пытаясь понять, где они оказались.

– Он перенес нас не меньше, чем...

Охнув, она умолкла.

– Что? – спросила Кива, заметив, как та потрясена.

– Я знаю, где мы, – неверящим тоном заявила Эшлин. – Это Садбери. Отсюда до Стоунфорджа меньше двух миль.

Она пристально посмотрела на бесчувственное тело Голдрика.

– Вот зачем он спрашивал, куда мы направляемся, – чтобы знать, куда нас перенести.

Кива поражено гладела во тьму.

– Хочешь сказать... Мы вернулись в Эвалон?

Эшлин кивнула; лунный свет серебрил ее лицо.

– Сама бы не поверила, если бы услышала.

Она выглядела ошеломленной, но справилась с собой и вернулась обратно к Киве, стоящей на коленях около Голдрика.

– Не пытайся его исцелить, лишнее внимание нам ни к чему, – велела она, хотя Киве предупреждение и не требовалось. – До крепости мы его не донесем, тяжеловат, но тут на краю деревни есть таверна.

Эшлин взяла его за плечи.

– Хозяйке можно доверять, оставим его у нее, а потом я за ним кого-нибудь отправлю. – Она кивнула на ноги Голдрика. – Готова?

Кива встала, взялась за ноги Голдрика и с пыхтением подняла. Затем они с Эшлин бочком дотасили бывшего лидера повстанцев до деревни. К облегчению Кивы, принцесса не ошиблась насчет расстояния: таверна оказалась первым зданием на краю Садбери.

Хозяйка таверны сразу же узнала Эшлин, и, хотя эта коротко стриженная женщина изумленно подняла брови при виде их рядов горничных, она торопливо провела их наверх, в свободную комнату, и

пообещала не отпускать Голдрика, если тот очнется. На всякий случай она заперла дверь, а Эшлин пообещала, что через час его заберут.

Кива и Эшлин вышли обратно на душистый ночной воздух – летом здесь было куда теплее, чем в Мирравене, – и лишь теперь Кива задумалась, что делать дальше. С тех пор как Креста помогла ей в Залиндове вернуть боевой дух, она отчаянно жаждала вернуться к друзьям и к брату, а теперь, сбежав от Навока, вернувшись в Эвалон, наконец могла это осуществить.

Только... Она не представляла, где они. Может, Джарен, Кэлдон и Наари остались в Валлени и спрячутся где-то в городе? Остался ли Торелл верен Зулике, служит ли на ее стороне? Сбежал ли Типп от Рессинды и повстанцев, в безопасности ли он?

Кива знала только одно: задерживаться в Стоунфордже нельзя. Поговорить с Голдриком – а потом оставить его с Эшлин и отправиться на юг. Если она правильно помнила карту, от Стоунфорджа полдня езды до Ламонта, угнездившегося у подножия гор Танестра. До Валлени были сотни миль, но, если Кива собиралась разыскать своих друзей и Торелла, начинать следовало именно со столицы.

– Ты что-то притихла, – заметила Эшлин, пока они шагали по залитой лунным светом тропинке. Деревня осталась далеко позади, но впереди виднелись другие огни – похоже, они уже близко к цели.

– Задумалась, – ответила Кива, вдруг засомневавшись, правильно ли понимает, как относится к ней принцесса. Эшлин ведь из Валлентисов, а еще она генерал. Она вообще позволит Киве уйти или Кива теперь снова просто пленница?

– Насчет чего? – продолжала расспросы Эшлин.

Обдумав, что ответить, Кива спросила:

– Зачем ты помогла мне сбежать? Ты знаешь, из какой я семьи и что сделала моя сестра. Ты говорила, что Джарен и Кэлдон не хотели бы, чтобы я вышла замуж против своей воли, но... Я не уверена, есть ли им до меня дело, учитывая все, что случилось. – С болью в сердце она продолжила: – Не понимаю, почему ты просто не предоставила меня судьбе.

Эшлин ответила не сразу, и Кива слышала лишь сверчков, шагая по темной тропе, пока принцесса наконец не произнесла:

– Как я уже говорила, я собиралась покинуть Блэкмаунт, когда узнала, что тебя забирают из Залиндова. А осталась, потому что хотела выяснить, что с тобой собирается делать Навок, и, признаю, из любопытства тоже. Я слышала, как ты близка с моей семьей, как они тебя любят, но после того, как раскрылась твоя тайна, я решила, что ты просто обманом завоевала их любовь, а сама никаких чувств к ним не питаешь. Я готовилась возненавидеть тебя – как и оставить тебя в Задрии, если окажется, что мои предположения были верны.

Она повернулась и взглянула Киве в глаза.

– Но ты, напротив, удивила меня. Сразу начала поносить собственного предка, обвинять свою сестру, при этом защищая *мою* семью. Все твои чувства, твоя верность были написаны у тебя на лице. И тогда я поняла, что не смогу оставить тебя там.

Киве ни с того ни с сего обожгло глаза.

– Спасибо тебе, – выдавила она. – Без тебя было бы куда сложнее сбежать.

Эшлин фыркнула:

– Без меня ты бы сейчас подвенечное платье примеряла.

Кива передернулась, а потом заставила себя задать вопрос:

– Навок освободил меня из Залиндова, ты освободила меня от Навока... Что со мной будет теперь?

Эшлин пнула камешек с дороги.

– Давай подождем и посмотрим, что ждет нас впереди, а потом уже решим – и это нас обоих касается.

Нахмурившись, Кива посмотрела на приближающиеся огни.

– Что ты имеешь в виду?

– Я Валлентис, – подчеркнула Эшлин. – Это значит, что формально я враг королевства. До меня доходили слухи, что у Зулики возникли сложности с присягой армии Эвалона – *моей* армии, – но до Задрии новости добираются с трудом, так что все могло измениться. Я понятия не имею, как нас встретят в Стоунфордже, не обратятся ли мои собственные солдаты против меня.

Кива споткнулась и выдавила:

– Тогда зачем мы туда идем?

– Потому что я надеюсь – и предполагаю, – что они все еще мне верны, – ответила Эшлин. В ее голосе прозвучала нотка тревоги, но потом исчезла. – А если нет, им все равно следует услышать новости

из Мирравена. Можешь повернуть назад, если хочешь, но мне нужно довести дело до конца.

«Можешь повернуть назад, если хочешь...»

У Кивы гора с плеч упала, когда она поняла, что Эшлин не собирается держать ее в плену. Теперь она оказалась по-настоящему свободна, а это значило, что впервые за долгое время может сама выбирать дорогу.

– Я тебя не брошу, – ответила Кива. Когда-нибудь ей пришлось бы, если она собиралась разыскать друзей и брата. Но не теперь. – Вместе влипнем.

Эшлин чуть улыбнулась, но потом закусил губу и отвела взгляд, а на лице появилось непонятное выражение.

– Что? – встревоженно спросила Кива.

Эшлин неохотно произнесла:

– Я понимаю, несколько месяцев прошло, но когда ты в последний раз видела моего брата... Как он себя вел?

Кива моргнула. Из всех вещей, о которых могла спросить Эшлин: о семье Кивы, о Зулике, о повстанцах, даже о ее даре Корентинов – этого она ожидала меньше всего. Но тут она вспомнила, что Кэлдон избегал сестру последние три года, с тех самых пор, как их родители погибли в кораблекрушении. Один взгляд на лицо Эшлин подсказал Киве, что эта отчужденность была исключительно односторонней.

– Он был... – Кива умолкла, не зная, как описать, каким был Кэлдон.

Эшлин вздохнула и собралась; меж деревьев уже мелькала ограда.

– Забудь. Не нужно было спрашивать.

– Нет, просто... – вновь попыталась Кива. – В смысле...

Она с досадой вздохнула и призналась:

– Да я не знаю, как ответить. Кэлдон – один из лучших людей, кого я знаю, но еще он ужасно бесит. И несмотря на это, он заставил меня полюбить его как родного брата. Я в жизни... – Киве пришлось откашляться, такие чувства ее охватили, – в жизни не встречала никого более верного. Верного мне и остальным.

Повисла тяжелая тишина, а потом Эшлин прошептала:

– Я по нему скучаю.

В этих словах было столько грусти, что Кива потянулась коснуться плеча принцессы, но едва она шевельнулась, как заныл

ожог: похоже, молочная дымка наконец прекратила действовать. Но даже так боль была уже не та, что прежде, а когда Кива оттянула воротник, она увидела, что рана успела покрыться корочкой и как будто даже подзажить.

Кива потрясенно охнула и остановилась посреди тропы, пытаясь разглядеть получше.

Эшлин удовлетворенно хмыкнула.

– Яд там или не яд, а Змеиный Поцелуй творит чудеса.

– Вот как он работает? – пораженно спросила Кива.

– Если не убивает, – подтвердила Эшлин и подтолкнула Киву вперед. – Обычно риск того не стоит, но нас ждала неделя тяжелой дороги, и я боялась, что твоя рана нас задержит. Отчаянные меры, все такое.

Кива выразительно взглянула на принцессу:

– Ты сказала, что убивает он в основном мужчин.

Эшлин пожала плечами:

– Чуток приукрасила. Вероятность умереть одинакова для всех.

И добавила со смехом в серебристых глазах:

– Зато, если бы ты умерла, не вышла бы замуж за Навока. Я прикинула, что тебя порадуют оба варианта.

Кива попросила с каменным лицом:

– Пожалуйста, не надо мне больше помогать.

Принцесса тепло рассмеялась:

– Ничего не обещаю.

Но посерьезнела и кивнула в сторону прохода в ограде:

– Пора выяснить, до сих пор ли верны мне мои солдаты.

Кива нервничала все сильнее, потому что они почти подошли к аванпосту; дорога здесь шла вниз, к равнине, и было отлично видно ряды зданий, залитые светом высоких люминиевых прожекторов. Стоунфордс был не самым крупным военным лагерем Эвалона, хотя отвечал за Северный Путь и пресекал подозрительных людей, пытающихся пересечь границу. Но, глядя на раскинувшиеся перед ней строения, Кива все равно поразились размерам лагеря.

– Вон там располагается штаб, – Эшлин указала на строение в центре поселения. – Поздновато уже, но если я все еще генерал и нас не уволокнут в камеры...

У Кивы упало сердце.

– ...то нам туда и надо, как только попадем внутрь. Тут командует капитан Дженэйр, и надеюсь, мы ее там и встретим.

Уверенным шагом Эшлин подошла к проему в ограде, где их остановил отряд солдат, одетых в черное с ног до головы, и с таким количеством оружия, что хватило бы на целый арсенал.

У Кивы пересохло во рту, пока она дожидалась их реакции, но ее страхи быстро развеялись. Заметив Эшлин, они потрясенно вытянулись и прижали одну руку к груди, отдавая честь. Принцесса ничем не выдала своего облегчения, но Кива ощутила, как она расслабилась.

Часовые коротко переговорили с Эшлин, предлагая проводить в штаб, но она заверила их, что в этом нет необходимости, лишь попросила отправить кого-нибудь за Голдриком. Двое солдат немедленно кликнули лошадей и повозку и отправились в Садбери.

Лишь тогда Эшлин кивком попрощалась с остальными часовыми и повела Киву мимо них на территорию аванпоста.

– Полагаю, слухи о том, что армия не подчиняется Зулике, правдивы, – тихо признала принцесса.

У Кивы подламывались колени.

– Я определенно не буду об этом плакать.

Эшлин усмехнулась, соглашаясь.

В этот поздний час большая часть лагеря уже спала – впрочем, они, пока шли, миновали два отряда часовых, и все солдаты потрясенно глазели на Эшлин, а потом торопливо отдавали честь. Было очевидно, что хоть королевство и захвачено, принцесса не потеряла ни их уважение, ни искреннюю любовь.

Кива вдруг вспомнила лагерь повстанцев под Окхоллоу, где все с благоговением смотрели на Торелла. Солдаты Эшлин вели себя по отношению к ней точно так же.

– Пришли, – сказала принцесса, когда они наконец добрались до штаба.

Здание, неказистое, как и все остальные постройки лагеря, было сложено из камня. Но в отличие от остальных, в штабе не было окон, а дверь имелась лишь одна: все для того, чтобы никто не смог подслушать секретные сведения.

– Ты лучше помалкивай, а говорить буду я, – предупредила Эшлин, открывая толстую дверь, и вошла первая. – И ни за что не

упоминай, как тебя зовут, а не то...

Принцесса замолчала.

И не только: она застыла на месте, так что Кива врезалась ей в спину.

– Извини, – торопливо сказала она, отскакивая назад. Выглянула из-за Эшлин в ярко освещенную комнату, которая напомнила ей одновременно командный шатер в лагере повстанцев и залу Королевского Совета под Речным дворцом – частично потому, что комната была совершенно пуста, не считая большого стола, но в основном потому, что все стены были увешаны подробными картами.

Но Кива едва все это заметила, потому что ее внимание было поглощено тем же, чем и внимание Эшлин.

В центре комнаты стоял молодой человек, который обернулся, когда они вошли. Его Кива не знала: у него были темные глаза и такие же кожа и волосы, массивные мышцы, резкие тяжелые черты лица. Он держался уверенно и властно, но, когда чуть отошел в сторону, движения оказались легкими и изящными.

Однако Кива взглянула на него лишь мельком, поскольку, когда он отошел, она увидела позади него двух человек с кляпами во рту, привязанных толстыми крепкими веревками к стульям.

Двух знакомых ей человек.

Торелла и Кресту.

Кива ошеломленно уставилась на них, но потом пришла в чувство и подалась вперед. Однако Эшлин удержала ее на месте, больше не глядя на мужчину в середине комнаты. Вместо этого она смотрела направо от себя, застыв на месте.

– Эшлин, пусти... – Кива попыталась вырваться из крепкой хватки принцессы, но, не договорив, проследила за направлением ее взгляда и резко обмякла.

Потому что в ближнем углу комнаты, будто замолкнув посреди разговора, стояли еще двое знакомых ей лиц.

Кэлдон.

И Джарен.

Глава десятая

Кива была так потрясена, что буквально замерла на месте, не отрывая от них глаз. Она была не в силах осознать увиденное – мало того что Джарен и Кэлдон тут, так еще и ее брат у них в плену, а самое странное, вероятно, то, что Креста ухитрилась сбежать из Залиндова.

На миг Киве показалось, что она все еще в замке Блэкмаунт, а все это – одна большая галлюцинация после Змеиного Поцелуя. Но Эшлин так вцепилась в нее, что Кива поняла: это не сон. А судя по тому, как на нее смотрели все присутствующие в комнате...

Может, и не сон, но на кошмар очень похоже.

Здесь был Джарен.

Джарен был *здесь*.

Кэлдон, Торелл, Креста...

Кива учащенно дышала, не в силах ни пошевелиться, ни подумать.

Но глаз с Джарена не сводила.

Два с половиной месяца. Столько времени прошло с бала-маскарада.

С того вечера, когда они поцеловались.

С того вечера, когда она осознала, что любит его.

С того вечера, когда с ее помощью он оказался свергнут.

Семьдесят пять дней.

Он выглядел все так же. И в то же время иначе. Он все еще был невыносимо хорош собой, держался с той же силой и уверенностью. Но его глаза – они были пусты. Безжизненны. Будто в нем чего-то не хватало.

Будто у него что-то *украли*.

«Магия – часть меня. Как рука или нога».

Кива чуть не упала на колени, увидев эту пустоту в его глазах. Но дело было не только в этом – еще в том, как он смотрел на нее.

Джарен никогда еще не смотрел на Киву *так*.

Она никогда не видела, чтобы он смотрел так хоть на кого-нибудь.

Потому что он глядел на нее, будто... будто...

Будто ненавидел. Всей душой.

С разбившимся сердцем она машинально попятилась, но дальше ее не пустила Эшлин.

Ее движение что-то сломало в комнате, прервало потрясенное молчание.

– А ты что тут делаешь? – требовательно спросил Кэлдон, заговоривший первым. Он не сводил глаз с Кивы, будто его сестры просто не существовало. – И что у тебя с лицом?

Кива подняла свободную руку к щеке – она уже и забыла про ушиб. Как и в случае с плечом, Змеиный Поцелуй ускорил заживление, но, очевидно, недостаточно, чтобы синяк полностью сошел. Она была рада услышать тревогу в голосе Кэлдона, но на его лице явственно читалось, что он зол – на нее. Она не представляла, каково ему было после событий в Валлени, хотя он и позволил ей сбежать.

Пытаясь разобраться в своих панических мыслях, Кива смогла лишь выдать в ответ:

– А Типп здесь? И Наари?

Джарен застыл – почти незаметно, но взгляд Кивы сразу метнулся к нему. Он стиснул зубы, золото в глазах обратилось в пламя в окружении океанских волн, выражение лица стало жестким, как кремень.

А затем он двинулся вперед.

К Киве.

Эшлин вцепилась в нее до боли, но Кива ничего не почувствовала – в ней все оживало по мере того, как между ними сокращалось расстояние. Несмотря на все, что она натворила, она знала, что он никогда не причинит ей вреда, в отличие от Навока. И все равно она внутренне сжалась в ожидании его реакции, а с губ помимо воли шепотом сорвалось его имя – слово, полное раскаяния и тоски:

– Джарен, я...

Но она не успела договорить. Потому что, не удостоив ее и взглядом, он прошел мимо них с Эшлин и вышел в ночь, захлопнув за собой тяжелую дверь.

Кива поморщилась от этого звука, а сердце разбилось еще на миллион осколков.

– Догони его, пока не натворил чего.

На какое-то дикое мгновение Кива решила, что Кэлдон обратился к ней, но тут Эшлин ответила:

– Впервые за три года заговорил со мной – и сказал вот это? Серьезно?

– Эш, некогда сейчас...

– Тебе всегда некогда, – резко ответила Эшлин, но Кива услышала в ее голосе боль. Однако она стиснула руку Кивы в знак поддержки и, отпустив ее, вышла из штаба вслед за Джареном.

Оставшись сама по себе, Кива снова посмотрела в сторону брата и Кресты, которых сторожил незнакомый молодой человек. Она хотела спросить, нельзя ли их освободить или хотя бы объяснить, откуда они взялись в Стоунфордже, но не успела и слова сказать, как Кэлдон целеустремленно, широкими шагами направился к ней.

– Ты, я, наружу. Немедленно.

Не дав ей и шанса возразить, он схватил ее за руку, вытащил на душистый ночной воздух и проволоч по всему лагерю, пока они не оказались в стороне от всех зданий и часовых. Лишь добравшись до края долины, где на ограду наступал лес, он наконец выпустил ее и повернулся лицом.

В лунном свете было видно, что Кэлдон все так же зол, и Кива сглотнула, не представляя теперь, что ему сказать. Но, глядя на него, она вспомнила все, что он сделал ради нее, все, чем он для нее стал. Опережая даже, пожалуй, Джарена, он всегда был самым ярким ее защитником, самым верным ее другом. Он всегда знал правду о ней, но *все равно* полюбил ее, невзирая на то, кто она и какую опасность представляет.

«Никогда не встречал человека, который сиял бы так же ярко, как ты».

Кива вспомнила, что он однажды сказал ей, и на глаза набежали слезы. Он верил в нее; он доверял ей. А она, намеренно или нет, предала его и всех остальных.

Она заслуживала, чтобы он злился на нее.

Она заслуживала, чтобы он ненавидел ее, как Джарен.

Она заслуживала, чтобы...

Прервав поток горестных мыслей, его палец коснулся ее подбородка и приподнял ей голову, и полные слез глаза Кивы встретились с глазами Кэлдона. Сперва губы у него были плотно сжаты от все назревающего гнева, но потом его кобальтовый взгляд

обежал ее лицо, заметив осунувшиеся черты, синяк на щеке, загнанное выражение, которое она не смогла бы спрятать, даже попытайся.

Что бы он ни разглядел, гнев испарился, а потом Кэлдон вздохнул громко и протяжно и отпустил ее подбородок, чтобы обхватить ее и прижать к груди, заключив в объятия.

Кива, совершенно не ожидавшая этого, на пару секунд просто застыла, безвольно свесив руки по бокам.

Но потом до нее наконец дошло, что Кэлдон обнимает ее, и она не сдержалась.

Прямо там, на краю военного лагеря, Кива разразилась рыданиями.

Из нее вырвалось все, что накопилось за месяцы – одиночество и ненависть к себе в Залиндове, ужас и замешательство из-за Навока, неуверенность, душевная боль, стыд, вина, – все это и многое другое изливалось, пока она всхлипывала на груди Кэлдона, вцепившись в его рубашку и пропитывая ее слезами. Все это время он успокаивающе гладил ее по спине и бормотал:

– Поплачь, солнышко. Все хорошо. Я здесь.

Из-за того, что он называл ее солнышком, она только разревелась еще сильнее и принялась, всхлипывая, каяться, что она ужасный человек, и что ему не следует ее прощать, и что она никогда не хотела ничего такого, но все равно во всем виновата. У нее началась истерика, она не могла остановиться, пока наконец не нарыдалась до полного изнеможения, так, что едва держалась на ногах.

Кэлдон обнимал Киву, пока ее плач не стих, а слезы не высохли. Лишь тогда он чуть отстранился, чтобы посмотреть в ее опухшие глаза, и спросил:

– Стало легче?

Она всхлипнула и кивнула. Это была не вполне правда, но слезы словно очистили ее и забрали часть боли, и это было лучше, чем ничего.

– Славно, – сказал Кэлдон.

Показал на ее лицо и буркнул:

– Еще б не стало после такого. Выглядишь чудовищно, между прочим. Столько соплей да слез в жизни не встречал. Целое озеро. – Оттянув промокшую рубашку от тела, он поморщился: – На что я только не готов ради тебя.

Кива не прыснула, как он рассчитывал, наоборот: оттого, что он вел себя как ни в чем не бывало, на глаза у нее вновь набежали слезы.

– Нет, боги, только не снова, прошу тебя! – Кэлдон вскинул руки в умоляющем жесте. – На мне ни клочка сухого не осталось, некуда уже сморкаться.

На этот раз Кива слабо хихикнула.

Кэлдон победно улыбнулся и тихо сказал:

– Ну вот, так-то лучше.

У Кивы задрожали губы, но она заставила себя глубоко вдохнуть, вытерла лицо и взяла себя в руки.

– Прости, – хрипло сказала она. – Я просто... Я думала, ты... Я не знала, вдруг... А тут ты...

– Да я понял, – прервал ее Кэлдон. – И честно, я рассчитывал взять с тебя по полной. Но ты стояла тут такая несчастная, с щенячьими глазками, будто земную твердь на плечах держишь. Невозможно было и дальше заставлять тебя страдать.

Кива с великим трудом не разревелась вновь.

– Я боялась, ты меня возненавидишь. Как Дж-джарен. – На его имени она запнулась, будто в горло вонзили нож.

– Джарен тебя не ненавидит.

Кива зажмурилась, мечтая, чтобы так и было, но вспомнила его яростный взгляд. То, как он прошел мимо. Как даже не взглянул на нее.

– Ненавидит.

– Ладно, может быть, самую малость, – признал Кэлдон, и нож вонзился глубже. – Но в основном он ненавидит себя.

От таких признаний Кива вновь распахнула глаза.

– Что? – охнула она.

– Он злится, что доверился тебе, – с серьезным видом сказал Кэлдон. – Злится, что влюбился в тебя. Злится на все, что случилось, но винит в этом преимущественно себя самого. Больше, чем тебя.

«Он злится, что влюбился в тебя».

Эти слова ножом резанули по сердцу, да так, что Кэлдон увидел это по ее лицу и мягко сказал:

– Придется потрудиться, персик. Врать не буду.

Кива сглотнула:

– Знаю.

– Но есть и хорошие новости, – продолжал Кэлдон, и Кива подняла на него взгляд, не зная, осмелиться ли на какую-то надежду. – Последние два с половиной месяца я рассказывал ему про... про твои отношения с семьей. Не могу гарантировать, что это сильно помогло, но я объяснил все, что знал, в том числе как ты говорила Зулике, что не хочешь иметь дела с повстанцами.

Кива поковыряла носком землю.

– Но я все равно рассказала ей все, что нужно, чтобы...

– Ошибки у тебя были, никто и не отрицает, – прервал ее Кэлдон. – И за них ты еще заплатишься, поверь мне. Просто... дай ему время. Глубоко в душе он знает, что ты не имеешь отношения к тому вечеру и ничего дурного не хотела. Он придет в себя – рано или поздно.

Он помолчал.

– Если тебе станет легче, он дико разозлился на меня за то, что я не рассказал ему о тебе. Больше месяца злился. – Кэлдон почесал подбородок. – Вообще-то, до сих пор злится. Но хотя бы снова со мной разговаривает, уже неплохо.

Кива поморщилась:

– Прости, это все из-за меня. Я не хотела...

– Хватит уже извиняться, – нахмурился Кэлдон. – Я сам выбрал, что делать, как и ты. Я выбрал поверить тебе, даже понимая, что это может выйти боком. Но, несмотря на это, я не ошибся: ты оказалась ровно таким человеком, как я и предполагал. Я не жалею, что поверил тебе.

Помрачнев, он добавил:

– А вот твоя сестрица...

Кива схватила его за руки и с чувством сказала, глядя в его хмурые глаза:

– Я все исправлю. Обещаю.

Кэлдон сплел с ней пальцы и ответил:

– Мы все исправим. Никакого больше «я». Хватит уже пропадать неизвестно куда на месяцы, слышишь меня? За ту первую неделю я везде обыскался, перевернул всю Валлению с ног на голову, пока не понял, что ты, видимо, покинула город. А потом и нам пришлось...

Он резко умолк, а потом спросил:

– Где, кстати, тебя носило? – И добавил, косо оглядев ее: – И что это за тряпки? Выглядишь как чья-то бабуля.

Он подцепил рюшки ее передника, и она шлепнула его по руке.

– Я...

Кива замаялась, осознав, что Кэлдон понятия не имеет о Залиндове. Значит, Креста ничего не сказала – или просто не успела.

Вместо ответа Кива спросила:

– А откуда здесь мой брат и Креста? И почему они связаны?

Кэлдон вздернул золотистые брови:

– Шутишь?

Кива повторила его движение в ожидании ответа.

Принц потрясенно фыркнул и ответил:

– Твой брат – Шакал, генерал мятежных сил. Чего ты от нас ожидала?

– Ты и раньше это знал, но не арестовал его, – подчеркнула Кива. – Вообще-то, при последней встрече он тебе понравился.

Кэлдон усмехнулся – в темноте блеснули белые зубы.

– Уж поверь, это не изменится. – И добавил более серьезно: – Я ничего не мог поделать. Он явился сегодня вечером и сдался солдатам у ворот. Сказал, делайте, что хотите, только помогите найти Киву.

Кива вздрогнула.

– Не успел он назвать свое имя, как его взяли под стражу, и рыжую с ним заодно. – Кэлдон склонил голову набок, в глазах заплясали огоньки. – Креста, так ее зовут? Девчонка просто пожар.

В голосе слышалось такое восхищение, что Кива задумалась: предупредить его насчет Кресты или сам разберется? Решив не отвлекаться от дела, она спросила:

– А почему Торелл пришел за мной сюда?

– Понятия не имею, – ответил Кэлдон. – Мы как раз собирались начать допрос, когда заявили вы. Ты и... – Он стиснул зубы и отвернулся к лесу.

– Эшлин, – мягко закончила за него Кива. – Мне понравилась твоя сестра. Она очень помогла мне за последние пару дней.

Кэлдон ничего не ответил, а Кива не знала, что добавить. Но вдруг поняла: он стоит посреди военного лагеря, в месте, которого он избегал с момента смерти родителей. Равно как он избегал и сестру.

– Зачем ты здесь, Кэлдон? – тихо спросила она. – Мы так далеко от Валлени. Вы с Джареном... Разве вам не нужно туда?

Он громко вздохнул.

– Долгая история. Но если коротко, у Зулики и Миррин не особо получается усидеть на троне даже с Королевской Тριάдой. По закону они новые королевы Эвалона, но народ... не особо рад смене власти.

Это Кива и так знала. Семью Валлентис любили в народе, особенно Джарена. «Наш принц», звали они его, с нетерпением дожидаясь дня, когда он станет их королем.

– Тетя Ариана и дядя Стеллан оказались в заложниках во дворце, – рассказывал Кэлдон. – И Ориэль. А потом...

Он умолк, явно собираясь с духом, а затем сказал:

– Для дяди Стеллана все это оказалось слишком. В его состоянии... Его болезнь быстро прогрессировала, и он... Он больше не с нами.

Кива беззвучно ахнула, поняв, что король – отец Джарена – умер.

Она знала, каково это – когда умирает твой отец. Невыносимо было думать, что Джарену пришлось пережить еще и это после того, как он все потерял, что ее не было рядом, что она даже *не знала*.

Откашлявшись, Кэлдон продолжил:

– После этого началась полная разруха, Зулика бросила все силы на нашу поимку – думала, что Эвалон смирится, если увидит, как Джарен склоняется перед ней. Остаться в Валлени стало слишком опасно, но и уехать было не проще, учитывая состояние Наари.

На ее имени он запнулся, и Кива спросила с колотящимся сердцем:

– Наари? С ней все хорошо?

Она оглянулась по сторонам, будто ожидала, что стражница выскочит из кустов и удавит ее за все прегрешения. Но той рядом не оказалось, как и ранее в штабе.

– Она... Той ночью... – снова попытался Кэлдон. – Твоя сестра что-то с ней сделала... Так и не объяснишь.

У Кивы застыло сердце, когда она вспомнила, как Наари лежала на полу без сознания, истекая кровью.

– Она здесь. Ты ее... скоро увидишь.

От слов Кэлдона стало как-то легче, хотя тон, которым они были сказаны, утешал мало.

Он переступил с ноги на ногу и продолжил рассказ:

– Мы знали, что войска по-прежнему верны нам, и потому решили встретиться с Эшлин в главном лагере – в крепости Хайуорт – и обсудить дальнейшие шаги. Ехали несколько недель, держась окольных дорог и по мере возможности избегая встреч, и всю дорогу старались обеспечивать Наари лучший возможный уход. Но в крепости мы узнали, что Эш в Мирравене, шпионит за королем Навоком. В последнем донесении говорилось, что она собирается скоро вернуться, так что мы ждали ее. Но шло время, она не появлялась, мы устали ждать и решили ехать на север, подумав, что она завернет в Стоунфордж по пути в Эвалон.

Он махнул рукой в сторону лагеря:

– Мы приезжаем, а тут никто про нее и не слыхивал, и мы заволновались. Дали ей еще немножко времени, потом решили, что надо что-то делать, и принялись разрабатывать операцию по спасению. Но... Ну, теперь она ни к чему. – Кэлдон пожал плечами. – Так что последние два с половиной месяца мы в основном прятались, ехали или болтались по военным лагерям.

Он пристально посмотрел на синяк на лице Кивы и закончил:

– И что-то подсказывает мне, что хоть я и проклинал каждую минуту, у тебя дела шли еще хуже, где бы тебя ни носило.

Он не спрашивал, а утверждал, и Кива не захотела отвечать.

– Ты ничего не сказал про Типпа. Он... – Она не смогла подобрать слов, страшась его ответа.

– Он здесь, – ответил Кэлдон, и Кива облегченно выдохнула. Но чуть не подавилась воздухом, когда он добавил: – Явился сегодня вечером с Тореллом и Крестой. Его мы не стали связывать: очевидно, что ему к ним и приближаться не хочется. Увидел Джарена – и все. Рыдал не хуже тебя, вцепился в него так, что я уж думал, не останется ли он так навеки. Пришлось напоить его морацином, чтобы угомонился. Бедняга сразу заснул.

Из-за кома в горле еле выдавила:

– Он пришел с Тором и Крестой? Но... как? И... и почему?

Принц проницательно взглянул на нее.

– Раз ты явно не торопишься рассказывать свою историю, почему бы нам не пойти и не послушать их?

Кива бросила на него виноватый взгляд. Могла бы догадаться, что он заметит, как она меняет тему после каждого его вопроса о прошедших месяцах.

– Прости, я знаю, мне многое нужно рассказать. Просто... – Она умолкла, не в силах договорить.

– Что я сказал насчет извинений? – В глазах Кэлдона было больше понимания, чем она заслуживала. – Успеется. Расскажешь, как захочешь.

Он качнул головой в сторону лагеря.

– Пошли, добудем кое-какие ответы.

Глава одиннадцатая

На пороге штаба Кива запнулась, увидев, что Джарен вернулся. Он стоял, скрестив руки, с нечитаемым выражением лица, и на нее не глядел. Но пришел. И Эшлин тоже – стояла рядом с ним в той же позе, правда, наряд горничной лишал ее изрядной части суровости.

– А вы не спешили, – буркнула Эшлин Кэлдону, а затем обернулась к Киве и спросила куда ласковее: – Все хорошо? Плечо...

– Нормально, – торопливо ответила Кива.

– Что там с твоим плечом? – спросил Кэлдон, глядя то на ее левое плечо, то на правое, но под платьем ничего было не видно.

– Да ничего, – ответила Кива, бросив на Эшлин предупреждающий взгляд; та подняла светлую бровь, но, к счастью, вслух ничего не добавила.

Джарен не переменялся в лице: очевидно, он решил не замечать Киву, и, хотя ей хотелось броситься к нему в объятия и молить о прощении, она понимала, что лучше сейчас его не трогать. Кэлдон довольно уверенно заявлял, что Джарен смягчится – когда-нибудь, – так что оставалось лишь набраться терпения и не давить на него, пока он не готов.

Но терпения Кива в себе не находила. Она не видела его очень долго, а теперь он стоял совсем близко. Она машинально шагнула к нему, но краем глаза заметила, как Креста качнула головой, взглянула на нее и увидела предостережение в ореховых глазах.

«Не надо, – без слов велела ей Креста. – Пожалеешь».

Кива до крови укусила себя за щеку, но признала ее правоту и уступила.

– Что-нибудь удалось выяснить, Эйдран? – спросил Кэлдон, и Кива взглянула на незнакомца, удивленно округлив глаза.

Эйдраном звали королевского стражника, который изначально должен был проникнуть в Залиндов, но сломал ногу, и вместо него отправился Джарен. Из того, что Киве удалось подслушать на Королевском Совете, выходило, что ему нет равных в Эвалоне, когда дело касается наблюдения за повстанцами. Она слышала, что он

лечился в Альбри, но то было много месяцев назад – у него была куча времени, чтобы выздороветь и, очевидно, вернуться к Джарену.

– Генерал велела дожидаться вас, – ответил Эйдран тихим мягким голосом. Несмотря на крупное телосложение, его присутствие как будто успокаивало.

– Ну, мы здесь. – Больше Кэлдон ничего не объяснил, а просто подошел к ним, и Кива поспешила следом. – Вынь кляпы, давайте послушаем, что они скажут.

Если Эшлин и досадовала на то, что брат командует через ее голову, она этого не выдала. Все внимание она переключила на Торелла и Кресту, а Эйдран вытащил у них изо рта тряпки.

Тор немедленно воззрился на Киву и прохрипел:

– Ты...

– *Молчать.*

Слово было тихое, гудящее от едва сдерживаемого гнева – приказ, которого не осмелились бы послушаться даже храбрецы.

И исходил он от Джарена.

Кива услышала его голос впервые за много недель, и ей пришлось приложить все усилия, чтобы вновь не расплакаться. Получилось лишь благодаря очередному взгляду Кресты, который говорил: «Соберись, тряпка безвольная!»

Кива сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Ужасно хотелось узнать, откуда здесь взялся брат, почему с ним Креста, почему Кэлдон сказал, что Типп не захотел с ними оставаться, – и так далее, и тому подобное. Но она понимала, что лучше сейчас помалкивать, потому что воздух звенел от напряжения. Она бросила на Кэлдона умоляющий взгляд, но он не заметил, потому что встревоженно смотрел на Джарена, так что Кива обернулась к Эшлин. Принцесса перехватила ее взгляд, слегка кивнула и шагнула вперед, оказавшись перед Тором.

– Торелл Корентин, я – Эшлин Валлентис.

– Я знаю, кто вы, генерал, – ответил он.

Его изумрудный взор был спокоен и полон уважения, и это, казалось, сбило Эшлин с толку. Но она взяла себя в руки и сказала:

– Нужно быть или очень смелым, или очень глупым, чтобы вот так сдать. Тебя разыскивают за измену, и наказание за это – пожизненное заключение в Залиндов.

Кива вздрогнула, а все взоры обратились на нее – включая ледяной взгляд Джарена.

– Учитывая, что мы прямо оттуда, – протянула Креста, милосердно отвлекая всех от Кивы, – было бы крайне досадно тут же вернуться обратно.

Кива с благодарностью взглянула на нее, на что рыжая только закатила глаза, словно напоминая, что спасти Киву уже вошло в досадную привычку, тем более что спасти ее приходилось еще и от самой Кивы.

Эшлин с прищуром взглянула на бывшую заключенную:

– Мы не встречались раньше? Где-то я тебя видела.

Креста пожала плечами, насколько позволили веревки.

– Не ты меня пять лет назад арестовала? – Эшлин покачала головой, и Креста сказала: – Ну тогда вряд ли, если ты, конечно, не забегала к нам на День Семьи. Может, выпили с тобой чайку с печеньками.

Кива чуть не прыснула, только представив себе День Семьи в Залиндове.

Эшлин поджала губы и вернулась к Тореллу.

– Вы явились, понимая, что мы...

– А нельзя побыстрее? – перебила ее Креста, ерзая на стуле. – Всю жопу отсидела.

Она мотнула головой на Киву:

– Вы уже в курсе, что мы пришли ради нее. Само собой, мы понятия не имели, что она *окажется* тут, нам просто повезло. Но раз все в сборе, давайте не будем тратить время на угрозы и перейдем к вопросам?

И Креста продолжила, не дав никому ответить:

– Давайте я помогу. Этот вот, – в этот раз она кивнула на Торелла, – лежал в отключке все время, пока их сестрица буянила во дворце.

Ореховые глаза поймали взгляд Джарена, и Креста с беспощадной прямоотой добавила:

– Ну, знаете, тем вечером, когда ты просрал и трон, и магию. – Она присвистнула: – Ну и денек у тебя выдался.

– *Креста!* – едва сумела прошипеть Кива.

– Что? – Креста прикинулась невинной овечкой. – Все знают, что случилось. Боги, да ты целыми неделями трещала про это в Залиндове. Ни разу не видела, чтобы кто-нибудь раскисал до такой степени, а это о многом говорит, учитывая, где мы сидели.

Из комнаты будто откачали весь воздух. Кива зажмурилась, боясь того, что могло – или не могло – ее ждать, но тут ощутила прикосновение к руке, открыла глаза и увидела перед собой побледневшее лицо Кэлдона.

– Ты снова оказалась в Залиндове? – хрипло, неверяще спросил он.

Креста фыркнула:

– А ты думал, где ее носило? Она над вами так тряслась, а ты правда решил, что она по своей воле отошла в сторонку, не пытаясь ничего исправить? – Она снова фыркнула. – Правда считаешь, что она не прибежала бы вот к нему?

Она снова всадила в Джарена яростный взгляд, и Кива, не удержавшись, посмотрела следом. Джарен стоял, помертвев, лицо его ничего не выражало, но глаза...

В них полыхало пламя.

Предательское сердце с надеждой трепыхнулось, но тут он моргнул, и что бы он ни почувствовал, услышав про Залиндов, оно испарилось так же стремительно, как и пришло.

– Но сделать она ничего не могла, – каждое слово Кресты падало гирей. – Смотритель Рук на этот раз определил ее в тоннели...

Джарен дернулся, и глаза Кивы вновь метнулись к нему, но он снова застыл прежде, чем она разобралась, мерещится ей или нет.

– ...ну, и когда ее привезли, она загибалась от...

– *КРЕСТА!* – наконец завопила Кива.

Все взгляды вновь обратились на нее, включая Джарена, и ее захлестнула волна отчаянной паники. Нельзя, чтобы он узнал про ангельскую пыль: Кива опасалась, что после всего, что творила с ним мать под этими наркотиками, у него лишь появится еще один повод ее ненавидеть. Пусть зависимость случилась и не по ее воле, но она все еще помнила, как в самый темный час умоляла Кресту дать ей еще. Киву душил стыд, и она не вынесла бы, узнай он об этом. И не только он, но и все остальные. Так что, откашлявшись, она произнесла:

– Все уже хорошо, вот она я, правда? Да, посидела немножко в Залиндове. Но выбралась же.

Она подняла ладони, будто доказывая, что с ней не случилось ничего непоправимого – по крайней мере, физически. Что же до шрамов на душе... Эту ношу ей оставалось нести в одиночестве.

– Как же мы прошляпили? – с заметным ужасом спросил Кэлдон.

Кива хотела заверить его, что он ничего не смог бы поделать, но Креста успела первой:

– Зулика и Миррин тайком вывезли ее из Валлени. Они понимали, что она попытается вам помочь, и хотели убрать ее с дороги. – Бывшая заключенная не упомянула, в каком состоянии привезли Киву: очевидно, заметила реакцию на предыдущую попытку и плавно вернулась к своему рассказу. – Это все случилось сразу после маскарада, но когда на следующий день очнулся Торелл, то...

– Может быть, пусть он сам расскажет за себя? – легко прервала ее Эшлин, переводя взгляд серебристых глаз на Тора. – Хотелось бы послушать его версию.

Тор выпрямился на стуле.

– После нападения я очнулся в...

– Какого нападения? – прервала его Эшлин.

– Мирравенского, – ответил вместо Торелла Кэлдон. – Они похитили Киву, чтобы шантажировать Джарена.

Судя по лицу Эшлин, у нее возникло еще больше вопросов, но Кэлдон махнул Тореллу, чтобы тот продолжал.

– Сперва все было как в тумане, но Рессинда – моя подруга и заместительница – все мне напомнила, – сказал Торелл, обратившись взором в прошлое. – Мне воткнули нож в сердце, но не мирравенцы, а Зулика.

Он поднял глаза на Киву и посмотрел на нее затравленным взглядом.

– Она меня чуть не убила. А ты спасла.

Это внезапное упоминание целительского дара Кивы было деликатным, как слон в посудной лавке.

– Ресс рассказала, что случилось во дворце, – вернулся к своей истории Тор. – Она никогда не доверяла Зулике, так что как только узнала о перевороте, забрала нас с Типпом из убежища повстанцев в свою тайную квартиру в городе, пока мы оба оставались без сознания.

– Кто этот Типп, про которого все толкуют? – буркнула Эшлин.

– Невыносимо радостный ребенок, – со скукой в голосе ответила Креста. – Был Киве считай что младшим братом, пока не узнал, что она много лет ему врала. Давайте вернемся к делу, а?

Эшлин бросила на Кресту злобный взгляд, Киву охватила боль от этого слишком уж честного ответа, а Торелл продолжил:

– Тем утром я пошел во дворец и поругался с Зуликой. Я понятия не имел, что она...

Он умолк и бросил взгляд на Джарена. Потом произнес надломленным голосом:

– Клянусь, я не представлял, что она задумала. Кабы знал, я бы...

– Что? – резко хлестнул Джарен. – Что бы ты сделал? Остановил бы ее? Ты Корентин. Шакал. Генерал мятежников. Ты разве не этого хотел? Ну, поздравляю, все получилось!

– Джарен, дружище, – тихо позвал Кэлдон, подойдя к брату и опустив руку ему на плечо. – Мы это обсуждали.

– Нет, – Джарен стряхнул руку Кэлдона. – Это обсуждал *ты*. Но даже если ты веришь, что он не то, чем кажется, я совершенно не обязан соглашаться. Его семья – лжецы и убийцы. Верь ему, сколько влезет, но в итоге сам окажешься у разбитого корыта. И тогда не вини никого, кроме себя.

Джарен говорил не о Торелле. Все собравшиеся это понимали, и особенно Кива. Глаза жгло, каждое слово стрелой впивалось в грудь.

– Боги, ты в Залиндове был таким же позером? – сморщилась Креста. – Неудивительно, что ты мне сразу не понравился.

– Откуда ты взялась, Креста? – равнодушно спросил он.

– Тор не договорил, – ответила она, не обращая внимания на холодность Джарена. – Пусть сперва закончит рассказ, там и поймешь, откуда взялась я.

Понимая, что терпение у всех на исходе, Торелл быстро закруглился:

– Зулика не собиралась рассказывать мне, где Кива: она потребовала, чтобы я помог ей захватить королевство. Я отказался, и она напала на меня со своим даром. – Он говорил так потрясенно, что стало очевидно: он ничего не знал о ее смертельной мощи. – Я смог сбежать лишь благодаря Миррин: та попыталась утихомирить Зулику и дала мне шанс улизнуть.

Кива представила себе, как вмешивается Миррин, и глаза у нее полезли на лоб. Джарен, Кэлдон и Эшлин тоже изменились в лице, и Кива задумалась, каково им живется после ее предательства. Особенно Джарену.

Торелл повернулся к Киве.

– Получилось не сразу, но я разыскал свидетеля с бала, который видел, как тебя уводили двое солдат. Я решил, что это королевские стражники, потратил кучу времени на поиски, а потом оказалось, что это были парни из Залиндова, и они увезли тебя с собой.

Он печально посмотрел на нее зелеными глазами.

– Один раз я уже бросил тебя в Залиндове, и я не дал бы тебе гнить там снова. Но я опасался, что повстанцы донесут о моих планах Зулике, так что понимал, что придется ехать в одиночку. Ресс согласилась остаться в Валлени и быть моими глазами и ушами, а Типп... – Торелл опустил взгляд, потом снова посмотрел Киве в глаза. – Убедить его было непросто, но он понимал, что во дворец ему нельзя, пока там Зулика и Миррин. Идти ему было некуда, и он согласился поехать со мной в Залиндов.

Сердце у Кивы упало, потому что теперь она поняла, что имел в виду Кэлдон. В отличие от Торелла и Кресты, Типп приехал не для того, чтобы разыскать ее. Он оказался здесь лишь потому, что ему было некуда больше податься.

Мучительно осознавая, как много боли она принесла своей ложью, Кива вполуха слушала, как Торелл с Типпом болтались в таверне в Васкине, пока не подслушали разговор каких-то надзирателей: те жаловались на новобранцев, присланных наконец-то на замену убитым во время бунта. Тор мигом сообразил, что этим можно воспользоваться, особенно после того, как надзиратели со смехом припомнили «ту лекарку», запертую в Бездне. Через несколько дней ему наконец удалось выловить еще одного надзирателя и вырубить его, забрать его форму и пробраться в тюрьму, прикинувшись новобранцем. Благодаря неохотной помощи Типпа Тор точно знал, где располагается изолятор, и отправился прямо туда, но нашел там не Киву, а Кресту.

– Тебя тогда уже увели, а я заявила ему, что расскажу куда, только если он вытащит меня на свободу, – беззастенчиво сказала Креста. – Он так и сделал.

Кива заподозрила, что побег прошел не так гладко, как они рассказывали, но не стала уточнять. Вместо этого она посмотрела на Кресту и сообщила ей:

– Я бы за тобой вернулась.

Креста серьезно кивнула:

– Знаю. – И добавила с усмешкой: – Но теперь в безнадежных придурочных попытках меня спасти нет нужды, так что в третий раз тебя там не закроют.

– Погодите, – прервал их Кэлдон, переводя взгляд с Кивы на Кресту. – Почему те надзиратели говорили, что ты в Бездне, если тебя там не было?

– Потому что я там побывала, – ответила Кива, и ей показалось, что Джарен снова едва заметно дернулся. – Пока меня не выпустили по приказу Навока.

В этот раз она точно заметила, как Джарен вздрогнул.

– Вот этого я не знала, – сказала Креста. – Просто наплела Тору с три короба, чтобы он меня вытащил.

Ничуть не раскаиваясь, она ухмыльнулась, да так, что Кэлдон охнул, и добавила:

– Он был не особо рад. Плохая Креста!

Кэлдон закашлялся, чтобы скрыть смех, и Кива бросила на него укоризненный взгляд.

– Типп обрадовался еще меньше. – По тону Торелла было ясно, что он не до конца простил Кресту за вранье, даже если они достигли некоего соглашения. – Нужен был новый план, но тут мы услышали, что Валлентисы собираются с армией в Стоунфордже, куда Зулике не добраться. Так что мы отправились сюда, надеясь, что вы сможете – и согласитесь – помочь.

– Он потащил меня за собой, сказав, что я ему задолжала, но я бы и сама поехала из любопытства, – сказала Креста. – В жизни так не развлекалась. Стоит любых волдырей.

Она покачала ногой. Кива бросила взгляд на ее сапоги, впервые обратив внимание на истрепанную в дороге одежду. Где-то по пути Креста выменяла тюремную робу на удобную рубашку и обтягивающие штаны, но и ее, и Торелла покрывала пыль – и им не помешала бы ванна.

Креста громко зевнула и потянулась, подняв руки над головой.

– Очень, конечно, весело, но я устала. И проголодалась. Долго нам еще?

Кэлдон подался вперед, с прищуром устремив взгляд кобальтовых глаз на ее руки. На *свободные* руки.

– Ты как...

– Ой, извините, надо было подождать, пока развяжут, да? – спросила она, поддевая веревки, которые валялись у нее на коленях. – Простите, в Залиндове новичкам зачитывали правила хорошего тона для эков, но я прогуляла.

Несмотря на очень тяжелую ночь, Кива едва удержалась от смеха, глядя на невинную рожицу рыжей.

– Эйбран... – начала Эшлин.

– Да не трудитесь, я сама, – буркнула Креста, вновь завязывая на себе веревки.

В этот раз Кива не сдержалась, фыркнула и похолодела, когда суровые взгляды, обращенные до того на Кресту, достались уже ей.

– Извините, – сказала она. – Просто... – Она слабо махнула в сторону Кресты, будто это все объясняло.

Кэлдон вернул укоризненный взгляд, который она сама бросила на него несколько минут назад, и, указав на них с Эшлин, поспешил на помощь:

– Вы говорили про Навока. Вы благодаря ему повстречались?

Кива медленно кивнула, не понимая, хочет ли делиться собственными невзгодами.

А вот Эшлин без сомнений пустилась в рассказ о том, как она отправилась в Мирравен шпионить за королем и отложила возвращение, услышав, что он приказал забрать из Залиндова Киву.

– Но зачем ему... – Кэлдон оборвал себя на полуслове и обернулся к Киве: – Прямо перед маскарадом ты узнала о его сделке с твоей семьей, но не выяснила, в чем именно она заключалась. Это имеет какое-то отношение к делу?

Кива помедлила, обхватив себя за плечи, но по виду Эшлин поняла, что если не расскажет сама, то это сделает принцесса.

– Мама... – Джарен посуровел, и Кива запнулась на этом слове, – хотела пробраться ко мне в Залиндов. Но еще хотела, ну...

– Захватить Эвалон, – влезла, зевая, Креста. – Бла-бла-бла, злая королева, это мы уже слышали.

Кива нахмурилась, но Креста лишь подмигнула в ответ, шевельнув татуировкой-змеей.

Решив, что лучше поскорее с этим покончить, Кива выпалила так быстро, что слова слились воедино:

– Мама заключила союз между повстанцами и Мирравеном.

Все застыли.

– Что?! – воскликнул Торелл.

Сглотнув, Кива пояснила:

– Она договорилась, что поможет войскам Навока вторгнуться в Эвалон, если он отправит ее в Залиндов и если на троне окажется кто-то из Корентинов. Она, ну, не знала про Королевскую Триаду, – Кива старалась не смотреть на Джарена, – так что решила, что это единственный способ. Или, по крайней мере, самый быстрый.

– Но с чего Навоку-то соглашаться? – спросил Эйдран, задумчиво склонив голову.

Он хранил молчание большую часть беседы, и Кива чуть не забыла о его присутствии.

– Он так долго планировал захватить Эвалон, с чего ему завоевывать нас и тут же отдавать корону?

Кива побоялась ответить, но Эшлин снова не замедлила пояснить.

– Навок забрал Киву из Залиндова, чтобы жениться на ней, – ответила принцесса. – В этом и заключался уговор с Тильдой. Ее дочь в обмен на наше королевство.

Кива опустила взгляд, с неудовольствием ощущая, как все взгляды обратились на нее.

– Неправда, – с болью прошептал Торелл. – Кива, скажи, что это неправда.

Она не откликнулась. И не шелохнулась. Просто стояла, мечтая, чтобы земля разверзлась и поглотила ее.

– А я-то думала, у меня в семье нелады, – пробормотала Креста.

Кива наконец подняла глаза, не глядя ни на кого, кроме рыжей, и бросила ей сквозь зубы:

– Вот от твоих слов совсем не легче.

– Сейчас это неважно, – заговорила Эшлин нарочито бодрым тоном, будто пытаюсь развеять повисшую в комнате напряженность – напряженность, которая исходила не только от Кивы и Торелла.

Кива не хотела, *боялась* смотреть, но взгляд помимо ее воли переместился на Джарена.

Его лицо...

Его *глаза*...

Он отвернулся, провел ладонью по взъерошенным темно-золотистым волосам. А когда обернулся, снова выглядел совершенно спокойным.

Но Кива все видела.

Она не придумала.

Он очень испугался за нее.

И не только он. Потому что, в отличие от Джарена, Кэлдону незачем было прятать чувства, и он смотрел на нее так...

– Все нормально, – тихо сказала она ему, а заодно и Джарену. – Эшлин вовремя меня вытщила.

– Не совсем вовремя, – возразила Эшлин. – Сперва он все-таки успел тебя помучить.

Кива застыла:

– *Эшлин!*

Наверное, не стоило разговаривать с принцессой и с генералом в таком тоне, но она забылась.

Однако Эшлин выдержала ее негодующий взгляд.

– Им следует знать.

– *Зачем?* – возмутилась Кива, всплеснула руками и поморщилась, когда движение отозвалось в плече.

– Им следует все знать, чтобы мы разобрались, зачем Навок согласился на сделку, – спокойно пояснила Эшлин. – И не рассказывай мне, что веришь, будто он сказал «да», просто чтобы объединить силы с повстанцами. Мы обе понимаем, что тут скрыто нечто большее – что-то насчет твоей магии. С чего бы еще ему так хотелось увидеть ее воочию? С чего он так разъярился, когда ты отказала?

– Пожалуйста, давайте просто... – Кива потерла лоб.

– И раз уж разговор зашел о Мирравене, ты – не единственная наша проблема, – продолжила Эшлин, не обратив внимания на мольбу Кивы. Она обернулась к своему брату и Джарену и угрюмо пояснила: – Навок собирает аномалий. И их у него не один-два человека, а дюжины. Мы даже не знали, что их столько. Их и не должно быть

столько. Не знаю, где он их берет, но их все больше, и они, очевидно, верны ему.

– *Дюжины?* – вытаращился Джарен. – Как такое возможно?

Предполагалось, что аномалии встречаются невероятно редко. Кива до сих пор удивлялась, что встретила двоих за свою жизнь: Ксуру и Голдрика. Если Навок нашел *дюжины*... Она с растущей тревогой подумала о том, что у него на уме.

– Хотела бы я знать, – с видимым беспокойством откликнулась Эшлин. – Вошелл пришел в ярость, когда узнал об этом. Он боялся, что Навок с их помощью подчинит себе весь Вендерол, включая Карамор, так что выступил против него и потребовал гарантий безопасности для своего королевства. Но Навоку пришлось не по вкусу, что Вош ведет себя не как бесхарактерная тряпка, и когда Вош пригрозил разрывом соглашения, Навок расхохотался и сказал: «Ну давай!», а потом...

Эшлин рвано вздохнула и продолжила:

– Навок на него напал. Не вмешайся Серафина, Вош был бы мертв, но теперь он возвращается в Териф и собирается закрыть границы Карамора. Ближайший союзник Мирравена... А Навок одним махом разорвал этот союз. И разорвал *смеясь*. А это значит, что никто из нас не видит всей картины.

Она посмотрела на Киву.

– И что-то мне подсказывает, дело в тебе.

Все присутствующие застыли как статуи, слушая Эшлин, даже Креста, которая заметно побледнела к концу рассказа принцессы, будто наконец осознала масштабы происходящего.

Но Кива и не думала о Кресте, слишком погруженная в слова Эшлин. Она гадала, тяжело ли ранен Вошелл, как повлияет закрытие границ Карамора на остальной Вендерол, что теперь ждет Серафину, раз альянс, а с ним и ее помолвка, расторгнут. Она обдумывала все это по кругу, пока не заметила, что остальные смотрят на нее в ожидании ответа.

– Я уже рассказала все, что услышала от Навока, – хрипло сказала она Эшлин. – Он полагает, что моя магия, – она бросила быстрый взгляд на Джарена и поморщилась, когда проклятое слово повисло в воздухе, – сможет противостоять дару Зулики. Но он ошибается: когда я попыталась выступить против нее, то проиграла.

– Неправда, – возразил Кэлдон, с непривычной скорбью глядя на Киву. – Ты освободила нас.

Кива покачала головой:

– На это ушли почти все мои силы, и их все равно оказалось недостаточно, чтобы... чтобы...

Ее глаза вновь скользнули к груди Джарена, к месту, куда Зулика ударила его кинжалом, и она прохрипела:

– Я не смогла ее остановить. Что бы там ни думал Навок, что бы ему ни наговорила мама, мне не хватит сил.

Она обернулась к Эшлин, молча умоляя о помощи. Принцесса пристально осмотрела ее, потом вздохнула и сказала:

– Полагаю, на сегодня довольно. Утром побеседуем с Голдриком, выясним, что он поведаст о Навоке и Тильде. Надеюсь, он сможет пролить свет на ситуацию с аномалиями... И с Кивой.

– Голдрик? – переспросил Торелл, наморщив лоб.

Кива тихо выругалась – она совершенно забыла о бывшем лидере повстанцев, который считался мертвым и которого наверняка уже принесли в лагерь.

Эшлин по-быстрому объяснила, что Голдрик сидел в темнице у Навока в качестве свадебного подарка для Кивы. Торелл крайне изумился, но Креста лишь процедила:

– Все эти свадьбы, воссоединения, восстающие из мертвых люди – это все очень миленько, но вы уже решили, что делать с нами? – Она подняла вновь связанные руки. – Можно я опять развяжусь?

– Нет!

Ей ответили сразу несколько человек: все три Валлентиса и Эйбран, и Креста выругалась себе под нос и осела на стуле.

Но тут Кэлдон протянул:

– А в самом деле, как с ними поступить? Она сбежала из Залиндова – нам что, просто отправить ее обратно? А Торелл...

У Кивы сердце ушло в пятки, когда он умолк, и она, кажется, уже в тысячный раз за вечер умоляюще посмотрела на Эшлин.

Принцесса вновь вздохнула и сказала:

– Утро вечера мудренее, давайте решим завтра. Они явились сюда ради Кивы, без нее никуда не убегут. – А Эйбрану велела: – Забери обоих в казармы, найди койки, но проследи, чтобы их охраняли всю ночь. – У Кресты громко заурчало в животе, и Эшлин добавила: – И

пусть их накормят чем-нибудь. – Обратилась к Киве: – Тебе бы тоже поесть. У тебя с утра во рту ни крошки не было.

– Так бывает, когда меня вырубают на весь день, – буркнула Кива, но ее слова услышал не тот, кому они полагались.

– Ты ее вырубила? – сощурился Кэлдон.

– Чтобы глупостей не наделала, пока я шпионила за Навоком и Вошеллом, – ответила Эшлин, разглаживая складочку на переднике. – Все для ее же блага.

Кэлдон нахмурился:

– Звучит так, будто еще сегодня вы были в Блэкмаунте. Но до Задрии сотни миль.

Когда Эйдран повел Торелла и Кресту прочь – первый взглянул на Киву так, будто хотел бы остаться с ней, а вторая снова зевала, – Эшлин кратко рассказала про Голдрика, который оказался аномалией и с помощью магии воздуха помог им сбежать, и все вокруг вытаращились на нее. Сильнее всех удивился Торелл – он как раз успел все услышать, прежде чем Эйдран вытолкнул его за дверь: очевидно, он ничего не знал о магическом даре бывшего главаря.

– Ты умеешь вызывать такие торнадо? – с любопытством спросил у Эшлин Кэлдон.

Кива пыталась вслушаться в разговор, но вдруг остро осознала, что осталась наедине с тремя Валлентисами, один из которых в обычных условиях принял бы активное участие в обсуждении магии, но потерял свою силу. Из-за нее.

– Не знаю, – ответила Эшлин. – Завтра расспрошу его об этом.

День выдался очень долгий, а наутро предстояло еще много дел, и на Киву внезапно накатила усталость; отчаянно захотелось, чтобы кто-нибудь показал ей, где можно поспать. Но ночь еще не закончилась – это она поняла, когда взглянула на Джарена и увидела, что он смотрит на нее.

Грудь сдавило, и она заставила себя не отводить взгляд, приняв самый открытый и покаянный вид, на какой только была способна. Но все ее надежды на воссоединение рухнули, когда он обратился к Кэлдону:

– Отведи ее.

– Джар...

– Сейчас же, Кэлдон.

Кэлдон топнул ногой:

– Поздно уже, а ей и так досталось...

Кива понятия не имела, что происходит, но встревожилась еще сильнее, когда Джарен подался вперед и повторил тихо, но уже куда тверже:

– *Сейчас же*, Кэлдон.

С этими словами он развернулся и стремительно покинул штаб – очевидно, подразумевая, что они пойдут за ним.

Кэлдон выругался и бросил на Киву извиняющийся взгляд.

– Понимаю, ты устала, но надеюсь, много времени это не займет.

– Что происходит? – спросила Эшлин, глядя на дверь с озадаченным видом. – Я понимаю, все это его... расстраивает... Но раньше он так себя не вел. Джарен никогда не психовал, не...

– Ему нелегко, – выступил в его защиту Кэлдон.

– Всем нелегко, – твердо возразила Эшлин. – А кое-кому пришлось в одиночку справляться, и ничего, держат себя в руках.

Кэлдон вздрогнул: сестра почти неприкрыто напомнила ему, что он годами ее избегал, но ответил лишь:

– Джарен тоже держит себя в руках. Первые пару дней после маскарада прошли... непросто... но он неплохо справляется, учитывая обстоятельства. Он так себя ведет только из-за...

Он оборвал себя, но заканчивать не было нужды. Все и так знали, что Джарен разъярился из-за Кивы.

Она вздохнула и предложила:

– Пошли, лучше догнать его, пока он не нашел еще один повод на меня позлиться.

Кэлдон не горел желанием, но Кива пригрозила, что будет бесцельно слоняться по лагерю, пока сама не отыщет Джарена, так что он наконец повел ее прочь из штаба, петляя мимо освещенных люминием армейских построек. Эшлин прошла с ними часть дороги до смотровой вышки, которая неприятно напомнила Киве о Залиндове. Там принцесса распрощалась с ними, сказав, что хочет найти капитана Дженэйр и рассказать ей новости про Мирравен.

Не дождавшись от Кэлдона ответа, его сестра скрылась на вышке, и Кива задумалась, как бы убедить его помириться, но заметила выражение его лица и поняла, что сейчас не время. Вместо этого она зашагала вслед за ним.

– Куда направляемся?

– К Наари.

Кива запнулась.

– Джарен хочет, чтобы я сходила к Наари? *Сейчас?*

Внутри все сжалось, когда она представила, как стражница отреагирует на ее появление после всего случившегося. Наари, для которой не было ничего важнее честности и верности.

Кэлдон не ответил, Кива встревожилась еще сильнее и намекнула:

– Может, лучше подождать до утра? Не хотелось бы ее будить.

– Вообще-то именно это от тебя и требуется, – пробормотал Кэлдон, но больше ничего не сказал, поскольку они уже подошли к чистенькому зданию со знаком лекарей на стене, который указывал, что это лазарет.

Джарен ждал прямо за дверью, чуть ли не излучая нетерпение; схватив Киву за руку, он потащил ее по тихому чистому помещению мимо свободных кроватей в самый конец комнаты, где висела белая занавеска. Кива всю дорогу ощущала лишь его теплые пальцы на запястье – он определенно не замечал, что держит ее за руку, а вот ее саму крепкая, но осторожная хватка прошивала до самой души.

Сердце пело от его близости, но это ощущение испарилось, когда он выпустил ее и отдернул занавеску, открыв неподвижное тело Наари под белой простыней.

Стражница будто спала: янтарные глаза закрыты, на лице нет привычной напряженности.

Но Кива с первого взгляда поняла, что то был не просто сон, и, попятившись, врезалась в Кэлдона, который остановился у нее за спиной.

Он придержал ее, но она едва это ощутила – она не сводила полного ужаса взгляда со стражницы... И знакомых черных теней магии Зулики, которые окутывали тело Наари.

Глава двенадцатая

– Нет, – прошептала Кива, уставившись на тело Наари, пока у нее в ушах звучало эхо слов Кэлдона:

«Твоя сестра что-то с ней сделала... Так и не объяснишь».

– Исцели ее.

Два резких слова, и Кива отвернулась от Наари, чтобы наткнуться на яростный взгляд Джарена. У него было такое лицо...

Кива вздрогнула, съежилась, не в силах перенести гнев в его глазах, и, что еще хуже, его отчаяние.

– Я... Я не знаю... – Она начала мямлить, но сделала глубокий вдох и признала: – Я не знаю, как это лечить.

Джарен не изменился в лице, так что Кива робко шагнула вперед и дрожащей рукой коснулась кожи Наари. Она была теплая, пульс ровный. Не видно было ни ран, ни признаков болезни. Если бы не неестественные тени, она казалась бы здоровой, обычной.

Когда Кива приехала в Темнолесье, бабушку Делору тоже окружала темная магия Зулики, и вскоре Делора умерла. Но тут было что-то иное. Наари словно погрузилась в кому, и если та длилась уже несколько недель...

– Как она ест? И пьет? – спросила Кива, в которой, затмевая ее первоначальный ужас, проснулся лекарь.

– Никак, – ответил Кэлдон. – Она давно уже должна была умереть от обезвоживания. Истаять без следа. Но вместо этого, – он махнул рукой, показывая на совершенно здоровое тело, – она словно застыла во времени, магия Зулики не дает ей умереть, но и проснуться тоже... Как видишь.

Киву переполняло отвращение, но она все равно поразилась, на что способна магия сестры.

– Исцели ее, – вновь приказал Джарен, сжимая кулаки.

Кива кусала губы.

– Я же говорю, я не знаю, смогу ли...

Она резко замолчала, посмотрев в глаза Джарена – два озера яростного пламени.

– После всего, что ты натворила, это меньшее, что ты можешь сделать.

Он сказал это специально, намеренно ранил в самое сердце. Кива едва сдерживала слезы, уже готовые хлынуть из глаз, и справилась лишь благодаря Кэлдону, который молча шагнул к ней в знак поддержки. «Дай ему время», – как будто говорил он. Но Кива опасалась, что все время мира не поможет ее с Джареном отношениям.

Впрочем, исцеление Наари послужит хорошим началом.

Твердо вознамерившись ну хоть что-нибудь исправить, Кива протянула руки в тени и опустила на грудь стражницы. Стараясь не думать о том, как своенравно вел себя ее дар в последнее время, она закрыла глаза и сосредоточилась на силе в крови, призывая ее наружу. Зримых ран или болезни не было, так что Кива сконцентрировалась на самой темной магии, желая, чтобы золотой свет явился и прогнал силу Зулики, и вспоминая слова бабушки: «Будь светом во тьме».

Теперь она повторяла себе те же самые слова.

«Будь светом во тьме».

«Я свет во тьме».

Но даже с закрытыми глазами Кива знала, что ничего не происходит, и съеживалась под весом страха и печали.

Это же Наари, нужно ее спасти, вылечить! Все должно было сработать само собой, магия должна была подчиниться приказу, но не появилось ни искорки света, как бы она ни старалась его призвать.

– У тебя все получится, – тихо подбадривал Кэлдон, ощущая, как она падает духом.

Но ошибался.

Кива убрала руки и сказала, ни на кого не глядя – ни на Кэлдона, ни на Наари, особенно на Джарена:

– Простите, – голос сорвался. – С моим даром что-то не так. Я не знаю что, но я не... не могу ее вылечить.

Она не удивилась, услышав, как сердито затопал прочь Джарен. Она подвела его. Подвела Наари. Подвела...

– Эй, а ну-ка хватит! – Кэлдон взял ее за руки и разжал кулаки, чтобы она не впивалась ногтями в ладони. – Ты просто устала. Завтра снова попробуем.

Завтра ничего бы не изменилось, но Кива этого не сказала, уверенная, что стоит только открыть рот, и она снова начнет хныкать.

– Давай уложим тебя в постель, – мягко проговорил Кэлдон, обнимая ее и увлекая прочь от Наари.

Хоть и понимая, что это трусость, Кива все-таки не стала оглядываться и возненавидела себя за это. С чувством и с болью она спросила:

– Можно мне к Типпу?

Кэлдон напрягся и повел ее из лазарета наружу, в ночь.

– Морадиновая настойка...

– Я его не побеспокою, – сказала Кива, понимая, что из-за снотворного Типп проспит до самого утра. – Просто хочу побыть рядом. Хочу быть с ним, когда он проснется.

Кэлдон помялся.

– Не самая удачная мысль.

Но, несмотря на свое предупреждение, он развернулся и повел ее в другую сторону, к большому лаконичному зданию в форме буквы «Г».

– Основная часть солдат спит в казармах, – Кэлдон указал на длинную сторону «Г», – но высшим офицерам полагаются личные комнаты. Нам с Джареном выдали по комнате в этом здании, когда мы прибыли, а сегодня вечером мы нашли еще одну для Типпа. Он здесь.

Кива знала, что Типп спит, но все равно сердце забилось быстрее, когда Кэлдон открыл дверь. Они вместе пересекли тихий коридор, куда выходило множество дверей личных комнат, и подошли к одной из них.

У Кивы перехватило дыхание, когда она вошла в темную комнату и заметила на кровати в углу Типпа. Он спал с открытым ртом, слегка посапывая, и на веснушчатом лице застыло мирное выражение. Когда она видела его в последний раз, в глазах у него стояли слезы: он только-только узнал правду о ней, а потом Зулика его вырубил. Кива понимала, что еще придется за многое ответить, но ей стало легче уже просто оттого, что она рядом с ним, а он – в безопасности.

– Тут только одна кровать, – прошептал Кэлдон. – Пойду найду тебе...

– Я на полу посплю. – Кива подошла к кровати Типпа и опустилась рядом.

– С утра не разогнешься, – возразил Кэлдон.

– Я спала в местах и похуже, – ответила Кива, вспоминая душевные Залиндова, а с ними и Бездну. – Все нормально.

Не в силах удержаться, она убрала прядь рыжих волос со лба Типпа.

Кэлдон шумно вздохнул, подошел к Киве и сел рядом с ней.

Она посмотрела на него в замешательстве:

– Что ты делаешь?

– Если утром у меня сведет шею, с тебя массаж, – ответил он, уложил голову на матрас Типпа и вытянул длинные ноги. Закрыв глаза и велел: – Спи давай.

На этот раз она не удержала слезы: он остался здесь лишь ради нее.

– Боги, только не реви снова, – пробормотал Кэлдон, даже с закрытыми глазами ощутив каким-то образом, что ее переполняют чувства. – Ну иди сюда.

Он не глядя потянулся к ней, прижал к себе, уложив ее голову себе на плечо, и снова повторил:

– Спи, Кива.

И, свернувшись рядом с ним, Кива попыталась унять боль в сердце и, как велел Кэлдон, заснуть.

* * *

Несмотря на все усилия, заснула Кива лишь через несколько часов. А когда наконец проснулась утром, первым делом заметила, что ни Типпа, ни Кэлдона нет.

Думать о том, что Типп, очевидно, не пожелал ее видеть, было очень больно, но она не успела дать этой боли поглотить себя, потому что дверь распахнулась. Кива с надеждой подняла взгляд, но вошла всего лишь Эшлин, одетая в такую же кожаную броню, как и ее солдаты, только белого, а не черного цвета, из-за чего в глаза бросалось все навешенное на нее оружие.

– Надо же, ты так рада моему приходу, – съязвила принцесса.

– Извини, – ответила Кива, поднялась и принялась разминать затекшие мышцы. – Я думала, это не ты.

На лице Эшлин мелькнуло сочувствие.

– Им просто нужно...

– Время, – мрачно согласилась Кива. – Знаю.

К счастью, принцесса не стала делано утешать ее.

– Я принесла завтрак. Кэл сказал, он забыл вчера тебя покормить, так что пора поесть.

Она протянула тарелку, потом скинула с плеча тканевую сумку.

– Еще принесла кое-что из своей одежды. Когда поешь, отведу тебя в душевую, но сперва надо посмотреть, что там с ожогом – можно ли его уже мочить.

Кива забрала еду и поморщилась:

– Ты такая напористая! Прямо как твой брат.

– Мы похожи в той же мере, в какой различаемся, – ответила Эшлин с болью в голосе.

Кива осторожно начала:

– А можно спросить...

– Ешь, – велела Эшлин, давая понять, что о Кэлдоне говорить не намерена. – У нас сегодня много дел, начиная с Голдрика.

Вспомнив про бывшего главу повстанцев, Кива принялась послушно поглощать яйца, фасоль и тосты. В рекордные сроки она очистила тарелку и под понукания Эшлин повернулась и оттянула воротник сзади, чтобы принцесса осмотрела рану. Однако ткань прилегала слишком плотно и закрывала большую часть ожога, так что Кива была вынуждена расшнуровать верх платья и выбраться из рукавов, обнажив спину и прижав ткань к груди.

Она не услышала, как открылась дверь.

Но услышала рык:

– Какого?!

У Кивы глаза полезли на лоб, и она крутанулась на месте. Плотнее прижала платье, быстро убедилась, что оно полностью прикрывает ее спереди, хотя знала, что самое скверное уже рассмотрели.

Потому что в дверях стоял Джарен, и, учитывая, что он сказал – и как сказал, – он совершенно точно увидел ее плечо.

В три длинных стремительных шага он подошел к ней и приказал:

– Повернись.

Кива застыла на месте.

– Джарен... – осторожно предупредила Эшлин, но он прервал ее.

– Кива, *повернись*.

При звуке собственного имени на его устах она пришла в себя и подняла взгляд. И увидела в его лице нечто такое, во что не стоило всматриваться, если она желала побереечь разбитое сердце.

Но все равно увидела.

Он беспокоился за нее.

И это почему-то ее ужаснуло.

Киву так заколотило, что даже Джарен заметил. Он переменялся в лице, смягчился, обратился если и не совсем в того Джарена, которого она когда-то знала, то в нечто близкое к нему.

Попросил тише:

– Пожалуйста, Кива. Повернись, дай я погляжу.

Она не сумела отказать этой мягкой просьбе, так что повернулась, обнажив перед ним плечо, и услышала, как он охнул.

– Кто это сделал? – спросил он тем же тихим голосом, но теперь в нем звенело нечто иное. Гнев.

У Кивы так пересохло в горле, что она не могла говорить, и за нее ответила Эшлин:

– Я рассказывала вчера: Навок хотел увидеть ее целительский дар. Она отказалась, и он приказал одной из своих аномалий швырнуть в нее огненный шар, который прожег ее до кости. Он не понимал, что себя она исцелить не сможет. Опережая твой вопрос: это случилось вчера. Пришлось напоить ее Змеиным Поцелуем, чтобы мы смогли сбежать тем же вечером.

– *Змеиный Поцелуй?* – в ужасе переспросил Джарен. – С ума сошла? Ты могла ее убить!

– Или так, или бросить ее выходить замуж за этого ублюдка, – возразила Эшлин. – С каких пор, кстати, тебя это волнует?

Ее хлесткие слова оставили после себя лишь ледяную тишину, и Кива застыла, не смея обернуться к Джарену. Она не знала, чем объяснить его реакцию, беспокоился ли он из старой привычки или где-то в глубине души он по-прежнему ее любил. В любом случае впервые за несколько месяцев у Кивы полегчало на сердце, но тут...

– Голдрик очнулся, – пояснил Джарен ровно, словно слова Эшлин в самом деле напомнили ему о его чувствах. – Без Кивы говорить отказывается. Все ждут вас двоих.

Кива обернулась и успела увидеть, как Джарен выходит в дверь.

Эшлин поморщилась.

– Извини. У него такое лицо было, и я просто... Я думала, получится не так.

– Ты не виновата. – Кива огорченно вздохнула. – Я не меньше твоего удивлена, что он... – Она не договорила. Глупо было даже думать, что ему не все равно.

– Любовь нельзя включить и выключить по желанию, – мягко заметила Эшлин. – Судя по тому, что я только что видела, что бы там Джарен раньше к тебе ни испытывал, его чувства не изменились, как бы он ни пытался.

– В том-то и проблема, – ответила Кива, скорбно глядя на дверь. – Он сам себя мучает. Нет, это я его мучаю одним своим присутствием. Я постоянно напоминаю ему о том, чего он лишился.

– Мне кажется, ты плохо о нем думаешь. – Эшлин помогла Киве зашнуровать платье. – Джарен – один из самых умных людей, кого я знаю. Ты солгала и предала его, но еще, как я слышала, ты выбрала его вместо собственной семьи. И это не ты ударила его Оком Богов, ты спасла ему жизнь. Сейчас им руководят эмоции, но он придет в себя. Вот увидишь.

Кива отдавала дань уверенности Эшлин, но самой ей было сложно в это поверить. И все же, когда она отправилась вслед за принцессой в общую душевую, быстро вымылась и влезла в новую одежду – белую кожаную броню, почти такую же, как у Эшлин, – она все не могла выкинуть из головы лицо Джарена. Не ту безразличную гневную маску, которую он носил большую часть их встречи, но мягкое и нежное выражение, преобразившее его лицо, стоило ему увидеть ее рану.

Вот это был ее Джарен.

Он все еще существовал.

И именно это подарило ей больше всего надежды.

Глава тринадцатая

Голдрик дожидался в штабе, удобно устроившись во главе прямоугольного стола. Синяки уже поблекли, чистые волосы стягивал кожаный ремешок, борода была подстрижена коротко и аккуратно, а еще ему дали чистую одежду, и теперь он выглядел новым человеком.

Как только Кива вошла в комнату вместе с Эшлин, Голдрик поднял на нее карие глаза, а следом за ним и все остальные.

Как и прошлой ночью, в комнате собрались Джарен, Кэлдон и Эйбран; но, к удивлению Кивы, присутствовали еще Торелл и Креста, оба без веревок и, подобно Голдрику, куда чище и в новой одежде: черной, как у Джарена, Кэлдона и всех солдат лагеря. Кива озадаченно взглянула на Эшлин, но та лишь пожала плечами:

– Нам и без них есть о чем беспокоиться. Потом решим, что с ними делать.

С благодарностью кивнув, Кива подошла прямо к брату. Вертки больше ему не мешали, так что он крепко обнял ее, но тут же отпустил, услышав, как она охнула от боли.

– Что такое? – Торелл оглядел ее.

– Да ничего, – ответила Кива, пытаясь не обращать внимания на потревоженное плечо. – Просто со сна все затекло.

Она повернулась к Кэлдону, пока Тор не разоблачил ее вранье, и спросила:

– А где Типп?

– Он с Наари, – ответил Кэлдон, и в Киве вновь всколыхнулась вина. – Он, ну, проснулся рано и не захотел тебя будить.

Теперь врал уже Кэлдон, но Кива подавила чувства и, сосредоточившись на том, зачем они все собрались, перевела взгляд на Голдрика.

Тот все еще пристально ее разглядывал, так что Кива подошла к нему и села за стол, а остальные расселись вокруг.

Не успела она решить, с какого вопроса начать, как Голдрик взял слово.

– Все, что вы якобы знаете, – неправда.

Слова эхом разлетелись по комнате, и Кива нахмурилась – и не она одна:

– Может, развернешь свою мысль? – сказал Кэлдон, сидящий рядом с Кивой, и успокаивающе пожал ей руку под столом. – Предлагаю начать с начала.

Голдрик проникновенно воззрился на Торелла.

– Твоя мама никому не желала вреда. Ты и сам знаешь.

Тор стиснул зубы и ничего не ответил.

– Она никогда не делала того, о чем вы думаете, – сказал Голдрик, будто умоляя поверить ему. – Едва коснувшись темной магии Торвина, она поняла, что ошиблась, и поклялась в жизни ее больше не трогать. Но потом и Зулика открыла в себе этот дар, и ей *понравилось* ощущение власти. Понравилось вредить людям, *убивать* их. Тильда это заметила и взяла вину на себя. Однако все ужасы, которые вы слышали о Мятежной королеве, – дело рук Зулики.

– Думаешь, мы поверим? – спросила Эшлин, опираясь локтями на стол.

– Это правда, – ответил Голдрик. – Вот почему Тильда так отчаянно желала вытащить Киву из Залиндова. Она рискнула всем, отправившись за помощью к Навоку.

Он повернулся к Киве:

– Она не собиралась выдавать тебя за него замуж: думала расторгнуть соглашение, как только ты окажешься на свободе. Клянусь, план был таков.

Как и Торелл, Кива ничего не ответила, но сердце наполнилось сомнениями.

– Только ты можешь спасти сестру, – заявил Голдрик.

– *Спаси?* – переспросила Эшлин, сощутив серебристые глаза.

Голдрик кивнул.

– От нее самой. Магия Кивы может избавить ее от тьмы, полностью уничтожив ее дар.

Навок намекал на что-то подобное, но все равно... Киву это не убедило.

– Сама Тильда не могла этого сделать, – продолжал Голдрик, – потому что стоит Корентину лишь раз прибегнуть к магии смерти, как целительский дар заметно слабеет. Кива была и остается единственным шансом Зулики. Единственным шансом для нас всех,

если Зулика решит проверить, как далеко может зайти. Знали бы вы, на что она способна...

Его передернуло.

– Кажется, мы уже примерно представляем, – мрачно заметил Джарен.

– Простите, Ваше Высочество, но сомневаюсь в этом, – возразил Голдрик. – Зулика еще не вошла в полную силу. Что бы вы ни видели, это ничто по сравнению с тем, чего она достигнет, если дать ей время потренироваться. Если не взять ее под контроль, она поставит весь мир на колени – я имею в виду, буквально.

Кива вспомнила, как сила Зулики сковала ее, а собственное тело отказалось подчиняться. Если Голдрик не врал, если сила Зулики все еще растет...

Помоги им небо.

– То есть Тильда отправилась к Навоку, чтобы он помог вытащить Киву, и все ради того, чтобы остановить – извини, *спасти* – Зулику, – подытожила Эшлин, постукивая ногтями по столу. – Зачем такие трудности? Этот, – она ткнула большим пальцем в Торелла, – вытащил вот эту, – еще один тычок в Кресту, – и даже не вспотел. Да, получилось у него только потому, что в Залиндов после бунта набрали много новобранцев, так что никто не заметил ничего подозрительного, но все равно: сбежать оттуда возможно и безо всяких уговоров с заграничными королями.

Приуныв, Голдрик ответил:

– Тильда была не вполне в своем уме. Магия смерти желала вырваться на свободу, а она все подавляла ее. Но это словно бороться с волнами, и когда она не пустила силу наружу, та заполнила ее изнутри, отравила и медленно убила.

Кива посмотрела на Торелла. Заболевание крови, которое лишило их мать и здоровья, и зрения. Бабушка Делора говорила, что в этом виновата магия смерти, но Кива подумала, что имелось в виду применение этой магии, а не сопротивление ей. Хотелось поверить Голдрику, хотелось думать только хорошее о матери, которую она так любила раньше, но картинка все еще не складывалась целиком.

– Говоришь, она поехала в Мирравен, потому что была не в своем уме? – не скрывая скепсиса, спросил Джарен. – Тогда почему ты ее не остановил?

– Я пытался, – ответил Голдрик, укладывая руки на стол. – Поехал за ней, убеждал, что есть и другие способы. Но тревога лишила ее разума, Тильду так поглотила идея добраться до Навока, что она напала на меня. Чуть не убила.

Окровавленный плащ, который нашли повстанцы, – все-таки это Тильда приложила руку, осознала Кива.

– Она не хотела, – тихо заметил Голдрик. – Потом она ужасно раскаивалась, подлечила меня, как могла, пусть ее целительский дар был уже не тот, что прежде. Но я все равно отказался бросать ее, а она не отступилась от своего плана, так что мы поехали в Задрию, и всю дорогу я пытался урезонить ее. В пути у меня воспалились раны, и я...

Он прикрыл глаза и признался:

– Я никак не мог ее остановить. Пока она договаривалась с Навоком, я лежал без сознания, а итог переговоров узнал, лишь когда она уже уехала в Залиндов. А потом Навок бросил меня в камеру, сделал заложником, чтобы Тильда точно вернулась с обещанной дочерью.

Взглянув на Киву, он пояснил:

– В тот момент Навок не мог отправиться за тобой сам. Не мог рисковать и привлекать внимание к своим планам. Но после всего, что последовало дальше: после Ордалий, после того, как ты очутилась в Речном дворце, после переворота Зулики... – Голдрик пожал плечами. – Когда тебя вернули в Залиндов, секретность уже мало его беспокоила.

Повисла тишина, пока все обдумывали сказанное, но потом заговорил Кэлдон – таким же скептическим тоном, как Джарен до него:

– Что-то ты слишком хорошо осведомлен для человека, который полгода просидел в камере.

– Навоку нравилось навещать меня, – ответил Голдрик, не поднимая взгляда от рук. – Расспрашивал о повстанцах, о магии Зулики, о всяком-разном. Но в основном просто хотел поболтать. *Позлорадствовать*. Он не скрывал, что освободить меня не собирается, и потому спокойно делился со мной сведениями, о чем, полагаю, сейчас жалеет.

Эшлин подалась вперед.

– Какими сведениями?

Голдрик не успел ответить, как громкое фыркание привлекло внимание всех собравшихся к Кресте.

– Только не говорите мне, что верите этому типу, – заявила она, смеясь. Ткнула пальцем в Голдрика: – Надо полагать, ты не дурак, и у тебя было полно времени придумать, как бы выставить себя в лучшем свете. Из твоих слов следует, что теперь нам полагается науськать Киву на ее сестру-психопатку, чтобы она – что? Спасла мир?

Креста снова фыркнула.

– Да она себя-то спасти не может, не говоря уже об остальных, – незатейливо отмахнулась она. – И кстати, магия ее не работает. Так что если хочешь остановить Зулику, или спасти ее, или что тебе там надо, то придется придумать другой план.

Голдрик с осязаемой тревогой воззрился на Киву:

– Что с твоей магией?

Кива поерзала на стуле и ничего не ответила.

– Сколько ты тренировалась? – настаивал Голдрик. Увидел выражение ее лица и уточнил: – Ты же тренировалась, да?

– Учítывая, что последние десять лет она скрывала, кто она такая, примерно ото всех, – съязвила Креста, – думаю, можно смело предположить, что ответом будет «вообще ни разу».

Она мрачно хохотнула и добавила:

– Как ты себе это представляешь: вот она фланирует вокруг Речного дворца и швыряется направо и налево своим исцелением? Я бы приплатила, чтобы на это посмотреть.

Кива сердито посмотрела на Кресту.

– Я не *фланирую!* Что это вообще значит?

– Из всего, что я сказала, тебя именно это...

– Дамы, прошу вас, – вмешался Кэлдон, пытающийся скрыть улыбку. Следующий сердитый взгляд Кивы достался уже ему.

– Ты должна немедленно начать тренировки, – сказал Голдрик, и все внимание вернулось к нему. – Магия – это как мышцы: чтобы укрепить их, нужно заниматься. А тебе придется стать сильной, чтобы выстоять против...

– Да нечего укреплять, – перебила его Кива, которую замутило от перспективы вновь встретиться с сестрой. – Я сейчас даже почувствовать дар не могу. Что-то сломалось в нем... Во мне.

Признавать правду было непросто, но, судя по тому, что вчера случилось с Наари, дела становились только хуже.

– Когда ты в последний раз применяла дар без труда? – спросил Голдрик.

Кива предпочла бы обсудить этот вопрос с глазу на глаз.

– Два с половиной месяца назад.

Она не стала упоминать маскарад, лишь добавила:

– Тогда... Я тогда много прибегала к магии.

– Она вылечила меня от смертельной раны, – вспомнил Торелл.

– И Джарена тоже несколько часов спустя, – добавил Кэлдон, и Киве стоило немалых усилий не взглянуть на наследного принца. – А прямо перед этим разорвала узы Зулики и освободила нас. Вся комната светилась от ее мощи.

– Может, просто перетрудились? – слегка нахмурилась Эшлин. – Хотя два с половиной месяца – это немало. Пора бы уже восстановиться.

Кива теребила пряжку на одежде – ей было неудобно под всеобщими взглядами.

– Нет, дело не в этом... – ответил Голдрик так задумчиво, что Кива подняла взгляд и обнаружила, что он пристально всматривается в нее.

Слишком уж пристально.

– Ты ведь боишься.

Мягкие слова бывшего главы повстанцев не были вопросом.

Кива застыла.

– Теперь ты знаешь, на что способен твой дар, знаешь, что его можно использовать как во благо, так и во зло, и ты очень боишься, – тихо произнес Голдрик. – Ты так напугана собственной силой, что сама себе мешаешь. Вот почему магия не работает: ты сама себя останавливаешь.

Кива торопливо выпалила:

– Я не...

– Они сделали свой выбор, понимаешь, – перебил ее Голдрик. – Тильда, Зулика – они намеренно *решили* использовать дар во зло. Твоя мать, как я уже рассказал, всю жизнь жалела об этом решении. Но это не было волею случая. Они сами решились на это.

Он подался вперед, посмотрел ей в глаза.

– Ты сама выбираешь, кем тебе стать, Кива. Добрая или злая – решать тебе. Магия – это лишь инструмент, ты направляешь его, а не наоборот. Она не обратит тебя в нечто, чем ты становиться не хочешь. Все устроено не так.

И добавил уже мягче:

– Не нужно бояться магии. Ее нужно подпитывать, беречь, развивать. И тогда... Кива, в твоих силах изменить мир. Исцелить его.

Кива торопливо ловила ртом воздух, мучительно осознавая, что все на нее смотрят.

– Я не хочу менять мир, – прохрипела она. – Просто хочу, чтобы мои близкие были в порядке.

Голдрик не сдавался.

– Не будет никакого порядка, пока твоя сестра у власти. Но ты и сама это понимаешь, верно?

Кива сглотнула, опустила взгляд, не в силах ответить.

Повисла напряженная пауза, пока Кэлдон наконец не произнес делано бодрым тоном:

– Ну, по крайней мере, есть с чего начать. Магические тренировки для Кивы. Записано!

Кива не нашла в себе сил даже благодарно взглянуть ни на него, ни на Эшлин, которая сменила тему, сказав Голдрику:

– Ты говорил, что Навок делился с тобой сведениями. Он когда-нибудь упоминал аномалий, которых он собирает? Рассказывал зачем?

Голдрик окинул взглядом Эшлин, Кэлдона, Джарена; видимо, наконец принял решение и ответил:

– Я всю жизнь положил на то, чтобы свергнуть вашу семью.

Все трое Валлентисов застыли.

– Меня с рождения воспитывали в убеждении, что престол Эвалона должны занимать Корентины, – заявил Голдрик. – Я никогда не подвергал это сомнению, даже когда узнал, что магия Торвина обратилась во тьму. Начал понимать лишь после того, как своими глазами увидел ее последствия. Сила Зулики...

Он скорбно покачал головой.

– Я ошибался. Даже Тильда ошибалась. Нам давно следовало отступить.

Он взглянул на Торелла – замершего, бледного.

– Ты был прав той ночью, когда пришел ко мне и заявил, что мы все только усложняем. Ты говорил, что мы и есть главная проблема. – Голдрик понизил голос до шепота. – Зря я тебя не послушал.

Кива сомневалась, дышит ли вообще Торелл, зато видела, как Эшлин и Джарен уставились на ее брата, не в силах скрыть удивление. Кэлдон сидел с самодовольным видом, будто сообщая семье: «Ну я же говорил».

Голдрик продолжил уже громче, вновь обращаясь к Валлентисам.

– Во мне что-то переменялось, когда мы с Тильдой приехали в Задрию. Оказавшись вдали от лагеря повстанцев, я смог увидеть цену нашего восстания, ту боль, которую мы причиняли народу Эвалона, и понял, что победа того не стоит. Вот почему я отвечу на ваши вопросы о Навоке: я считаю, что мы ошиблись. Я лично ошибся. И хочу помочь все исправить, если вы позволите.

Он не стал дожидаться ответа, лишь глубоко вздохнул и рассказал:

– Эти аномалии... Навок разыскивал их много месяцев с тех самых пор, как стал королем. Они не так редки, как считается, а магия часто передается из поколения в поколение. Но они стараются не привлекать к себе внимание – боятся, что с ними дурно обойдутся или используют в своих целях, так что прячутся тут и там, в разных уголках королевств. В основном они живут в тайных магических общинах, и когда Навок узнал об этом, то разослал повсюду следопытов на их поиски. При мне он упоминал три общины: в Джиирве, в Хадрисе и в Валорне.

Голдрик помолчал.

– Не знаю, как он убедил их переехать в Мирравен – заплатил или запугал. Зато знаю, что под его командованием сейчас несколько сотен, и их уже начали тренировать для боя. Это зачаток его личной магической армии, и, если они останутся ему верны, очень скоро он пустит эту армию в ход.

– Магической *армии*? – в ужасе выдохнул Торелл.

– Несколько *сотен*? – одновременно с ним охнула Эшлин.

Прошлой ночью принцесса говорила о дюжинах, но, судя по всему, Навок собрал куда больше аномалий.

Голдрик был серьезен.

– По меньшей мере.

Это число было ничтожно в сравнении с войсками Эвалона, но между солдатом с мечом и солдатом с магией зияла бездонная пропасть. Даже Кресту, кажется, встревожили новости, а ее тревожило очень немногое.

– Кто-нибудь из них умеет управлять ветром так же, как ты вчера, когда перенес вас троих сюда так быстро? – спросил, напрягшись, Кэлдон. – Мы пристально наблюдаем за границами, но, если им нет нужды их пересекать... Стоит готовиться к внезапному нападению?

У Кивы все внутри похолодело от ужаса, но Голдрик покачал головой:

– Нет, ветроворот – это тщательно хранимая семейная тайна. В моей семье я первая аномалия за много поколений, но мои дальние предки владели магией воздуха, и они завещали беречь эту технику. Насколько я знаю, больше этим умением никто не владеет.

– Этому можно научиться? – спросила Эшлин. – Такому ветровороту?

– Аномалиям Навока потребуется немало времени, чтобы без учителя понять, как оно работает. Годы. Может, десятилетия, – ответил Голдрик.

– Я не о них, – сказала Эшлин. – Меня можешь этому научить?

Голдрик выпрямился на стуле, поразмыслил немного – решал, настолько ли он верен бывшим врагам, ныне союзникам, чтобы передать им такую тайну. Но наконец ответил:

– Никогда не пробовал научить этому, но можем попытаться. Однако будет непросто, – предупредил он.

– Я не боюсь трудностей, – дерзко ответила принцесса.

Голдрик не успел ответить: Джарен заговорил первым. Если его и задело, что кухня собирается учиться редкому магическому навыку, то он удачно это скрыл, но у Кивы все равно болело за него сердце.

– Я все равно кое-чего не понимаю, – сказал он, насупив золотистые брови. – Почему Навок согласился на сделку с Тильдой?

И добавил в сторону Эшлин:

– Вчера ты была права, тут наверняка кроется что-то большее, чем простой союз с повстанцами, тем более что у него есть аномалии. С чего ему соглашаться на брак с одной из Корентинов? И почему именно с Кивой, а не с Зуликой?

Сощурившись, он посмотрел на Голдрика, и тот заерзал на стуле под его взглядом.

– Что-то ты нам недоговариваешь.

Теперь все повернулись к бывшему лидеру мятежников. Его это явно смутило и наконец он сломался и закрыл руками покрытое синяками лицо.

– Я не хотел ему говорить. Клянусь, не хотел! – раздался сквозь пальцы приглушенный голос Голдрика. – Но он понял, что я что-то скрываю, пытал меня, и я...

Он издал полный раскаяния всхлип.

– Что ты ему сказал? – Выражение лица Эшлин было таким же жестким, как и тон.

Голдрик убрал руки, обветренное лицо сморщилось, и он ответил:

– О Длани Богов.

Кажется, он ожидал иной реакции, потому что Кива, окинув стол взглядом, увидела лишь такие же озадаченные лица, как и у нее самой.

Голдрик, заметив это, пояснил:

– Вы знаете об Оке Богов, которое даровали Саране? Что оно было способно забрать магию Торвина?

– Да, знаем, – лаконично ответил Джарен, на что Кива поморщилась и сжалась на стуле.

– Так вот, древние боги преподнесли еще один дар – давно, еще когда Торвин применял силу во благо. Этот дар был и для него, и для Сараны в те времена, когда они правили королевством вместе.

Голдрик набрал воздуха и рассказал:

– Око Богов уничтожает магию. А Длань Богов *создает* ее.

Кива застыла как статуя, взглядом все время возвращаясь к Джарену.

– Как это? – не понял Кэлдон.

– Никогда не думали, откуда взялась магия? Откуда появилась сила у первых аномалий? – спросил Голдрик. – Магию принесла людям Длань Богов. Силу стихий, во всяком случае. Никогда не слыхивал, чтобы кто-нибудь, кроме Корентинов, умел исцелять магией. Или убивать, если уж на то пошло. Несмотря на все мои исследования, я еще не понял, почему...

– Давай к делу! – рубанула Креста. – Зачем Навок пытался выведать про Длань Богов?

– Полагаю, вы уже поняли, что он собирается захватить не только Эвалон, но и все остальные королевства Вендерола? – спросил Голдрик, и все сдержанно кивнули. – Такова его цель, но есть кое-что, чего он хотел бы еще сильнее. Вот вторая причина, зачем он собирает аномалий: Навок одержим магией. Много лет назад до него дошел слух, что он и сам может получить такую силу, и с тех пор он на этом заиклился.

Голдрик сглотнул.

– Как я уже говорил, он удерживал меня в Задрии, чтобы ради меня Тильда вернулась и привела ему Киву, но это не вся правда. Еще он выяснил, что я происхожу из древнего рода сподвижников Торвина, в котором сохранялись и передавались древние знания. Я хотел... Я не смог... Он... – Собравшись, Голдрик тихо признал: – Он убил бы меня, не рассказывай я ему, что знаю.

– А что ты знаешь? – спросил Кэлдон, застыв рядом с Кивой. – Что ты ему рассказал?

– Все, – печально ответил Голдрик. – Вот почему ему так нужна Кива. Потому что без нее Длань не работает. А с ней у него есть шанс получить собственный дар.

– Поясни! – сверкнул глазами Джарен. – На этот раз как следует. Что известно Навоку, то и нам нужно знать.

Голдрик ответил без сомнений:

– Подразумевалось, что Торвин и Сарана будут использовать Длань Богов сообща, раз уж это был символ их мирного союза и процветания, которого они желали не только своей стране, но и всему Вендеролу. И чтобы она подействовала, нужны силы и Валлентисов, и Корентинов – но только дара исцеления, а не смерти.

Он встретил ошарашенный взгляд Кивы.

– Ты – последняя из Корентинов, кто обладает даром исцеления. Ты очень нужна Навоку. Еще ему нужна магия Валлентисов, но... – он махнул рукой на королевскую семью, – их-то несколько, включая принцессу Миррин... извините, королеву Миррин... которая уже на его стороне. Но вот ты, Кива... – с раскаянием поглядел на нее Голдрик, – твоя мать говорила Навоку, что ты сильна, и сначала ты нужна была ему лишь поэтому, особенно когда он узнал, на что способна Зулика. Но после того как я рассказал ему о Длани, он не

остановился бы ни перед чем, чтобы заполучить тебя. И не остановится.

У Кивы защемило сердце.

– Что вообще такое эта Длань?

Горло сжало от страха, и она добавила:

– Она уже у Навока?

– Нет, хвала богам, – ответил Голдрик, и все слегка расслабились. – Это четыре кольца, каждое из которых представляет свою стихию, и работают они, только когда кто-то из Валлентисов наполняет их магией: земли, воздуха, огня и воды.

Кива подумала об амулете, который носила под одеждой: если наполнить его магией, он мог защитить от стихий. Похоже, эти четыре кольца обладают той же способностью, а в ответ еще и даруют силу, а не просто защищают от нее.

– Сарана наполняла кольца магией, – сказал Голдрик, – а Торвин надевал все четыре и пропускал сквозь них целительский дар, смешивая его с силами Сараны. Таким образом можно было влить дар стихийной магии в другого человека. – Он понизил голос. – Когда Торвин обратился к магии смерти, Длань перестала работать. Но Сарана не забывала, что у него могут появиться дети с даром исцеления, и понимала, что если они доберутся до колец, Торвин сумеет собрать личную армию магов...

Прямо как сделал Навок безо всякой Длани, подумала с растущей тревогой Кива.

– ...так что она раздала кольца своим ближайшим соратникам из Джиирвы, Хадриса, Валорна и Ардена, чтобы те спрятали их у себя в королевствах. Навок не знает, где они: я рассказал ему, что они закопаны далеко в северных пустошах, но он отправил за ними поисковый отряд и скоро узнает правду. Он умен, и у него достаточно ресурсов, чтобы выяснить, кому она отдала кольца на самом деле, особенно теперь, когда он знает, о чем спрашивать.

Голдрик беспомощно всплеснул руками, как бы извиняясь, и закончил:

– Он не сможет применить кольца, пока не найдет все четыре, не наполнит каждое магией и не разыщет Киву, но все равно... Ситуация не из лучших.

Кэлдон свирепо воззрился на него:

– Правда, что ли?

– Ты сказал, ему нужны силы Валлентисов, – подчеркнула Эшлин. – Миррин снабдит его воздухом и огнем, но на этом все. Ему нужна не только Кива, но и мы, а мы не...

– Ориэль и тетя Ариана! – Кэлдон выругался. – Они же до сих пор в Речном дворце. Землю и воду он получит от них.

Джарен стиснул зубы при напоминании о том, что его мама и брат остаются заложниками в Валлени. Кива знала, что это пожирает его живо, но опасалась, что любые ее утешения только все испортят.

– В кольцах еще могла остаться сила Сараны, – поведал Голдрик. – Если так, то их можно использовать и без помощи Валлентисов.

Кэлдон вновь выругался.

– Получается, Навоку нужно только разыскать кольца, – подытожил Торелл, который слушал Голдрика молча большую часть времени, – а потом убедить Киву помочь, и он сможет...

– Боюсь, что да, – подтвердил Голдрик.

В этот раз выругался уже Джарен, который стиснул виски и уставился на столешницу.

– Нужно достать их первыми, – сказал он. – Иначе Навок обратится в действительно серьезную угрозу. Он уже силен. С магией его будет не остановить.

Никто не успел ни согласиться, ни возразить, как раздалось хихиканье Кресты.

– Я впечатлена, – ухмыльнулась она Джарену. – Я сразу подумала, что если убрать из уравнения Киву... – она провела пальцем по горлу, – то угрозы не станет. Но вы молодцы, даже не подумали об этом.

– Креста! – одернул ее Торелл, а Кива просто кинула на нее неодобрительный взгляд.

– Что? – спросила Креста. – Не одна же я об этом подумала. – И добавила Киве: – Лично я против тебя ничего не имею. Но признай, от тебя сплошные неприятности.

– Никому не пришло в голову очевидное? – проигнорировала Кива рыжую и озвучила то, о чем подумала первым делом, как только Голдрик объяснил, зачем нужна Длань. – Если соберем кольца, сможем вернуть Джарену магию.

Все вокруг застыли, и стало ясно: об этом в самом деле никто не подумал. На лице Джарена отразилось такое потрясение, что Кива покраснела и быстро договорила:

– Ну и еще сможем собрать собственную армию магов, чтобы защищаться от Навока. Так что, если доберемся до Длани первыми, мы не только помешаем ему обрести силу, но и не дадим захватить Эвалон и весь Вендерол.

Повисла пауза, пока остальные обдумывали ее слова, а потом Эшлин сказала:

– Весомый довод, только вот на поиски Длани могут уйти многие недели. Месяцы. Придется проехать через весь континент, а потом еще понять, где кольца. И все это время Зулика...

– Прошу прощения, – прервал ее Голдрик, – но кольца отдали правящим семьям тех королевств, которые я называл. И то лишь на сохранение: вам нужно просто попросить их обратно.

– Все равно придется ехать...

– Я могу использовать свой ветроворот, – предложил Голдрик. – Часть пути придется проделать верхом, но на несколько сотен миль я смогу нас перенести.

Он всмотрелся в Эшлин.

– Если ты быстро учишься, то и ты сможешь.

– С чего ты решил, что едешь с нами? – спросил Кэлдон.

– Если не хотите тратить на путешествия целые недели, пока Зулика терроризирует Эвалон, а Навок готовится к нападению со своей магической армией, без меня вам не обойтись, – спокойно ответил Голдрик. – И Киве с обучением я тоже могу помочь. Не забывайте: когда разберемся с Навоком, останется еще ее сестра.

Киву вновь замутило.

– Мне все это не по душе, – поджала губы Эшлин. – Как бы не подыграть Навоку, отправившись за кольцами.

– Скорее всего, так и будет, – с тем же кислым видом поддержал Джарен. – Но разве ты согласишься сидеть на месте, пока он бурно ищет кольца? Может, пусть лучше лежат у нас в целости и сохранности? Попробует выкрасть их у нас – мы будем готовы. Будем этого ждать. И Кива права, сможем создать собственную стихийную армию, чтобы противостоять его солдатам. Одного этого достаточно, чтобы рискнуть.

Эшлин будто заколебалась, но Джарен не закончил.

– Меньше всего мне сейчас хочется покидать Эвалон, – тихо, с болью произнес он. – Зная, что Зулика и Миррин на троне, что мама и Ори у них в руках...

У него дернулся кадык.

– Ты и представить не можешь, как я не хочу уезжать. Но еще я понимаю, какую опасность представляет Навок. Из наших врагов он сейчас опаснее всего. Кольца помогут нам разобраться с ним, а потом уже можно будет сконцентрироваться на Зулике и Миррин и устранить их от власти.

Эшлин выдержала его пылающий взгляд, прежде чем наконец кивнуть:

– Так и сделаем. Пошлю весточку в остальные лагеря, пусть часть войск отправится к Валлени, пока нас не будет, – просто на случай, если какие-нибудь аномалии Навока просочатся через границу. Эйдран, сделаешь?

Кива дернулась – опять забыла, что стражник все это время незаметно присутствовал в комнате.

– Думаю, я больше пользы принесу, отправившись с вами, – мягко пророкотал тот в ответ. – У нас все еще немало вопросов насчет аномалий. Голдрик сказал, что знает магические общины в трех королевствах, куда вы направляетесь, так давайте я поищу их и попробую что-нибудь разузнать, пока вы забираете кольца.

– Умно, – тихо признал Джарен.

– Хорошая мысль, – согласилась Эшлин и поднялась. – Ветроворот или нет, а времени мало. Давайте за сегодня соберемся, а завтра рано утром – в дорогу.

– Кто едет? – уточнила Креста, изогнув бровь. – Я теперь вольная женщина. Мне есть чем заняться, куда сходить, кого...

– Ты едешь с нами, – сказала Эшлин и бросила взгляд на Торелла: – Ты тоже. Никто из вас никуда не отправится, пока все не кончится, а я не решу, что с вами делать.

– Я бы все равно не бросил Киву, – сказал Тор.

– Я бы бросила, – буркнула Креста, но Кива по ее лицу видела, что это вранье. Креста помимо воли была заинтригована и, возможно, даже радовалась, что ее включили в свои планы.

Вскоре все разошлись; Эшлин отправилась переговорить с командирами, но сперва велела Тору, Кресте и Голдрику помочь Эйдрану собрать припасы для путешествия – и не слишком старалась скрыть, что хочет оставить их под присмотром бдительного стража.

Следом ушел и Джарен, оставив Киву наедине с Кэлдоном. Она проводила тоскливым взглядом его спину, исчезающую в дверях штаба. Ее расстраивало, что он так и не оттаял, хотя выяснил, что Длань может вернуть ему силу. Впрочем, надежда пока не угасла: она не забыла его беспокойство за нее поутру.

«Все будет хорошо, – твердила себе Кива, согласившись помочь Кэлдону уложить вещи и вслед за ним выйдя на летнее солнышко. – Найдем кольца, Джарен вернет себе магию, остановим Навока, а потом мы с Зуликой...»

Поток рассуждений резко оборвался, когда Кива увидела у входа в штаб Типпа, беседующего с Джареном. Они склонили друг к другу головы, Типп скалился во все свои редкие зубы, а Джарен улыбался ему в ответ и выглядел куда счастливее, чем когда бы то ни было с самого их воссоединения, и у Кивы застыло сердце. Раньше Джарен постоянно улыбался ей вот так, но теперь...

Боги, ей так его не хватало.

Но она не сводила глаз с Типпа, улыбка которого растаяла, когда он заметил Киву.

– Может, не надо... – прошептал Кэлдон, но Кива бросилась вперед, прежде чем он договорил.

Не успела она сделать и пару шагов, как Типп развернулся на месте и умчался прочь.

Кива замерла, хотела окликнуть его, но испугалась, что он не послушается. Разумеется, он бы ее не послушался.

– Типп, – прошептала она, глядя ему вслед полными слез глазами.

Какое-то легкое движение отвлекло ее внимание от силуэта Типпа, который исчез вдали, и она оглянулась на Джарена – тот по-прежнему стоял на месте и внимательно за ней следил. На миг ей показалось, что она заметила проблеск сочувствия в его сине-золотых глазах, но он сразу же пропал.

А потом исчез и Джарен – ушел вслед за Типпом, не оглядываясь.

Глава четырнадцатая

Той ночью Кива вновь оказалась в лазарете.

Время было за полночь, но она не могла уснуть – частично потому, что волновалась насчет предстоящего путешествия, но в основном обдумывала дневную встречу с Типпом. С тех пор он старательно избегал ее, вечером даже перебрался к Джарену, потому что знал, что туда бы она не пошла. Он всеми возможными способами ее сторонился, и хоть она его понимала, но все равно расстраивалась. Если бы только он согласился поговорить, чтобы она могла *объяснить...*

Кива вздохнула и отдернула занавеску вокруг кровати Наари; стражница выглядела точно так же, как и прошлой ночью.

Кива долгое время ничего не делала, просто неотрывно смотрела на подругу и на кружащие вокруг темные тени. Но потом протянула руку и сплела пальцы с Наари.

– Голдрик прав, – тихо сказала Кива. – Я правда боюсь своего дара. Саму себя боюсь.

Со вздохом она призналась:

– Но еще больше я боюсь потерять кого-нибудь из близких. – Она стиснула пальцы стражницы: – Наари, вернись, ты нужна мне. Нам всем нужна.

Ее слова не вернули Наари из противоестественной дремы, но Кива пришла не просто чтобы поболтать с подругой.

«Ты сама выбираешь, кем тебе стать, Кива, – сказал ей утром Голдрик. – Добрая или злая – это тебе решать».

Невзирая на свои тревоги насчет возможностей дара и того, в кого он способен ее обратить, сейчас Кива не сомневалась в себе. Она побывала в аду, а за последние десять лет – да что там, за десять *недель* – перенесла столько, сколько многие другие и за всю жизнь не видывали, и это сделало ее той, кто она есть. Ни одной клеткой своего тела, ни одной мыслью не могла она допустить применение магии во зло.

Кива совершала ошибки. Ужасные, чудовищные, непоправимые ошибки. Но к худу или к добру, она всегда поступала так, как считала

правильным. Ее магия не определяла ее суть, не было у нее и силы решать судьбу Кивы.

Тильда сама выбрала обратиться к магии смерти, хоть и ненадолго. Зулика сама выбрала тот же темный путь. Но Кива его не выбирала и не выбрала бы никогда.

«Ты не такая, как они, – сказала ей бабушка перед самой смертью. – Ты свет во тьме».

Кива стояла, глядела на Наари и чувствовала, как внутри что-то сместилось. Ее магия – дар, а не оружие. Нет причин бояться: он – часть Кивы, такая же подлинная и жизненно важная, как сама кровь в венах. Как поступать с ним, решает сама Кива и никто иной.

А она была намерена применять его во благо.

В прошлом, в настоящем, в будущем – она всегда применяла бы его во благо.

И начнет прямо сейчас.

Глубоко вздохнув, Кива крепче взяла Наари за руку и закрыла глаза, обращаясь к магии в своей крови. Она не позволила разуму скатиться по тропе страха и отказалась подпитывать тьму вероятностей.

Кива шептала сама себе:

– Я хорошая. Я решаю. И я не боюсь.

Она думала, что будет сложнее, что придется бороться с магией и покорять ее силой, но магия будто ждала, когда ее наконец позовут, полюбят, *примут*. Пальцы почти сразу же начало покалывать, вены затопило тепло, и тут же золотой свет пробился сквозь опущенные веки, когда ее сила нежными целебными волнами вырвалась наружу.

Ощувив этот прилив, эту чистую, *добрую* магию, Кива едва не разрыдалась. Магия не была злом, и сама Кива им не была.

С полувсхлипом-полусмешком она велела дару стереть тени Зулики и разрушить их узы вокруг Наари.

У стражницы дрогнули пальцы.

Кива подпрыгнула, распахнула глаза и как раз успела увидеть, как меркнет целебный свет, унося с собой все следы магии смерти.

Тени Зулики пропали.

Кива справилась. Не было даже трудно. Нужно было лишь поверить в себя и перестать себя бояться.

– Наари? – прошептала Кива, чуть пошатываясь: она уже забыла, какое изнеможение всегда чувствовала после применения дара. – Наари, это Кива. Ты меня...

Янтарные глаза распахнулись.

Невероятно быстрым движением Наари выпрыгнула из постели и бросилась на Киву, сбив ее на пол, путаясь ногами в простынях, порвав занавески, которые тут же накрыли их обеих сверху.

– Что ты... – охнула Кива, но больше ничего не успела: пальцы стражницы сжались на ее горле.

На миг Киву охватила паника, но тут тяжесть Наари вдруг исчезла, а пальцы оторвались от шеи.

– Наари, стой!

Не будь Кива уже охвачена ужасом, она бы застыла при звуке командирского голоса Джарена, который оттащил стражницу в сторону. В темноте лазарета она видела, как он сражается с Наари, пытаясь усмирить ее.

– Пусти! – вопила Наари. – Ее сестра – Гадюка! Она Корентин! Она...

– Стой! – еще тверже велел Джарен. – Я знаю. Все знают. Просто остановись, а я все объясню.

При этих словах боевой дух покинул Наари, хотя она не расслабилась и смотрела так же дико. Но потом пришла в себя достаточно, чтобы оглядеться вокруг, и на ее лице промелькнуло непонимание.

– Мы что, в Серебряном Шипе? – окинула она взглядом ряды пустых больничных кроватей.

Кива, не поднимаясь с пола, посмотрела на Джарена:

– Ты за мной следил?

– Разумеется, – тут же ответил он. – Думаешь, я настолько тебе доверяю, чтобы отпустить ночью шататься по лагерю в одиночку?

– По лагерю? – спросила Наари. – По какому лагерю?

Но Кива не услышала, что ответил Джарен, – так ей вдруг стало больно. Учитывая обстоятельства, обижаться на его слова было бы нелогично. Но боль была настоящая.

– Что тут происходит? – раздался голос Кэлдона от входа в лазарет. Он всмотрелся в темноту и поспешно направился к ним. – Вы такой шум подняли, что перебудили половину...

Он умолк, когда подошел поближе и рассмотрел Джарена, который все еще удерживал пришедшую в сознание Наари, и Киву в ворохе тряпок на полу.

– А... – сказал он. – Ладно.

Он подошел к Киве и поднял ее на ноги, а потом с явственным облегчением на лице обернулся к стражнице.

– С возвращением, Наари.

– «С возвращением»? – И она уже с угрозой прорычала: – Или мне кто-нибудь все объяснит, или я...

Тут Джарен что-то тихонько сказал ей – Кива не расслышала, – а потом выпустил и повел из лазарета.

В отличие от того случая с Типпом, в этот раз он оглянулся и встретился глазами с Кивой.

– Спасибо, – с тихой, но искренней признательностью сказал он.

Несмотря на то что его негаснущее неприятие все еще ранило Киву, эти два слова и то, как они были произнесены, очень многое для нее значили.

– Отличная работа, солнышко, – тихонько сказал Кэлдон, когда Джарен и Наари скрылись за дверью.

Он обнял ее одной рукой и притянул себе под бок.

– Я знаю, тебе непросто. Но все наладится. Обещаю.

* * *

На следующее утро стало очевидно, что обещанию Кэлдона не суждено сбыться в ближайшее время.

Как и планировалось, их отряд встал рано, чтобы отправиться в Джиирву; всего их было десятеро: Джарен, Кэлдон, Наари, Типп, Креста, Торелл, Голдрик, Эшлин, жутковато-тихий Эйбран и сама Кива. Когда Эшлин явилась и увидела, как все они седлают лошадей из Стоунфорджа, она нахмурилась и заявила, что если они не хотят привлекать внимания, то отряд нужно урезать. Но Типп отказался покидать Джарена и Кэлдона, а сама Эшлин все еще не желала выпускать из виду Торелла и Кресту. Наари, которой рассказали обо всем, что произошло с момента бала-маскарада, не отходила от Джарена, Голдрик единственный мог ускорить путешествие, а без

Кивы не получилось бы применить Длань, когда они соберут все четыре кольца. Потратив на спор драгоценные минуты, Эшлин уступила, но с условием, что в каждом пункте назначения отряд разделится: половина отправится за кольцами, половина – с Эйдраном в общины аномалий.

Она не уточнила, кто куда пойдет, но все согласились, и путешествие наконец началось.

Столица Джиирвы, Йирин, располагалась на северо-западной окраине Вендерола, так что дорога лежала через Мирравен, а потом через Карамор – они надеялись успеть до того, как раненый принц Вошелл прикажет закрыть границы. Планировалось, что, когда они подойдут поближе, Голдрик с помощью ветроворота перенесет их к самой столице, но до этого момента предстояло еще неделю ехать верхом. Киву это не вдохновляло, и не только потому, что ее серый в яблоках конь, Зефир, относился к ней не лучше, чем Джарен, Наари и Типп.

– У них хотя бы повод есть, – пробормотала она мерину, когда тот изогнул шею и попытался отгрызть кусок ее ноги. – А тебе я яблоко дала, неблагодарное животное!

Если не считать кусачего коня, первые несколько часов дороги прошли сносно. Погода стояла мягкая, небо чистое, в воздухе разливалось всеобщее предвкушение. Типп подпрыгивал на спине пони, которого Эйдран нашел для него в лагерной конюшне, вне себя от радости, что отправился в приключение, но стоило Киве подъехать к нему, как он насупился и полностью закрылся. Он до сих пор не сказал ей ни слова и каждый раз, когда она направляла Зефира поближе, понукал пони и делал вид, что ее не существует.

Как и Типп, Джарен и Наари относились к Киве более чем прохладно; это было ожидаемо, но все равно изрядно портило поездку. Кэлдон пытался ее подбадривать, но он сражался с собственными демонами: его тяготила близость сестры, и когда они оказались в Мирравене, он уехал вперед вместе с Крестой высматривать патрули Серой Гвардии.

– Три года прошло, а он все не выносит меня, – мрачно произнесла Эшлин, подъезжая к Киве. – Как будто маму с папой убила лично я.

Киве хотелось поддержать принцессу, но могла посоветовать лишь то же, что советовали ей самой:

– Просто дай ему время.

Шли часы, отряд ехал вперед с неплохой скоростью. После короткого привала на обед Кива обнаружила, что едет рядом с Тореллом, и, хотя понимала, что уединения им не видать, ее так беспокоило молчание брата, ушедшего в себя на весь день, что она спросила:

– Все хорошо?

Он бросил на нее взгляд и тут же отвел глаза, а потом сдержанно кивнул.

Очевидно, он не желал беседовать, но Киву встревожил его серьезный вид и пустые, полные боли изумрудные глаза.

– Я очень рада, что ты здесь, – начала она, не позволяя Зефиру вцепиться зубами в лошадь Тора. – Понимаю, выбора у тебя не было, но...

– Я тоже рад, – ответил Тор и ласково взглянул на нее, но в глазах стояло то же затравленное выражение.

Кива подъехала ближе и сказала, понизив голос:

– Тор, ты можешь со мной поговорить. Я вижу, тебя что-то гнетет. – Она рискнула предположить: – Если это из-за Зулики...

– Я не хочу говорить о Зулике.

Слова были резкие. И горькие.

Кива осторожно произнесла:

– Может быть, стоило бы. Представить не могу, каково тебе, но...

– Верно, не можешь.

Он стиснул поводья.

Кива не собиралась сдаваться. Да, они не виделись десять лет, но до этого Торелл всегда поддерживал ее, был не только братом, но и другом. Да и после воссоединения он много раз ставил ее благополучие выше собственного – вплоть до того, что он едва не погиб, защищая ее.

Но Кива больше не нуждалась в его защите. И не желала оставлять его наедине с эмоциями, которые будут копиться, пока не загноятся, лишь потому, что он не хочет обременять ее собственными переживаниями.

– Она ударила тебя кинжалом, Тор, – тихо произнесла Кива. – И собиралась ударить магией смерти, о которой ты даже понятия не имел. Я понимаю, что тебе сейчас тяжело.

– Кива, я же сказал, я не хочу...

– Мне плевать, что ты там сказал, – твердо отмахнулась она. – Игнорируй меня сколько влезет, но в обозримом будущем тебе от меня не отделаться, и так или иначе, а нам придется об этом поговорить. Я предпочла бы сейчас, но если хочешь...

– Кива, она меня едва не убила! – выпалил Тор, обернувшись к ней в полном раздрае. – Наша сестра, наша плоть и кровь. Она годами убивала, а я ничего не знал. Она врала мне больше десятка лет – как думаешь, каково мне теперь? Знаешь, как мне стыдно? Как я виноват? Да это все равно будто я сам убивал!

– Тор... – прошептала Кива.

– Не надо, – хрипло велел он. – Не рассказывай, что моей вины нет. Я мог бы догадаться, мог бы остановить ее. Остановил бы – ничего из этого не случилось бы. А может, и мама... – Он умолк, но Кива слышала боль в его голосе.

Она знала, что он хотел сказать. «Может, и мама осталась бы жива».

– Слушай сюда, – сердито сказала она, подъезжая так близко, как только позволял Зефир. – Зулика неспроста скрывала свою силу – она не хотела, чтобы ты знал. Так что я, конечно, понимаю, почему тебе хочется винить себя... – Это еще мягко сказано, учитывая, в каких муках терзалась сама Кива, – но ты не в ответе ни за один из ее поступков. А что до мамы...

Кива убедилась, что Торелл внимательно ее слушает, прежде чем продолжить:

– Тот миг, когда она в первый раз применила магию смерти, стал для нее началом конца. Ты ничего не мог поделать.

– Но я...

– Никаких «но». Ты имеешь право на эти чувства, но это не значит, что ты прав. – И она мягко добавила: – Ты хороший человек, Тор. И если не веришь, ответь-ка: если бы ты смог помешать Зулике причинить кому-нибудь вред, ты бы помешал?

Тор выглядел изумленным.

– Конечно! Я же говорю, я...

– Ну тогда вместо вины и стыда думай об этом! – перебила его Кива. – Потому что именно это показывает, что ты честный и добрый.

Тор открыл рот, но тут же закрыл, с задумчивым видом проигрывая в голове слова Кивы. Наконец он признал:

– Может, ты и права.

– Я часто права. Но ты сейчас о чем именно?

– Мне нужно было поговорить об этом, – ответил Тор. – Даже если и не хотелось.

– Тяжелые разговоры нележки.

Тор фыркнул:

– Звучит кошмарно.

Кива была рада увидеть, что он смеется, пусть и слабо.

Но тут Тор посерьезнел:

– Мне потребуется время, чтобы разобраться в себе, но я обещаю попробовать. И уж не знаю, как это меня характеризует, но мне легче при мысли о том, что Зулика поплатится за свои грехи. Пусть она наша сестра, но у всего есть последствия, и очень скоро ей предстоит в этом убедиться.

Ближе к концу его голос зазвучал так жестко, что Кива поежилась, вспомнив, что он возглавлял армию повстанцев далеко не с помощью кроткого нрава.

Решив, что лучше сменить тему, Кива спросила:

– Что еще тебя беспокоит? Я так и не узнала, что ты думаешь о том, что Голдрик, ну... жив.

Тор бросил взгляд на предмет обсуждения – тот ехал достаточно далеко, чтобы ничего не слышать.

– Честно? Сам не знаю, что думать.

– Вы раньше были близки, да?

– Я так считал. Но, учитывая, что все это время он мне врал, теперь я к нему особой любви не питаю. Расскажи он мне о силах Зулики много лет назад... – Тор оборвал себя, покачал головой: – Прошлого не изменить. Но это все равно бесит.

– Прямо-таки новый девиз, – съязвила Кива.

Уголки губ Тора приподнялись. Но тут он спросил:

– Ну а ты что думаешь обо всем этом? О Залиндове? Навоке? Зулике? – И добавил с опаской: – Джарене?

Кива замерла – она не ожидала, что начнут расспрашивать ее саму.

– Я...

От необходимости отвечать – и врать – ее спасло возвращение Кэлдона и Кресты, которые предупредили о разъезде неподалеку и предложили устроить привал и подождать, пока Серая Гвардия не уберется подальше.

Когда они смогли продолжить путь, Кива быстренько пристроила Зефира рядом с Эйдраном, надеясь, что брат забудет, что она так и не ответила на его вопросы. Тут с Тореллом заговорила Эшлин, они уехали вперед, и Кива облегченно вздохнула. Эйдран сдержанно покосился на нее, но ничего не сказал – и продолжал молчать следующие нескольких часов. Рядом с ним было спокойно и надежно, и в этом дружелюбном молчании Кива чувствовала себя так уверенно, как давно уже с ней не случалось. И пусть спина разболелась, а мышцы затекли, но рядом с ним она начала практически наслаждаться пейзажем.

Но тут окрестности начали меняться – отряд углублялся в скалистые серые пустоши южного Мирравена, и Кива поежилась, вспоминая свое недавнее путешествие на север. На этот раз к Задрии они и близко не подъедут, но все равно, закрывая глаза, она видела красивое лицо Навока... и чувствовала, как он дает ей пощечину. Щека больше не болела: Змеиный Поцелуй еще не вывелся из организма и продолжал ускорять исцеление. Даже плечо лишь заныло немного к концу дня. Кива опасалась, что будет хуже.

Первая ночевка на открытом воздухе оказалась неприятной: земля слишком твердая, мирравенская ночь слишком холодная, не спасал даже костер, который поддерживал магией Кэлдон. Палатки остались в тюках, поскольку Эшлин решила, что не стоит терять время и разбивать полноценный лагерь, пока погода того не потребует. В итоге всем пришлось устраиваться вокруг костра, разыскивая местечко, где в уставшие тела не впивались бы камни.

За целый день в седле Кива выбилась из сил, но, быстро перекусив хлебом, сыром и вяленым мясом, не смогла заснуть сразу же, как все остальные. И дело было не только в том, что каждый камешек под боком ощущался как целый валун, и не в том, что храп Голдрика мог поднимать мертвых. Спать ей не давало то, что всего в паре

метров от нее лежал Джарен. В последний раз они спали так близко – даже ближе – в ту ночь, когда она заснула в его объятиях после магического нападения королевы Арианы. Казалось, с тех пор прошла целая жизнь.

Так и не сумев успокоиться, Кива наконец задремала, и ее мучили кошмары. Она снова оказалась в Залиндове. Навок приказывал Ксуру ее атаковать. Ее душили тени Зулики. Кошмары донимали всю ночь, не давая отдохнуть, и когда ее потрясли за плечо, она подскочила и проснулась.

– Рассвет, – сказал Кэлдон, стягивая с нее одеяло.

– Уже пора ехать? – пробормотала она, щурясь со сна.

– Еще нет, – ответил Кэлдон под всеобщий храп вокруг. – Пора тренироваться, солнышко.

Кива застонала и попыталась вернуть себе одеяло, но Кэлдон убрал его подальше.

– Подъем! – скомандовал он и швырнул ей чистую одежду. – У тебя пять минут.

Киве не хотелось ненавидеть одного из тех немногих людей, которые не шарахались от нее, но Кэлдон как будто специально старался, чтобы ему желали всяческих бед. Костеря его на все лады, Кива скатилась к ручью, у которого они разбили лагерь, и, только ополоснув ледяной водой лицо и переодевшись в свежую кожаную одежду Эшлин, наконец ощутила себя человеком и вспомнила, зачем ей вообще тренироваться.

Она вернулась в лагерь и поискала глазами Кэлдона: тот стоял у импровизированного загона, который они соорудили на ночь для лошадей. Обойдя загон и дремлющих в нем животных, она обнаружила, что Кэлдон не один: Джарен, Наари и Эйдран уже тренировались; к изумлению Кивы, Торелл тоже был здесь – он сражался с Эшлин.

Было так просто забыть, что она путешествует с отрядом опытных воинов. Аристократы, стражи, генералы, шпионы – ее спутники годами обращали собственное тело в оружие. Наблюдать за их рукопашной схваткой было так же поразительно, как и за фехтованием. Даже брату вручили меч, и клинок поблескивал в слабом свете утра, пока они с Эшлин пугающе быстро обменивались ударами.

Кэлдон перевел взгляд с бойцов на Киву.

– Полагаю, не стоит ожидать, что ты тренировалась и в Залиндове? – поинтересовался он, складывая руки на груди.

– Она тренировалась, – зевая, заявила Креста, подходя к ним. – И я с ней. Так что сегодня я тоже с вами.

– Я думала, я буду практиковать магию? – спросила Кива, не дав Кэлдону возразить Кресте.

– И это тоже, – ответил он. – Но для нее нужна сила, а для силы – выносливость. Хорошая физическая форма даст тебе больше энергии, и ты сможешь сделать больше.

Пожав плечами, он добавил:

– По крайней мере с магией стихий это так работает. Насчет твоего дара остается лишь предполагать.

Кива оглянулась на лагерь, где до сих пор спали Голдрик и Типп.

– Может, подождем...

– Давай за разминку, персик, – велел Кэлдон и посмотрел на Кресту. – И ты тоже.

– Что, никаких унижительных прозвищ? – Креста захолопала ресницами.

– Тебе вряд ли понравится, как я тебя называю, – ответил Кэлдон, развернулся и ушел к Джарену, Наари и Эйдрани.

В ореховых глазах Кресты мелькнул интерес, и Кива внутренне застонала, но рыжая ничего не сказала, когда Кэлдон вернулся вместе со вспотевшим Эйдраном.

– Тебя когда-нибудь учили сражаться? – спросил у Кресты шпион, окидывая ее крепкую фигуру критическим взглядом.

– Немного, – ответила она.

Кива фыркнула, вспоминая драки, которые та устраивала в Залиндове, – вряд ли это считается.

Но ее веселье как рукой сняло, когда Кэлдон попытался ударить Кресту. Он запросто мог бы поставить ей синяк, но вместо того Креста уклонилась, схватила его за протянутую руку и дернула вперед, подбив сапогом под колено. Он едва не упал, но, засеменя, сумел удержать равновесие, ухмыльнулся ей, явно впечатлившись, и признал:

– Недурно.

А потом кивнул на Эйдрана.

– Посмотрим, что еще ты можешь, – сказал Кресте шпион и повел на свободное место за тренирующимися.

– Пять лет, а она все еще меня поражает, – протянула Кива, провожая их взглядом.

– Она движется как боец, – сказал Кэлдон. – Не заметила?

Кива попыталась припомнить все, что Креста рассказывала о своей жизни до Залиндова, но та ни словом не упоминала ни о каких тренировках. Впрочем... Лишившись семьи, они с мамой путешествовали в одиночку, день за днем искали способы выжить, так что вообще-то неудивительно, что Креста научилась кое-каким приемам самообороны.

– Что-то я не вижу, чтобы ты разминалась, – выразительно произнес Кэлдон.

Кива быстро принялась разогреваться, после чего он проверил, что у нее с подготовкой. Только когда она уже вспотела и ругалась, он наконец признал, что с их первой тренировки в Речном дворце она хоть чуть-чуть, но продвинулась.

– Перемелется – мука будет, – глубокомысленно произнес он.

Однако, когда дело дошло до магии, они будто уперлись в стену.

– Не понимаю, почему тебе так трудно, – заявил Кэлдон после доброго получаса Кивиных попыток призвать дар. – Ты вроде бы говорила, что больше не боишься себя?

– Я и не боюсь, – ответила Кива.

Все уже закончили тренировку, и в то время как Эйдрен и Торелл ушли помогать собирать лагерь, Джарен, Наари, Эшлин и Креста еще отдыхали, попивая воду из кожаных бурдюков и наблюдая, как у нее вновь и вновь ничего не выходит.

– Хотя... Не знаю. Может, где-то в глубине души я всегда буду бояться, но сейчас меня не это тормозит.

– Тогда что?

– Ты вот сказал мне махнуть рукой и «наколдовать светяшки». Это не так работает! – сердито заявила Кива. – Это не как твоя магия огня, когда ты просто швыряешься пламенем или что там тебе надо.

– Тогда как это? – настаивал Кэлдон. – Как она работает?

Кива всплеснула руками.

– Если б я знала, мне и тренировки были бы ни к чему, правда?

Кэлдон хмуро взглянул на нее, и она ответила тем же.

– Простите, что давлю, – влез Голдрик, который присоединился к занятиям, как только проснулся. Он как раз начал объяснять Эшлин

основы ветроворота, но тут его внимание привлекли Кивины промахи. – Однако принц Кэлдон прав: ты должна уметь направлять силу так же, как стихийные маги. Тильда научилась делать так со своим даром исцеления. А Зулика умеет так с магией смерти, ты сама видела. Почему не должно получиться у тебя?

Теперь хмурый взгляд Кивы достался ему.

– Есть большая разница между тем, чтобы рассказывать мне, что я должна делать, и объяснять, как это делать. Пока что я слышу только первое и ни слова о втором. – Она злобно посмотрела на Кэлдона. – Ото всех вокруг!

Принц улыбнулся.

– Ты просто прелесть, когда злишься.

– Я не злюсь, – ответила Кива, которой очень хотелось топнуть ногой. – Просто я не представляю, что делать, а ты ничем не помогаешь.

– Я...

– Да небо великое! – перебила Кэлдона Креста, и все посмотрели туда, где она восседала на булыжнике рядом с Джареном. Никто и пошевелиться не успел, как она схватила меч, с которым тренировалась...

И воткнула его прямо Джарену в ногу.

Тот взвыл от боли, а дальше одновременно произошли три вещи.

Во-первых, и Наари, и Эшлин набросились на Кресту, а та завопила Кэлдону:

– Держи ее!

Во-вторых, Кэлдон обхватил Киву руками, как стальными обручами, не пуская ее к Джарену.

В-третьих, увидев, как у Джарена из ноги хлещет кровь, увидев и *почувствовав*, как ему больно, Кива не стала рассуждать, а тут же принялась действовать. Магия вырвалась из нее и, ослепительной кометой промчавшись между ними, ударила в него. Кэлдон потрясенно выругался ей на ухо, и даже Наари, Эшлин и Креста прекратили возню и замерли, обернувшись к Джарену.

Все кончилось в считанные секунды, свет померк так же быстро, как и загорелся, рана исчезла бесследно, оставив на память лишь пятна крови на черной коже штанов и потрясенного, но в остальном совершенно здорового Джарена.

– Видите? – насмешливо произнесла Креста, ничуть не смущаясь тем, что валяется на земле, а сверху ее удерживают Наари и Эшлин. – Ей просто нужна была верная мотивация.

Кива обратила на рыжую яростный взгляд:

– *Что это было вообще?!*

– Пожалуйста, – только и ответила Креста; глаза ее смеялись.

– Да что с тобой не так! – взорвалась Кива. Не с меньшей яростью обернулась к Кэлдону: – Ну а ты – зачем ты в меня вцепился?!

– Потому что понял, что она делает, – без смущения ответил он. – И она оказалась права. Тебе нужна была мотивация.

У Кивы кипела кровь. Она бросила в лицо Кэлдону:

– Так теперь будем поступать, да? Будешь использовать против меня мои же чувства к Джарену и калечить его каждый раз, когда от меня требуется поколдовать? Он что, мало из-за меня страдал?

Она тяжело дышала, в крови бурлили эмоции, и поэтому она не сразу сообразила, что именно ляпнула и кто это слышал.

Не в силах посмотреть Джарену в глаза, Кива деревянно повернулась к нему и выдавила, глядя на его окровавленную ногу:

– Ты как?

Он так долго не отвечал, что ей пришлось поднять взгляд, но разгадать эмоции в его глазах она не смогла.

– Я в порядке, – наконец ответил он.

Киву накрыло облегчение, но вместе с ним еще горькая обида и остаточная злость, так что она скованно кивнула и размашисто зашагала прочь.

До конца дня она не перекинулась ни с кем ни словом.

Глава пятнадцатая

Дальше все пошло так же, как в первый день, и единственным, что менялось, был ландшафт – скалы Мирравена уступили место ветреным голым равнинам Карамора. Весть о том, что альянса больше нет, еще не разошлась, так что границу они пересекли без проблем, и вскоре Кива обнаружила, что Карамор – страна в той же степени унылая и неприветливая, как и Мирравен, только королевство Навока в основном серое, а Карамор – коричневый и желтый. Считалось, что северная часть королевства куда более пригодна для жизни, особенно ближе к Терифу, столичному городу у моря, но отряд так далеко забираться не планировал. Вместо этого они пробирались по краю обширного Ивового леса, чтобы свернуть прямо к Хадрису.

Шли дни; после часов, проведенных в седле, у Кивы люто болело все тело, и ночью она то и дело ворочалась на твердой земле. Если остальные и чувствовали себя так же, никто не жаловался, даже Типп, который продолжал игнорировать все Кивины попытки поговорить. Джарен и Наари вели себя схожим образом, хотя во время утренних тренировок Киве частенько казалось, что Джарен наблюдает за ней. Но стоило ей повернуться, как он переводил взгляд куда-то еще, и она уже начинала думать, что просто выдает желаемое за действительное.

Кэддон вел себя с Кивой куда осторожнее после той вспышки гнева. Это означало, что больше ради ее тренировок никого – то есть Джарена – колоть не будут, но зато у нее практически не получалось вызывать магию по команде и вообще – без контакта. Она все настойчивее ощущала растущее беспокойство спутников – все понимали, как много стоит на кону, как важно ей овладеть своей силой.

Через неделю после выхода из Стоунфорджа они наконец приблизились к границе Хадриса, и Голдрик заявил, что отсюда он уже сможет перенести их через Зброшенные земли до самого Йирина, столицы Джиирвы. Хотя Эшлин занималась с ним каждое утро, у нее пока не получалось переместиться больше чем на пару метров, так что полагаться оставалось лишь на силы Голдрика. В этот раз он был уверен, что не потеряет сознание в точке назначения – раньше с ним такого не случалось, а при побеге из темниц Навока он просто

перенервничал, да и изнеможение, голод и побои охраны ослабили его больше, чем он думал.

– П-почему ты п-п-просто не сб-бежал с п-п-помощью магии, когда т-тебя п-поймали? – как-то вечером спросил у него Типп, пока они сидели вокруг костра. Голдрик ответил, что ветворот можно наколдовать лишь снаружи, где стихии вступают в полную силу. И что магия не сможет перенести его сквозь предметы или сквозь стены, только над ними.

Ответ устроил всех, кроме Кресты, которая протянула:

– Ты не ответил на вопрос пацана. Почему ты не вырвался на свободу раньше, с помощью магии, как Эшлин, когда спасала тебя? Тебе надо было просто попасть наружу, а там вжух! – она помахала пальцами. – Свобода!

– В одиночку? – спросил в ответ Голдрик, подняв бровь. – Мы втроем-то едва выбрались, а ведь генерал Эшлин была полна сил. Без помощи я бы никак не справился с Серой Гвардией. Здравый смысл подсказывал мне подождать и не торопиться.

– Здравый смысл и мне кой-чего подсказывает, – ответила Креста, тыкая палочкой в огонь. – Насчет тебя он просто не затыкается.

Голдрик не отреагировал на этот намек, у остальных тоже не было причин сомневаться в его мотивах, и тема завяла сама собой. Но Кива все размышляла, что же больше повлияло на отношение Кресты к Голдрику: несколько лет в Залиндове, где доверие было роскошью, практически всегда ведущей к смерти, или природная ершистость самой Кресты, которая пыталась вбить между ними клинья.

Спустя неделю наблюдений за обоими спутниками Кива все еще не пришла к ответу, так что она отбросила эти размышления и вместо этого порадовалась, что наконец-то можно полететь в Йирин.

– Собирайтесь поближе! – Голдрик помахал всем рукой.

Кива направила Зефира к нему, не обращая внимания на настороженные уши коня. Невзирая на все ее попытки подружиться, он по-прежнему ее недолюбливал. Она не удивилась бы, окажись они с Джареном родственными душами. Но он пронес ее на себе через два королевства, и она привязалась к злобной твари, даже если не взаимно.

– Я тебя одолею, – буркнула она, похлопывая его по шее, чтобы успокоить, пока тот возбужденно приплясывал под ней.

– Кива, ты слушаешь?

Она подняла взгляд и увидела, что все на нее смотрят. Вспыхнула и переспросила:

– Что, простите?

– Говорю, в этот раз должно быть спокойнее, чем в прошлый, потому что воздушные течения над Зброшенными землями не такие бурные, как над скалистыми холмами Мирравена, но лошади все равно перепугаются. Будьте готовы.

Кива как раз хотела предложить спешиться, чтобы не лететь сотни миль *верхом*, но не успела – Голдрик воздел руки, и порыв ветра налетел на них твердой невидимой стеной.

Зефир зафыркал, напрягся, будто готовый сорваться с места, но Голдрикова магия уже успела поднять их всех в воздух. Кива с трудом удержалась в седле, пока коричнево-желтые тона Карамора перетекали в красно-оранжевые цвета северного Хадриса, а затем в золотые пески опаленной солнцем Джиирвы.

Как и в прошлый раз, Кива понятия не имела, сколько времени занял полет, но он вновь ее дезориентировал и показался столь же неприятным, несмотря на все заверения Голдрика. К тому моменту, как отряд наконец опустился на дюны на окраине большого города из песчаника, голова у Кивы жутко кружилась, и у нее не было никаких шансов удержаться в седле, когда Зефир встал на дыбы и сбросил ее.

Кива так ударилась о землю, что у нее выбило воздух из легких. Она пыталась вдохнуть, пошевелиться, но не смогла, даже когда Зефир вновь взвился и развернулся на задних копытах, оказавшись прямо над ней.

Кива, еще не пришедшая в себя после удара, сумела лишь вскинуть руки и закрыть голову; множество голосов испуганно звали ее по имени, и громче всех звучал голос Джарена. Одновременно пытаясь успокоить собственного перепуганного коня, он распахнул глаза и протянул к ней руку, будто хотел защитить ее магией – но магии у него больше не было, и ничего не произошло.

А затем копыта Зефира начали опускаться, и полтонны живого веса понеслись к земле, готовясь размазать Киву.

Она зажмурилась и сжалась в ожидании удара, но внезапно ее подхватил порыв ветра, сжал огромной рукой и оттащил по горячему песку в безопасное место.

Кива открыла глаза и потрясенно уставилась на Джарена, но его пальцы уже стискивали поводья, и смотрел он не на нее, а прямо на Эшлин.

У Кивы сжалось сердце при виде выражения на его лице, которое он не успел спрятать: разочарование и ненависть к себе. Он словно забыл на миг, кто забрал у него Око Богов, а теперь вдруг вспомнил.

Кива с болью в сердце смотрела на его лицо, но потом он моргнул, и все ушло. И в то же самое время какой-то крошечный, изголодавшийся по надежде уголок ее души обрадовался, что первым его порывом было спасти ее. Это она не вообразила – не в этот раз.

– Ты цела? – окликнула ее Эшлин, поднимая Киву на ноги с помощью потока воздуха. – Прости, быстрее не вышло: Спирит чуть не сбросил меня, так что я не видела, что происходит, пока не услышала, как все заорали.

Кива отряхнула пыль с одежды и ответила, вернув себе дар речи:

– Все нормально.

Она сделала шаг, поморщилась и потерла бедро.

– Ударилась немного, но переживу. Спасибо, Эшлин.

– Точно? – Торелл слез со своей напуганной лошади и внимательно оглядел ее. – Ты хорошо приложились.

За нее испугался не только брат: внимание Кивы привлекло встревоженное лицо Типпа. Едва поняв, что она заметила его волнение, тот торопливо отвел взгляд. Но даже так – как и в случае с первой реакцией Джарена, на сердце у Кивы впервые за долгое время полегчало.

– Все нормально, – повторила она брату, а потом в третий раз, когда уточнил и Кэлдон.

– У этого коня к тебе личные счеты, – сказала Креста, подводя Зефира.

Проковыляв к нему, Кива влезла в седло прежде, чем успела поддаться страху.

– Он просто не привык к ветровороту, – сказала она, сама толком не понимая, зачем защищает животное, которое чуть не убило ее пару минут назад.

– Простите меня. – Голдрик был вне себя от огорчения. – Я никогда раньше не переносил никого, кроме людей, так что не предполагал, что будет так...

– В следующий раз просто подожди, пока я спешусь, – прервала его Кива с растущим смущением.

Она махнула рукой в сторону города, возвышающегося перед ними.

– Надо думать, это Йирин?

– Так и есть, – подтвердила Наари.

Кива взглянула на нее, удивленная тем, что ответила именно она. Но, всматриваясь в мрачное, напряженное лицо стражницы, она запоздало вспомнила, что Наари в Джиирве не впервые.

«Большую часть жизни я провела в королевстве с продажными властями; народ там был отчаявшийся, полный ненависти», – сказала она как-то Киве еще в Речном дворце.

Даже капитан Верис, рассказывая, как Наари попала в Эвалон, упоминал, что она сбежала с джиирванской арены и пересекла Зброшенные земли всего лишь с двумя мечами на спине.

Киве хотелось спросить, каково Наари вернуться в королевство, откуда она бежала, рискуя собственной жизнью, но стражница так на нее взглянула, что Кива проглотила вопрос.

Обратив взгляд на Йирин, Кива посмотрела через внушительную наружную стену на здания из песчаника внутри. Архитектура города была не похожа ни на что ей знакомое: золотистые башни возвышались между гигантскими статуями из желтого камня, которые изображали мужчин и женщин, бросающих копья, вскидывающих мечи и натягивающих луки. В остальном Вендероле джиирванцев знали как прирожденных воинов, но Кива не представляла, что сама их столица увековечит это в своем облике. Хотя солнце над головой нещадно палило, по позвоночнику пробежал холодок – такую ярость излучал город. Волнение лишь усилилось, стоило ей заметить за стенами холм, прямо в центре Йирина, на котором размещался дворец, а рядом, несомненно, одна из знаменитых арен Джиирвы.

Кива вновь бросила тревожный взгляд на Наари, но стражница ничем не выдала своих чувств.

– Какой будет план? – спросил Кэлдон.

Прикрыв глаза рукой, он разглядывал город.

– Может, Сарана и дружила с древними правителями Джиирвы, но Райю и Фемби не славятся гостеприимством. Мы что, в самом деле надеемся, что они просто вручат нам кольцо?

Король Райю и король Фемби были братьями-королями Джиирвы, как узнала за время пути Кива. Дружбы, как в старые времена, у них с Эвалоном не сложилось, но и вражды не было. Отражится это на их миссии или нет, никто не знал.

Все взгляды обратились к Голдрику, и тот ответил:

– Как я уже сказал, кольца были переданы только на сохранение. Раз вы наследники Сараны, у них нет причин не возвращать то, что по праву ваше.

Говорил он уверенно, но, оглядевшись, Кива заметила, что сомневается не она одна.

– Как далеко отсюда до джиирванского поселка аномалий? – спросил у Голдрика Эйдран, заговорив, возможно, впервые за несколько дней.

– Судя по словам Навока, где-то пара-тройка часов езды, – ответил Голдрик.

Эйдран кивнул и сказал отряду:

– Встретимся потом во дворце.

А Голдрику велел:

– Ты со мной.

Бывший лидер повстанцев будто собрался возразить, но Эшлин сказала:

– Ты единственный, кто знает, как найти аномалий. Езжай с Эйдраном. Это приказ.

Голдрик поник, но пробормотал, что согласен.

Эшлин повернулась к Тореллу и Кресте:

– Вы двое тоже отправляетесь с ними.

Креста сощурилась:

– Ты просто хочешь от нас избавиться!

Принцесса не стала отрицать, и Креста хмыкнула в ответ. Но Торелл будто не возражал, что ему приказывают. А может, дело было в том, что приказывала Эшлин. Последнюю неделю Кива наблюдала за общением двух генералов, и, несмотря на изначальное недоверие Эшлин к Тору, что-то переменялось – возможно, потому что он продолжал вести себя с ней уважительно и вежливо. Они тренировались вместе каждое утро, большую часть пути проехали вместе – порой тихо болтая и смеясь, порой просто наслаждаясь молчанием в компании друг друга. Кива не была уверена, не выдает ли

она желаемое за действительное, а если все так, как ей кажется, касается ли это ее вообще. Она не знала, стоит ли предостеречь брата или предостерегать надо Эшлин. Даже если забыть о невзаимной страсти Кэлдона к Тору, Кива полагала, что между братом и Рессиндой намечалось нечто большее, чем дружба... Но порой Тор кидал на Эшлин такие взгляды, что она больше ни в чем не была уверена.

Но Кива и с собственной личной жизнью не могла разобраться – а точнее, с ее отсутствием, – и потому она не собиралась вмешиваться в чью-либо еще. Сейчас она просто радовалась: что бы там ни происходило между Тореллом и Эшлин, а благодаря этому он без споров отправился с Эйдраном на поиски поселения, в то время как Креста с Голдриком потянулись следом более неохотно.

Когда они превратились в крошечные фигурки и скрылись за дюнами, Кива и оставшаяся часть отряда направились прямо к колоссальной арке, ведущей в Йирин, где стражники в бежевой броне остановили их и спросили о цели визита. Когда стража узнала, кто они – и что с ними три члена королевской семьи Эвалона, – им выделили эскорт, который довел их до самого дворца.

Пока они добирались до цели, у Кивы заболели глаза от яркости города: солнце отражалось от каждой поверхности, от дорог, от стен, от крыш, окрашивая все в золотые, желтые и кремовые тона. Даже горожане одевались в светлые цвета; большинство торопливо убиралось с дороги, заметив стражников.

Сам дворец вблизи тоже выглядел потрясающе: мудреная вязь конических шпилей, а вокруг – самые большие статуи воинов, которые доводилось видеть Киве, с воздетым, словно в бою, оружием. Ближайший будто следил за ней злобным взглядом, и у нее мурашки побежали по коже.

– Веселенькое местечко, – пробурчала Креста рядом с Кивой, когда все спешили, а королевские слуги увели коней.

– Ты же из Мирравена, – ответила Кива. – Должна бы привыкнуть к такому веселью.

Креста задумалась; пот блестел на ее змеиной татуировке.

– Там раньше было не так скверно.

Кива не успела придумать ответ, потому что не сразу, но до нее дошло...

– Ты что тут делаешь? – спросила Эшлин, сорвав вопрос у Кивы с языка. – Ты почему не с Эйдраном?

Креста пожала плечами.

– Слияла от них и поехала за вами. Тут куда интереснее.

Она нахально послала Эшлин воздушный поцелуйчик – та злобно посмотрела в ответ – и подмигнула Кэлдону, который не смог удержать смешок.

– Может быть, не стоит донимать людей, которые могут упечь тебя обратно в Залиндов, когда все закончится? – саркастически спросила Кива.

Глаза Кресты смеялись.

– Кишка тонка!

Не успела Кива изречь очередное предупреждение, как появились слуги в белоснежных одеждах и проводили их во дворец. На их фоне Кива ощущала себя грязной: кожа потная, волосы как воронье гнездо, а одежда, некогда такая же белая, вся пропылилась в дороге. Но она последовала примеру своих благородных спутников и подняла голову; они прошли мимо огромных колонн, сквозь блестящие арки и наконец добрались до богатой просторной залы. Потолок уходил далеко ввысь, а там, где полагалось быть стене, открывался большой балкон, выходящий на желтый город и океанские утесы вдали.

Подавленная этой пышностью, Кива пошла вслед за друзьями по расшитому золотом ковру к паре тронов в виде скорпионов – их хвосты загибались кверху, готовые ужалить. На пугающих престолах восседали двое загорелых мужчин, которые, как и слуги, носили белое, но их одежда сверкала сложной вышивкой. Лица раскрашены золотой краской, длинные черные волосы убраны назад, под короны, сделанные из...

Отряд остановился перед тронами, и Кива сглотнула, уже угадав ответ.

Кости. Короны были из костей.

Краем глаза Кива увидела, как Наари подталкивает Типпа и Кресту, и все трое склоняются, причем Креста – весьма неохотно, на грани грубости; Кива торопливо последовала их примеру. Джарен, Эшлин и Кэлдон не стали кланяться, и Джарен шагнул вперед, обращаясь к королям.

– Фемби, Райю, благодарю вас за то, что приняли в своем городе без предупреждения, – сказал он, с уважением кивнув братьям-близнецам, как теперь поняла Кива, заметив, сколь они похожи; только один носил бороду, а другой был чисто выбрит. – Мы уже очень давно не виделись.

– В самом деле, Деверик, – сказал бородатый близнец с сильным акцентом: словно мед просочился в песок.

Угадать возраст было сложно, но Кива предположила, что им сорок с лишком; в их глазах крылось коварство, тела были мускулисты – значит, они не просто обучали воинов, но и сами ими были.

– Должны признать, мы не ждали вашего визита. До нас дошли слухи, что теперь новая королева правит вашей страной.

Джарен и глазом не моргнул.

– Не всем слухам стоит верить, – спокойно ответил он. – Мой отец недавно покинул нас, но матушка остается в Речном дворце, а сестра всего лишь помогает ей с королевскими делами в это скорбное время.

Он ни в чем не солгал, но Кива восхитилась его умением выворачивать правду. Впрочем, она заметила, как на его скулах заиграли желваки, когда он упомянул Миррин. Кива не разбиралась в политике, но даже она понимала, как опасно посвящать королей Джиирвы в нестабильную ситуацию в Эвалоне.

– Какое облегчение, – сказал чисто выбритый король, Фемби. И тихо добавил: – Но нам с Райю печально слышать о Стеллане. Он был хорошим человеком.

Джарен не выдал глубины своего горя, лишь ответил:

– Это правда.

Джарен не говорил об отце ни разу с тех пор, как Кэлдон рассказал Киве о его смерти. Ей отчаянно хотелось взять его за руку, но, если бы они даже не стояли перед заграничными королями-воинами, она понимала, что он не обрадуется ее сочувствию. Или прикосновению.

– Прошу, простите наше вторжение, – сказала Эшлин, шагая к Джарену. – Мы послали бы гонца, но уже были в пути, а так как мы не намерены задерживаться, быстрее было приехать без предупреждения.

Райю лишь отмахнулся:

– Джиирва всегда была другом Эвалона. Что привело вас в наш золотой город?

Он бросил взгляд за спины Валлентисов на Наари, Кресту, Типпа и Киву.

– И кто ваши друзья?

Эшлин кратко всех представила; Типп весело помахал рукой при звуках своего имени, а Наари опустила голову и не отрывала взгляд от ковра. Кива сомневалась, что королям было дело до одной девочки-беглянки даже в те времена, когда Наари исчезла, но она понимала, почему стражница предпочла бы избежать их внимания.

Когда Эшлин закончила, Джарен вновь взял слово и объяснил, что Сарана доверила предкам братьев-королей некое кольцо. Он не упомянул ни как это важно, ни на что способны все кольца разом, просто сказал, что хотел бы вернуть реликвию семье. Кива внимательно наблюдала за королями, пытаясь понять, знают ли они о подлинной ценности кольца, но их лица были словно высечены в граните.

Когда Джарен договорил, близнецы обменялись быстрыми взглядами, а потом Фемби щелкнул пальцами ближайшим слугам, ожидавшим приказа, и быстро заговорил с ними по-джиирвански. Кива покосилась на Наари, прося перевести, но Фемби пояснил на всеобщем:

– Сейчас принесут напитки.

– Благодарю вас, – сказал Джарен, – но, как и сказала Эшлин, нам не стоит задерживаться. Полагаю, вы понимаете, что в это сложное время мне не хотелось бы оставлять матушку в одиночестве дольше, чем необходимо, так что нам нужно как можно скорее возвращаться в Эвалон.

Вот теперь Джарен лгал, но Кива не изменилась в лице, надеясь только, что и остальные – особенно Типп и Креста – сделают то же самое.

– По крайней мере, освежитесь. – Райю махнул паре только что вернувшихся слуг, и те спешно подошли ближе. В руках они несли подносы с золотыми кубками, которые быстро раздали Киве и ее спутникам. – Вас наверняка мучает жажда с дороги.

Кива подождала, пока Джарен, Эшлин и Кэлдон не отпили из своих кубков, и попробовала тоже. Фруктовый вкус она не узнала, но напиток был прохладным и освежающим, и жара сразу перестала быть такой изматывающей.

– Йиджапилли, – сказал Фемби, заметив, что Кива принюхивается к розовой жидкости. – Это такой местный фрукт с косточкой. Он один цветет в пустыне даже летом, когда многие другие вянут и гибнут.

Он словно бы ждал ответа – *от нее*, – так что, дождавшись едва заметного кивка от Эшлин, Кива ответила:

– Очень вкусно. Спасибо, Ваше Величество.

Король Джиирвы с заметным удовлетворением поглядел на брата, а потом они оба переключили внимание обратно на Валлентисов.

– Нам известно о кольце Сараны, – без предисловий начал Райю, и Киву охватило такое облегчение, что голова пошла кругом. Голдрик не сомневался, что кольцо здесь, но он мог и ошибаться, или кольцо могло потеряться за сотни лет с тех пор, как древняя королева Валлентис передала его своим друзьям из Джиирвы. – Вы правы, кольцо действительно принадлежит вам, – продолжал Райю, – и наши предки передавали его из поколения в поколение, понимая, что однажды представитель вашего рода явится за ним.

– Чудесно, – сказал Кэлдон, шагая вперед. – Тогда вы его нам отдадите...

Он споткнулся.

Почти незаметно, но Кэлдон *никогда* не спотыкался. Он удержал равновесие, но все равно смущенно поглядел на ноги, трясая головой, чтобы прояснить разум.

– Чего вы, по всей видимости, не знаете, – Фемби поправил свою костяную корону, – это того, что вместе с кольцом были переданы и инструкции.

– Что за инструкции? – спросил Джарен, сощурившись.

С его голосом что-то не так, подумала Кива. Она потеряла уши, не понимая, это у нее со слухом что-то случилось или он в самом деле говорил нечетко.

– Мы не можем отдать его *просто так*. – Райю усмехнулся. – Сперва докажите, что достойны. *Заслужите* кольцо.

– Что это значит? – требовательно спросила Эшлин, прижимая ладонь к голове и чуть покачиваясь.

Зато Наари застыла как статуя, смертельно побледнев.

Не успела Кива спросить, что случилось, как заметила движение и охнула, увидев невозможное: скорпионы на тронах ожили, а их жала зашевелились, будто готовясь ужалить.

Она отскочила назад, сердце колотилось о ребра. Казалось, больше никто ничего не заметил. Кива открыла рот, чтобы всех предостеречь, но потом моргнула, и троны вновь безжизненно замерли.

Кива вдруг все поняла и похолодела, заглянув в золотой кубок.

Кэлдон споткнулся. Джарен говорил невнятно. Эшлин шаталась. У нее самой начались галлюцинации.

Презрев королевский этикет, Кива устремила расплывающийся взгляд на королей и прохрипела:

– Вы нас опоили!

Едва она это произнесла, как Типп свалился на пол без сознания.

Кива бросилась к нему, но у нее самой подломились колени, и она упала рядом. Вдруг навалилась такая усталость, что трудно стало даже держать глаза открытыми, но она успела увидеть, как Эшлин, Джарен, Кэлдон и Креста повалились наземь один за другим. Наари, единственная из них, кто ничего не пил, выхватила мечи, но стражники в бежевом наполнили тронный зал, не успела она и шагу сделать.

– Не нужно бояться, – мягко сказал Райю, и его голос донесся будто издалека. – Ко времени вашего Арзаваара все пройдет. Даже больше: мы сделаем все, чтобы вы...

Он говорил что-то еще, но тело Кивы поддалось зелью, и больше она ничего не слышала.

Глава шестнадцатая

– *Да просыпайся же ты, боги тебя раздери!*

Щеку пронзила внезапная боль, Кива распахнула глаза и увидела, что рядом с ней сидит Креста, занеся руку для нового удара.

Кива потрогала ноющую щеку и возмутилась:

– Что...

Ее прервал рев, и она, сощурившись, взгляделась в болезненное сияние за Крестой; от увиденного ее охватил ужас.

– *Вставай, вставай же!* – торопила ее Креста, поднимая на ноги.

Но торопить Киву не было нужды, она и сама уже спешила выпрямиться.

Борясь с головокружением, разум отчаянно пытался сообразить, где она – и, что куда серьезнее, *почему*.

Потому что она стояла посреди арены.

Рев, который она слышала, издавала толпа: тысячи людей, набившихся на возвышающиеся вокруг открытого круглого пространства трибуны; огромные статуи яростных воинов свысока взирали на происходящее, выпрямив спины и скрестив руки, будто в осуждении.

У Кивы по коже поползли мурашки при виде этого устрашающего зрелища, но потом ее внимание привлекла сама арена – *на которой стояла она*, – и стало только тревожнее. Земля была поделена на три части: внутренний круг, заполненный водой, средний, песчаный, где она и очнулась, и...

Кива охнула, когда из земли взвились языки пламени, заполняя внешний круг пламенеющим барьером, чтобы никто не сбежал.

Она была в ловушке.

Все они.

Потому что на арене стояли не только они с Крестой: Эшлин и Наари только что пришли в себя и теперь с мрачными лицами спешили к ним.

Особенно мрачна была Наари.

– *Какого рожна?* – возмутилась Креста, когда принцесса и стражница подошли.

Прежде чем кто-нибудь успел ответить, над ареной эхом разнесся голос короля Фемби, и толпа затихла.

– Gersot, gersot! Ka tannem vu sentis rayi takaak zeg Arzavaar!

Джиирванские слова ничего не сказали Киве, но она поискала взглядом говорящего и обнаружила его на отдельном высоком помосте у одной из стен арены. Он сидел рядом с братом, оба на новых скорпионьих тронах, сияющих на солнце, а рядом...

Кива машинально шагнула вперед, увидев Джарена, Кэлдона и Типпа, привязанных к прочным столбам: руки над головой, ноги едва касаются земли. Они были слишком далеко, чтобы разглядеть лица, но легко было вообразить, в каком они гневе. Не успела она сделать и шага дальше, как Наари схватила ее за локоть. На лице стражницы читалось предостережение – а еще страх.

Фемби все говорил на родном языке, так что Кива спросила:

– О чем он говорит?

Ответила Эшлин:

– Приветствует зрителей. Говорит, мы гости, которые желают доказать свои силы, пройдя Арзаваар.

«Мы не можем отдать его просто так, – сказал король Райю насчет кольца Сараны. – *Заслужите кольцо*».

У Кивы забулькало от страха в животе.

– Что такое Арзаваар?

– Еще он говорит, что наших спутников казнят, если мы проиграем, – сказала Креста. Она приподняла бровь, глядя на Эшлин: – Ты почему-то опустила эту деталь.

Принцесса скрежетнула зубами.

– Не вижу причин ее пугать. И с каких пор ты говоришь по-джиирвански?

Креста пожала плечами.

– В Залиндове полно джиирванцев. За пять лет и не тому научишься. Помимо этого я немножко знаю хадрисский и все ругательства на одонском, а еще...

– Простите, – прошипела Кива, которую мало интересовало, как Креста стала полиглотом, – нельзя ли вернуться к той части, где говорится про *казнь*...

– Это пустая угроза, чтобы порадовать толпу, – торопливо заверила ее Эшлин. – Они не посмеют поднять руку на...

– Посмеют.

Единственное слово, тихое и серьезное, сказала Наари. Она взглянула прямо на Киву и сказала:

– Что бы ни происходило, тебе ни в коем случае нельзя применять дар. Короли мечтают о магах, особенно среди воинов, но, как и многие другие, считают, что аномалии очень редки... И уж точно они ни разу не видали целительский дар. Если узнают, на что ты способна, они никогда не выпустят тебя из Йирина. Поняла?

Кива сглотнула и торопливо согласилась. Она не стала спрашивать, с чего Наари вдруг обеспокоилась ее судьбой после того, как неделю не замечала. Вместо этого повторила хриплым от страха голосом:

– Что такое Арзаваар?

Фемби умолк, но тут заговорил Райю, и толпа откликнулась на его слова воплями, аплодисментами и топотом.

Наари торопливо пояснила:

– В Джиирве женщины считаются особыми воительницами, зачастую куда более смертоносными, чем мужчины. В десять лет каждая девочка в королевстве предстает перед Ракаван – Избранной Воительницей, – и тех, кто подает надежды, приглашают обучаться на ближайшей арене. Почти все принимают приглашение, потому что это великая честь, величайшая, на которую может надеяться джиирванская семья. Самые одаренные девочки потом отправляются сюда, в столицу. Когда им исполняется пятнадцать, учеба подходит к концу, и они начинают сражаться друг с другом за славу и богатство – и на потеху толпе.

Янтарные глаза пробежались от водного круга до огненного барьера, поднялись на воющую публику, и Наари наконец договорила:

– «Арзаваар» переводится как «испытание воинов». Если эти девушки хотят оставить позади бои на арене и стать полноправными Ракаван, им предстоит выдержать испытание. Так они доказывают свои силы – и, очевидно, именно так будем доказывать мы.

Кива поперхнулась:

– *Испытание воительниц?* Но мы же не...

Король Райю сказал нечто такое, отчего и Наари, и Эшлин потянулись к мечам. Принцесса отдала один из своих Кресте, а Наари вытащила из-за пояса длинный кинжал и сунула его Киве.

Кива не приняла его.

Наари подошла ближе.

– Нашим противницам нечего терять: всего один бой отделяет их от всего, на что они потратили годы труда. Если заявила на Испытание, у тебя только один шанс на победу.

И она сурово заявила:

– Арзаваар – это бой до смерти, Кива. Убей или умри – другого выбора нет.

Кива открыла было рот, но Наари еще не договорила.

– Если хочешь спасти Джарена, Кэлдона и Типпа, если хочешь, чтобы *хоть кто-нибудь* из нас ушел отсюда живым, тогда тебе нужно выжить. *Нам* нужно выжить.

На этот раз, когда Наари протянула кинжал, Кива сомкнула на рукояти непослушные пальцы.

– Я не могу, – выдохнула она, уставившись на острый клинок. – Мало того что я просто не умею, но я же лекарь. Я не могу вредить...

– Просто не отходи от нас, – сказала Эшлин, замирая рядом. – Мы никого к тебе не подпустим.

Ни Наари, ни Креста не выглядели столь же уверенно – лица их были мрачны.

– Не забывай, что я сказала про магию, – еще раз предупредила Наари. – Что бы ни случилось, не смей...

– Эвалонские друзья! – прервал ее громкий голос короля Райю, который заговорил с ними на всеобщем языке. – Чтобы получить то, за чем вы явились, вы должны стать победительницами Арзаваара. Встречайте: ваши противницы!

Толпа оглушительно взревела, когда огненный барьер разделился, открывая шесть женщин. Как только те вошли в среднее кольцо, огонь за их спинами снова вспыхнул. Кожа у всех была разного цвета: две смуглые, две бледные, две темнокожие; но все шестеро были одеты в облегающую красную броню, кожаные юбки и нагрудники блестели серебром, голени прикрывали сияющие поножи, а запястья – металлические наручи.

Шесть против четырех, поняла Кива, и кинжал задрожал у нее в руке.

– Ваши спутники были предупреждены, что им запрещено вмешиваться с помощью магии, иначе вы немедленно проиграете, –

продолжил король Райю, и Киве показалось, что речь не только о кольце Сараны: в ушах у нее звенели слова «бой до смерти». – Однако на вас таких ограничений не налагается, как и на ваших противниц.

Одна из воительниц широко ухмыльнулась, показав щербатые зубы. Щелкнула бледными пальцами, и Киву, Кресту, Эшлин и Наари хлестнул порыв ветра. Даже Эшлин не успела отреагировать, и все повалились на песок.

– Ну, ну, – укорил их Райю под восторженные вопли публики, – мы еще не начали игру.

Кива кое-как встала на ноги, удивляясь, что никто из ее подруг не напоролся на собственный меч, когда они повалились на песок.

– Эта моя, – рыкнула Эшлин, с прищуром глядя на ухмыляющуюся воительницу.

Кива чуть не расхохоталась в истерике: ну разумеется, против аномалии должна выйти Эшлин, раз уж только она владеет магией стихий.

Но тут другая, с огненно-рыжими волосами, ухмыльнулась и призвала на ладонь пламя, демонстрируя, что среди противниц – две аномалии. Креста предупредила, что короли ценят воинов-магов, но это...

– Да чтоб тебя! – прошипела Эшлин. – Эту тоже придется взять на себя.

У Кивы и так стучало сердце, но теперь оно грохотало молотом.

– Если кто-нибудь из вас скрывал магический дар, самое время признаться, – сказала она Кресте и Наари.

По лицу Наари читалось, что среди них только одна хранила такой секрет, и это сама Кива.

Креста тоже закатила глаза и заявила:

– Думаешь, я бы торчала в Залиндове так долго, если бы могла магией проложить себе путь наружу? Только у твоего принца хватило ума на такое.

Не успела Кива ответить, как король Фемби взял слово после брата:

– Правила Арзаваара просты: их нет!

Толпа вновь взревела, еще громче, и он возвестил:

– Да победит сильнейшая! *Gantaark!*

Не нужно было знать джиирванский, чтобы понять, что он крикнул «В атаку!», потому что шесть воительниц бросились к ним, подняв мечи, копья и щиты. Аномалия с даром воздуха вскинула на бегу руку, чтобы ударить еще раз, но теперь Эшлин была готова и отразила нападение ответным взмахом, и песок между ними взметнулся, больно жая глаза. Рыжая тоже попыталась послать в их сторону огненный всполох, но Эшлин откачала воздух вокруг пламени, и оно погасло, не причинив никому вреда.

На миг Кива ощутила проблеск надежды. Джиирванские аномалии никогда еще не сражались с принцессой Валлентис – с *генералом* Валлентис. Пусть их было двое на одну, но на стороне Эшлин был опыт и мощь поколений. К тому же она владела двумя стихиями и быстро пустила их в ход, расколов землю. Шести воительницам пришлось отпрыгнуть в сторону, сменив направление движения, так что у Кивы и ее подруг появилось время на подготовку.

Но потом две аномалии переглянулись, обменявшись незримыми знаками, и одновременно напали на Эшлин, заняв все ее внимание и позволив остальной четверке подойти ближе.

Наари и Креста без заминки бросились им навстречу с поднятыми мечами, а Эшлин насылала порывы ветра и оплетала лозами двух своих соперниц-колдуний, но лозы мгновенно застывали и сгорали.

«Шевелись! – вопил внутренний голос Кивы. – Помоги им!»

Но она не могла двинуться с места, боясь, что лишь помешает, если влезет, и кого-нибудь из ее подруг ранят.

Лихорадочный взгляд Кивы метался от Эшлин и ее магической битвы к Кресте и Наари, которые обменивались ударами с четырьмя оставшимися. Сталь звенела над ареной. У противниц были не только мечи: широкоплечая женщина сражалась жутким копьем, чем-то средним между серпом и косой, а ее веснушчатая подруга орудовала металлической цепью в одной руке и шипастой булавой в другой. Лишь две из них – одна была в инкрустированной золотом броне, а другая носила рогатый шлем – орудовали чем-то более-менее похожим на мечи Кивиных подруг, но они нападали так яростно, что даже Наари, прошедшая ту же школу, с трудом отбивалась. А Креста...

На глазах Кивы Креста, противостоящая широкоплечей женщине с копьем, потеряла терпение, с боевым кличем нагнулась и повалила ее наземь, врезавшись в живот. Обе выронили оружие и принялись

бороться, не давая друг другу подняться. Но Кива не беспокоилась за склочную девчонку из каменоломни – ее тревожило, что теперь Наари осталась одна против троих.

Все вокруг и так постоянно спасали Киву. Ордалии она пережила лишь благодаря Джарену. Потом в Залиндове за ней присматривала Креста. Даже в замке Блэкмаунт Эшлин помогла ей обрести свободу. Наари, Кэлдон, Торелл – все они то и дело выручали ее. Ей всегда приходилось полагаться на них, но этому пришел конец. Пусть у нее нет опыта и натренированности, но прямо сейчас друзьям нужна ее помощь.

Особенно Наари.

Киве было ужасно страшно, но она целеустремленно стиснула рукоять кинжала и бросилась к Наари, которая отбивалась от трех противниц. На бегу она заметила, как женщина в шлеме споткнулась, открываясь для удара. Наари немедленно этим воспользовалась, быстро ткнув мечом – раз, другой, третий – и женщина, коротко вскрикнув от боли, упала на песок и застыла без движения.

У Кивы сжалось сердце, когда глаза противницы закрылись, и она вновь вспомнила слова Наари: *«Убей или умри – другого выбора нет»*.

Позже у Кивы еще будет время обдумать бессмысленное насилие, происходящее на арене. Но для этого ей нужно сперва выжить и помочь выжить подругам. Потому что Креста все боролась с широкоплечей, пыхтя и рыча на каждом ударе, Эшлин отбивалась от магии воздуха и огня, а Наари по-прежнему сражалась против женщины с булавой и цепью и другой, в украшенной золотом броне.

На последнюю Кива и бросилась, пытаясь помешать золотой воительнице ударить Наари в неприкрытую спину. Движимая чистым отчаянием, она скачком преодолела оставшееся расстояние как раз, когда противница обернулась; в прозрачных голубых глазах стоял смех, и та подняла меч. В ответ Кива, мчась навстречу, вытянула кинжал, чтобы отразить меч соперницы.

Но в этот момент Киву на полушаге вдруг подхватило порывом ветра и отбросило прочь – прямо во внутренний бассейн.

Ошарашенная, она погрузилась под воду. Сперва она подумала, что это, наверное, Эшлин пытается ее уберечь, но эта мысль испарилась, когда она оттолкнулась от дна, чтобы выплыть, и еще один порыв ветра тут же снова ее потопил.

Ее охватил ужас, она всплывала вновь и вновь, едва успевая глотнуть воздуха, прежде чем ее погружали обратно под воду. Один раз ей удалось бросить взгляд через арену, и тогда она обнаружила, что Эшлин даже не заметила того, как Киву атаквали: ее внимание полностью поглотила рыжая аномалия, которая превратила внешнее огненное кольцо в гигантского пламенеющего питона. Все силы Эшлин уходили на то, чтобы не сгореть заживо, и она пустила в ход и воздух, и землю, чтобы унять inferнального змея. Все это время воздушная аномалия щерила сколотые зубы на Киву, не выпуская ее из подводной клетки.

Но тут стало понятно, что раньше стихийная воительница лишь игралась с Кивой, а теперь играм пришел конец: когда Киву вновь утянуло под воду, барьер из плотного воздуха уже не пустил ее на поверхность.

Совсем.

Несколько секунд – и у Кивы начали гореть легкие. Вспомнилась водная Ордалия, вспомнилось, как королева Ариана напала на нее в Речном дворце. Оба раза Кива едва не утонула – прямо как сейчас.

«Только не так!» – взмолилась Кива, колотя кулаками по невидимому барьеру. Каким-то образом у нее в руке еще оставался кинжал, но что от него толку против магии.

Боль пронзила горло и грудь, сердце неслось вскачь, дыхательные пути без воздуха перехватило судорогой. Нужен воздух. *Нужен воздух.* Но вокруг была лишь вода и ни надежды на спасение.

Кива вспомнила лицо Джарена – Джарена, который прыгнул в озеро и вдохнул в нее жизнь. Джарена, который встал против собственной матери, чтобы защитить Киву, а потом не выпускал ее из объятий всю ночь.

На этот раз Джарен не сможет ей помочь.

Кива даже не знала, захотел бы он, будь у него выбор.

Хотя нет. Он бы так с ней не поступил. Сколько бы боли она ему ни причинила, не в его природе было бросить другого человека страдать – даже ее. Может быть, *особенно* ее. Он спас бы Киву в любом случае, это она знала как свои пять пальцев. И мысль о том, что она больше его не увидит, что она сдастся и умрет на этой дурацкой джиирванской арене, ничего не исправив в их отношениях, была совершенно невыносима.

Легкие вопили, умоляя о кислороде, поле зрения сужалось, но Кива собрала остатки сил, рванулась вверх, ударив рукой с кинжалом по воздушному барьеру, – и обнаружила, что его больше нет.

Она вылетела на поверхность воды, кашляя и захлебываясь, из последних сил доплыла до края, не встретив преград, и перевалилась на песок. Там она отплевалась, мучительно хватая воздух и давясь. Однако она ни на миг не забывала, что ее подруги все еще сражаются за свои жизни, поэтому дала себе всего пять секунд, чтобы отдышаться, а потом, дрожа, встала на ноги.

Окинув взглядом арену, Кива увидела, что Креста победила широкоплечую, которая бездыханно лежала на песке, и объединилась с Эшлин против огненной и воздушной аномалий. Это объясняло, почему Кива вдруг освободилась. У Кресты не было дара, но она яростно атаковала мечами и к тому же кидала какие-то жуткие заточенные звездочки, которые, видимо, сняла с тела своей противницы. Вместе с Эшлин они брали верх, хотя питон теперь обратился в полыхающий торнадо, который подпитывали обе аномалии.

А вот Наари с трудом держалась против веснушчатой с цепью и золотой, которые мощно теснили ее с такой скоростью, что клинки расплывались в воздухе. Стражница истекала кровью, некоторые из ее ран выглядели опасно глубокими, и силы ее, очевидно, подходили к концу.

Кива во второй раз отбросила страх и рванулась к подруге. Песок и капли воды так и летели с нее. Но сколь бы она ни торопилась, ей оставалось еще несколько шагов, когда веснушчатая ухитрилась захлестнуть цепью ногу Наари и с силой дернула, одновременно махнув булавой поверху.

У Кивы остановилось сердце, когда Наари запнулась и едва успела вскинуть руку, приняв удар шипастой булавы на протез. Еще один рывок цепи – и она, потеряв равновесие, упала на колени. Ситуация была критическая: все ее внимание поглотила защита от атаки веснушчатой, зато сзади она оказалась полностью открыта для удара золотой, которая уже целилась ей в спину.

Удар был смертельный.

Но он так и не достиг цели, потому что Кива успела перехватить меч золотой. Действуя по наитию, она вскинула кинжал, желая

отпугнуть противницу и дать Наари шанс встать на ноги и вернуться в битву.

Но золотая неверно истолковала движение Кивы и бросилась вперед, а не назад, повернулась не туда...

И взмывающий кинжал Кивы оказался прямо у нее в груди.

Прозрачные голубые глаза воительницы потрясенно распахнулись, повторяя полный ужаса взгляд самой Кивы, и обе медленно опустили глаза на клинок, торчащий из тела.

Время остановилось, а потом женщина начала падать, кровь залила песок и лужицей собралась под замершим телом.

Кива сдавленно охнула, ошарашенно глядя вниз, на золотую воительницу, чьи опустевшие глаза смотрели в никуда.

Кива повидала смерть. От болезни, от травм, от ран, полученных в драке, – она видела куда больше смертей, чем многие, особенно пока была в Залиндове. Но *стать причиной* чьей-то смерти?

Кива еще никого не убивала.

Скользкая теплая кровь покрывала ладони. Руки не дрожали, они застыли. Она вся застыла.

Краем глаза она замечала беснующуюся толпу, Наари, по-прежнему сражающуюся с веснушчатой воительницей, Эшлин и Кресту, берущих верх в магической битве: аномалия воздуха уже была повержена и осталась лишь рыжая со своим пламенем. Но как Кива ни пыталась, она не могла оторвать взгляда от пропитанного кровью песка и женщины с кинжалом в груди – Кивиным кинжалом.

Все дальнейшее слилось воедино. Наари наконец победила свою противницу и подбежала к Киве с ужасом в глазах. Однако, быстро ее осмотрев, она поняла, что кровь чужая.

Шок, поняла Кива, это шок.

Наари пришла к тому же выводу и с силой тряхнула Киву, но это мало помогло.

Но тут подоспела Креста, а Эшлин одолела огненную аномалию, последнюю противницу. Креста не замедлила повторить то, что уже делала раньше, и дала Киве пощечину.

– Приходи в себя! – приказала она. – Ты и похуже видела, в сто раз хуже.

Кива видела.

Но никогда не была тому причиной.

– Креста! – рявкнула Эшлин, когда та вновь подняла руку для удара. – Оставь ее в покое.

Наари стояла так близко, что Кива слышала ее тяжелое дыхание. Еще она слегка пошатывалась, и именно это заставило Киву наконец оторвать взгляд от золотой воительницы. Увидев, как изранена Наари, Кива машинально подняла руки, чтобы исцелить ее, но стражница заметила это и попятилась.

На миг Киву ослепила обида. Она только что *убила человека*, чтобы спасти Наари, а стражница все равно так ненавидит ее, что шарахается от прикосновения. Но потом Кива преодолела первое потрясение и вспомнила предупреждение Наари: если короли увидят ее дар, они ни за что не позволят ей уйти.

Кива торопливо сжала кулаки, удерживая силу, которую чуть было инстинктивно не вызвала. Наари придется подождать исцеления, как и Эшлин с Крестой, которые были обожжены, изранены, а еще исцарапаны поднятым ветром песком.

Они были ранены, но живы.

Все они.

Кива не позволяла себе опускать взгляд на землю, где лежали шестеро воительниц.

«*Убей или умри*», – сказала Наари.

Они сделали все, чтобы выжить.

Но при этом Кива все равно испытывала вину и не могла от нее отмахнуться – как не могла забыть потрясенный, полный ужаса взгляд золотой, когда жизнь покидала ее.

В горле встал комок, но Кива сглотнула его, понимая, что нельзя поддаваться чувствам – не здесь, не на глазах тысяч зрителей. Нужно продержаться еще несколько минут.

А потом, наедине с собой, можно устроить потоп.

На помосте короли поднялись с тронов и воздели руки, унимая воющую толпу.

– *Dukkar, dukkar!* – возвестил Фемби на родном языке. – *Tuk ekaan Arzavaar du ventek unt Evalon!*

Публика вновь взревела, а король обратился на всеобщем непосредственно к Киве, Эшлин, Кресте и Наари:

– Наши поздравления друзьям из Эвалона, которые одержали победу в Арзавааре! Вы показали себя воинами, идите же и примите

свою награду!

С этими словами кольцо огня – уже не пламенеющий питон – погасло, открыв обугленную землю и выход с арены. Появились два отряда стражников в бежевой броне: одни направились к Киве и ее подругам, другие принесли тканевые носилки, чтобы забрать павших.

Кива не стала смотреть за вторым отрядом, особенно за теми, которые подошли к золотой. Не поднимая взгляда, она пошла за подругами прочь с арены.

После приглашения Фемби Кива ждала, что их проводят прямо на помост, но стражники направились не к трибунам. Они прошли по узкой затененной дорожке между стенами арены, где стихли крики толпы, и вернулись на слепящий солнечный свет. Отсюда до дворца было рукой подать, а там их отвели в гостевые покои, которые, очевидно, выделили им до отъезда.

Всю дорогу Кива не поднимала головы, смутно понимая, куда они идут. Где-то между ареной и дворцом ее окутало онемение, она пыталась и не могла оправдать то, что случилось, – то, что она *сделала*. Но потом все стражники, кроме одного, вышли за дверь, и Кива наконец подняла взгляд, затуманенным взором заметив лишь, что стоит в яркой круглой комнате с большими белыми подушками, разбросанными по полу перед камином, и балконом, выходящим не на арену – к счастью, – а на противоположную сторону города.

– Их Величества постановили, что вечером будет пир в вашу честь, – сообщил стражник, задержавшись в дверях. Он говорил с таким акцентом, что Кива не сразу поняла, что он сказал, а когда разобрала, с отчаянием посмотрела на Эшлин.

По досаде на лице принцессы Кива поняла, что просто забрать кольцо и уехать не получится. Придется сперва поиграть в придворные политические игры.

– Примите ванну, отдохните, а потом вас сопровождают в пиршественный зал, – продолжал стражник. – Все необходимое ждет вас в покоех.

Он указал на двери, которые Кива не заметила при первом осмотре комнаты. Одна створка была приоткрыта, демонстрируя краешек необъятной ванны в углу.

Сказав все, что должен, стражник вышел и задержался снаружи, придерживая дверь.

Кива решила, что он останется на посту до самого пира, но тут услышала торопливые шаги, и появились Джарен, Кэлдон и Типп. Стражник дождался, пока они войдут, закрыл за ними дверь и оставил их наедине.

Какое-то время все молча глазели друг на друга. Кива остро ощущала, что волосы и одежда у нее еще влажные, а главное – что руки покрыты подсохшей кровью.

Джарен, Кэлдон и Типп все видели.

Они смотрели, как умирают шесть женщин.

Они видели, как Кива лично убила одну из этих женщин.

Она не находила в себе сил посмотреть на них, вина и стыд сжимали нутро и щипали глаза.

Но тут Кива услышала всхлип, подняла взгляд и увидела, как Типп бежит к ней со слезами на щеках.

Он врезался в нее своим маленьким тельцем, и она попятилась. Все мысли разом вылетели из головы. Кива ошарашенно застыла, а он обнял ее и спрятал лицо у нее на груди.

– Т-т-ты чуть не умерла! – приглушенно захныкал он в ее кожаную броню. – Т-т-ты чуть м-меня не бросила!

– Типп, – прошептала Кива сдавленным от эмоций голосом. Помедлив, она тоже обняла его, опасаясь, не вспомнит ли он вдруг, что не разговаривает с ней, не оттолкнет ли. Но он не стал, а наоборот, вцепился в нее еще крепче.

– П-прости меня! – рыдал он, поднимая заплаканное лицо, чтобы посмотреть на нее мокрыми голубыми глазами. – П-п-прости! Джарен сказал, что надо п-простить тебя, что у т-тебя не было выбора и что т-ты соврала, т-только чтобы защитить м-меня, но я т-так злился! А т-ты чуть не утонула, думая, что я т-тебя ненавижу! Я н-не... Это н-неправда, К-Кива! Я н-никогда бы не стал! Я т-тебя люблю! Ч-честно!

Он вновь спрятал лицо, всхлипывая еще громче. От его признания Киве тоже захотелось разреветься вместе с ним, но, как бы ей ни хотелось утешить мальчика, она была слишком потрясена его признанием. Она бросила на Джарена неверящий взгляд и увидела, что он неотрывно смотрит на пустой камин.

А Кэлдон бежал к сестре, бледный, но целеустремленный. На глазах у Кивы он открыл рот, закрыл, снова открыл, а затем покачал головой, досадуя на самого себя, и заключил сестру в объятия.

Закаленная принцесса замерла как статуя.

И немедленно разразилась слезами.

– Эши, я так виноват, – тихо сказал Кэлдон. – Было слишком больно даже думать о встрече с тобой. Я каждый раз вспоминал их, и было намного проще делать вид, что их – и тебя – никогда не существовало. Но сегодня я осознал, что могу потерять и тебя... Зря я решил держаться в стороне. Я был эгоистом, и понимаю, что обидел тебя. Простишь меня?

Эшлин лишь расплакалась еще горше, но кивнула, прижимаясь к груди брата.

– Конечно, прощу, тупой ты детина, – буркнула она, а потом отодвинулась и стукнула его в плечо. От души.

Кэлдон охнул и потер плечо, сердито уставившись на нее.

– Это еще за что?

– Заслужил, – заявила Эшлин; серебристые глаза были влажны от слез, щеки покраснелись и опухли. Но, стоило этой горе спастись с ее плеч, как ее лицо заметно просветлело. Несмотря на собственные слова, принцесса широко улыбнулась брату и договорила: – Вообще-то ты и не то заслужил, но я сегодня добрая.

Кэлдон рассердился еще больше.

– Я еще пожалею, что извинился, да?

– Поздно, – ответила Эшлин, вытирая щеки и улыбаясь еще шире. В этот миг даже в окровавленных доспехах она совсем не напоминала сурового генерала: просто старшая сестра, подначивающая младшего брата.

– Все это, конечно, ужасно миленько, – влезла Креста, даже не пытаясь скрыть отвращение на лице, – но никто не хочет рассказать, что было после того, как мы ушли с арены? Короли отдали кольцо?

– Они собираются вручить его на пиру, – ответил Кэлдон и поморщился, оглядывая свою темную одежду, на которой отпечатались вся боевая грязь с доспеха сестры.

Брови Кресты взмыли вверх.

– И вы им верите?

– По закону Джиирвы наградить нас за победу в Арзавааре – их долг чести, – ответила Наари, хватаясь рукой за бок, который все кровоточил. – Они обязаны...

Она не договорила: у нее подломились колени, и она со стоном боли упала на белую подушку.

Кива и Джарен оба бросились к ней, одновременно оказавшись рядом, и он с беспокойством следил, как Кива принялась за осмотр самых скверных на вид ран Наари. При виде засохшей крови на собственной коже у нее задрожали руки, но она глубоко вдохнула и загнала поглубже все чувства, пока дрожь не унялась.

Из-за близости Джарена Киве было сложно сосредоточиться – ей хотелось только прильнуть к нему и спросить, почему он уговаривал Типпа простить ее. Но она заставила себя собраться, особенно когда поняла, как глубоки раны Наари.

– Боги... – пробормотал Джарен, заметив то же самое.

– Это что, *кость*? – спросила Креста, заглядывая им через плечо. – Фу!

Кэддон быстро обнял ее за талию и уволок в дальний угол комнаты.

– Она п-поправится? – спросил Типп, опускаясь на колени с другой стороны от Кивы. Подняв на нее взгляд, он спросил: – Т-ты же ее в-вылечишь, да?

Онемение, которое окутало ее, когда она покидала арену, испарилось, и на его место пришло тепло, которое разрасталось и разрасталось под взглядом мальчика. Он смотрел на нее с таким доверием, с такой надеждой. И магия Кивы без промедления ответила на зов. Все получилось само собой, как дыхание. Дар пролился наружу прекрасным золотистым свечением, сращивая не только самую глубокую рану Наари, но и все остальные, полученные в битве.

И не только ее: охнула Эшлин, пораженно выругалась Креста, когда сияние Кивиного дара разлилось от Наари и затопило комнату. Кива подняла взгляд: обе пораженно глазели на некогда обожженную и оцарапанную кожу.

– Ты так и собиралась? Вылечить всех разом?

Тихий вопрос исходил от Джарена; Кива обернулась, и у нее перехватило дыхание от его близости.

– Нет, – ответила она, надеясь, что он не заметит хрипотцы в ее голосе. – Но вышло проще, чем раньше. Даже подумать не успела. Просто... *получилось*.

Ни он, ни кто-либо еще не успел ответить: их прервал стук в дверь, и все быстро вскочили на ноги. При мысли о том, что кто-то заметил неестественную вспышку света, у Кивы ускорился пульс, но снаружи ярко светило солнце, так что даже с балкона не должно быть ничего видно.

Она обмякла от облегчения, когда двое одетых в белое слуг вошли в комнату с подносом фруктов и сыров и графином напитка. Они быстро сказали что-то на родном языке, поклонились и ушли.

– Закуси, чтобы освежиться перед пиром, – перевел Джарен.

Все настороженно разглядывали угощение, памятуя, что случилось в прошлую встречу с так называемым джиирванским гостеприимством.

– Я воздержусь, – сказала Креста, злобно взирая на еду.

А вот Наари подошла к графину и налила себе напитка. Все уставились на нее в изумлении: в прошлый раз она единственная отказалась от сока йиджапилли.

– Нас опоили, только чтобы доставить на арену, – пояснила она, ополовинив кубок. – Мы уже заслужили то, за чем явились. У них нет причин вредить нам, да и законы это запрещают.

Она осушила бокал и наполнила его снова.

– Можно есть. Что угодно.

Типпу другого разрешения не требовалось – он бросился вперед и принялся набивать рот, и остальные последовали его примеру, хоть и не торопясь.

Кива смотрела на них, и ее охватило изнеможение: отсроченная расплата за магию, которую она только что применила, а может, за все, что она пережила за день. Вместо того чтобы последовать примеру друзей, она выскользнула в ближайшую дверь и оказалась в спальне. Как и гостиная, эта комната была яркой и богатой, полуденное солнце струилось сквозь занавеси, которые Кива торопливо задернула, погрузив комнату в темноту. Лишь после этого она опустилась на заваленную подушками кровать и свернулась в клубочек, пытаясь сосредоточиться на том, как ее обнимал Типп, но вспоминая лишь, как жизнь покидала глаза золотой воительницы.

Глава семнадцатая

Кива не представляла, как пережила вечерний пир.

Часы проносились в мешанине ярких цветов и веселой музыки, пряной еды и громогласного смеха. Короли оказались в своей стихии: они принимали сотни лордов в обширном пиршественном зале, где столы ломились от еды, а потолок украшали нитки люминиевых огней, подобно звездному небу, сияющему под высоким сводом.

Кива и ее друзья, как почетные гости, сидели вместе с близнецами и их Королевским Советом за главным столом. К тому моменту, как за ними явились стражники, все успели принять ванну, так что на них не осталось ни дорожной пыли, ни крови с арены, пусть даже Кива до сих пор ощущала пятна на ладонях. Им выдали безукоризненно чистую одежду: Эшлин, Креста, Наари и Кива надели развевающиеся длинные юбки и свободные блузы с открытыми плечами, а Джарен, Кэлдон и Типп – штаны и тонкие льняные рубашки с распахнутым воротом. Типпу досталась ярко-оранжевая одежда, кошмарно не подходящая к его волосам, но вот Кэлдона одели в красивый темно-зеленый цвет, а Джарена – в темно-синий, отчего у Кивы при виде его перехватило дыхание. Ей самой достался притягивающий взгляды бирюзовый, но если она и чувствовала себя неуютно, то достаточно было лишь взглянуть на хмурую Кресту, чтобы понять, что ей попался еще не худший вариант – той выдали ярко-розовый наряд.

Когда наконец – наконец! – короли встали и призвали к тишине, Кива чуть не расплакалась, потому что без дальнейших церемоний они передали Джарену маленький кожаный мешочек. Фемби поднял кубок и изрек поздравительную речь, но Кива ее прослушала: она не сводила глаз с Джарена, который открыл мешочек и достал золотое кольцо, украшенное нескромно огромным рубином.

Огненное кольцо.

«Одно у нас, осталось еще три», – подумала Кива в ужасе от того, сколько еще предстояло. Но она напомнила себе, зачем они все это делают: чтобы не дать Навоку завладеть Дланью Богов и расширить армию магов. И ради Кивиной уже более эгоистичной цели: вернуть Джарену его стихийные силы.

Потому что, может, тогда он смог бы простить ее.

Остаток пира пролетел быстро, но Киве не сиделось на месте: кольцо у них, хотелось поскорее отправиться на поиски остальных трех. Она знала, что ее друзья чувствуют то же самое, особенно Джарен, Эшлин и Кэлдон: все-таки их королевство – и семья – находились в руках психопатки. Но из Йирина они ничего не могли поделаться с Зуликой – или с Навоком, если уж на то пошло, – а здравый смысл говорил, что по ночам по беспощадным джиирванским пустыням путешествуют лишь дураки. С отъездом придется повременить до утра, даже если терпения не хватает.

Когда короли наконец возвестили об окончании пира, Кива порадовалась, что их быстро отвели обратно в покои, и еще больше – тому, что на подушках сидели Торелл, Эйбран и Голдрик и ждали их.

– Вы как раз вовремя, – сказал Кэлдон, усаживаясь рядом и вытягивая длинные ноги. – Как все прошло с аномалиями?

Эйбран отпихнул ноги Кэлдона.

– Никак.

Шпион многословием не отличался, так что Кива посмотрела на брата в ожидании комментариев.

– Деревню мы нашли, – рассказал Торелл, – но с нами никто не пожелал говорить. Они к нам даже не приближались. Как будто мы чумные.

– Никакой магии мы тоже не заметили, – сказал Голдрик с огорченным видом. – Если там и были какие-то аномалии, они старательно прятали от нас свою силу.

– Мы навели на них совершенный ужас, – сказал Эйбран, ероша короткие темные волосы. – Мы думали разузнать, как Навок убедил их примкнуть к нему, но судя по тому, как нас приняли... Очевидно, их как-то принудили.

Голдрик перевел взгляд со шпиона на Валлентисов и ответил:

– Я знаю еще о двух общинах: в Хадрисе и Валорне. Может, там больше повезет.

Кива на это надеялась. Знай они, что планирует Навок и что движет его магически одаренными сторонниками, они бы смогли продумать, как им защитить Эвалон, да и весь Вендерол.

– Ну а вы как? Добыли кольцо? – спросил Торелл, оглядывая их разнаряженную команду.

Вместо ответа Джарен шагнул вперед и вновь открыл кожаный мешочек. Он не пояснил, как именно они его добыли, и Кива была ему за это признательна. Если брат узнает, что они сделали на арене – что лично она сделала, – он поймет, какие страсти бурлят в ее душе. Она едва притронулась к ужину: ее тошнило, потому что в памяти то и дело всплывало лицо золотой воительницы. Днем она думала, что если побудет одна, то сможет пережить это и двинуться дальше, но теперь чувствовала себя еще более виноватой.

Умерла женщина. Шесть женщин. Как можно вести себя так, будто ничего не произошло? Эшлин, Креста и Наари как будто и бровью не повели, но Кива... Она до сих пор не понимала, как преодолеть эти чувства.

– Вот это каменяга! – сказал Торелл, наклоняясь, чтобы рассмотреть получше.

Голдрик и Эйбран тоже подались вперед, Кива заняла место рядом с Кэлдоном, а Типп, подойдя, уселся рядом с ней. Он был так близко, что Тор удивленно покосился на них, но потом его взгляд потеплел: он понял, что мальчик больше не избегает Киву. Тепло быстро сменилось любопытством, но Кива покачала головой, не желая ничего объяснять. По многим причинам.

Через несколько секунд Типп уложил голову Киве на плечо и принялся сонно играть с бусинами на ее бирюзовом наряде; события этого дня и долгие часы путешествия утомили его так, что глаза у него слипались.

Она как раз хотела предложить всем отправиться спать, когда Креста подошла к Джарену и спросила:

– Как понять, есть ли там магия Сараны?

Все воззрились на рубин, будто тот мог дать ответ. Кива вспомнила амулет, который все еще был при ней: камни загорались, когда Джарен наполнял их магией, а потом снова меркли. Ей захотелось достать кулон из-под одежды и посмотреть, похож ли тот на кольцо, однако в последний момент она остановилась. В дороге она много раз порывалась вернуть его Джарену, но трусила, боясь того, что он мог бы ей сказать и что мог бы вспомнить. Амулет защитил не только ее, но и Зулику: оградил от магии Джарена и сыграл решающую роль в его поражении. Поэтому ради Джарена Кива старалась прятать амулет, но во время энергичных утренних тренировок он пару раз

выскальзывал из-под одежды. В эти моменты она ловила на себе взгляд Джарена, который стискивал зубы и отворачивался, и тогда она понимала, что лучше прятать его и дальше.

Джарен, который, кажется, подумал о том же, о чем и Кива, наконец ответил:

– Наверняка нам не узнать.

Он передал мешочек Кэлдону:

– Лучше перестраховаться.

Кэлдон переводил взгляд с кольца на двоюродного брата.

– Может, подождем, пока соберем все четыре?

Ответил Голдрик:

– Будет разумнее подготовить его заранее – вдруг что-нибудь пойдет не так и придется разделиться, а Сарана не вкладывала в него сил? Ты, – он кивнул на Кэлдона, – и принцесса, – кивок в сторону Эшлин, – вы двое управляете тремя стихиями из четырех. Если ты сейчас наполнишь кольцо огненной магией, то, когда Киве подойдет время применить Длань, останется меньше места для случайностей.

Киве стало не по себе при мысли о том, что ей предстоит сделать в одиночку, но она отвлеклась на Кэлдона, который согласился с доводами Голдрика и выудил из мешочка кольцо. С на редкость собранным видом он коснулся пальцем красного камня. Рубин сразу же засветился, и Кива вспомнила ту ночь после нападения королевы, когда Джарен подарил ей амулет. Свечение кольца начало гаснуть, а Кива задумалась: помнит ли он этот нежный момент? Джарен держался несколько напряженно, и ей показалось, что может и помнить, особенно учитывая, как старательно он избегал ее взгляда.

Когда рубин перестал светиться, Кэлдон вернул кольцо в мешочек и отдал Джарену, который спрятал его подальше – на всякий случай.

– Скукотища, – разочарованно заявила Креста.

– После сегодняшнего все хочешь развлечений? – изумленно спросил Кэлдон.

– Это смотря какие развлечения, – парировала Креста, с намеком подмигнув ему, на что он удивленно, но весьма озорно ухмыльнулся.

Кива застонала: ее подмывало велеть им обоим не подходить друг к другу ближе, чем на три метра, но она не успела, потому что заговорил Торелл.

– А что было сегодня? – спросил он, выпрямившись и нахмутив брови.

– Ничего, – торопливо ответила Кива, ни на кого не глядя. – Фемби и Райю – просто королевы драмы. Ладно, короли драмы.

Она попыталась рассмеяться, но вышло натужно и испуганно. Спасибо богам за Типпа, который в этот самый момент громко всхрипнул, тем самым выдав, что заснул у нее на плече.

– День у всех был долгий, – тихо сказала Эшлин, чтобы не разбудить его. – Учитывая, сколько короли сегодня употребили, мы наверняка сможем улизнуть до их пробуждения. Но на всякий случай отправимся рано утром.

На том и порешили, договорившись собраться на рассвете в гостиной, чтобы отправиться в Хадрис. Кива только хотела попросить кого-нибудь помочь отнести Типпа в кровать, но Джарен уже направлялся к ней, чтобы поднять мальчика. Пытаясь ухватить его поудобнее, он коснулся талии Кивы, и на долю секунды их глаза встретились. Она понимала, что прикосновение вышло случайным, но ей казалось, что мир замер, пока они смотрели друг на друга; а потом он отвел взгляд, а на скулах заиграли желваки. Он легко поднял Типпа и унес его прочь, не оглядываясь.

У Кивы колотилось сердце и горели щеки. Понимая, что все на нее смотрят, она быстро откашлялась, пожелала всем спокойной ночи и чуть ли не бегом спряталась в спальне.

Но стоило Киве остаться одной, как ее одолели раздумья. Даже переодевшись в джиирванскую ночную сорочку и забравшись в кровать, она никак не могла успокоиться и заснуть, хотя понимала, что нужно отдохнуть перед ранним отъездом.

Поворочавшись какое-то время в кровати, Кива наконец сдалась и подошла к окну. Отдернув занавески, она выглянула на освещенный люминием город. На глаза ей попались огромные статуи, чьи воинственные позы слишком уж напоминали о женщинах на арене; лицо золотой воительницы вплеталось в каждую мысль.

Раздался тихий стук, и Кива обернулась к двери. На миг сердце замерло – она подумала, что это Джарен, но потом вспомнила, что дни, когда он приходил утешить ее, остались далеко в прошлом.

Однако гостье за дверью она удивилась не меньше, потому что это оказалась Наари.

Ничего не говоря, стражница вошла в комнату и встала рядом с Кивой, молча глядя вместе с ней на город. Кива не знала, что и думать, пульс с каждой минутой учащался. Но потом Наари заговорила:

– Когда я в первый раз убила человека, меня потом несколько часов рвало.

Кива скованно повернулась к стражнице.

– Ракаван выбрала меня в десять лет, – продолжала Наари. – Для семьи это значило очень много, и в том возрасте мне хотелось только порадовать их, так что я приняла приглашение начать тренировки. Я оказалась достаточно многообещающей, и меня привезли сюда, в Йирин. Мне было пятнадцать, когда в первом бою на арене я убила двух девушек, своих подруг, с которыми годами тренировалась бок о бок.

У Кивы заняло сердце. Она сжала кулаки, чтобы не лезть к стражнице с утешающими объятиями, потому что до сих пор не была уверена, в каких они теперь отношениях.

– Убей или умри, сказала я тебе сегодня, – тихо произнесла Наари. – Я жила так день за днем с тех самых пор, как вышла на арену: вставала против всех, кто был мне дорог, и видела в их глазах ту же решимость, когда они пытались убить меня первыми – и все ради богатства, славы и... и *чести*.

На последнем слове ее голос сорвался. Наари обхватила себя руками, уйдя в воспоминания.

– Я чувствовала, как все это разрушает меня. Я не могла и подумать о том, чтобы податься на Арзаваар после всего, что они у меня отняли. После всего, что я им *отдала*. Но еще я знала, что долго не протяну. Я была сильна. Быстра. Я хорошо умела убивать людей. Но... Я смотрела, как жизнь уходит из их глаз, и проще не становилось. И не станет никогда.

Она глубоко вздохнула.

– Так что я сбежала. Я хорошо умела драться, но была еще юна, а мое имя мало кто знал, поэтому я не сомневалась, что смогу исчезнуть незамеченной и убереечь семью от бесчестья – и не ошиблась. Несколько недель я скрывалась, постоянно оглядываясь через плечо, но за мной никто не явился, и наконец я вернулась в родную деревню. Однако моя семья...

Наари медленно прикрыла глаза и хрипло рассказала:

– По их мнению, я просто струсилa, и они этого не вынесли. Они отвернулись от меня, и мне снова пришлось выживать.

Она помолчала, собираясь с духом, потом произнесла:

– Что было дальше, ты знаешь: я добралась до Эрсы и спряталась на корабле капитана Вериса, уплыла вместе с ним в Валлению и случайно получила место в королевской страже. Но все остальное, что я тебе рассказала... Об этом не знает никто. Даже Джарен.

У Кивы так пересохло в горле, что она не в силах была ответить, но Наари, повернувшись к ней, увидела в глазах вопрос и жажду узнать, почему она поделилась чем-то столь личным.

Не отрывая взгляда, Наари ответила, тихо и с чувством:

– Я знаю: то, что случилось сегодня, далось тебе непросто. Я знаю, что ты убила ту женщину, чтобы спасти меня, и знаю, что это тебя гложет.

Кива застыла, а перед внутренним взором снова мелькнула золотая женщина.

– Я очень сердита на тебя за ложь и предательство, – продолжала Наари, и Кива напряглась, – но понимаю, что стою здесь только благодаря тебе.

Не успела Кива ответить, как Наари притянула ее к себе и грубовато, но от всей души обняла.

– Спасибо, – сказала Наари ей на ухо.

Не убирая ладони с плеч Кивы, она отстранилась, чтобы вновь посмотреть ей в глаза; ее собственные янтарные глаза были серьезны.

– То, что ты чувствуешь вину, делает тебе честь. Это значит, что ты человек. Значит, что ты *Кива*. Но ты действовала из самозащиты и благодаря этому спасла мне жизнь. Так что не зацкливайся на потерях: скорбеть по мертвым необходимо, но не забывай, что не менее важно радоваться живым.

Наари мягко сжала плечи Кивы и прошептала:

– Я буду скорбеть по шести воительницам, которых мы убили, но я не раскаиваюсь в этом. Потому что, если бы победили они, мертвы были бы мы все.

Она еще раз сжала Киву на прощание и выпустила ее.

– Эти женщины первыми бы аплодировали отваге, которую ты сегодня показала. Они вышли на Арзаваар, понимая, чем рискуют, и умерли с честью – так, как и хотели бы. Они покоятся в мире, отныне и

навсегда. Так что, когда придут кошмары, вспомни об этом. А если не сможешь...

Наари улыбнулась легчайшей из улыбок, и это сильнее прочего убедило Киву, что стражница ее простила.

– Разбуди меня. Я буду драться с твоими демонами за тебя.

И на этой высокой ноте Наари вышла из комнаты.

Кива еще долго смотрела на закрытую дверь, мысленно возвращаясь к беседе. На глаза набегали слезы, но она не понимала, от горя или от радости.

Ее простил Типп, а теперь и Наари.

Кива дала себе время это осмыслить, вытерла слезы и, отойдя от окна, вновь свернулась в постели. На этот раз сон пришел быстро.

И кошмары тоже.

Но каждый раз, когда она просыпалась, на ум ей приходили слова Наари: те женщины, включая золотую воительницу, понимали, чем рискуют, и теперь упокоились в мире.

Напоминая себе об этом, Кива вскоре почувствовала, как кошмары отступают, а их влияние растворяется по мере того, как она принимает случившееся и собственную роль в этом.

Лишь тогда она окончательно погрузилась в сон, и на этот раз спала спокойно.

Глава восемнадцатая

Следующие несколько дней промелькнули в мареве палящего солнца и поднятого ветром песка, пока отряд ехал по пустыне. Они держались береговой линии, чтобы не упускать свежий ветерок с океана, и удалялись вглубь материка, лишь когда утесы становились слишком круты для лошадей.

Каждое утро Кива продолжала тренироваться с Кэлдоном: сначала физическими упражнениями, а потом магическими. Он методично заставил ее пережить заново *каждую секунду* боя на арене и показал парочку приемов самообороны, которые можно было использовать против нескольких соперников, не слушая ее замечания о том, что такого с ней больше не повторится. По крайней мере, она на это надеялась. Может, благодаря вмешательству Наари она и смирилась со случившимся, но золотая воительница не покинула ее мыслей. Кива сомневалась, уйдет ли она когда-нибудь: такова была расплата за отнятую жизнь, вечная ноша, которую ей предстояло нести.

В магическом плане Кива все сильнее завидовала Эшлин, которая быстро осваивала ветроворот. Теперь она могла перенестись в любую точку в поле зрения, хотя научиться перелетать дальше ей только предстояло. Но Голдрика впечатляли темпы ее обучения. Кивины же попытки бросить магический заряд, напротив, оборачивались пшиком.

Несмотря на то что исцелить Наари после Арзаваара вышло без труда, а вылечить Кресту и Эшлин получилось даже без прикосновений, с тех пор Кива почти не продвинулась. Ее магия была, мягко говоря, капризна и немало ее этим огорчала.

На третий день после выхода из Йирина она не выдержала, прямо посреди тренировки вскинула руки и завопила:

– Все бесполезно! Я никогда не научусь делать как Зулика!

– Вообще-то, нам нужно как раз противоположное, – пошутил Кэлдон. – Магия смерти – плохо. Помнишь?

Кива хмуро поддела ногой песок.

– Не надо шутить, когда я расстроена.

Он с серьезным лицом ответил:

– Какие шутки могут быть с магией смерти? Только если у тебя черный юмор, солнышко. – Улыбнувшись, он подпихнул ее под ребра: – Выше голову, персик! Никто и не ждет, что ты освоишь все за день.

Может, и так, но все определенно ждали, что она будет учиться побыстрее. С такой скоростью у нее все равно что вовсе не имелось дара.

Кива вздохнула и посмотрела на бескрайние дюны; солнце уже с самого утра намекало, что днем снова будет пекло. Вчера они наткнулись на небольшой оазис и разбили рядом лагерь на ночь; ручей здесь был мелкий, но вокруг росло столько кустов, что все смогли смыть пот и грязь в некотором уединении. Проснувшись утром, Кива впервые за четыре дня почувствовала себя почти человеком, но теперь растущее раздражение убивало весь настрой.

Она сказала несчастным голосом:

– Я просто не знаю, как это делать. Когда я касаюсь раненого, магия высвобождается сама по себе. А в других случаях как?

Она покачала головой и опустила взгляд на песок.

– Голдрик говорит, мама считала меня сильной, но я не чувствую никакой силы. Только страх.

– Страх? – мягко повторил Кэлдон.

– Что я всех подведу, – тихо ответила Кива. – Я знаю, вы все рассчитываете, что я смогу остановить Зулику, но что, если нет? Что, если никакие тренировки не смогут подготовить меня к столкновению с ней? Мне даже призвать магию дается таким трудом, и что, если...

– Закрой глаза.

Кива подскочила, услышав негромкий приказ Джарена, и развернулась: он шел к ней, разгоряченный после тренировки, с влажными волосами. С ним тренировалась Наари, но она теперь присоединилась к Эйрану и Кресте, и они устроили соревнование на троих, а Эшлин, закончив на сегодня заниматься с Голдриком, боролась с Тореллом.

Кива долю секунды наблюдала за братом и заметила, как он широко улыбнулся, когда Эшлин взяла его в захват и они с громким смехом повалились на землю кучей рук и ног. У Кивы еще не выдалось минутки расспросить его, но между этими двумя, очевидно, проскочила искорка; даже Кэлдон заметил и принялся ворчать, что

сестре вечно достается самый лакомый кусочек. Но у Кивы создалось ощущение, что Кэлдон уже положил глаз на кого-то другого – на одну рыжую девчонку из каменоломни, хоть они и флиртовали не больше, чем демонстративно игнорировали друг друга. Накал между ними уже причинял неудобства остальному отряду, но Кива не могла их осуждать: все-таки ее отношения с одним наследным принцем были ничуть не лучше.

С тем самым наследным принцем, который теперь стоял перед ней, дожидаясь, пока она подчинится.

– Что? – У Кивы вдруг сдавило грудь.

Она ожидала нетерпения, даже злости, но он повторил, спокойно глядя на нее:

– Закрой глаза, Кива.

От того, как он произнес ее имя, Киву пробрала дрожь, словно он нежно провел пальцами по ее позвоночнику.

– Закрывать... глаза? – спросила она едва слышно, ошеломленно.

Он стоял так близко... Ни разу с самой их встречи он не подходил к ней настолько близко по собственной воле.

– Ты сказала, что тебе трудно призвать силу. – Он, очевидно, услышал их разговор с Кэлдоном и ее откровения. Это было кошмарно, и она почувствовала, как щеки пятнает румянец. – Еще ты сказала, что мы рассчитываем на тебя, – и это правда.

Кива поморщилась, услышав подтверждение собственных слов от человека, заинтересованного в ее успехе, пожалуй, больше всех прочих.

– Пусть у меня больше нет дара, – сказал он, и она поспешно отвела взгляд, боясь того, что могла прочесть на его лице, хотя в его голосе так и не появилось ни нотки злости, – но я все еще помню, как он работает. Так что, прошу тебя, закрой глаза и доверься мне.

Кива едва смела дышать, пока он стоял рядом, тем более что Джарен словно на время забыл о своей неприязни к ней. Ее не надо было упрашивать довериться ему – она всегда с легкостью могла это сделать, даже когда не следовало. Для Кивы это было естественно, как дыхание, так что она без труда подчинилась его тихому повелению.

– Что ты чувствуешь, когда колдуешь? – мягкий голос Джарена раздался прямо у нее над ухом, и Киву вновь пробрала дрожь. – Жар? Холод? Счастье? Печаль? Что с тобой происходит?

У Кивы внутри все подпрыгивало от его близости, но она ответила, крепко зажмурившись:

– У меня будто разогревается кровь, и еще пальцы покалывает прямо перед тем, как магия как бы... вырывается.

– Тебе неприятно?

– Нет, такого не бывает. Ощущение... Не счастья, а чистоты. Свежести. Как будто... – Она пару секунд подбирала слова: – Как будто сама *жизнь*.

– А когда ты исцелила Наари и остальных в Йирине? – продолжал он. – Потом ты сказала, что получилось проще, чем обычно, что все получилось само собой. Вернись в эту минуту: что тогда было иначе?

Кива погрузилась в мысли. Ей не вспоминалось ничего, что могло бы упростить колдовство, кроме...

– Тогда меня только что простил Типп, – почти стесняясь, тихо ответила Кива. – Он так смотрел на меня, так твердо верил, что я смогу вылечить Наари... Я... Я...

Она замолчала, чтобы собраться.

– Я столько всего чувствовала, я видела, что он принял мой дар, а вместе с ним и меня саму. Его вера в меня, его любовь... – Ей пришлось откашляться от прилива чувств, а потом она закончила: – Магия пришла сама по себе. Стоило только подумать.

Повисла почти осязаемая тишина, которая тянулась так долго, что Кива задалась вопросом, не ушел ли Джарен. Она как раз собралась приоткрыть глаза и подсмотреть, когда совсем рядом раздался его тихий голос:

– Стихийная магия рождается из намерения, – рассказал он. – Точно так же, как твой мозг посылает команды рукам или ногам, если хочешь пошевелить пальцами, на похожие намерения отвечает и магия. Вызывает пламя. Выращивает дерево. Призывает дождь. Создает ветер. Нужно только мысленно приказать, и неважно, сознательно или машинально.

Он помолчал.

– Но твоя магия будто работает больше на уровне эмоций. Если забыть о том, что случилось в Йирине, то что ты чувствовала раньше, когда исцеляла кого-то?

Кива вспомнила, как лечила Типпа в Залиндове, брата в порту Валлени, Джарена в Речном дворце. Во всех трех случаях они

находились при смерти. Ответ пришел сам собой:

– Отчаяние.

Джарен тихо вздохнул, и она задумалась, не вспоминал ли он тоже ту ночь, когда его ударили кинжалом. Пока она лечила его, он лежал без сознания и не видел, как она перепугалась, что не сможет его спасти. Но Кэлдон присутствовал при каждой мучительной секунде происходящего и явно поделился потом с Джареном.

– Понятно, – ответил Джарен, откашлявшись. – Кажется, именно поэтому у тебя не получается призвать дар, когда все в порядке: ты привыкла использовать его только в самых скверных обстоятельствах.

– И что нам это дает? – спросил Кэлдон, и Кива подпрыгнула: она совершенно забыла, что до прихода Джарена она занималась *с ним*.

– А то, что ей нужно переучить свое сознание, – ответил Джарен. – Если ее дар связан с эмоциями, то ей нужно подпитывать его правильными чувствами, такими, которые привязаны не к страху, а к надежде, радости и... – Он оборвал себя.

Но Кэлдон договорил за него – он слышал, что Кива сказала о Типпе.

– Любовь. Ей нужно сосредоточиться на любви.

Кива порадовалась, что глаза все еще закрыты, хотя бы потому, что она не увидела, какими взглядами обменялись принцы.

– Верно, – хриловато ответил Джарен. Но потом сказал уже обычным тоном, вновь обращаясь к Киве: – Я хочу, чтобы ты вспомнила что-нибудь хорошее. Что-нибудь, что вызвало у тебя те же эмоции, о которых мы сейчас говорили. Может, вспомни, как тебя простил Типп. Или какой-нибудь момент из детства, что-нибудь четкое и мощное, чтобы от одной мысли на душе стало легче.

– Полное любви воспоминание, – добавил Кэлдон, который, очевидно, одобрил новую технику тренировки, предложенную кузеном.

Кива перебирала в уме тысячи вариантов: на ум приходило лицо Типпа, потом Торелла, отца, даже Кэлдона. Со всеми ними было связано несколько радующих ее воспоминаний, но на них было сложно сосредоточиться, а образы быстро меркли. Только одно воспоминание смогло удержаться на поверхности, отчего колени начали подгибаться, а внутри все опять подпрыгнуло.

Вечер маскарада, прямо перед тем, как все пошло прахом.

Вечер, когда они с Джареном впервые поцеловались.

«Я знаю, что ты боишься, – прошептал тогда он, а потом коснулся ее губ. – Но я обещаю: бояться нечего. Со мной ты в безопасности, Кива. И так будет всегда».

С тех самых пор Кива не позволяла себе вспоминать эту часть вечера, боясь, что ее бедное скорбящее сердце разобьется. Но нельзя было отрицать: это воспоминание подходит по всем параметрам. Хорошее воспоминание, полное любви.

– Есть у тебя такое? – мягко спросил Джарен.

– Да, – прошептала Кива, надеясь, что щеки не такие красные, как ей кажется.

Если он и подозревал, кто занимал все ее мысли, он не подал виду, а вместо этого сказал:

– Хорошо. Теперь сложи руки, будто зачерпываешь воду ладонями.

Кива послушалась. Руки дрожали от охвативших ее чувств.

– Прокрути в голове это воспоминание, – сказал Джарен, голос которого доносился теперь сзади.

Он стоял так близко, что она спиной чувствовала его тепло, а ухом – дыхание.

– Сосредоточься на том, что тогда чувствовала. А потом используй эти эмоции, чтобы нырнуть глубоко в себя – представь, что зачерпываешь магию из колодца и выносишь ее наверх. Магия легкая, невесомая. Она состоит из надежды, радости, из... любви.

Джарен запнулся на последнем слове, но Кива едва слышала его: ее охватили мурашки и тепло, вызванное на этот раз не его близостью.

«Открой глаза, милая».

Эти слова сказал ненастоящий Джарен, они принадлежали воспоминанию о той ночи – когда Джарен выдохнул их с такой невероятной нежностью, а она подчинилась и увидела на его лице все, что он к ней чувствовал.

– Открой глаза, Кива, – прошептал настоящий Джарен, и сердце пропустило удар.

Но на этот раз он не стоял перед ней, не скрывая своих чувств. Зато, опустив взгляд, Кива увидела, что у нее светятся руки – яркое ровное сияние угнездилось в ладонях, ожидая приказа.

Внутри словно что-то щелкнуло – некий инстинкт, о котором она не подозревала, а возможно, и подавляла. Она разъединила ладони, развела их в стороны, и сияние осталось на обеих; потом сжала пальцы одной руки, чтобы погасить свечение. Оставшийся шар света она подбросила в воздух, поймала свободной рукой, волнообразно взмахнула, создав дугу золотого света, которая понеслась вверх подобно золоченой радуге: метр, полтора, три, пока Кива не вобрала ее обратно в себя. Лишь теперь она отпустила силу, мурашки и тепло ушли, а свет наконец погас.

Какое-то время Кива просто ошарашенно стояла.

Но потом услышала торжествующий вопль: Кэлдон оторвал ее от земли и закружил в воздухе.

– Я знал, что у тебя получится! – воскликнул он, опуская ее обратно на песок и лучась от радости. – Теперь надо просто поработать над твоей выносливостью и отточить технику. Как себя чувствуешь? Устала? Как выжатый лимон?

Кива не ощущала ни того, ни другого – по крайней мере, не до такой степени, как обычно после применения магии. Казалось, ей понадобилось куда меньше сил, чем когда она боролась с даром и умоляла его прийти. Магия хотела, чтобы ее призвали. Хотела ощутить радость, которой ее только что подпитали, любовь, на которую ее выманили.

Впервые с того момента, как Кива узнала, что ей предстоит сразиться с сестрой, она ощутила всплеск надежды и не смогла стереть с губ улыбку, отвечая:

– Чувствую себя хорошо. Правда, очень хорошо.

Она медленно повернулась к Джарену, чтобы узнать, что он скажет, отчаянно желая увидеть на его лице одобрение, может, даже улыбку, которых ей не хватало больше всего на свете.

Но, обернувшись, увидела только его крепкую спину – он быстро уходил прочь.

– Не обращай внимания, – сказал Кэлдон, заметив, как она огорчилась, и от души похлопал ее по плечу. – Тренировка еще не окончена. Призови магию обратно, и на этот раз попробуй зашвырнуть ее метра на четыре-пять. И по прямой линии, будто пытаешься попасть в цель.

Она не кинулась сразу исполнять его приказ, поэтому он, топнув, повторил:

– Чего ждем? Давай, солнышко!

Так что Кива отвернулась от Джарена, который обнажил меч и вернулся к бою, вновь делая вид, будто ее не существует.

Глава девятнадцатая

Той ночью Кива одиноко сидела у костра; теплый свет исходил не только от пламени, но и от магии в ее ладонях. Она неотрывно смотрела на нее, вновь поражаясь, на что теперь способна.

Весь день, пока они ехали по иссушенной пустыне, Кэлдон не отходил от нее, заставляя призывать силу по желанию и даже посылать ее в спутников, исцеляя на расстоянии ноющие от езды мышцы. Получалось так легко, так естественно, что Киве хотелось смеяться. Ей все равно приходилось часто отдыхать: магия изматывала ее настолько, что она едва ли не падала со спины Зефира (впрочем, свались она, зверь бы не возражал), но всепоглощающего изнеможения, как после прошлых исцелений, когда она буквально вытаскивала людей с того света, с ней уже не случалось. Даже теперь она чувствовала просто усталость, как после тяжелой тренировки.

Кэлдон говорил, что ей нужно развивать выносливость, и Кива собиралась поработать над этим: для нее жизненно важно оказаться на пике формы, когда они вернутся в Валлению.

– У тебя отлично получается, – сказал Торелл, подсаживаясь к ней.

Больше вокруг никого не было: у всех имелась своя работа на вечер. Киве на этот раз выпало приготовить ужин, и она внимательно следила за булькающим на огне рагу.

– Мне еще многому нужно научиться. – Она развеяла магию и вновь ее призвала. Это было базовое упражнение на выносливость, одно из многих, которым Кэлдон ее сегодня научил.

– Остальные уже вернулись?

Каждый вечер, когда они разбивали лагерь, двое из отряда отправлялись на разведку, чтобы убедиться, что никаких неожиданностей или незваных гостей поблизости нет и никто не потревожит их сон. Сегодня вызвались Кэлдон и Эшлин, и у Кивы потеплело на сердце за брата и сестру, которые медленно наверстывали упущенное за последние три года.

– Еще нет, – ответил Тор, подбрасывая в огонь веток.

Им повезло найти еще один оазис, на этот раз значительно крупнее и зеленее предыдущего, да еще и с массой сухой травы, которую лошади тут же принялись жадно щипать. Типп и Голдрик проверяли и чистили лошадей, и, хотя они стояли в отдалении, Кива слышала, как мальчик, не замолкая, болтает с бывшим повстанцем. Слов было не разобрать, но она довольно вздохнула, заслышав его жизнерадостный, счастливый стрекот.

– Все хорошо? – Тор с тревогой посмотрел на нее, услышав вздох; в изумрудных глазах и на темных волосах играли отблески огня.

– Давно так хорошо не было, – ответила Кива, обдумывая, какой путь прошла за последние пару недель; кошмар медленно отступал. Тьма еще не рассеялась совсем, Киву часто преследовали воспоминания о Залиндове, или о Навоке, или о битве на арене, а еще страхи о том, что может произойти в Валлении, когда она встретится с Зуликой и Миррин. Но прямо сейчас все это казалось таким далеким.

Тор осторожно намекнул:

– Кажется, вы сегодня утром с Джареном неплохо пообщались.

Он явно к чему-то подводил, и Кива торопливо огляделась по сторонам: Джарен ушел с бурдюками за водой и мог вернуться в любой момент.

– Не хочу надеяться зря, – тихо ответила она. – Но он, кажется, ненавидит меня чуть меньше. Наверное. Я не знаю.

– Ты с ним говорила?

Кива не спеша перебросила магию из ладони в ладонь.

– В смысле?

У Тора дрогнули губы.

– Разговор, мышка. Знаешь, такая штука, когда шевелишь ртом, и оттуда вылетают слова?

Кива скорчила гримасу, и он хохотнул.

– Серьезно, – сказал он. – Сколько там времени прошло? Вы уже пару недель как встретились...

– Тринадцать дней, – пробормотала Кива.

– ...а ты до сих пор не попыталась объяснить ему, что произошло? Даже я уже с ним поговорил, рассказал, как все было с моей стороны.

Кива вытаращилась на него:

– Ты с ним говорил?

– Закадычными друзьями мы вряд ли станем, – пошутил Торелл, – но я больше не опасаясь, что он зарежет меня во сне. Мы даже тренировались вместе, не видела?

Не дожидаясь ответа, он добавил:

– Не пойми меня превратно, это была одна из самых неприятных бесед в моей жизни. Признавать ошибки всегда непросто. Да и не должно быть просто. Но это того стоит. Я понимаю, почему ты сомневаешься, но знаешь...

Он нахмурился.

– Вообще-то нет, не понимаю. Почему ты до сих пор с ним не поговорила?

Кива размяла шею, пораженная тем, что не заметила, как Тор налаживает отношения с Джареном. Но даже если так, их ситуации нельзя сравнивать. Тор не был влюблен в Джарена и не предавал его.

– Все сложно, – наконец ответила Кива.

Торелл фыркнул.

– Мягко сказано. Но если так и будешь бояться поговорить с ним, проще не станет.

– Я не боюсь.

Это была настолько очевидная ложь, что Торелл расхохотался.

– Нет, ты просто в ужасе, – сквозь смех проговорил он. Подтолкнул ее в плечо и мягко спросил: – Что плохого может случиться? Он возненавидит тебя еще сильнее?

Кива закусила губу и бросила взгляд в ту сторону, куда ушел Джарен, торопившийся в сгущающихся сумерках к источнику. Один безумный миг она обдумывала, не пойти ли следом, но потом вся отвага испарилась, и Кива поспешно обратила допрос против брата.

– Да ну его, Джарена. Что там у вас с Эшлин?

Торелл вздрогнул.

– О чем это ты?

На этот раз фыркнула уже Кива.

– Не прикидывайся дурачком. Даже Кэлдон заметил. – И добавила в сторону: – Он весьма оскорблен, знаешь ли.

Тор наморщил лоб.

– Я не думал, что он так ее опекает.

Кива закатила глаза.

– Думаю, его больше огорчает, что это она похитила твое внимание, а не он сам.

– А не... – Торелл заморгал. – Ой.

Он смущенно потер подбородок.

– А я все гадал: чего, как ни обернусь, он так на меня пялится? Уже решил, что мне просто кажется.

Кива потеряла дар речи.

– Ты... Ты не знал? – Она захихикала. – Но это же *очевидно*.

Торелл подбросил еще веток в огонь; щеки у него пылали.

– Я думал, они с Крестой...

– Пусть мечтает, – сказала Креста, появляясь из ниоткуда, и Кива подпрыгнула. Креста села напротив, обнажила подаренный Эйдраном меч, достала точильный камень и принялась затачивать клинок.

На насмешливом лице Кресты Кива также заметила и надежду. Она покачала головой, не в силах разобраться в игре в кошки-мышки, которую затеяли ее друзья.

Она даже не выяснила еще, кто был кошкой, а кто мышкой.

Повернувшись обратно к брату, Кива спросила:

– А если бы ты раньше понял насчет Кэлдона, ты бы... ответил ему взаимностью? – Она запиналась; они столько лет провели порознь, что вести такую беседу было как-то непривычно. – А что насчет Рессинды? Я думала, вы с ней... Ну, знаешь...

Она умолкла, совсем смутившись.

Торелл удивленно фыркнул.

– Мы с Ресс? Нет. Ни за что. Она мне как сестра. – Он делано поежился. – Ну, то есть я ее люблю, сделаю для нее все, что угодно, и знаю, что это взаимно. Но никакой романтикой тут и не пахнет. И кстати, – добавил он, – она не питает таких чувств к мужчинам. Или к женщинам. Она умеет любить всей душой, а ее близкие для нее важнее всего на свете, но она скорее предпочтет разделить постель с шокобулкой, чем с другим человеком. – Он улыбнулся воспоминаниям. – Она прям так и сказала, если что.

Кива была поражена: оказывается, она в корне неверно понимала их взаимоотношения.

...Впрочем, винить Ресс за любовь к выпечке она не могла.

– А Кэлдон? – настаивала Кива.

На этот раз Торелл молчал дольше, задумчиво глядя в огонь, а потом ответил:

– Признаюсь, я польщен. Кэл, он... Ну, он, несомненно, привлекателен, а когда я привык к его заносчивости, то понял, почему он тебе так дорог. Но искорки между нами нет, по крайней мере, с моей стороны. Человек должен нравиться не только внешне.

Кива обдумала его слова и не удивилась – в целом, понаблюдав за их общением, она так и предполагала.

– Ну, а возвращаясь к моему вопросу насчет Эшлин?..

Взгляд Торелла расплылся, а на губах появилась на редкость влюбленная улыбка.

– Она не такая, как все.

– Фе-е, – протянула Креста, резче нажимая на точильный камень, будто надеялась скрежетом заглушить их разговор.

– Тебя никто не приглашал, – сказала ей Кива.

– Я жду еду, – возразила Креста. – Не знала, что придется вытерпеть еще и это.

– Ты просто завидуешь, что Тор не боится признавать свои чувства, – ответила Кива. – В отличие от вас с Кэлдоном и того, что вы вытворяете.

– Ничего смешного, – с ухмылкой парировала Креста. – Выбор Тора ведет к долгим прогулкам на закате и целомудренным поцелуйчикам в щечку. А мой – к затаенному разочарованию и жаркому, бурному...

– Боги, только не надо продолжать эту фразу, – рыкнула Эшлин, подходя из темноты вместе с Кэлдоном. Тот хохотнул и подмигнул Кресте, которая демонстративно не заметила этого, следуя правилам их игры.

Торелл замер рядом с Кивой – очевидно, встревожился насчет того, что именно успели услышать Валлентисы. Но Эшлин села рядом с ним и начала расспрашивать об одной из атак повстанцев, которую он тайно сорвал, и он вновь расслабился и принялся уверенно отвечать на ее вопросы.

Кива восторженно смотрела на них: два генерала из противостоящих друг другу семей, которые смогли отбросить различия и взрастить чувства друг к другу. Потому что чувства

вкладывал не только Торелл: Эшлин смотрела на него так, будто он – единственный во всем мире. Или, по крайней мере, в *ее* мире.

– Как же они бесят, – буркнул Кэлдон, свалившись с другой стороны от Кивы.

Она даже не попыталась скрыть улыбку.

– Неправда.

Он вздохнул.

– Ладно. Неправда. Но обязательно быть такими приторными?

– Между ними сантиметров тридцать, – иронично заметила Кива и наклонилась вперед, чтобы проверить рагу. – И они говорят о боевых стратегиях. Вряд ли это можно назвать приторным.

– Ты забываешь, что у моей сестры магия воздуха, – парировал Кэлдон. – Мановение руки, и вжух! – он без одежды. Думаешь, мне хочется на это смотреть? Нет уж, благодарю покорно.

Он склонил голову набок и признал:

– Хотя вообще-то я бы посмотрел, но только если...

– Нам тебя отлично слышно, засранец, – грозно взглянула на него Эшлин.

Креста фыркнула от смеха, и Кива чуть не присоединилась к ней, но Кэлдон нарисовал слишком уж отвратительную картинку в ее воображении.

– Пожалуйста, не говори мне больше таких вещей, – взмолилась она.

– И вообще *никому*, – подчеркнула Эшлин, все еще хмурясь. Вдруг ее лицо прояснилось, и она коварно добавила: – Но раз уж тебе интересно, моя магия не совсем так работает. С одеждой сложно, там куча всяких пряжек и ремней. Я предпочитаю раздевать руками, заодно можно и потрогать...

– *Ля-ля-ля!* – перебил ее Кэлдон, по-ребячески затыкая уши. – Не думаю про собственную сестру и...

– Что здесь такое творится? – спросила Наари, подходя к ним вместе с Эйдраном.

Коварно ухмыльнувшись Кэлдону, Креста ответила:

– Просто обсуждали, как лучше...

– Использовать магию, – твердо перебил Кэлдон. – Но Кива хочет сообщить нам, что ужин готов, так что сейчас мы все поедим. В *тишине*.

Кива похлопала его по колену, сдерживая смех, – нечасто ей доводилось увидеть Кэлдона смущенным.

– Рагу готово, – подтвердила она, вставая. – Схожу за остальными.

Уходя, она могла поклясться, что слышала мольбу Кэлдона:

– Не оставляй меня с этими извращенцами!

Но Кива лишь шмыгнула в темноту.

Она осторожно пробиралась меж кустов и финиковых пальм к временному загону для лошадей. На полпути она призвала магию и с радостью обнаружила, что свечения хватает, чтобы видеть тропинку и не спотыкаться. Но скоро свет стал не нужен: Типп и Голдрик зажгли ручные люминиевые фонари, осматривая лошадей недавно вернувшихся Эшлин и Кэлдона. Спирита уже отпустили, и он счастливо жевал охапку травы, а кобыла Кэлдона, Фурия, нетерпеливо дожидалась, пока Голдрик ее почистит.

Типп как раз закончил с чисткой упряжи и складывал все по аккуратным удобным кучкам. Кива с гордостью смотрела, как он тщательно все проверяет и удовлетворенно кивает. Только потом он обернулся, увидел ее и просиял.

– К-Кива! – поприветствовал он ее, щербато улыбаясь. – Ты б-была права насчет п-припарки – у Быстронога п-почти п-прошел отек!

Она улыбнулась ему в ответ, не признаваясь, что *понятия не имела*, поможет ли человеческое лечение его обожаемому пони, но все равно порадовалась за него.

– Ужин готов, – сказала она. – Я добавила побольше луковок коллиса специально для тебя.

Остальные терпеть не могли эти пустынные клубни, похожие по вкусу на мел, но Типп еще рос, и желудок его согласился бы и на землю, лишь бы побольше.

Он улыбнулся еще шире и подскочил, чтобы быстро обнять ее, а потом умчался к костру, вопя через плечо:

– Лишь б-бы они м-мне оставили!

Кива готова была биться об заклад, что все до единой луковки будут ждать его на дне котелка, а остальные к ним даже не притронутся. Она хихикнула, покачала головой и посмотрела на пальмы по пути к источнику, решая, стоит ли разыскать Джарена или пусть возвращается сам.

Она все еще сомневалась, когда Голдрик откашлялся, привлекая ее внимание.

– Нам так и не выпало возможности поговорить, – сказал он, переминаясь с ноги на ногу. Фурия нетерпеливо топнула копытом, испытывая его терпение, и он успокаивающе погладил ее по хребту.

Кива не успела спросить, что хочет обсудить Голдрик, как почувствовала на шее дыхание, резко обернулась и увидела, что к ней подкрался Зефир. Она настороженно посмотрела на него, но конь не пытался укусить, а просто толкнул ее мордой.

– Ха! – тихо возвестила она, поглаживая его по шелковистой серой щеке. – Я знала, что покорю тебя!

– Он сущее наказание для конюха, – заявил Голдрик. – Мне кажется, он никого не любит.

– Он просто привереда, – ответила Кива и поспешно отдернула руку, когда Зефир решил, что хватит с него нежностей, и попытался ее цапнуть. Очевидно, их отношениям еще было куда расти, но как когда-то сказал Кэлдон, перемелется – мука будет.

Кива наскучила Зефиру, и он потрусил прочь, а все внимание Кивы вернулось к Голдрику.

– Я знаю, что это не мое дело, – сказал тот, – и даже не уверен, захочешь ли ты это услышать, но твоя мама...

Он умолк и подергал себя за бороду.

– Она была... Твоя мама была... – попытался он снова глухим голосом. – Тильда была очень мне дорога. После гибели твоего отца мы сблизились. – И испуганно добавил: – Не в этом смысле. Она слишком любила Фарана, чтобы отдать сердце кому-то другому. Но я... – Не сводя взгляда с Фурии, он признал: – Я не смог подавить свои чувства к ней, хотя знал, что она никогда не ответит взаимностью.

Кива стояла, ощущая неловкость и не зная, что ответить. С самой встречи с Голдриком мама, которую она, по ее мнению, когда-то знала, потом потеряла, а потом поняла, что на самом деле и не знала вовсе, вернулась к образу из Кивиного детства. И все-таки она чувствовала пропасть, когда думала о Тильде. Виной этому были не только проведенные порознь годы, но и вся ложь, полуправда и те решения, которые приняла мама, – решения, из-за которых Киву бросили одну в Залиндове на десять лет.

– Она когда-нибудь объясняла, почему не пришла забрать меня? – спросила Кива. Она только недавно узнала, что ее можно было освободить в любой момент, пока ей не исполнилось двенадцать. Зулика сказала, что магия Кивы могла поставить под удар все движение повстанцев, но Киве это объяснение казалось сомнительным: в конце концов, и Зулика, и Тильда свободно прибегали к дару все это время. Тут крылось что-то еще.

– А-а... – Голдрик заерзал. – Боюсь, это моя вина.

Кива сощурила глаза, заметив виноватое выражение на его лице.

– Понимаешь, – сказал он, – я... ну... Извини, это непросто; но я сказал Тильде, что закон, позволяющий освобождать детей, не распространяется на тех, кого обвиняют в симпатиях к мятежникам. Она доверяла мне, и я этим воспользовался. – Заметив потрясенное лицо Кивы, он добавил: – Я думал, что защищаю ее. Фаран тогда был еще жив, и если бы она отправилась за тобой, то никогда бы не уехала и без него тоже. Она бы осталась там вместе с ним. Но когда год спустя пришли новости о его смерти, мне стало слишком стыдно признаваться во лжи. К тому моменту я уже любил ее и боялся, что она...

У него сорвался голос, а полный раскаяния взгляд встретился с Кивиным.

– Мне так жаль. Я не прошу простить меня. Но меньше всего я хотел бы, чтобы ты думала, что твоя мать – злодейка, потому что ей хотелось только одного: любить тебя, защищать, быть с тобой. И она добилась бы своего, если бы не я.

Кива с трудом дышала. Кое-как она смогла произнести:

– Но Зулика знала. Она сказала, мама решила, что будет лучше, если я останусь в...

– Зулика подслушала мой разговор с другим командиром повстанцев: я делился планами, как уберечь Тильду, – пояснил Голдрик. Он выглядел еще более пристыженным, если это возможно. – Она так испугалась, что потеряет маму, что с готовностью согласилась хранить тайну.

Когда Киву отправили в Залиндов, ей было семь лет. Зулике – одиннадцать. Кива никогда не была с ней так же близка, как с Тореллом или даже с их младшим братом, Керрином, но все же. Кива оказалась настолько безразлична Зулике, что та скрыла, как легко

можно было бы освободить сестру, даже когда – особенно когда! – умер отец. Киве сдавило грудь.

– Мне жаль, – повторил Голдрик, на этот раз шепотом. – Я все думал, говорить ли тебе. Боролся с собой с самой нашей встречи. Но я подумал: на твоём месте я хотел бы знать. И я не могу в здравом уме допустить, чтобы ты верила, будто твоя мать тебя бросила. Она любила тебя, очень любила. Постоянно спрашивала, нельзя ли устроить побег, но я все время говорил ей, что это слишком опасно. И каждый раз видел, как её сердце разрывается на части все сильнее, пока наконец не смог сказать «нет».

– И тогда ты поехал с ней к Навоку, – продолжила за него Кива севшим голосом.

– Да. Но к тому моменту она уже была слишком больна, чтобы... – Голдрик оборвал себя, потом тихо сказал: – Я понимал, что шансы наши невысоки, но надеялся, что она хотя бы увидит тебя перед...

– Когда её привезли в Залиндов, она уже ослепла, – оцепенело сказала Кива. – Ты знал? Она так меня и не увидела ни разу. А ещё у неё была такая лихорадка, что большую часть времени она вряд ли понимала, кто я.

Голдрик издал мучительный стон.

– Мы прождали слишком долго. Надо было помочь ей раньше. Нужно было её послушать. Вместо этого я признал, что нужно что-то делать, что нам нужна ты, только когда Зулика покатила по наклонной. – И он прошептал голосом, полным раскаяния: – Мне так жаль.

Кива не отвела взгляд, внутри её бушевала немая война. Значит, маме солгали... Она не знала, что ей теперь с этим делать, как справиться с душевной болью оттого, что Тильда на самом деле её не бросала – по крайней мере, по собственному желанию. Тильда пребывала в неведении, точно так же, как Торелл не знал, что мог освободить Киву.

Из-за Голдрика.

И Зулики.

Может быть, Кива была слишком великодушна, но поведение Голдрика она объяснить могла. Он тогда не знал её лично и хотел защитить любимую женщину. Он наверняка во многом ей сейчас не

признался – например, в желании уберечь Тильду от тюрьмы, чтобы не потерять в ее лице знамя повстанцев. Однако большей частью его мотивы были чисты, даже если в результате пострадала Кива.

Но Зулика?

Она была Киве *сестрой*. Пусть она беспокоилась о матери, но неужели Кива не была ей дорога, неужели ей не хотелось освободить ее? Если только...

– Когда Зулика узнала, что обладает даром? – спросила Кива.

Помедлив, Голдрик ответил:

– Вскоре после того, как твоя семья к нам присоединилась. Но она скрывала ее, сказала только Тильде, а та, разумеется, мне.

– А когда она начала применять магию смерти?

На этот раз Голдрик молчал дольше.

– Я не знаю наверняка, но думаю, она почти сразу поняла, на что способна. Однако с твоей матерью она тренировала только исцеление, и поэтому до сих пор не заболела той же болезнью крови, что Тильда. А еще, в отличие от Тильды, она не подавляла дар, и к тому же она моложе, так что ее организм быстрее восстанавливается. Она начала активно применять магию смерти только через несколько лет, и тогда твоя мать решила ее прикрывать.

Кива окинула взглядом погружившийся в темноту оазис; лунный свет ласкал листья финиковых пальм, покрывая их серебром.

– Итак, если Зулика знала, на что способна она и на что способна я, то она могла догадаться, *что* я могу противопоставить ее силам.

– Она была юна, – мягко произнес Голдрик. – Но если так рассуждать, тогда да, возможно, это послужило еще одной причиной держать тебя взаперти. Как и...

– Что еще?

Голдрик вздохнул.

– Зулику всегда одолевала ревность. Я замечал это время от времени в лагерях, особенно когда твой брат вырос и начал преуспевать в тренировках. Ей никогда не нравилось, когда кто-то другой получал больше внимания или похвал, чем она. И мне кажется, поэтому она решила, что ты перетянешь любовь матери на себя. Тильда вечно говорила, как ты сильна, даже до того, как у тебя появилась возможность как следует применять магию. Думаю, Зулика боялась, что, если освободить тебя из Залиндова, она станет не нужна.

Грудь Кивы сдавило еще сильнее. Она снова окинула взглядом темноту, машинально повернувшись в сторону источника. Она бы все отдала, чтобы поговорить с Джареном о том, что рассказал Голдрик, ведь она знала, что когда-то давно он обнимал бы ее, пока не утихнет боль.

Ей не хватало этого. И не хватало его самого.

Может, Торелл прав. Может, в самом деле пора поговорить с Джареном. Типп простил ее, и Наари тоже. А Кэлдону и прощать особо не пришлось – он не то чтобы долго злился. Они с Джареном уже две недели провели рядом, он видел, как она исцелила Наари – дважды! – смотрел, как она борется плечом к плечу с подругами на арене, и все из-за кольца, которое вернет ему магию и спасет королевство. Уж наверняка после всего этого он согласится выслушать ее?

Кива не была в этом уверена, но в сердце затрепетала надежда, особенно когда она вспомнила, как он помог ей с утра, как он добровольно подошел к ней на расстояние вытянутой руки.

Она понимала: не стоит ждать, что он бросится ее утешать, но может, они хоть сдвинутся в этом направлении. Лишь бы хватило смелости подойти к нему и начать все латать.

«Перемелется – мука будет».

Она снова вспомнила пословицу Кэлдона и укрепилась в своем решении.

– Спасибо, что рассказал, – сказала Кива Голдрику, торопясь пойти искать Джарена, пока не растеряла всю храбрость. – И за то, что заботился о маме и пытался ее защитить, тоже спасибо. Я не согласна с твоими решениями, но понимаю, что ситуация была сложная, и ты делал то, что считал лучшим.

Голдрика ошеломило ее великодушие, рука его застыла на спине Фурии.

– Извини, у меня есть дела.

Кива повернулась и с колотящимся сердцем пошла к источнику; пробравшись меж кустов пустынной травы, она наконец увидела блеск лунного света на подернутой рябью воде.

«Я справлюсь», – сказала она сама себе, внутренне дрожа.

Это же Джарен; она же его знала.

Он бы ее выслушал.

Ему придется.

Но когда Кива наконец подошла к воде, его нигде не было видно.

Храбрость покинула ее: она поняла, что он уже наверняка вернулся к костру.

С минутку она прикидывала, не стоит ли отвести его в сторону и побеседовать с глазу на глаз, но это лишь привлекло бы ненужное внимание.

Нет, придется ждать, пока подвернется другая возможность.

Завтра, можно найти способ поговорить с ним завтра.

Кивнув сама себе, она уставилась на воду в ожидании, пока успокоится буря внутри, которая поднялась после разговора с Голдриком. Лишь когда эмоции стихли, она вернулась к друзьям, обнаружила, что Типп оставил для нее рагу, и старательно избегала смотреть на Джарена остаток вечера – не хотела показывать ему свою тоску.

Глава двадцатая

Проснувшись следующим утром, Кива была твердо намерена поговорить с Джареном, как и планировала. Но он настолько преуспел в науке избегать ее, что заставить его одного так и не удалось.

На протяжении всей тренировки с Кэлдоном она одним глазом присматривала за Джареном, пока тот сражался с Наари на большой расчищенной площадке у внешнего края оазиса. Практически невозможно было оторвать взгляд от его движений, от мышц, вздувающихся и перекатывающихся с почти преступной легкостью. Но еще она следила, когда он закончит, – думала поймать его наедине, пока они снова не отправились в путь.

– Витаешь в облаках?

Услышав голос Кэлдона, Кива перевела на него взгляд и обнаружила, что он насмешливо смотрит на нее, да так, что жар тронул ее щеки.

– Я тебя понимаю, – сказал он, ткнув большим пальцем на вспотевшего кузена. – Уж поверь, понимаю.

Его собственный взгляд метнулся туда, где Торелл тренировался с Эшлин, а потом переместился на Кресту, которая сражалась против Эйдрана. Последив за рыжей несколько мгновений, Кэлдон стряхнул замороженное выражение с лица и строго посмотрел на Киву.

– Но всему свое время.

Она виновато кивнула, понимая, что должна сосредоточиться. Они уже покончили с физическими упражнениями, в том числе с бегом вокруг оазиса, после которого Кива вся вспотела и запыхалась, и перешли к работе над магией. Кива втайне надеялась, что Джарен вновь к ним присоединится, даже подумывала прикинуться, что у нее снова сложности с призывом силы, но манипулировать его вниманием не хотелось. К тому же после того, как она научилась подпитывать магию позитивными эмоциями и воспоминаниями, ей в самом деле стало куда проще ее призвать. Но надо было продолжать тренироваться; если бы она начала притворяться, что у нее не получается, все пошло бы насмарку.

– Я тут вчера размышлял про магию Зулики, – сказал Кэлдон. – Помнишь, как она послала в нас тени в Речной гостинной?

Кива невозмутимо посмотрела на него:

– Нет. С чего бы мне такое запоминать?

Кэлдон ухмыльнулся.

– Боги, ты такая угрюмка по утрам. – И добавил уже серьезнее: – Когда ты встретишься с ней в следующий раз, тебе надо не попасться ей под удар, а то ведь мы не знаем наверняка, что именно она вкладывает в свои тени. Там может быть тот же паралич, как в прошлый раз, но вдруг окажется что похуже: остановка сердца или кровоизлияние в мозг? Раз саму себя ты лечить не можешь, умрешь на месте.

У Кивы скрутило живот. Зулика что, в самом деле на такое способна? Убить собственную *сестру*? Но тут она вспомнила, как Зулика ударила кинжалом Торелла, как убила бабушку Делору. Невозможно предсказать, до каких крайностей она дойдет, особенно если почует угрозу.

– Так что помимо прокачки твоей магической силы и выносливости, – продолжал Кэлдон, – полагаю, надо заодно поработать над скоростью реакции.

Кива сомневалась, по нраву ли ей предвкушение на лице Кэлдона.

– Как?

– Есть у меня одна идея, – ответил Кэлдон, возбужденно подсакивая на месте и очень напоминая этим Типпа. – Выслушай, прежде чем ударишься в панику.

Это определенно не внушало уверенности, но Кива все равно согласилась:

– Слушаю.

– Я буду швыряться в тебя магией, а ты попробуй призвать свою и отразить удар в воздухе, не подпуская к себе.

Какое-то время Кива смотрела на него молча.

А потом расхохоталась.

– Ух ты, а я на секунду даже поверила! – сквозь смех произнесла она.

Кэлдон скрестил на груди руки.

– Солнышко, я серьезно. Тебе надо привыкать к магическим атакам. Если застынешь на месте или не успеешь среагировать, один

удар Зулики – и ты труп.

– Я понимаю! – сверкая глазами, ответила Кива, все веселье которой как рукой сняло. – Но, если ты вдруг забыл, у меня целительский дар, а ты *швыряешься огнем*. Может, тени Зулики я и нейтрализую – хотя это тоже сильно под вопросом, – но твою силу мне никак не остановить. Ты поджаришь меня, как цыпленка.

– Ох, неверующая, – закатил глаза Кэлдон. – А на шее у тебя что болтается, персик? Вот бы это оказался амулет, который *защищает от магии*, а?

Руки Кивы машинально нащупали амулет под одеждой. Она закусила губу и робко, виновато посмотрела на Кэлдона, чувствуя себя глупо: как она могла подумать, что Кэлдон рискнет причинить ей вред?

– Давай, время – деньги, – сказал он, указывая на ее руки. Кажется, Кэлдона ее сомнения только позабавили: в кобальтовых глазах искрился смех.

Кива торопливо выудила амулет из-под кожаной брони. Кэлдон коснулся его пальцем, наполняя силой рубин на той четверти, что символизировала стихию огня. Как и в случае с кольцом, камень ярко засветился, а потом снова померк.

– Видишь? Теперь могу атаковать тебя сколько влезет, а у тебя и волоска с головы не упадет, – радостно заявил он.

Киве живо представилось, как она просыпается посреди ночи в кольце огня, и она предложила:

– Давай сначала установим некоторые правила.

– Нет времени, – ответил он, быстро отходя в сторонку. – Готова?

– Я...

Не успела Кива договорить, как прямо в нее полетел огненный шар.

Вдруг она вернулась прямо в тронный зал Навока, в тот момент, когда ее атаковал Ксуру. В сосудах, сковав тело, застыл лед, и она успела только вскинуть руки, чтобы заслонить лицо, когда в нее ударило пламя.

Но на этот раз ничего не произошло: амулет рассеял огонь без следа.

– Ты что творишь?!

Кива дрожала как лист, но при звуках яростного рева Джарена опустила руки и увидела, как он мчится к ним: меч блестит в лучах

утреннего солнца, с лица схлынули все краски. В паре шагов от них он притормозил, перевел взгляд на амулет, потом обшарил глазами Киву, ища несуществующие ожоги. Наконец, когда он все осознал, щеки у него вспыхнули, и он, избегая ее взгляда, сказал Кэлдону:

– Следи за уровнем заряда амулета. Если он кончится...

– Я ни за что не причиню ей боль, – оскорбленно возразил Кэлдон. И тихо добавил: – В отличие от некоторых, которые только этим и занимаются.

Джарен замер, а потом развернулся, так и не посмотрев на Киву, и потрусил обратно на тренировочную площадку.

– Эй! Джарен! Подожди! – крикнула ему Кива, смерила Кэлдона гневным взглядом и поспешила за наследным принцем. Ее до сих пор трясло после произошедшего, и с каждым шагом к Джарену она все сильнее сомневалась, удачное ли выбрала время. Однако она должна поговорить с ним, пока есть возможность – и пока не иссякла ее храбрость.

Джарен по-прежнему старался не встречаться с ней взглядом, однако, когда она его окликнула, он остановился, так что Кива выпрямила спину и подошла, а в ушах у нее тем временем все звучал его гневный испуганный крик.

Надежда едва не рвала ее на куски. Отчаянно хотелось спросить, почему он так отреагировал, но все слова вылетели из головы, стоило только остановиться рядом с ним на полдороге от Кэлдона к месту, где на утреннем солнце тренировались остальные.

– Ты что-то хотела? – спросил Джарен, когда молчание затянулось; его пальцы сжимали рукоять меча.

В голосе слышалось нетерпение, так что Кива, внутренне содрогнувшись, выпалила:

– Голдрик говорит, сегодня мы доберемся до точки, откуда он сможет перенести нас до самой Эрсы.

Джарен ничего не ответил, так что Кива поддела песок сапогом и продолжила нести чепуху.

– Не хотелось бы ехать через Заброшенные земли. Я про них всякое слышала, так что...

– Мне пора к Наари, – перебил ее Джарен, определенно потеряв терпение. – У тебя все?

Кива сглотнула, бросила быстрый взгляд на Наари и тут же поняла, что Джарен врет: та тренировалась с остальными. Выходит, он просто не хотел общаться с Кивой.

Но с нее хватит.

Кива глубоко вздохнула и сказала:

– Нет, не все.

Джарен убрал меч в ножны и в ожидании скрестил на груди руки.

А Кива вдруг почувствовала, что на них смотрит Кэлдон, а еще – втихаря, но все равно заметно – глазают тренирующиеся ребята: Торелл, Эшлин, Креста и даже сама Наари. Один Эйдран, кажется, не лез в чужое дело, полностью отдавшись тренировке, – а скорее, просто решил не нарушать их уединение.

Решившись, Кива сказала:

– Ты не против... – Она машинально потянулась к Джарену, желая увести его из-под любопытных взглядов, но умолкла, когда он буквально отпрянул от нее.

Кива уронила руку; его реакция ударила ее под дых. Однако, справившись с собой, она произнесла:

– Давай поговорим? Всего минутку?

– Мы и так говорим.

Он не поддавался, лицо и голос оставались равнодушными.

Кива не знала, что сказать дальше и стоит ли говорить вовсе. Зато знала, что так продолжаться больше не может, так что вскинула голову и попросила:

– Наедине.

Не давая ему возможности ответить, она углубилась в оазис, направляясь к уединенному местечку у кромки воды. Шагов за спиной она не слышала, но и заставить себя обернуться и проверить не могла. Лишь остановившись в тени финиковой пальмы у самой воды, Кива посмотрела, идет ли он следом.

И тихо, облегченно выдохнула. Но дыхание у нее сразу же перехватило, стоило лишь увидеть все тот же равнодушный вид.

– Что тебе нужно, Кива? – безразлично, даже скучающе спросил Джарен.

Киве было нужно очень многое, но в основном – просто он сам. Ее решимость окрепла, как только она вспомнила, какое у него было лицо, когда он увидел ожог у нее на плече, с каким чувством он

благодарил ее после пробуждения Наари, как мягко он давал ей советы и подсказки насчет магии, как всего пару минут назад кричал на Кэлдона. С посторонними себя так не ведут.

Отбросив страх и сомнения, она посмотрела ему прямо в глаза и сказала:

– Я хочу поговорить о том, что случилось. С Зуликой. – Сердце бешено стучало. – Я хочу... извиниться за свое участие в этом. Хочу объясниться.

Он склонил голову набок.

– Зачем?

Кива мигнула:

– «Зачем»?

Он вновь скрестил руки, и она машинально скользнула взглядом по напрягшимся, играющим мышцам, а потом выдала себе мысленную затрещину и велела сосредоточиться.

– Зачем ты хочешь об этом поговорить?

Кива, пытаясь выиграть время, заправила прядь волос за ухо. Она не горела желанием открывать ему, как невыносимо ей хочется, чтобы он ее простил и вернулся к ней. Вместо этого она сказала:

– Мне кажется, нам станет лучше, когда все прояснится.

Джарен тихо усмехнулся.

Ничего веселого в этом смехе не было.

– И что дальше? – спросил он.

Отвага Кивы начала иссякать. Может быть, не стоило заводить этот разговор. Может, зря она решила, что уже пора, не подумав, готов ли он сам. Она быстро сдала назад:

– Знаешь, давай...

Он перебил Киву, не дав ей придумать повод отложить беседу.

– Потому что вот что думаю я... – Он не сводил с нее глаз. – Мне совершенно нет дела до того, что ты хочешь рассказать.

Он сообщил это спокойным ровным тоном, но Кива пошатнулась, как от удара.

Джарен это заметил, и его взгляд чуть дрогнул, но это не помешало ему договорить:

– Кэлдон уже поведал, как все было с твоей стороны. Мне незачем слушать еще раз.

В горле Кивы вдруг стало сухо, как в пустыне вокруг.

– Я признательна ему, что заступает за меня, но он не все знает. Я... Мне бы очень хотелось кое-что объяснить.

Джарен раздраженно вздохнул и провел ладонью по волосам, недовольно глядя на воду. Потом, видимо, что-то для себя решил и обернулся к ней; пылающий взгляд уже не казался безразличным.

– Если тебе так хочется, то давай, рассказывай. Но я начну первым.

Теперь его голос сдавило гневом, а яростный взгляд приковывал к себе.

– Ты мне солгала. Не буду лицемерить и делать вид, что никогда не врал тебе сам, потому что мы оба знаем, что это не так. Но только я-то признался. Рассказал тебе, кто я, и с того момента рассказывал вообще все. Пригласил тебя в свою жизнь, в свой дом. А ты не только скрыла, кто ты такая, но и врала настолько умело, что я...

Он выругался сквозь зубы и яростно воззрился на песок, а потом вновь поднял глаза и перехватил ее взгляд. И уже без колебаний признал:

– Из-за тебя я полюбил обманку. Я даже не знаю, кто ты такая, – и, откровенно говоря, не хочу знать.

Его слова звенели у Кивы в ушах – убийственное, душераздирающее признание. Он впервые сказал, что любит ее, – с такой болью, с таким гневом, что нельзя было не понять, как сильно он ненавидит ее за это. Как он ненавидит за это самого себя. Глаза мучительно щипало, но Кива держала голову высоко поднятой, не желая показывать ему, что почти сломалась.

Но ее попытка еще не закончилась.

– Ты лишь помогаешь мне защитить моих подданных и спасти королевство. Вот и все. Вчера я помог тебе с магией, потому что мне нужно, чтобы ты могла противостоять своей сестре. Когда все закончится, мы навсегда разойдемся в разные стороны. – Он вздохнул, будто наконец выговорившись, и спросил: – Так что ты хотела мне сказать?

У Кивы онемели губы. Она вся оцепенела.

«Мы навсегда разойдемся в разные стороны».

Боги, это было не просто больно. Это ее *убило*. Теперь, когда она знала, чего он хотел, знала, что ему от нее нужен был только ее дар, знала даже, что *заслужила* все это...

Внутри Кивы истаяло и погибло нечто жизненно важное – прямо здесь, посреди оазиса.

Хотелось развернуться и убежать, исчезнуть среди финиковых пальм и спрятаться от всего мира, дать волю слезам, что копились внутри, и плакать, пока эта жуткая боль не пройдет.

Но она ничего этого не сделала, потому что Джарен ждал объяснений, которые она так жаждала ему изложить.

Теперь она знала, что это бессмысленно.

Он никогда ее не простит.

Потому что не желал иметь с ней ничего общего.

«Мы навсегда разойдемся в разные стороны».

Казалось, эту рану не исцелить и всей магии мира, потому что боль, охватившая Киву, была невыносима. Но каким-то образом она умудрилась подавить ее, задвинуть эмоции подальше – так же, как, по видимому, и Джарен. Только так ей хватило духу ответить, и она сама слышала, как безжизненно прозвучал ее голос:

– Ничего. Ты прав, Кэлдон, наверное, рассказал тебе все необходимое.

Джарен вздрогнул, но Кива не собиралась больше искать объяснения его поведению. Он очень четко обрисовал свои чувства.

– Давай вернемся к остальным, – сказала она тем же голосом, уставившись в точку над плечом Джарена, чтобы не видеть его выражения лица. – Скоро отправляемся.

– Кива...

– Увидимся в лагере, – сказала она, уже отворачиваясь. Его голос смягчился, и она не в силах была этого вынести, а еще понимала, что если останется, то лишь опозорится. Он не обязан был сочувствовать ей, и не хватало только, чтобы он начал жалеть ее из чувства вины. Он весьма ясно дал ей понять, чего хочет, и пора уже прислушаться к его желаниям. Пора убить надежду, которую она посмела себе позволить.

У них нет никакого будущего.

Глупо было даже думать иначе.

Глава двадцать первая

Кива понятия не имела, что происходило в следующие несколько часов: она ушла в себя, лишь бы защитить кровоточащее сердце.

Пока они ехали по пустыне, она осознавала, что Типп, не замечая раздвоя в ее душе, болтает с ней, но остальные оказались повнимательнее. Все видели, как она ушла с Джареном вглубь оазиса, но вернулась одна. Что бы они ни прочли на ее лице, они все поняли.

Беспокоясь за Киву, Кэлдон попытался поговорить с ней и утешить, но она отделалась от его расспросов, предложив начать тренироваться по пути. Он словно бы удивился, но потом всмотрелся в нее и понял, как отчаянно ей нужно было на что-нибудь отвлечься. Так что он поехал с ней бок о бок, изредка швыряя в нее маленькие огненные шары и стараясь ни в коем случае не попасть в Зефира. Тот был не в восторге от магических атак, но ссадить Киву у него не получилось, и он мало-помалу смирился со вспышками пламени.

Спустя несколько часов Кива наконец сумела поймать огонь Кэлдона на полпути, и когда у нее получилось, Типп так завопил от радости, что все, включая Джарена, обернулись посмотреть.

Кива не глядела на него.

Не глядела с тех самых пор, как ушла от него в оазисе: она решила взять с него пример и теперь делала вид, что его не существует.

Так было проще: игнорировать, все отрицать. Это приглушало боль, пусть даже ничто на свете не исцелило бы ее полностью.

– Я тут подумала... – начала Креста, посылая свою чалую кобылу поближе к Киве, Типпу и Кэлдону вскоре после Кивиного удачного отражения атаки.

– Мы тут вообще-то делом заняты, – сообщил ей Кэлдон.

– Киве нужен отдых, – возразила Креста. – Она измотана.

– Ничего она не измотана, просто... – Что бы Кэлдон ни собирался сказать, он быстро передумал, заметив, как на лице Кивы промелькнула душевная боль, которую она не успела скрыть.

– Я т-тоже уже уст-тал, – сказал Типп, приподнимаясь на стременах, чтобы размять ноги. – И п-проголодался. К-как по-вашему, уже м-можно в-ветроворотить?

Кива была готова расцеловать его за то, что он отвлек всеобщее внимание.

– Уже скоро, малец, – ответил Кэлдон и обернулся к Кресте: – Так о чем ты подумала?

За это Кива и его была готова расцеловать.

Делая вид, будто этой краткой заминки и не было, Креста сказала:

– Я раздумывала о том, что делали на арене те две аномалии, а еще – о магической армии, которую собирает Навок.

Теперь она завладела всем вниманием Кэлдона. Но не только его: все подъехали ближе, чтобы послушать.

– И? – спросил Кэлдон.

– Мне кажется, вам с Эш, – Креста кивнула на принцессу, – надо атаковать нас магией во время утренних тренировок. Если когда-нибудь придется сражаться против магов, было бы недурно уметь хоть как-нибудь защищаться.

Кэлдон склонил голову к плечу.

– Звучит подозрительно: ты будто собираешься остаться и сражаться бок о бок с нами, когда мы завершим все эти делишки с Дланью.

Он говорил беззаботно, полушутя, но Креста застыла в седле и отвернулась, очевидно, смущенная тем, что выдала, как небезразличной ей становятся ее спутники и сам Эвалон. Учтывая, что она больше пяти лет провела за решеткой, она могла бы спокойно плюнуть на судьбу и Валлентисов, и их королевства. Эта страна ей даже не родная, она просто бежала туда в детстве. Но она обдумывала, как помочь им вернуть потерянное...

Кива осознала, что Креста сильно изменилась с их первой встречи, и ее распирало от гордости за новую подругу, пусть даже рыжая заметно бесилась от обращенного на нее внимания.

Придя к тому же выводу, Кэлдон не стал настаивать на ответе.

– Хорошая идея, – сказал он, – но придется обойтись помощью Эш. Амулет у нас только один, так что либо мы передаем его по кругу, либо моя цель получает ожоги.

На этот раз голову к плечу склонила Креста.

– Думаешь, аномалии Навока будут переживать, что мы обожжемся?

Кэлдон не нашелся с ответом.

– К тому же, – Креста мотнула головой в сторону Кивы, – у нас тут маг-целитель имеется. Ты все стенаешь, что ей нужна практика, – так обеспечь ей практику.

– Мысль недурная, – сказал Джарен, и Кива, замерев, уткнулась взглядом в шелковистую гриву Зефира, чтобы не скользнуть глазами в сторону принца. – Мне бы не помешала тренировка, тем более что на магическую атаку я наверняка попытаюсь ответить собственной магией.

Магией, которой у него не было.

Ему не нужно было даже этого произносить – Кива и так услышала эти слова.

Она стиснула поводья так, что кожа ремешков врезалась в ладони.

– М-можно мне тоже? – с готовностью спросил Типп.

Джарен поддразнил его:

– Тогда тебе придется вставать вовремя – *до того*, как мы вытащим тебя из постели и погрузим на пони.

Его голос потеплел, и Кива едва удержалась, чтобы не поднять взгляд. Как же ей хотелось, чтобы этот разговор закончился, чтобы Джарен снова поехал во главе отряда. Чтобы он *убрался отсюда*.

– Н-ну, если бы рассвет н-начинался попозже... – Типп определенно растерял весь энтузиазм.

– Давайте попробуем, – подвела итог Эшлин. – Хорошая мысль, Креста. Начнем завтра с утра.

Креста поджала губы, чтобы не улыбнуться в ответ на похвалу. Скванно кивнув, она уехала вперед, и когда весь отряд вслед за ней тоже вернулся по местам, Кива наконец расслабила пальцы на поводе.

На остаток пути по суровой джиирванской пустыне Кива, отрешившись от собственных чувств, сфокусировалась на атаках Кэлдона, отражая их снова и снова, пока предыдущее предположение Кресты не сбылось и она в самом деле не устала. Но изнеможение хотя бы помогло унять мысли и забыть о разбитом сердце. А когда Голдрик наконец сообщил, что они подошли достаточно близко к столице Хадриса и теперь он может перенести их на оставшееся расстояние, Кива уже была так вымотана, что могла лишь вздохнуть с облегчением: конец путешествия близок.

Впрочем, даже усталость не заставила Киву забыть спешиться до того, как Голдрик вновь подхватил их магией воздуха.

Разумеется, на этот раз Зефир остался совершенно равнодушен к происходящему: он был кроток, как ягненок, когда они коснулись земли на окраине уже другой пустыни, с песком жутковато-серого, почти черного цвета. Кива поддела песок сапогом, поражаясь необычному оттенку, а потом подняла взгляд на город перед ними.

В отличие от Задрии или Йирина, вокруг Эрсы не было оборонительных стен, так что чернильные дюны подбирались прямо к домам. Но Киву куда больше стен заинтересовали сами эти дома, потому что они тоже оказались почти черного цвета, будто их сложили из смоляного песчаника. Плоские крыши позволяли громоздить друг на друга по несколько этажей, стремящихся в небо, а между ними реяли цветные ленты и фонари, хаотично протянутые через улицы.

– Я и забыла, насколько этот город темный, – пробормотала Креста, разглядывая улицы, которые даже отсюда выглядели мрачными и беспорядочными.

Кива посмотрела на нее с удивлением:

– Ты уже здесь бывала?

Креста помедлила, будто сомневаясь, рассказывать ли больше о своей жизни, но потом пояснила:

– Однажды, в глубоком детстве. У мамы здесь были друзья, так что она привозила сюда меня и сестру – до того, как...

Она отвела взгляд, стиснула зубы, вспомнив о трагической кончине сестры. И с горечью договорила:

– Отец не пришел в восторг, что мы отправились в такое путешествие без него. И максимально ясно донес до нас свое недовольство, когда мы вернулись.

Кива почти жалела, что отец Кресты уже умер и нельзя заставить его поплатиться за то, как он обращался с теми, кого должен был защищать. И судя по лицу Кэлдона, такие мысли посещали не ее одну.

Но Креста заметила выражения их лиц и сердито нахмурилась, подчеркивая, что жалость ей ни к чему.

Кэлдон поспешно перевел взгляд обратно на город.

– У меня с Эрсой неоднозначные отношения, – сказал он. – С эстетической точки зрения она уникальна. Но ощущение такое, будто разрезаешь редкий фрукт, а внутри одна гниль.

Джарен подошел к ним, ведя в поводу свою лошадь Дымку.

– Некрасиво рассуждать о том, как плохо другие короли управляют со своими королевствами, особенно если речь пусть не о ближайших союзниках, то хотя бы не о врагах. Но я согласен, Хадрис пострадал от правления короля Сибли. Он только и делает, что тратит золото подданных на кушанья, выпивку и куртизанок, и даже в окно ему выглянуть недосуг. В Эрсе разгул преступности, но королевская стража не патрулирует улицы – вместо этого им приказано охранять короля, пока тот целыми днями кутит. Когда я был здесь в последний раз, он вообще не представлял, как живет сам город, не говоря уже о том, что творится под ним.

Кива старательно смотрела вперед, а не на Джарена, но боковым зрением заметила, как сердито он взирает на темную массу зданий.

– А ч-что п-под городом? – покосился Типп на песок.

– Лабиринт запутанных и смертельно опасных подземных улочек, где худшие отбросы человечества продают и покупают все на свете, от ядов до людей, – ответил Кэлдон.

Заметив, как у Типпа глаза полезли на лоб от нескрываемого любопытства, Кива кашлянула, и Кэлдон, осознав свою ошибку, поспешно добавил:

– Еще они едят на завтрак мальчишек. Заживо варят в здоровенном таком котле. Так что даже не думай туда соваться – спасать тебя никто не будет.

Типп хихикнул, прекрасно понимая, что это неправда.

– Кэл прав, – сказала Эшлин, и веселье Типпа обратилось в ужас. – Не насчет каннибализма, не глупи. Но город в самом деле опасен, так что нам нужно держаться вместе. То есть тем, кто отправится за кольцом. Эйдран, ты еще ищешь аномалий?

Разведчик кивнул:

– На этот раз пойдем другим путем. Если сведения Голдрика верны, эта община живет ближе к городу, чем предыдущая. Но уже почти смеркается, поэтому мы отправимся прямо сейчас и останемся на ночлег в какой-нибудь гостинице, притворившись, что просто проезжали мимо. После пары стаканов у народа развязываются языки. Пусть к нам привыкнут, а потом попробуем их расспросить.

Эшлин согласно кивнула и посмотрела на Голдрика:

– Ты снова едешь с ним.

Голдрик, кажется, уже смирился: он понимал, что только он сможет провести Эйдрана к поселению аномалий, но уже жалел, что вообще в этом признался.

– Кто еще поедет с ними? – спросила Эшлин.

Кива сразу заметила перемену: в прошлый раз принцесса приказала Кресте и Тореллу ехать с Эйдраном, пусть Креста все равно не подчинилась. Похоже, теперь эти двое считались частью отряда, а не генералом повстанцев и беглой заключенной.

– Я поеду, – предложил Тор. Заметив вопросительный взгляд Кивы, он признался: – У меня клаустрофобия начинается при одном взгляде на этот город.

Эйдран окинул взглядом отряд и сказал:

– Мне кажется, нам нужна женщина. Трое мужчин-путешественников испугают народ.

Особенно если двое из них сложены как воины, подумала Кива.

– Еще мне кажется, что следует поехать тебе, Эш, – продолжал Эйдран. – Может, они окажутся посговорчивее, если увидят другого человека с магией стихий.

Эшлин немного подумала и повернулась к Джарену с Кэлдоном:

– Вы двое справитесь с Сибли без меня?

– В юности меня всегда раздражала его манера пялиться на меня – он словно раздевал меня взглядом, – сказал полным отвращения голосом Кэлдон. – Наоборот, я бы предпочел, чтобы тебя с нами не было.

– Справимся, – ответил Джарен на вопрос. – Я уже имел дело с Сибли. Он неприятный, но лишь потому, что уверен: все должны кутить, как он. Ну и еще...

Он закашлялся, и Кива, кинув на него беглый взгляд, заметила, что он слегка порозовел.

– Ну и еще, когда ты в последний раз его видел, он пытался обманом женить тебя на всех своих шестнадцати дочерях, – договорил за него Кэлдон, посмеиваясь, и похлопал брата по спине.

– Шестнадцати? – уставился на него Торелл. – Бедная их мама.

– Сибли не верит в моногамию, – пояснила Эшлин. – Как и большинство хадрисцев. Дети у него от разных женщин.

Тор явно смутился, что не догадался сам, но даже Кива занималась мысленным подсчетом, пока Эшлин им все не разъяснила.

– Пора выдвигаться, пока еще светло, – сказала Наари, которую раздражало промедление. – Эйбран, Голдрик, Тор и Эш направятся в деревню, а остальные – к королю Сибли за кольцом. Если все пойдет по плану, встретимся на этом месте завтра утром и поедем на юг, в Валорн.

Кива почувствовала усталость при одной мысли о том, как далеко следующий город – и как много еще предстоит сделать перед возвращением в Валлению, но напомнила себе, что проблемы надо решать по одной зараз. Арен в Хадриесе не было, так что биться за второе кольцо не придется. Им нужно только попросить короля Сибли вернуть то, что им положено, и насладиться его гостеприимством – или вытерпеть его, – а потом можно отправляться дальше.

Но когда отряд разделился, Киву поглотил страх, что и здесь они наткнутся на какое-нибудь препятствие на пути к цели. Пока они пробирались по грязным улочкам к дворцу на другом конце города, она уверяла себя, что у нее просто разыгралась паранойя, однако страх не проходил. Хотя, может, и к лучшему: он отвлекал от Джарена и всего, что она отчаянно пыталась запереть внутри.

Когда они наконец достигли владений короля Сибли, у Кивы дух перехватило от пейзажа: дворец был выстроен на вершине утеса с видом на крупную верфь и простор моря Корин. Он был сложен из того же темного песчаника, что и остальной город, а его наружные стены пестрили разными цветами: их почти полностью покрывали реявшие на ветру ленты, знамена и флаги всех форм и размеров.

– В-выглядит так, б-будто сюда радугу стошнило, – заметил Типп, склонив голову набок. Широко ухмыльнулся: – М-мне нравится.

– Погоди, ты еще изнутри его не видел, – сказал Кэлдон, морща нос. – Из глаз кровь пойдет.

Быстро переговорив со стражей у ворот, они прошли внутрь, отдали лошадей на попечение конюхам и отправились с провожатыми во дворец, где и выяснилось, что Кэлдон не соврал. Кива ежилась, созерцая внутреннее убранство: кричащие цвета и безвкусные портреты, иные из которых были столь откровенны, что ей приходилось закрывать Типпу глаза.

– Да не бывает таких гибких, – буркнул Кэлдон, проходя мимо одной особенно подробной картины.

– Говори за себя, – возразила вполголоса Креста, и Кэлдон поперхнулся.

Кива же просто не поднимала взгляда и не убирала руку с глаз Типпа, пока стража не довела их до зала для аудиенций и не оставила их, попросив дождаться королевского сенешаля.

Кива осмотрелась и едва не скорчилась: комната была обставлена чудовищными синими диванами с ярко-оранжевыми подушками и лаймовым покрывалом; к ним прилагался солнечно-желтый ковер и обои цвета фуксии. Единственным облегчением служило то, что пусть на стенах и наблюдался перебор портретов, все люди на них были хотя бы одеты.

– Тут поработал слепой дизайнер, – заявила Креста, заслоняя глаза, как от яркого света.

Лишь на Типпа этот зал, кажется, не оказал никакого воздействия, и он подскочил прямо к дивану, возле которого на маленьком столике стояло блюдо с фруктами и сыром. Набивая рот и сыпля крошками, он спросил:

– К-как думаете, король С – Сибли устроит нам п-пир, как в Йирине?

– Боги, надеюсь, что нет, – негромко пробормотала Наари.

– Пир Сибли тебе не понравятся, парень, – сказал Джарен, по прищуре которого было хорошо видно, насколько он не одобряет склонности иностранного монарха.

Осознав, что смотрит на Джарена, Кива торопливо отвела взгляд и принялась изучать портрет крупного мужчины, восседающего на разноцветном троне с кубком вина в одной руке и гроздью винограда в другой.

– Это...

Не успела она спросить, король ли нарисован на картине, как получила ответ на свой вопрос.

– Деверик, старый ты кобель! – загрохотал мужчина с портрета, и хотя винограда при нем не имелось, полный кубок в руке все-таки был. Еще он оказался заметно объемистее, чем на картине: он буквально ввалился в комнату, а красные штаны и фиолетовый жилет слишком уж обтягивали дородную фигуру. По размеру пришлась лишь усыпанная драгоценными камнями корона на голове.

– Сибли, благодарю за...

– Подойди, мальчик мой, подойди! – перебил Джарена король, одной рукой стискивая его в крепких объятиях, а другую вытянув, чтобы не пролить вино. Когда он отстранился, Кива увидела, что взгляд у него остекленевший, а лицо красное и потное.

Король был пьян. Или под наркотиками. А может, и то, и другое сразу. Но разговаривал он внятно: видимо, у него имелся изрядный опыт ведения бесед в подобном состоянии.

– В какого достойного мужа ты вырос! – сказал Сибли, хлопывая сконфуженного Джарена по груди. И добавил, наклонившись к нему: – Знаешь, у меня половина дочек до сих пор не...

– Сибли, видеть тебя всегда познавательное, – вмешался Кэлдон, спасая кузена.

Король повернулся к Кэлдону и в этот миг заметил всех остальных; с любопытством взглянув на Наари и Типпа, он остановился на Киве и неспешно осматривал ее, облизывая губы, пока Джарен выразительно не прочистил горло. Тогда Сибли поспешно перевел взгляд на Кресту, уже быстрее изучил ее фигуру, а потом поднял глаза на ее лицо – и словно прилип.

Креста, конечно, была прекрасна, но яростной, угрожающей красотой. Одно змеиное тату лучше любых слов предупреждало потенциальных женихов: им она не по зубам. Но Сибли, кажется, намек не понял и продолжал пялиться.

Уперев руки в бока, Креста протянула:

– Что, приглянулась?

Король пришел в чувство, потряс головой, будто стараясь прочистить мысли.

– Прошу прощения. Мне показалось, ты другая женщина... Которой больше нет.

Креста изогнула бровь:

– Я разве похожа на мертвую?

Король рассмеялся в ответ и взмахнул рукой, чуть не разлив вино.

– Проехали. Она все равно была ребенком. А ты – *определенно* не ребенок.

Он вновь окинул ее взглядом, задержавшись на таких местах, что Кэлдон предупреждающе заворчал.

Король наконец почувал напряжение в комнате и быстро обернулся к горбуну, который неловко перетаптывался в дверях:

– Тантон, пусть принесут выпить. Мы с друзьями отметим встречу.

Кива задумалась, дошли ли до него слухи о перевороте в Эвалоне, но тут вспомнила слова Джарена: Сибли смутно представляет, что творится даже в его собственном городе. Хотя бы это не придется обсуждать на «встрече».

– Вообще-то, Сибли, мы приехали не просто так, – сказал Джарен. – Нам нужно кольцо Сараны. То, которое она доверила твоему предку много лет назад.

Король замер, потом поднял кубок и сделал щедрый глоток. И еще. А потом осушил до дна.

– В моих сундуках полно всяких безделушек, дорогой мой мальчик, – добродушно заявил Сибли. – У меня целая коллекция жемчугов: ожерелий, браслетов и диадем. Мечи, кинжалы и другое бесценное оружие. Уверен, подберем тебе что-нибудь посимпатичнее старого пыльного кольца.

Кива напряглась, при виде перепуганного лица короля к ней вернулось прежнее предчувствие.

Тот утер пот со лба, широко им улыбнулся и добавил, слегка покачиваясь:

– Могу сейчас же отправить с вами своего сенешаля, выберете что-нибудь себе по душе. Вы все. Подарки в честь нашей дружбы. А потом выпьем и поужинаем вместе! У меня тут лучшие развлечения, и мы можем...

– Сибли! – приказным тоном перебил Джарен царский лепет. – Где кольцо Сараны?

Правитель Хадриса вновь поднял кубок и нахмурился, обнаружив, что тот пуст. Только после этого он вздохнул и неохотно признался:

– У меня его нет.

Выругавшись, Кэлдон требовательно спросил:

– У кого оно?

– Мне нужно еще вина. Хотите вина? Вот ты, мальчик, – Сибли ткнул пальцем в Типпа, – тебе точно не помешает выпить вина.

Типп озадачился:

– Э-э-э...

– Ему одиннадцать, – спокойно произнесла Кива. Даже не вслушиваясь в тихий лепет Типпа насчет того, что уже почти двенадцать, она продолжила: – Вина он не хочет. Отвечайте на вопрос.

Король повернулся к ней, и его вислые щеки заколыхались, когда он попытался изобразить нечто, что в его воображении было чарующей улыбкой.

– Не знаю, слышала ли ты, но я все время в поиске новых сокровищ для своего гарема. Сразу говорю, ты будешь любимейшей из... – Он резко умолк, стоило Джарену угрожающе податься вперед.

Тихим, угрожающим тоном принц спросил:

– Где кольцо, Сибли?

Что бы ни увидел король на лице Джарена, он вновь судорожно утер лоб. И ответил:

– Я отдал его женщине по имени Зофия Сэйдж.

Наари, Кэлдон и Джарен заговорили все разом.

– Зачем? – спросила первая.

– Когда? – второй.

– Где она? – третий.

Струхнувший король ответил:

– Я позвал ее предсказать мне судьбу – понимаете, она чародейка. Страшно хорошая и очень редкая. Но золота в оплату она не взяла, только это кольцо. За сотни лет никто из вашей семьи за ним не пришел, так откуда мне было знать, что вы явитесь на моей памяти? – рыкнул он раздраженно, будто все это ужасно его сердило.

– Как ее найти? – спросил Джарен.

– У нее лавочка на Полночном рынке, – ответил Сибли, и Кэлдон вновь выругался, но что удивительно, Наари вместе с ним. – Но она предупредила, что не отдаст кольцо просто так. Придется заплатить, и не золотом. Искренне предлагаю вам воспользоваться моим предложением и вместо этого посетить мою сокровищницу.

Джарен принялся мерить шагами комнату. Кива следила за ним, и конечно, ей было любопытно, о чем он думает, но большей частью она просто мечтала поскорее от него сбежать, чтобы не вспоминать ежесекундно их утренний разговор.

«Мы навсегда разойдемся в разные стороны».

Сморщившись, она обняла себя, не обращая внимания на встревоженный взгляд Кэлдона.

– Который час? – наконец спросил Джарен.

Король кинул взгляд на горбуна-сенешаля, и тот торопливо ответил.

– До полуночи еще несколько часов, – заметил Джарен, и Кива догадалась, что Полуночный рынок, вероятно, носит свое название не просто так. – Нам нужно где-нибудь отдохнуть до того времени. Можешь устроить нас?

Сказано было вежливо, но в тоне сквозили злость и досада, которые король различил даже в нетрезвом состоянии. И торопливо ответил:

– Конечно, конечно, с радостью!

Хлопнув в ладоши, он позвал:

– Тантон! Отведи их в голубые покои. – Он широко улыбнулся Джарену: – Для моих друзей все самое лучшее!

Джарен коротко кивнул в знак благодарности.

– Если захотите присоединиться, я буду в обеденном зале со своими красотками, – пригласил Сибли. Подмигнул и добавил: – Мы будем предаваться утехам всю ночь: можете зайти и повеселиться после визита на рынок.

Креста притворилась, будто ее тошнит, чем избавила Джарена от необходимости отвечать.

Не попрощавшись с королем, все последовали за горбуном Тантоном из зала, и Кива снова прикрывала Типпу глаза, пока они шли мимо еще более непристойных портретов. Проходя по залам из песчаника, она вспомнила короля и даже не удивилась, что под его управлением Эрса пришла в полную разруху. Фемби и Райю, короли Джиирвы, были воинами, которые требовали от своих подданных покорности, а вот Сибли не хватало властности: его куда больше интересовали собственные удовольствия, чем что-либо еще. Джарен был всего лишь принцем – а сейчас формально даже им не считался, – но Сибли все равно робел перед ним. Такой король не заслуживал уважения, но его это, кажется, не беспокоило.

Чем дальше Кива отъезжала от Эвалона, тем сильнее понимала, как повезло ее родному королевству с Валлентисами – если, конечно, не обращать внимания на текущие обстоятельства, но это, она надеялась, они скоро исправят.

– Мы пришли: голубые покои, – прокартавил Тантон. С тех пор как они оказались в королевстве, Киве еще не доводилось слышать хадрисскую речь, но в Залиндове она встречалась с ней много раз, так что узнавала грубые гласные и резкие согласные.

Войдя в дверь, которую придержал сенешаль, Кива не удивилась, обнаружив, что все – пол, стены, потолок, каждый предмет мебели – было синим. Темно-синий, небесно-голубой, лазурный, сапфирный, бирюзовый – все оттенки, какие только можно вообразить, и даже вид с большого крытого балкона не разнообразил картину, потому что балкон выходил прямо на аквамариновое море Корин, сверкающее в лучах солнца. Но та красота была хотя бы естественной, в отличие от синего взрыва в комнате.

– Просто смешотворно, – пробурчала Креста, с ненавистью глядя вокруг, будто комната нанесла ей личное оскорбление.

– Если вам что-нибудь потребуется, позвоните в колокольчик, – сказал Тантон, указав на шнур, висящий у двери. – Стражу предупредят о ваших планах на вечер, так что вас свободно выпустят из ворот в любое время.

Он помедлил, прежде чем добавить:

– Будьте осторожнее на рынке: он вне юрисдикции Его Величества. Если у вас возникнут сложности, он будет не в силах помочь.

С этим предупреждением он слегка поклонился и оставил их.

– Что не так с этим рынком? – спросила Креста, падая на диван цвета барвинка^[1].

– И к-кто такие ч-ч-чародейки? – спросил Типп, у которого загорелись глаза, стоило ему заметить блюдо с выпечкой в углу, хотя он только что ел в зале для аудиенций.

– И то, и другое – сплошные неприятности, – взвинченно ответила Наари.

Джарен широкими шагами пересек комнату, подошел к балкону и остановился у края ковра, задумчиво глядя на океан.

– Ты как? – шепотом спросил у Кивы Кэлдон.

Она прикинулась, что ничего не понимает:

– Нормально, а что?

Он поджал губы, не поверив в ее притворство, но не успел поймать ее на лжи, потому что Джарен обернулся и сказал:

– Полуночный рынок – это место, от которого я всей душой хотел бы держаться подальше.

Кэлдон фыркнул:

– Ты просто до сих пор не забыл, что случилось в прошлый раз, когда мы там были.

Кива вспомнила ужин с Валлентисами в Речном дворце и случаи из жизни, которыми они делились, преимущественно, чтобы смутить Джарена. Включая историю о том, как он всю ночь плясал на Полуночном рынке после того, как Кэлдон подсыпал кое-чего ему в бокал.

– Изо всех сил стараюсь забыть, – резко сказал Джарен. А остальным пояснил: – Рынок состоит из двух частей: одна расстилается на поверхности, где более-менее безопасно; там в основном кутят и гуляют – представьте себе такой круглогодичный карнавал.

– А д-другая половина? – спросил Типп, не отрываясь от ягодного пирога.

– А другая находится под Эрсой, и там происходит все, о чем уже говорил Кэлдон: торговля запрещенными веществами, купля-продажа людей, наем убийц и шпионов. – Джарен нахмурился: – Нам правда лучше туда не соваться.

Креста закинула ноги на диван, потянулась.

– И все-таки, надо думать, именно там наша чародейка и обитает.

Джарен досадливо хмыкнул, соглашаясь.

– Т-ты не сказал, к-кто такие ч-чародейки, – настаивал Типп.

Киве тоже было интересно: она не слышала раньше этого слова.

– Король Сибли верно сказал: чародейки чрезвычайно редки, – ответила Наари, подходя к Типпу, и стащила с блюда кексик. – Они родом из-за океана, в основном из Адастрии, но бывает, что из Махари. Учитывая, как далеко на запад мы забрались, Зофия Сэйдж, вероятно, из Махари. Вряд ли она проехала весь Вендерол и осталась здесь, если изначально приплыла с востока.

– Но ч-что она делает? – спросил Типп. – К-король сказал, она п-предсказывает будущее. Т-такое вообще бывает?

– Никто толком не знает, на что способны чародейки, – ответил Кэлдон, спихивая ноги Кресты с дивана, чтобы сесть рядом. Проигнорировав ее сердитый взгляд, он продолжил: – По легенде, они

владеют ментальными искусствами – особой магией, о которой в Вендероле мало известно. Говорят, они способны на что угодно: предсказывать будущее, прозревать самые глубокие тайны. Некоторые могут даже двигать предметы, не прикасаясь к ним, а другие – мысленно разговаривать с другими.

– Ого... – охнул Типп, и Кива была с ним солидарна.

– Что будем делать? – спросила Наари, щипая кекс.

– Выбора у нас нет, – грустно признал Джарен. – Нам нужно кольцо, так что придется ее разыскать и заплатить цену, которую она назовет.

– А если она захочет нашего первенца? – с недовольной миной поинтересовалась Креста. – Или почки?

– Почки? – Брови Кэлдона взмыли вверх. – Больше тебя ничего не беспокоит?

Рыжая задумчиво постучала себя по подбородку.

– Одну я, допустим, могу отдать. Но точно не обе.

– Креста права, – сказала Наари. – Не насчет почек – это, ну... Ладно, проехали. – Она потеряла лицо, встряхнула головой. – Но она права: опасно приходить и сообщать, что мы заплатим любую цену. Мы понятия не имеем, что может потребоваться чародейке.

– Все равно придется рискнуть, – настаивал Джарен.

Перспектива не радовала, но все понимали, что выбора нет. Оставалось лишь надеяться, что они будут в состоянии заплатить цену, которую потребует Зофия Сэйдж.

Быстро проработав план действий, они сошлись на том, что нужно пару часов отдохнуть в отдельных спальнях, двери в которые были расположены по периметру гостиной, а потом собраться снова ближе к полуночи. Но в отличие от прочих, Кива, оставшись в одиночестве, даже не попыталась заснуть. Впервые за день ее ничего не отвлекало, ничто больше не удерживало волну, от которой она уворачивалась с самого утра, и ей до малейших подробностей вспомнился их разговор с Джареном.

«Из-за тебя я полюбил обманку».

«Я даже не знаю, кто ты такая, – и, откровенно говоря, не хочу знать».

И наверное, худшее:

«Когда все закончится, мы навсегда разойдемся в разные стороны».

Она свернулась в клубочек на кровати цвета морской волны, обняв колени, пока в груди глухо стучало израненное сердце. Только теперь она наконец дала волю слезам, с которыми боролась много часов, и они потекли беззвучными реками по ее щекам, а она молила, чтобы эта боль прошла.

Глава двадцать вторая

Этой ночью Кива, ощущая пустоту внутри, отправилась вслед за Джареном, Кэлдоном и Типпом на Полночный рынок.

Креста и Наари ушли раньше, решив вместо отдыха осмотреться. Кива жалела, что не узнала об этом загодя и не отправилась с ними, потому что теперь она оказалась в куда более тесной компании, к тому же с человеком, рядом с которым ей сейчас хотелось оказаться меньше всего. Но она из последних сил старалась делать вид, что Джарена не существует, и переключила все внимание на Типпа. Лучше бы было оставить его во дворце, но после встречи с королем Кива побоялась. Она чуть не вызвалась посидеть с ним, однако вспомнила, что рынок опасен и друзьям может пригодиться ее дар.

В итоге они вчетвером спустились по одному из городских входов в подземелье Эрсы; под люком оказалась лестница, которая до жути напомнила спуск в тоннели в Залиндове. Все входы разные, рассказал им Кэлдон, который повидал прочие во время предыдущих визитов в город: встречались лестничные пролеты из песчаника и даже механические подъемники, работающие на люминии, а еще много других люков с лестницами, веревками, канатными подъемниками и спусками. Эрсийцы сделали все, чтобы в преступный мир было слишком уж легко попасть из любой точки города – и так же быстро улизнуть оттуда.

– Т-тут воняет, – сказал Типп, сморщившись, пока они шагали по широкому проходу.

Кива не ощущала, что она под землей. Если не поднимать глаза на темный каменный потолок, казалось, что она просто гуляет по обычной улице: по сторонам выстраивались в ряд лавочки, кое-кто зазывал покупателей, другие молча сидели за столами и глазели на прохожих. Между прилавками бродило удивительно много эрсийцев, кто-то украдкой пробирался по узким переулочкам и нырял в потайные двери, врезанные в скалу. Кива помимо воли любопытствовала, что хранится там, в тайных закоулках, и как их вообще вытесали из песчаника. Насчет безопасности их маленького отряда она старалась

не задумываться, а еще пыталась забыть, что над их головами раскинулся целый город.

– Может, разделимся? – предложил Кэлдон, когда они проходили мимо женщины, руки и шею которой обвили три змеи. В стеклянном сосуде у нее были выставлены на продажу еще несколько дюжин. Красные пятна на черной чешуе подсказывали, что это гадюки некротос, один укус которых убивает за пару секунд. Кива торопливо оттащила от прилавка Типпа, когда тот подошел рассмотреть их поближе.

– Может, просто спросим у кого-нибудь, как найти Зофию? – предложила она: ей не хотелось разделяться, пусть даже так она смогла бы избежать компании Джарена. Перед выходом из комнаты Кива умылась, но веки все равно покраснели от слез, так что, когда Типп спросил, что с ней, пришлось лихорадочно пробормотать, что песок раздражает ей глаза. Мальчик купился, а вот Кэлдон посмотрел на нее так, что сразу стало понятно: он ей не поверил.

На Джарена Кива взглянуть не посмела.

– По отдельности будет быстрее, зато вместе безопаснее, – ответил Джарен, хмуро разглядывая толпу. – Привлекать к себе внимание незачем, уж точно не в таком местечке, но Кива права – наверное, придется спрашивать.

– Оооо, г-гляньте! – воскликнул Типп, показывая на прилавок впереди и сияя от радости. – Т-травница! Надо с-спросить у нее. Все знают, травники п-помогают другим.

Кива невольно вспомнила Мота из Залиндова. Он всегда относился к ней с заботой и добротой, однако намеренно ставил пациентам неверные диагнозы и испытывал на них экспериментальные лекарства, из-за чего многие погибли. На Полуночном рынке он бы процветал, так что Кива с осторожностью последовала за Типпом, который рванул к женщине, сидевшей за уставленным бутылочками прилавком. По сторонам и над столом висело множество растений, цветов и лоз, большей частью Киве незнакомых, кроме пары крайне ядовитых луковиц, на которые она удивленно уставилась. На самом столе, занимая все пространство, теснилась целая батарея запечатанных пузырьков и бутылочек без этикеток, а на рабочей зоне женщина кропотливо нарезала ингредиенты и смешивала их в большом котелке.

Все это Кива подметила быстро, но внимание ее привлекли не женщина и не ее занятие, а полка за ее спиной, полная прозрачных банок со знакомым золотым порошком.

Ангельская пыль.

Очень много ангельской пыли. Кива в жизни не видывала столько в одном месте.

Внутренности сжало, и она с трудом отвела взгляд.

– П-простите, – сказал Типп, прежде чем Кива, Кэлдон или Джарен успели остановить его. – М-мы ищем Зофию С-сэйдж.

Женщина не подняла взгляд, не оторвала твердой руки от ножа – хрусть, хрусть, хрусть.

Джарен вышел вперед и заговорил на гортанном хадрисском языке.

– Я слышала мальчика, – ответила женщина на всеобщем с едва уловимым акцентом. – Что я с этого получу?

– Вы получите нашу признательность, – ответил Кэлдон, одаривая ее чарующей улыбкой.

– Признательностью королевский налог не заплатишь, – парировала та.

Джарен вытащил кошелек с золотом.

– Нет, зато вот этим заплатить можно. За ваши сведения – и за молчание.

Женщина наконец подняла взгляд и протянула руку. Джарен передал ей кошелек, та задумчиво взвесила его на ладони, открыла рот и выдала вереницу указаний, из которых Кива не поняла ни слова, но Джарен и Кэлдон внимательно ее выслушали и поблагодарили.

Травница же просто вернулась к работе, вновь перестав обращать на них внимание.

Они уже собрались уходить, как Типп спросил:

– А ч-что это? – и показал на большую банку с подозрительно похожей на кровь жидкостью, в которой плавал бледный...

– Ничего, – быстро сказала Кива, хватая его за руку и оттаскивая прочь; в животе у нее все перевернулось. Даже Кэлдон издал тихий звук, будто его стошнило, а Джарен тер глаза, словно надеялся стереть картинку из памяти, пока они торопливо отходили от аптекарского прилавка.

Все четверо двинулись дальше по улице, минуя лавки с разнообразными товарами от экзотических существ до необычного оружия, у которого принцы с интересом задержались. Еще здесь виднелись целые прилавки, заваленные ангельской пылью, маковым молочком и прочими наркотиками, которые Кива не узнавала, и ее тревога всякий раз взмывала к небесам, стоило только заметить намек на блеск порошка. Она так никому и не рассказала – особенно Джарену, – что ей довелось пережить в Залиндове, ужасы зависимости и ломки. От одного лишь вида ангельской пыли, невинно сверкающей под люминиевым освещением, у нее ускорялся пульс и потели ладони, и ей приходилось сражаться с собственным разумом, чтобы не уплыть из настоящего и не погружаться в кошмар, который она едва пережила.

– Ты в порядке?

Тихий вопрос исходил не от Кэлдона и не от Типпа, а от Джарена.

Одеревенев, Кива посмотрела прямо перед собой, сосредоточившись на полуголом танцоре в ошейнике с цепью, и ответила:

– Конечно.

Повисла тяжелая пауза, а потом Джарен наконец сказал:

– Не присматривайся, станет полегче. Это их мир, их норма. Они видят все это иначе, чем мы. А мы уберемся отсюда, как только сможем.

Он решил, что ей неприятен рынок, а на самом деле ее мучила собственная память.

– Все хорошо. – Она говорила столь же отстраненно, как он сам несколько недель подряд. – Кэлдон сказал, тут обитают худшие отбросы общества, но я провела среди таких десять лет. Это не только их норма, но и моя тоже. Я привычная.

Это была наглая ложь, особенно если вспомнить, что она увидела в той банке с кровью. Но меньше всего ей хотелось, чтобы Джарен заботился о ней из какого-то неоправданного чувства долга. Или еще хуже, из-за вины.

Повисла еще одна тяжелая пауза, после чего он сделал новую попытку:

– Ки...

– Вот вы где! – прервал его голос Наари, и сама она появилась из бокового переулка, в который они как раз решили не сворачивать. – Мы нашли Зофию. Она тут недалеко.

Кива молча возблагодарила стражницу за то, что не дала Джарену закончить – о чем бы тот ни желал поговорить, – и кинулась вслед за Наари, которая по узкому переулку вывела их на улицу пошире, практически неотличимую от той, где они только что прошли. Однако пахло здесь посвежее, улица медленно уходила вверх, а легкий ветерок и музыка в отдалении указывали, что впереди наружная часть Полуночного рынка, где проходило все веселье.

– Где Креста? – спросил Кэлдон, пока они шли мимо очередных подозрительных прилавков.

– Пытается уговорить чародейку отдать кольцо, – ответила Наари, оглябая мужчину и женщину, которые громко торговались прямо посреди улицы. – Зофия отказывается говорить, пока не придем мы все. Она откуда-то знала, что нас больше, чем двое.

При мысли о странной магии женщины, к которой они направлялись, Киву зазнобило, и стало только хуже, когда Наари свернула в очередной темный переулок и толкнула вделанную в песчаник нефритовую дверь. Над ней висела табличка с надписью на хадрисском.

– *«Входи, коли не страшно, дверь распахни отважно, но чудо не продажно: отдашь лишь то, что важно»*, – прочитал Кэлдон.

– У меня скверное предчувствие, – пробормотал Джарен, но все равно переступил вслед за Наари через порог. Остальные пошли за ним по пятам.

– О-о-о! – воскликнул Типп, стоило двери захлопнуться за ними. – Тут пахнет получше!

Кива с трудом дышала из-за тяжелого аромата фимиама, и пришлось помахать ладонью перед лицом, вглядываясь в туманное марево, чтобы рассмотреть саму комнату. Освещали ее свечи, не люминиевые сферы, а в центре стоял единственный предмет мебели: деревянный табурет, на котором сидела самая прекрасная женщина, какую только встречала Кива. Кожа у нее была темная, как песчаник вокруг – того же глубокого эбенового цвета, с серебряными татуировками на неизвестном руническом языке; чернила переходили с кистей вверх по рукам, симметрично огибали шею и исчезали под

простым домотканым платьем. Волосы были того же приметного серебристого цвета, как и глаза, которые сверкнули неестественным светом, когда она улыбнулась и поманила их к себе.

Рядом с ней, сложив руки на груди, стояла Креста с хмурой миной на лице – очевидно, уговорить отдать кольцо, пока Наари не было, не вышло.

– Добро пожаловать, – сказала чародейка; мягкий акцент, убаюкивающий и мелодичный, не походил ни на что, слышанное Кивой ранее. – Чем могу служить?

Креста буркнула себе под нос, что уже сто раз объяснила, зачем они пришли, но ласковая улыбка не покинула лицо Зофии. Кива гадала, сколько ей лет: на вид она была молода, но словно не принадлежала времени, а что-то в ее необычном взгляде говорило о несказанной мудрости.

Кэлдон от души пихнул Джарена вперед, тот обернулся и бросил на него сердитый взгляд, а потом придал лицу приличное выражение и обратился к красавице:

– Я...

– Принц Деверик Джарен Валлентис Эвалонский, – сказала Зофия, улыбнувшись шире. – Рада знакомству, Ваше Высочество. Впрочем, полагаю, сейчас это не твой титул? Однако же на самом деле ты принц и есть.

Джарен глянул на Наари и Кресту, но те покачали головами, и судя по их предельно серьезному виду, чародейке они ничего о нем не рассказывали.

У Кивы по позвоночнику снова пробежал холодок, и она поежилась. Когда все остальные шагнули ближе к Зофии, Кива, наоборот, попятилась, инстинктивно чувствуя, что от нее лучше держаться подальше.

– Если вы знаете, кто я, – невозмутимо произнес Джарен, – тогда знаете, и зачем я пришел. Король Сибли отдал вам кольцо, которое ему не принадлежит. Это кольцо моего предка, а теперь – мое. Я хотел бы получить его назад, пожалуйста.

Зофия склонила голову набок, и серебристые волосы мягко скользнули по плечу.

– Королевич, я сочувствую вашему положению, но не могу отдать его даром. Я ценю свою репутацию.

– М-мы никому не скажем, – сказал Типп, глаза на женщину, словно на древнюю богиню.

Она взглянула на него, и ее взгляд и голос тут же смягчились.

– У тебя доброе сердце, лапушка. Мама гордилась бы тобой.

Типп вздрогнул, и Кива машинально подалась вперед, но остановилась, увидев, что Джарен тоже шагнул к мальчику и положил руку ему на плечо в знак поддержки.

– Что вы хотите в обмен на кольцо? – спросил Джарен тоном, который ясно просил оставить Типпа в покое. Даже забота может задевать, и Кива знала это как никто.

Зофия задумчиво посмотрела на принца, приложив палец к губам. Затем перевела пристальный взор на Кэлдона, потом на Наари, на Кресту, и наконец взглянула им за спины и увидела Киву. Серебро в глазах сверкнуло, и с легкой улыбкой она провозгласила:

– Душа твоя измучена.

Улыбка стала шире.

– Идем со мной.

Сердце Кивы пропустило удар, когда Зофия поднялась и направилась к двери в дальней части комнаты.

– Она никуда с вами не пойдет, – непрекаемым тоном заявил Джарен.

Зофия даже не обернулась.

– Пойдет, если тебе нужно кольцо. За него заплатит твоя возлюбленная.

«Твоя возлюбленная».

Боги, как же *больно*. Боль с такой силой пронзила Киву, что пришлось закрыть глаза. И вновь их распахнуть, когда она почувствовала, как ее руки коснулись чужие пальцы – мягким, мучительно знакомым прикосновением.

– Ты не обязана с ней идти, – тихо, серьезно сказал Джарен. – Найдем другой способ.

Кива выдернула руку и торопливо попятилась, чуть не споткнувшись. Лицо Джарена застыло, но она сразу отвернулась: невыносимо было стоять настолько близко и гадать, что же значат его противоречивые слова и действия.

«Я даже не знаю, кто ты такая, – и, откровенно говоря, не хочу знать».

Она не могла позволить себе забыть, что он сказал, что на самом деле чувствовал, когда не строил из себя заботливого Джарена, которого волновала ее судьба. Такой он человек, не мог ее не защищать. Но он делал это по наитию, не более.

«Когда все закончится, мы навсегда разойдемся в разные стороны».

Теперь Кива знала: им ни за что не быть вместе. Джарен выразился предельно ясно. Но задача не изменилась, и Кива была намерена внести свою лепту, чтобы победить, пусть даже придется заплатить цену, которую потребует чародейка.

– Кива, – окликнул ее Кэлдон, стоило ей шагнуть вперед. – Ты уверена...

– Уверена. Скоро вернусь.

Она не знала, говорит ли правду, но уверенно улыбнулась Типпу, и улыбка почти не дрожала, когда она одарила ею еще взволнованных Кресту, Наари и Кэлдона; только тогда она направилась к Зофии, ждущей ее у дверей в соседнюю комнату.

На Джарена Кива не взглянула. Сердце бы не выдержало.

Когда она подошла, Зофия хохотнула и обратилась к ее друзьям:

– За Киву Корентин не тревожьтесь. Она вернется, глазом не успеете моргнуть.

И вновь по позвоночнику пробежал холодок, на этот раз крепче: что-то ей подсказывало, что ни Креста, ни Наари и ее имени не называли. Но она высоко подняла голову, затолкала поглубже страх, и чародейка, пропустив Киву, закрыла за ними дверь.

Комната была маленькая, но поуютнее предыдущей: на полу лежала пара больших изумрудных подушек, а между ними – низенький столик.

– Прошу, присаживайся, – пригласила Зофия, указывая на подушку, а сама заняла противоположную и спокойно опустила татуированные руки на стол.

Кива устроилась на мягком сиденье, радуясь, что здесь запах не настолько тяжелый, хотя и в этой комнате горело множество свечей, отчего все вокруг выглядело почти как сон.

Зофия молча разглядывала Киву, а потом махнула рукой в сторону шкафа у дальней стены. К ним немедленно поплыли какие-то две вещи. При виде незнакомой магии Кива охнула, но напомнила себе,

что Джарен раньше тоже мог делать нечто подобное с помощью воздуха. Здесь сила была иная, и пусть Кива была с ней незнакома, пугаться ее не стоило.

Чародейка согласно хмыкнула, словно прочитав Кивины мысли и одоблив их. Может, и прочитала, – поняла Кива, заерзав. Но встревожиться всерьез она не успела: Зофия положила один из предметов на середину стола.

Это было второе кольцо Сараны: золотое, как и первое, но вместо рубина – крупный белый топаз.

Кольцо воздуха.

Киве хотелось схватить его и слинять, но, учитывая, какую магию она только что видела – и как весело блестели глаза Зофии, – не стоило и пытаться. Вместо этого сказала:

– Назовите цену.

Так говорить не следовало, но и чародейка дурой не была и прекрасно понимала, что Кива и ее друзья в безвыходном положении.

– Перед тобой стоит выбор. – Зофия подалась вперед. – У тебя есть два страха. Чтобы получить кольцо, тебе необходимо встретиться с одним из них.

Кива впилась ногтями в бедра прямо над поблекшими шрамами.

– Я много чего боюсь. Выражайтесь яснее.

Губы Зофии вновь дрогнули, серебристые глаза блеснули еще раз. Других предупреждений не последовало: перед глазами Кивы пронеслись образы, а в голове всплыли воспоминания – ее собственные. День, когда она встретила Джарена, полумертвого, окровавленного. Ночь перед второй Ордалией, когда она впервые заснула в его объятиях. Как они чуть не поцеловались в садике при лазарете. Как он прыгнул в карьер и вдохнул в нее жизнь. Их ссора в тоннелях и предательское признание в том, кто он на самом деле.

Все новые и новые воспоминания хлестали ее, пока Зофия копошилась в ее разуме, показывая все их минуты нежности в Валлени, его ласковые прикосновения, добрые слова, то, как он, сам того не осознавая, медленно, но верно убеждал ее выбрать его, а не собственную семью. Он добивался ее уважения, а получил еще и любовь. Наконец Зофия добралась до вечера маскарада, когда Джарен с такой страстью, с такой жадностью поцеловал ее, и Кива вскрикнула:

– *Хватит!*

Она знала, что последует дальше, какой раздрай в душе поселила та ночь и многие месяцы после нее. Незачем было вспоминать это снова. Не хотелось вспоминать.

По ее приказу образы исчезли, она откинулась на подушку, тяжело дыша, будто после гонки, и свирепо поглядела на чародейку.

– Он – один из твоих страхов, – спокойно произнесла Зофия. – Если выберешь встретиться с ним, чтобы заплатить за кольцо, придется просто его поцеловать.

Киву окутал ужас, она не верила своим ушам.

– Что? – охнула она.

– Ты меня слышала. Кольцо за поцелуй.

Кива покачала головой, не желая даже думать об этом.

– Я не могу.

– Ты уже это делала, – возразила Зофия. – Никакой разницы.

«Из-за тебя я полюбил обманку».

Слова Джарена жгли разум Кивы, и она хрипло проговорила:

– Так нельзя. Я не стану заставлять его целоваться со мной. Не могу так с ним поступить. – Он и так уже ненавидел ее, незачем добавлять к списку его претензий еще и насилие. – Вы сказали, что платить буду я, а не он. Какой второй вариант?

Зофия как-то странно на нее посмотрела, будто и сама была не рада. Кива подобралась, готовясь к очередному вторжению в память, но на этот раз чародейка не полезла к ней в разум. Вместо этого она выставила на стол рядом с кольцом второй предмет с полки.

Это оказалась маленькая бархатная шкатулка, и Кива вздохнула с облегчением: ее содержимое всяко не могло оказаться хуже, чем поцеловать Джарена против его воли.

Но тут Зофия открыла шкатулку, и у Кивы заледенела кровь.

Потому что внутри лежал маленький пузырек ангельской пыли.

Глава двадцать третья

– Нет! – Кива охнула, вскочила на ноги и попятилась. – *Нет!*

Зофия извиняющимся жестом развела руки.

– Это – твой второй страх. С каким встретиться, выбирать тебе.

– Я не могу! – Кива все хватала ртом воздух. – *Я... не...*

Чародейка сидела молча, терпеливо дожидаясь решения Кивы.

– Должно быть что-нибудь еще, – умоляла та, не отрывая взгляда от золотистого порошка. – Прошу вас. Я сделаю что угодно. Только не...

От ужаса она не смогла договорить. Пыталась успокоиться, но спокойствие ускользало. В мыслях был только стоящий перед ней выбор из двух невыносимых вариантов.

«Из-за тебя я полюбил обманку».

Боги, *боги*, это просто невозможно! Нельзя ставить его в такое положение. И *себя* тоже. Поцелуй с Джареном вновь вскроет рану, которая еще даже не начала толком зарастать. И дело не только в ней, ему тоже будет больно. В этом она не сомневалась. И – *боги!* – при самой мысли об этом становилось еще больнее. Им обоим требовалось время, чтобы признать: между ними все кончено, пора двигаться дальше. Поцелуй только все усложнит.

Но ангельская пыль...

Дрожа, Кива присмотрелась к пузырьку, невинно лежащему на бархате. Там было совсем немного, так что ломка будет не такой долгой. Однако она избавилась от зависимости всего два с половиной месяца назад, и наркотик ударит в голову сильно и быстро, после чего ее ждет несколько часов полного кошмара.

Впрочем, надо пережить всего одну ночь. Кошмарную, но она пройдет. А если поцеловать Джарена...

Лучше страдать одной, чем навсегда сломить их обоих. Безвозвратно.

– Кива, подумай хорошенько, – предупредила Зофия, заметив, что она пришла к решению. – Один путь прост, другой труден. Но оба приведут к одному и тому же.

Охваченная внутренней тревогой Кива не смогла даже осознать, что имеет в виду Зофия. Ей ни один из путей не казался легким, а последствия раздавят ее в любом случае.

– Зачем вам это? – прошептала она. – Почему это ценнее золота?

Прекрасное лицо чародейки смягчилось.

– Я понимаю, трудно в это поверить, но я пытаюсь тебе помочь. Однажды ты скажешь мне спасибо.

У Кивы на глазах вскипели слезы, гремучая смесь обиды, злобы и страха. Она не собиралась объяснять Зофии, что та крайне ошибается, что ничего хорошего из ее выбора не последует. Вместо этого она осела на подушке, схватила с бархата пузырек и взвесила его в руках.

Когда она вытащила пробку, золотой порошок взметнулся во флаконе, и от знакомого карамельного аромата Кива почувствовала тошнотворную смесь дурноты и желания. И именно желание напугало ее сильнее всего – настолько, что она едва не заткнула пузырек обратно. Но тут вспомнила жесткий бесчувственный взгляд Джарена, и поняла до глубины души, *измученной* души, что не сможет поцеловать его. Он возненавидел бы каждую секунду этого поцелуя, а она...

Ей бы понравилось.

А после все осталось бы как прежде, только у нее появилось бы еще одно воспоминание о том, как его губы касались ее, какой у них вкус, какие они на ощупь...

Такого ей не вынести.

Ангельская пыль, по крайней мере, к утру выведется из организма. Небольшое неудобство, уверила себя Кива, вот и все.

Она знала, что это неправда, что она навредит себе куда больше, чем ей кажется, что к ней вернуться прежние кошмары. В прошлый раз она не досталась тьме, но та все еще ждала, готовая закончить начатое.

Пусть так, нужно сделать выбор.

И выбор, с которым она смогла бы прожить, был только один.

Не давая себе времени передумать, Кива подняла пузырек к губам и проглотила порошок.

Золотая пыль осела во рту, превратившись в карамельный сироп. Всего через пару секунд Кива почувствовала эффект: дрожь утихла, на смену ей пришла легкость. Впервые за много недель все тревоги показались незначительными.

Зофия вздохнула:

– К твоему сведению, ты пошла по трудному пути. Поцеловать его было бы куда проще.

Кива лишь покачала головой, глядя на уже расплывающийся силуэт чародейки, и уронила бутылочку на стол.

– Ты не сможешь двигаться дальше, пока не справишься с прошлым, – мягко произнесла Зофия. – Так или иначе, однажды тебе придется встретиться с ним лицом к лицу.

Она подалась вперед и шепнула:

– Не бойся открыть сердце, лапушка. Лишь тогда сможешь по-настоящему исцелиться. – И тихо добавила: – Вы *оба* сможете.

У Кивы участился пульс при этих словах, но страх испарился, когда комната пошла кругом, а яркие огоньки свечей слились в пламенные линии. Где-то в глубине сознания она понимала, что следует беспокоиться, но сумела только задуматься, зачем пришла. Наконец в голове мелькнуло воспоминание – нечеткое, невнятное.

– Вы должны мне кольцо, – кое-как проговорила Кива, понимая, что у нее осталось совсем немного времени, прежде чем ангельская пыль сожрет остатки ее разума. Она уже ощущала себя как во сне – расслабляющая эйфория разжижала и сознание, и тело.

Зофия протянула руку через стол, взяла Кивину ладонь и надела кольцо Сараны ей на палец, чтобы не потерялось.

Кива уставилась на топаз, замороженная его сиянием в огоньках свечей, а потом стремительно отказывающий мозг вспомнил, что ее ждут друзья. Она встала, но несколько раз запнулась, прежде чем обрела равновесие. Хихикнула и тут же зажала себе рот ладонью, понимая, что должна вести себя как ни в чем не бывало, чтобы никто не *догадался*. Если они узнают, что она добровольно приняла ангельскую пыль, то будут спрашивать *почему*. А им не понять. Никому из них.

– Дорогу на улицу со своей стражницей сами найдете, – сказала Зофия, не вставая с подушки. – Всего наилучшего, Кива Корентин. Твое будущее сияет как звезды.

«Как мило», – подумала Кива, ковыляя к двери; всю ее неприязнь к чародейке смыло ангельской пылью. Входя обратно в задымленную комнату, она едва вспомнила, что нужно стереть с лица наркотическую улыбочку. Кива уже готова была рассказать остальным, что у нее получилось...

Но там оказалась только Наари.

Эйфория Кивы поблекла, однако ангельская пыль одолевала ее все сильнее. Неважно, что друзья ушли. Даже к лучшему – меньше расспросов. Но тут она заметила выражение лица Наари, и намек на тревогу просочился даже в охватывающий ее дурман.

– Кольцо у тебя? – спросила стражница.

Зная, что четко ответить не получится, Кива молча протянула руку.

Наари будто обрадовалась, но тревога с ее лица не ушла.

– Ты не пугайся, но Типп сбежал. Нужно было следить за ним повнимательнее, учитывая, как заворожил его рынок, но кто мог знать, что он улизнет? Остальные пошли его искать. Я ждала тебя, чтобы рассказать, но теперь нам тоже пора на поиски.

Кива согласно качнула головой, болтающейся на шее. Она понимала, что должна беспокоиться за Типпа, ведь смертельно опасный Полуночный рынок – последнее место, где любопытному одиннадцатилетнему мальчишке стоит шататься без присмотра, но из-за наркотика тревога казалась неясной и беспочвенной. Все с Типпом будет хорошо. Пусть повеселится. Она чуть так и не заявила, но Наари приняла ее молчание за ужас, бросила на нее утешающий взгляд и вышла из лавки Зофии, рассчитывая, что Кива пойдет следом.

Кива сперва так и сделала.

Но шла недолго.

Потому что, когда они оказались на людной улице, Наари поспешила прочь, а Кива задержалась, чтобы послушать музыку в отдалении.

«Какая красивая песенка», – подумала она. Даже внутренний голос звучал невнятно, ангельская пыль подчинила ее себе целиком. Она не помнила, когда в последний раз ощущала такую легкость, такое счастье, такую *свободу*.

Широко улыбаясь, Кива пошла в другую сторону от Наари, вверх по улице, туда, где воздух был посвежее. Звуки струнных и ударных инструментов с каждым шагом становились все громче, и ей хотелось петь и танцевать. Она пустилась в пляс, и сама того не заметив оказалась на поверхности между высокими темными зданиями; здесь все пестрило красками, от люминиевого освещения было светло как днем, а люди вокруг прыгали и крутились под музыку.

Чьи-то руки увлекли Киву вперед, она радостно вскрикнула и закружилась в водовороте чужих тел, перепархивая от одного к другому, танцуя одна и в толпе, и голова шла кругом от счастья.

Все было таким прекрасным, месяц будто улыбался с небес. Она долго гладела на него – все смотрела, смотрела и смотрела, а потом ее вновь увлекла музыка.

Она не знала, где находится, и что самое приятное – и не хотела знать, ничего не хотела знать. В ее мире все шло правильно. Никакой Зулики, никакого Навока, никакого кинжала, крадущего магию, или колец, дарующих ее. Никаких воюющих семейств, сердитых принцев, и что самое главное – никаких разбитых сердец. Лишь Кива и музыка, а еще жизнерадостные люди вокруг, все цвета радуги и яркие расплывающиеся огни.

Но потом ее схватили за руку и резко выдернули из веселой пляшущей толпы.

– Ты что вообще творишь? – раздался полный ярости голос Джарена, пока он тащил ее прочь.

– Месяц улыбается. Давай тоже улыбаться, – невнятно предложила Кива, спотыкаясь.

Тут он резко остановился, и она врезалась в него.

– Ойки, – хихикнула она. – Столкнулись.

В мгновение ока Джарен оказался прямо перед ней, наклонился, всмотрелся в нее, и его голубые с золотом глаза оказались *так близко*.

– Как красиво... – прошептала Кива и протянула к нему руку.

Он отстранился, прежде чем она успела коснуться его, сощурился – понял.

– Да ты в хлам!

Кива воззрилась на замусоренные переулки.

– Хлам, – показала она. – Везде хлам.

Джарен громко выругался.

– Поверить не могу. После всего... – Он проглотил следующее ругательство и вновь схватил ее за руку. – Пошли. Мы нашли Типпа – он вернулся к чародейке, с ним все хорошо. Все ушли во дворец.

– Дворец не тот, – сказала Кива, спотыкаясь на темной улочке, куда повел ее Джарен; шум карнавала таял за спиной. – Нам нужно в Речной дворец. Дом там.

Он сжал ее сильнее, словно удивившись. Не больно, но она кое о чем вспомнила.

– Тебе нельзя меня трогать. Нет, не так. Мне нельзя трогать тебя. – Она насупилась, потом ее лицо вновь прояснилось, и она победно воскликнула: – Ты не хочешь, чтобы я тебя трогала! Вот!

– Кива, тихо, – твердо сказал Джарен. – Ты не понимаешь, о чем говоришь.

– Снова злой, – вздохнула Кива. – Вечно на меня злишься.

– Я не злюсь, – сказал Джарен, сворачивая на соседнюю улочку. – Я просто *в бешенстве*. О чем ты вообще думала? Что это было? Серебряный сон? Кровавая дымка?

Он склонился к ней, втянул воздух, отстранился и произнес с нескрываемым отвращением:

– Ангельская пыль. Поверить не могу.

Улица вертелась каруселью вокруг Кивы, цветные флаги напоминали машущих крыльями флуоресцентных летучих мышей. На земле что-то лежало, она присмотрелась и радостно захлопала в ладоши:

– Какой котенок!

Джарен оттащил ее, не дав погладить.

– Это дохлая крыса.

Кива надулась:

– Бедный котенок...

– Вечность, дай мне сил, – пробурчал Джарен.

– Я устала, – пожаловалась Кива и рухнула на землю прямо посреди грязного темного переулка. Джарен вновь выругался. Она с прищуром взглянула на него и заметила: – Ты что-то много стал ругаться.

– С чего бы, – буркнул он.

В следующий миг он подхватил Киву на руки и стремительно зашагал сквозь темноту.

– Такой сильный... – Она вздохнула и ткнулась лицом ему в шею. – Такой идеальный...

Его руки напряглись, но он не ответил. Кива закрыла глаза и вдохнула его запах, и знакомый аромат распустил внутри какой-то узел, до которого не добралась даже ангельская пыль.

– Скучаю по тебе, – шепнула Кива ему в шею, и он напрягся еще сильнее. – Так скучаю.

С этой минуты время потеряло значение – наркотик искажал все на свете, но в какой-то момент она поняла, что вокруг толпятся люди, а комната, в которой они оказались, слишком уж синяя. Ее опустили на что-то мягкое – она попыталась сконцентрироваться – а руки, мертвой хваткой державшие Джарена, разжали.

– Нет, – захныкала она. – Вернись...

Но он не послушался и отошел, уступив место остальным. Их голоса слышались Киве будто во сне.

– В смысле, под наркотой? – допытывался Кэлдон.

– Пошли, Типп, – попросила Наари, – давай-ка поищем, где у короля Сибли кухня. Самое время для ночного перекуса.

– Но Кива... – начал Типп.

Джарен тихо перебил его:

– Она не хотела бы, чтобы ты все это видел, дружище.

Все это время Креста ругалась так, что слышно было в Эвалоне.

Кива смутно осознавала, что Наари уводит Типпа из гостиной, но сама не сводила расплывающегося взгляда с бывшей заключенной, бормоча:

– Мне пришлось... Не было выбора. – И уточнила со смешком: – Ну, выбор был. Но не было.

– Что она несет? – спросил Кэлдон.

– Она болтает чепуху с тех пор, как я ее нашел, – сказал Джарен все еще до крайности раздраженным тоном. – От нее ничего не добьешься, пусть сперва проспится.

– На нее непохоже, – выступил в защиту Кивы Кэлдон. – Что-то наверняка...

– Заткнитесь, оба! – прикрикнула Креста. – Вы понятия не имеете, через что она...

– Нет! – завопила Кива, садясь, и комната покачнулась. Приступ паники прошел моментально, но ей хватило мозгов внятно сказать: – Не говори им!

– Ты тоже заткнись! – Креста толкнула Киву обратно и присела рядом. – Один раз я тебя из ломки вытащила, вытащу и снова. Но раз уж ты у нас тут считаешься лекарем, могла бы догадаться, что не надо

баловаться ангельской пылью, от которой ты в прошлый раз чуть не загнулась.

– Я не хотела...

– О чем это ты? – перебил Киву Джарен; в глазах его плескалась не злость, а заметная тревога. Кэлдон тоже замер рядом с ним. – Она никогда раньше не принимала ангельскую пыль.

– Ровно до тех пор, пока ее полоумная сестричка – кстати, вместе с вашей – не приказала держать ее под пылью всю дорогу из Валлени до Залиндова, – без экивоков рассказала Креста. – Когда ее привезли, у нее была такая зависимость, что она только через несколько недель выкарабкалась. Мне до сих пор кошмары снятся, как она вопит, умоляя покончить с этим. И она была настолько бешеная, что не постыжусь признаться: я об этом подумывала.

И Джарен, и Кэлдон выглядели так, словно им дали пощечину.

Внутри Кивы вновь поднялась паника, но ангельская пыль быстро ее утихомирила. Она решила, что лучше будет игнорировать обоих и говорить только с Крестой. Заплетающимся языком она успокоила подругу:

– Не волнуйся, там было немного.

Она громко зевнула и свернулась на диване; усталость наполовину с наркотиком расслабили и убаюкали ее. Глаза закрылись, а раз она больше никого не видела, то немедленно забыла, что оба принца все еще в комнате, и принялась объяснять Кресте:

– Мне пришлось: красавица-чародейка умеет читать мысли, и она чуть не заставила меня поцеловать Джарена. Сказала, что за кольцо мне нужно встретиться с одним из двух моих страхов: или он, или ангельская пыль. Я не хотела. В прошлый раз я чуть не умерла. Но Джарен же меня просто ненавидит. И возненавидел бы еще сильнее, если бы я его поцеловала.

Она перекатилась на бок, не замечая, какая мертвая тишина зазвенела в комнате.

Путаясь в мыслях и словах, Кива проговорила:

– Я даже не успела рассказать ему про Керрина. Я видела, как он умер, я говорила тебе? Мой братишка... Ему было всего пять лет, когда его убил королевский стражник. Капитан Верис держал меня, и я не смогла его исцелить. Тогда я не знала, что магию можно бросать. Если бы знала, я бы его спасла. – Кива вновь зевнула. – Капитан Верис мне

нравится. Так нельзя, но он нравится. Джарена тоже нельзя любить. Или Кэлдона. Или Эшлин. Кого угодно. Но они все такие славные. Ты понимаешь, о чем я, я точно знаю. Они нравятся тебе помимо воли. Не знаю, почему ты сопротивляешься. Может, это против твоей ершистой мирравенской натуры.

Кива хихикнула.

– «Ершистая». Смешное слово такое.

Она никак не могла улечься – перевернулась на спину, опустила руку на лицо, и бормотание стало неразборчивым:

– Рук убил моего папу – не помню, говорила Джарену или нет. Хотела рассказать этим утром, но он не стал слушать. Еще хотела рассказать, что моя семья примкнула к мятежу только после Залиндова – все это случилось после того, как меня посадили. Я не выбирала такую жизнь. А когда у меня наконец появился выбор, я выбрала не ее.

И она добавила тихонько:

– Я ошибалась, но не намеренно. Так и не сказала ему, потому что он не захотел слушать. Вот поэтому я не могу с ним целоваться. Мне хотелось, так хотелось. Но я же понимаю, что он согласился бы только ради кольца. А это очень больно. Я знаю, что он не хочет иметь со мной ничего общего, и это просто убивает. У меня дыхание перехватывает всякий раз, когда смотрю на него, будто грудь сжимает тисками, и душит легкие, и...

– Кива, – пробормотала Креста, – может, не надо...

– Я его люблю, подумать только! – со смехом сказала Кива. Открыла глаза – как раз вовремя, чтобы заметить, как Креста поморщилась и посмотрела куда-то в сторону, но не поняла, что случилось, и даже не подумала остановиться. – Ну, ты и так это знаешь, тебе в Залиндове пришлось целыми днями слушать, как я об этом трещала. По крайней мере, пока ломка не кончилась. А потом пришлось следить, чтобы я руки на себя не наложила.

Креста снова поморщилась, на этот раз сильнее; смотрела она туда же.

– И у тебя каким-то чудом получилось, – сказала Кива. – В смысле, ты за мной уследила. Ты меня спасла. Помогла вспомнить, что мне есть, зачем жить. – И она задумчиво добавила: – Если бы я не отдала сердце Джарену, точно влюбилась бы в тебя. Но тогда на меня

разозлился бы Кэлдон, а я не хочу, чтобы на меня еще кто-нибудь злился.

И она грустно прошептала:

– Мне так больно, что Джарен меня ненавидит. Но я понимаю его, после всего, что я сделала, я заслуживаю...

– Ладно, хватит, – жестко велела Креста. – Закончила играть в жертву?

У Кивы с трудом получалось сфокусироваться на рыжей, но она бросила свирепый взгляд куда-то в ее направлении и невнятно заявила:

– Я не жертва!

– Верно, – согласилась Креста. – Ты не жертва. Ты выжила. – Она посмотрела в затуманенные глаза Кивы: – Так что хватит ею прикидываться.

– Но я...

– Твой брат умер, отец умер, даже мать умерла – с этим ничего не поделать, – безжалостно произнесла Креста. – Плохое случается, таков мир, придется это принять. Говоришь, Джарен тебя ненавидит, не желает иметь ничего общего? Ну, так прими и это тоже. А знаешь, чего делать нельзя?

Ответить Киве она не дала.

– Нельзя опускать руки. Нельзя погрязать в жалости к себе. И нельзя, какие бы там клятые придурочные причины у тебя не имелись, выбирать ангельскую пыль вместо поцелуя. Помоги мне вечность, я даже не знаю, с чего тут начать, но ты уж поверь, тебя ждет та еще выволочка, когда проспишься.

– Но я выкупила кольцо! – недовольно воскликнула Кива, вскидывая руку. – Нам нужны кольца, чтобы вернуть Джарену магию.

– Кольца нам нужны, чтобы помешать Навоку до них добраться и чтобы спасти твой расчудесный Эвалон, – поправила ее Креста. – Но я не о том тебе толкую: ты важнее любого дурацкого кольца, а ты сегодня зазя рисковала собой. Если бы Джарен тебя не нашел...

– Джарен всегда меня найдет, – еще раз зевнув, уверенно сказала Кива, у которой глаза закрывались сами собой. – Может, он и жалеет, что вообще меня встретил, но он всегда меня защитит. Тут ничего не поделать. Он слишком хороший. Слишком чистый. Никто из нас его не заслуживает. Особенно я.

– Кажется, меня чутка стошнило, – бросила Креста, а потом тяжело вздохнула. И сказала с сочувствием: – Утречко у тебя будет адское, так что завязывай с болтовней и попробуй поспать, пока можешь. И молись, чтобы наутро ничего не вспомнить.

– Почему? – спросила Кива совсем неразборчиво, уже засыпая. – Ты меня и не в таком состоянии видела.

Не глядя, она потянулась к бывшей заключенной и похлопала ее:

– Ты настоящий друг, Креста. Мне жаль, что ты потеряла семью, но я рада, что ты теперь в нашей семье.

Повисло такое долгое молчание, что Киву стал одолевать сон. Она пыталась удержаться в сознании, в ушах жужжали чужие перешептывания – один голос принадлежал Кресте, второй, встревоженный – какому-то мужчине, а третий, тоже мужской и взволнованный, казался таким знакомым, что у нее потеплело на душе. Тихо, утешающе что-то бормоча, этот голос приблизился, и Кива почувствовала, как чьи-то пальцы мягко скользнули по щеке, а потом ее осторожно подняла пара крепких рук.

Ее охватило такое чувство безопасности, какого она не чувствовала многие месяцы, и она прижалась к теплому торсу и неразборчиво вздохнула:

– Джарен...

– Засыпай, Кива, – прошептал он в ответ.

Ее понесли, а потом снова опустили на что-то мягкое, укутав в одеяла, как в кокон.

Последнее, что она почувствовала, прежде чем погрузиться в сон, – как ее губ невероятно нежно коснулись другие губы.

Вот это ей наверняка просто приснилось, решила она.

Глава двадцать четвертая

Когда Кива проснулась, земля под ней качалась.

Она вскочила, выбралась из кровати и поняла, что совершенно не знает, где находится. Это была не ее синяя спальня. И даже не дворец. Потому что в маленьком круглом окошке в дощатой стене виднелся только...

Океан.

Пол под ногами качался не из-за ангельской пыли, выводящейся из организма. Он качался, потому что она была на *корабле*.

Пол накренился, Кива застонала и торопливо зажала рот ладонью. Не раздумывая, она выскочила из крошечной каюты, промчалась по короткому коридору, взлетела по узкому трапу на яркое солнышко и едва успела перебежать палубу, чтобы перегнуться через деревянные перила, где ее и стошнило.

Там ее и нашел Кэлдон, который беззаботно заметил:

– Я тебя на пару минут оставил, и тебе именно в это время надо было прийти в себя? М-да, солнышко, умеешь ты выбрать время. Надо это исправлять.

Кива вновь перегнулась над бортом, извергнув лишь желчь. Вчера она почти не ела, но это было неважно – возможно, ее тошнило ночью, а она этого не помнила. Вообще весь вчерашний вечер выветрился из головы, кроме...

Ее хлестнуло ужасом, когда с беспощадной четкостью ей вспомнилось все произошедшее после Полуночного рынка – все, что она сделала, все, что *наболтала*.

А что самое скверное – *при ком*.

Тогда, в бреду, она, конечно, забыла о Джарене и Кэлдоне, но они оба стояли в синей гостиной на протяжении всего ее разговора с Крестой. И Джарен...

Киву вновь затошнило, но уже не от ангельской пыли. Ее охватил смертельный ужас, и, хотя в желудке уже ничего не осталось, она вновь перегнулась через перила, искренне прикидывая, не лучше ли прыгнуть в воду и пойти ко дну.

– Даже не думай! – рыкнул Кэлдон, прочитав ее мысли, а может, просто заметив загнанное выражение лица.

Деревянно обернувшись, Кива увидела, что одной рукой он протягивает ей влажную тряпицу, а другой – стакан воды. Она вытерла губы и залпом выпила воду; смотреть Кэлдону в глаза ей было стыдно. Но тут он выбросил вперед руку и поднял ее голову, чтобы их взгляды встретились.

Она подобралась, уверенная, что он до сих пор в ярости, потому что она предпочла ангельскую пыль, и злится еще пуще, потому что не рассказала ему о Залиндове. Он был ее лучшим другом, и все-таки она постыдилась рассказывать, как низко пала, когда только оказалась в тюрьме.

Но Кэлдон не стал на нее кричать. На лице не было ни следа гнева. Он сказал только одно:

– Прогуляла утреннюю тренировку.

От эмоций у Кивы задрожали губы.

– Не реветь! – твердо велел Кэлдон. – Если расплачешься, я тоже заплачу. Жуткое будет зрелище.

Вопреки его предупреждению у нее защипало глаза.

– Что я тебе велел? – сердито сказал Кэлдон. Вздохнул и притянул ее к себе.

Она икнула, но справилась с собой и не разревелась.

– Прости, – дрожащим голосом сказала она. – Дай мне минутку.

– Хоть сто минуток, солнышко, – ответил Кэлдон, прижимая ее к груди. – Я никуда не денусь.

Его мягкие слова разгладили в ней что-то зазубренное, так что вскоре она смогла отстраниться и сказать:

– Прошлой ночью был полный кошмар.

– Не кошмарнее, чем обычно, – усмехнулся он. – Все это уже становится привычным. На этот раз хотя бы никого не закололи.

– А кажется, будто да, – сказала Кива, хватаясь за гудящую голову. Теперь, когда желудок перестал назойливо требовать опустошения, она по нарастающей ощущала, как стучит в висках и как болят от усталости мышцы. – Сегодня точно не было тренировки? Меня как будто пинали ногами.

– Креста говорит, через пару часов полегчает, – ответил Кэлдон, указав за плечо Кивы. – Но до тех пор будешь чувствовать себя

развалюхой.

Кива обернулась и посмотрела на нос корабля, где рыжая фехтовала одновременно с Тореллом и Эшлин; первый поймал клинок Кресты, а вторая немедленно атаковала сразу ветром и землей, пытаясь повалить обоих. Кива восхитилась их мастерством – не только двух генералов, но и самой Кресты, которая медленно брала верх.

«Она движется как боец».

Кива вспомнила слова Кэлдона, сказанные несколько недель назад, и теперь увидела, что он был прав. Регулярно тренируясь с умелыми противниками, Креста, несомненно, показала себя одаренным мечником, целеустремленным и сосредоточенным.

Но Кива не стала долго наблюдать за этой троицей. Вместо этого она с тревогой оглядела остальную палубу, заметила Эйдрана и Наари, чистящих в тени грот-мачты оружие, Типпа, который вместе с Голдриком стоял на юте и показывал на паруса: их раздувал неестественно сильный ветер. Лишь теперь Кива заметила, что они скользят по воде куда быстрее, чем считалось обычным, и задумалась, не подгоняет ли их магия Голдрика.

Отложив самый тревожный вопрос – а именно, где Джарен? – Кива глуповато спросила:

– Почему мы на корабле?

Кэлдон выудил из кармана яблоко и вручил ей. Подождал, пока она с опаской откусит, и ответил:

– Остальным не повезло с аномалиями, но пока они их искали, поняли одну вещь: Лирас так далеко от Эрсы, что туда гораздо быстрее будет доплыть, тем более с двумя магами воздуха.

Кива оказалась права: Голдрик в самом деле ускорял ход корабля магией.

– Это один из кораблей Сибли, – сказал Кэлдон, похлопывая по перилам. – Команда тоже его, но они по большей части держатся особняком, когда не глазеют на магию. Для них мы существа из легенд.

Потешаясь, он покачал головой и продолжил:

– Тут есть кок, так что ближайшую пару дней никаких сухпайков, а еще конюх, который следит за спокойствием коней: они в стойлах в трюме, если вдруг ты беспокоилась о своем чудовище. – Он приподнял бровь и добавил: – А если ты жутко хочешь спросить, но боишься

получить ответ, – Джарен сейчас у капитана, так что можешь перестать трястись, что он выскочит из ниоткуда.

Кива сделала вид, что понятия не имеет, о чем он вообще толкует. Кэлдон усмехнулся, но потом сказал серьезно и с заботой:

– Персик, суденышко-то небольшое. Несколько деньков придется потесниться, пока не сможем применить ветроворот. Спрятаться от него не получится. И сдается мне, после всего, чего он наслушался прошлой ночью...

– Пожалуйста, не надо, – хрипло перебила его Кива. Кусочек яблока не желал упокоиться с миром, но она не знала, виной тому ангельская пыль или эта беседа. – Мне бы очень хотелось забыть случившееся.

– Можешь забывать все что угодно, – ответил Кэлдон, – но это не значит, что забудет он.

Кива ненадолго прикрыла глаза, а потом отвернулась и уставилась на океан. Дрожащим шепотом она спросила:

– Остальные знают, что вчера случилось?

Кэлдон фыркнул:

– Думаешь, мог бы твой брат спокойно фехтовать, если бы знал хоть что-нибудь? Мы сказали, что тебе стало нехорошо, и ты приняла морациновую настойку, чтобы поспать. Поэтому он даже не удивился, когда Джарен принес тебя на корабль.

Кива представила и торопливо стерла эту картинку.

– А Типп? Наари ничего не скажет, но Типп...

– Джарен объяснил ему, что ты хотела бы сохранить все в тайне от Тора, так что Типп обещал молчать. Но имей в виду, в ближайшее время он будет к тебе липнуть. Ты ему в таком состоянии не понравилась. – Кэлдон пихнул ее в плечо: – Никому не понравилась.

Кива изобразила слабую улыбку:

– Надо было видеть меня в Залиндове.

Кэлдон помрачнел, и она тут же раскаялась в своих словах.

Чтобы отвлечь его от мыслей о тюрьме, она торопливо спросила:

– Я раньше не плавала на корабле. Тут есть какие-то правила, порядки?

– Сегодня тебе следует просто отдохнуть, – ответил Кэлдон. – А когда перестанешь извергать из себя внутренности, постараемся не тратить время – будем тренироваться как можно больше, пока Голдрик

не сможет перенести нас в Лирас. Потом возможности уже не будет: от Лираса до Ардена рукой подать, перелетим прямо из одного в другой. А после Ардена...

– Вернемся в Валлению, – сказала Кива, у которой внутри все сжалось при мысли о битве с сестрой.

– Эй, не забегай вперед! – Кэлдон снова подтолкнул ее. – День за днем.

– Но мне еще так многому надо научиться, – сказала она, растирая виски, в которых стучало все сильнее. – А вдруг я не...

Кэлдон перебил ее:

– Нет смысла строить догадки. Не трать силы на страх перед проблемами, которых еще даже не существует.

– Но Зулика-то существует.

– Да, но тебе не нужно драться с ней сегодня же.

Кива все никак не могла успокоиться.

– И Навок тоже существует.

– Навок – не твоя забота, – твердо ответил Кэлдон.

– Прости, ты прослушал, что меня чуть не выдали за него замуж? – бросила Кива.

– Перефразирую: Навок – не только твоя забота. Ладно, допустим, мы все знаем, что он жаждет заграбастать тебя и твой дар, но, если взглянуть шире, Навок – это всеобщая проблема, потому что он хочет покорить весь мир. А с магической армией у него может и получиться. Но мы затем и отправились в это дурацкое путешествие: чтобы остановить его. Мы уже делаем все, что можем, солнышко, так что расслабься и доверься нам.

Кива обдумала слова Кэлдона, взгляд ее упал на второе кольцо Сараны, все еще сидящее у нее на пальце. В голове пронеслось несколько мыслей, и наконец она спросила:

– Раз у нас теперь есть два кольца, может, просто оставим два других на месте? Даже если Навок их разыщет, ему все равно понадобятся те, что у нас.

Едва начав говорить, она поняла, что рисковать нельзя: слишком много неизвестных. Эшлин однажды задавалась вопросом, не сыграют ли они на руку Навоку, собрав кольца, а Джарен согласился, что, вероятно, сыграют, но смогут и обратить это против Навока. Не говоря уж о том, что перед Кивой все еще стояла цель вернуть с помощью

колец магию Джарену. Может, так получится избавиться от всепожирающего чувства вины и наконец выбраться из хватки обуревающих ее чувств. Боги знали, ей это жизненно необходимо, особенно теперь, после унижительной вчерашней ночи.

– Судя по твоему лицу, ты сама уже знаешь ответ, – сказал Кэлдон, жмурясь на солнышко; ветер шевелил его золотистые волосы. – Но да, это слишком рискованно. У кого все кольца, у того и вся сила. И мы можем использовать эту силу, чтобы наделать собственных аномалий и послать против его армии, если он двинется на Эвалон.

– Но мы бы применяли Длань только в случае, если человек сам того захотел, верно? – с опаской спросила Кива. – Если человек сам хочет стать магом и сражаться?

Кэлдон обернулся и сурово посмотрел на нее.

– Поверить не могу, что ты об этом спрашиваешь.

Кива сразу же раскаялась в своих словах. Она знала, что Валлентисы так не поступают, не принуждают людей помимо воли.

– Извини. Я просто...

Она замолкла, но не потому, что Кэлдон смотрел на нее с укором, а потому, что на палубу вышли еще двое. Один – в капитанской шляпе с пером, а другой...

Джарен.

Он вздрогнул, увидев ее, торопливо бросил что-то невысокому темнокожему капитану и направился прямо к ним с Кэлдоном.

Испуганно пискнув, Кива выпалила первое, что пришло на ум:

– Голова! Спать! Бегу! Потом!

И, не обращая внимания на раздосадованный оклик Кэлдона, бросилась прочь. Одно Кива знала точно: она не может встретиться с Джареном. Пока не может. Так что она поспешно вернулась по тому же пути обратно, чуть не скатившись по узкому трапу, и чудом обнаружила крохотную каюту, в которой проснулась. Сейчас она соображала куда лучше и заметила, что коек внутри две, а не одна, но не стала и думать о том, кто занимал вторую, а захлопнула и заперла дверь, а потом прислонилась к ней спиной и съехала на пол.

Через секунду в дверь громко постучали, задребезжала ручка.

– Кива, открой!

От команды Джарена колотящееся сердце сбилось с ритма. Кива застыла, не в состоянии ни о чем думать, кроме минувшей ночи и

всего, что она наговорила под ангельской пылью.

– Пожалуйста, Кива, – его голос доносился из-за двери приглушенно. – Давай поговорим.

Но Кива не хотела с ним разговаривать. Она знала, почему он пришел – потому, что он Джарен. Прошлой ночью она выболтала слишком многое, и теперь он досконально знал, что она чувствует.

«Я знаю, что он не хочет иметь со мной ничего общего, и это просто убивает. У меня дыхание перехватывает всякий раз, когда смотрю на него».

Кива закрыла глаза, ее вновь охватил стыд.

«Я его люблю, подумать только!»

Она прикрыла лицо руками и подтянула колени к груди, мечтая вернуться в прошлое, мечтая все забыть.

Но мечты – это для дурачков. Так что Кива сидела и ждала, пока не услышала тихий вздох, а потом удаляющиеся шаги. Лишь тогда она смогла расслабиться, плечи обмякли, адреналин схлынул, зато боль в висках стала невыносимой. Но она не шевельнулась, не попыталась устроиться поудобнее. Вместо этого она постаралась собрать по кусочкам разбитое сердце, понимая, что это невозможно – ведь оно только что отошло от двери.

* * *

Остаток дня Кива просидела в закрытой каюте, но не стала тратить время на слезы и саможаление. Через несколько часов желудок успокоился, еще через несколько, когда организм вывел остатки ангельской пыли, прошла головная и мышечная боль; это время она потратила на размышления, на выработку плана.

Да, прошлой ночью она выставила себя душой. Да, она говорила такое, чего не следовало слышать никому, особенно Джарену. Но прошлого не изменить, так что придется просто смириться.

Осознав это, вечером она покинула каюту и вновь пробралась на палубу. Ориентируясь на гул голосов, она обнаружила открытую дверь на корме: утром над этим местом, на юте, она видела Типпа и Голдрика. Это капитанская каюта, поняла Кива, подойдя поближе. Внутри сам капитан ужинал вместе с ее друзьями и с, очевидно,

большей частью своей буйной команды, сидя за большим деревянным столом, который ломился от горячей еды. До Кивы донеслись запахи жареного мяса и свежего хлеба, и в желудке заурчало. Она прижала ладонь к животу, не уверенная, хочет ли есть или ей просто все еще дурно. Но позывов метнуться к перилам не возникло, так что Кива несмело двинулась вперед; сердце гулко застучало, когда она увидела между Типпом и Тореллом Джарена. Все трое смеялись над словами мальчика.

От этой картины у Кивы перехватило дух, и она, наверное, вздрогнула, потому что Джарен поднял взгляд, заметил ее и как-то изменился в лице, но почему, Кива не поняла. На этот раз она не бросилась прочь, а прошла в каюту. К счастью, капитан и команда так увлекли остальных, что никто не заметил, как она прошмыгнула за стол и заняла свободное место рядом с Кэлдоном.

– Я очень рад, что мои тренировки не прошли даром, – сказал он, передавая ей блюдо с горячим рулетом.

– Что? – переспросила Кива, сосредоточенно пытаясь успокоиться.

– Ни разу не видел, чтобы ты бегала так шустро, как сегодня.

Кива сморщилась и повернулась к нему, собираясь извиниться, но увидела по его глазам, что он забавляется. Скорчила ему рожу, и он рассмеялся.

– Ты как? – спросил он. – Или стоит готовиться к очередному забегу?

– Я в порядке, – пообещала она, осторожно откусила и чуть не застонала от нежного, маслянистого вкуса теста. – Я, наверное... слишком бурно отреагировала днем.

Кэлдон свел большой и указательный пальцы:

– Самую чуточку.

– В свое оправдание...

– Да не нужно оправдываться, – сказал он, накладывая ей еды. – Ты перепугалась. Со всеми бывает. Давай, налегай на еду, сегодня успеем еще потренироваться. И чтобы ты знала, Креста весь день ждет, пока тебе полегчает, чтобы без какого-либо чувства вины устроить тебе разнос. Позволю предположить, что такое лучше встречать на полный желудок.

Кива поморщилась и не осмелилась посмотреть в сторону рыжей, которая разговаривала с Наари, Эшлин и капитаном – понимала, что заслужила все, что Креста собиралась вывалить ей на голову. Вместо этого Кива оглядела незнакомую ей команду и спросила:

– А где Голдрик? И Эйдран?

– Голдрик отдыхает. – Кэлдон отпил из деревянной кружки. – Он почти весь день колдовал, а полностью истощать запас магии ему нельзя, иначе он не сможет перенести нас в Валорн, как подплывем поближе. Эш сменит его на ночь, и они будут меняться так следующие несколько дней.

– А Эйдран?

– У бедолаги морская болезнь, – довольно легкомысленно ответил Кэлдон. – Сразу после обеда началась. Не знаю, у кого выдался денек хуже, у тебя или у него.

Кива встревоженно спросила:

– Почему никто не позвал меня?

Кэлдон сделал еще глоток.

– А твой дар помогает с морской болезнью?

– Не знаю, но даже если нет, я все еще лекарь, – ответила она. – Помогла бы ему иначе.

– Возможно. Но для этого тебе пришлось бы отпереть дверь, – колко заметил он.

Кива зарделась.

– Мне нужно было подумать.

– И как, надумала чего полезного?

В этот момент Джарен поднялся, кивнул Тореллу, взъерошил волосы Типпу и направился к двери, по пути вежливо улыбаясь членам экипажа.

У Кивы пересохло во рту, пульс участился, но она торопливо ответила Кэлдону:

– Сейчас узнаем.

Она отодвинула стул и поторопилась за наследным принцем, не давая себе времени передумать.

Когда она вышла из капитанской каюты, Джарен уже пересек половину палубы и шагал так быстро, что ей пришлось окликнуть его. Он обернулся с явственным изумлением.

Кива медленно подошла. Ночь стояла темная, но корабль освещали люминиевые фонари, которые бросали мягкие отсветы на палубу, а лунный свет отражался от белых парусов наверху. Было до нелепого романтично, но она подавила эту мысль и сосредоточилась на речи, которую разучивала весь день.

В паре шагов от него она остановилась, чтобы собраться, и помимо воли отметила, как идеально сидит на нем темная кожаная броня, как подчеркивает крепкие мускулы и...

«Нет!» – одернула себя Кива, понимая, что сейчас не время восхищаться, как он хорош. Ей и без того будет непросто.

Призвав всю смелость до последней капли, она уставилась на океан за его плечом и заученно произнесла:

– Я хочу извиниться за вчерашнее – за то, что сделала, и то, что сказала.

Она стянула кольцо с топазом с пальца и отдала ему – уронила в ладонь, следя за тем, чтобы случайно не коснуться его руки.

– Я понимаю, тебе наверняка было неприятно, и не только из-за ангельской пыли, со всей этой историей с твоей мамой – и на всякий случай, у меня... ну, ты уже знаешь, у меня были в недавнем прошлом кое-какие проблемы с пылью... – она неловко обхватила себя руками, – но я сделала такой выбор не потому, что мне так хотелось. Как я и говорила вчера, чародейка увидела, что это один из самых моих больших страхов, и воспользовалась им.

Кива поморщилась, ощутив произнесенный намек на *другой* свой страх, и торопливо добавила:

– Так что решила прояснить на случай, если тебя это беспокоит: я не намереваюсь добровольно принимать пыль в будущем.

Чувствуя, что вот-вот все окончательно запрет, она поспешно продолжила, понимая, что дальше будет только сложнее:

– А что до всего, что я наговорила о тебе, мне кажется, лучше будет попытаться, ну, все забыть.

Она вновь поморщилась от собственного косноязычия и заставила себя посмотреть ему в глаза. Мимоходом отметила, что лицо его не было равнодушным и бесчувственным, каким оставалось большую часть пути, но ей не стоило лишний раз искать тому причины, поэтому она лишь ответила с отчаянной прямоотой:

– Наркотики там или нет, но с моей стороны было нечестно все это на тебя вываливать. Ты ясно донес до меня свои чувства, и я всецело уважаю твое мнение. Меньше всего мне хочется твоей жалости, так что, пожалуйста, не надо... – У нее сорвался голос, но она откашлялась и продолжила увереннее: – Мне просто кажется, лучше оставить все позади и идти вперед, будто ничего не было.

Кива вздохнула, чтобы набраться сил, и закончила, повторив то, что сказал ей днем Кэлдон:

– Судно небольшое, но, даже оказавшись на твердой земле, нам все равно придется держаться рядом, пока все не кончится. Но я обещаю, что как только мы соберем все кольца и разберемся с Зуликой и Навоком, твое желание исполнится, и мы разойдемся в разные стороны.

Кива договорила самое главное, старательно терпя боль в сердце и ничего не показывая Джарену, хотя на самом деле готова была разрыдаться. Перед ним она не сломается. Хватит с нее унижаться в его присутствии – и так уже на всю жизнь хватило.

Кива замолчала в ожидании ответа, и, хотя она мечтала сбежать до того, как он успеет сказать хоть слово, она все же понимала, что пора уже встретиться с проблемами лицом к лицу, а не убегать от них.

На беду или на удачу, в эту самую секунду из капитанской каюты выскочил Типп, а за ним неспешно потянулись все остальные. Мальчик бросился прямо к Киве, прижался к ней, встревоженно глядя на нее снизу вверх, и спросил:

– Т-тебе уже лучше?

Киву охватила нежность, и она прижала его к себе.

– Да, малыш. Спасибо.

Это была правда, и лучше ей стало не только физически. Она выговорила Джарену, и пусть их прервали, прежде чем ему выпал шанс ответить, с души у нее как будто камень свалился. Может, так даже лучше, твердила она себе. Оба знали мнение другого, а она ясно дала понять, что хотела бы забыть случившееся и двигаться дальше. Он согласится с ее мнением, а может, даже будет ей признателен.

Но Кива все равно намеревалась как можно реже попадаться ему на глаза, пока они наконец не разойдутся в разные стороны. Другого способа защитить себя от него она не знала.

Отряд принялся обсуждать с Джареном, где кому лечь спать и чем заняться завтра, и Кива, поняв, что договорить им не удастся, без малейшей вины позволила Кэлдону утащить себя на тренировку на ближайšie несколько часов. Можно было и дольше, но в конце концов Креста потеряла терпение и уволокла Киву в каюту – очевидно, Кива делила ее именно с ней. Тут рыжая принялась громко – и продолжительно – ругаться, а потом вытянула из Кивы обещание никогда, ни за что больше не принимать ангельскую пыль. Лишь после этого Креста грубовато обняла ее, а потом плюхнулась на соседнюю кровать, укуталась и мгновенно заснула.

Кива отдыхала большую часть дня и спать пока не хотела, а потому лежала без сна под мерное покачивание корабля. Чтобы не думать о Джарене, она начала размышлять о поисках колец, вспоминая все, что знала о Саране Валлентис, и машинально теребила амулет на шее, пробегаясь пальцами по камням кулона. Что-то ее беспокоило в этой истории с Дланью Богов, но всякий раз, когда она пыталась поймать мысль, та ускользала, будто зудящее местечко, которое никак не удастся почесать. Вот и этой ночью, как бы она ни размышляла, ничего не приходило на ум. Зато сами попытки помогли унять мысли, наконец она почувствовала, что ее клонит в сон, и не стала ему сопротивляться.

Глава двадцать пятая

Верная плану, следующие несколько дней Кива обходила Джарена стороной, большую часть времени проводя на верхней палубе за тренировками с Кэлдоном и даже с Эшлин, которая наполнила своей силой сперва топаз в кольце, а потом и два камня амулета – воздушный и земляной. Когда принцесса не нападала на Киву, она либо подгоняла корабль, либо обучалась искусству ветроворота: теперь она умела переноситься с корабля на берег и обратно. До расстояний, на которые умел летать Голдрик, Эшлин еще было учиться и учиться, зато ей больше не надо было видеть конечную точку, так что с каждой попыткой она продвигалась чуть дальше.

В собственных колдовских тренировках Кивы тоже наметился прогресс: теперь ей не было необходимости опираться на счастливые воспоминания, сила отзывалась инстинктивно, куда быстрее, чем когда-либо. Проще всего получалось отражать огонь Кэлдона, с валунами Эшлин и всякими лозами и растениями, которые она создавала магией земли, тоже все было отлично. А вот удары ветра... Если бы не защита амулета, Кива улетела бы за борт. Впрочем, раз она собиралась по максимуму подготовиться к возвращению в Валлению, ей как раз и нужно было учиться противостоять именно невидимым соперникам. Ее ждала Зулика – и Кива намеревалась встретить ее во всеоружии.

Редкие свободные минутки Кива проводила, ухаживая за лошадьми, лазая по судну вместе с Типпом и помогая Эйдрану – к счастью, ее магия в самом деле исцеляла морскую болезнь, и он с благодарностью принимал ее помощь всякий раз, когда тошнота возвращалась. Она обнаружила, что, как и в тот раз, когда они ехали рядом на лошадях, ей очень нравится тихая успокаивающая компания разведчика. Кива едва его знала, но это было неважно – ей думалось, что его вообще никто не знает, а ему так даже нравится. Он все равно оставался крайне важной частью отряда и заботился о каждом в своей личной манере. Эйдран просто был другой – его больше привлекали одиночество и уединение, он не лез пообщаться, только чтобы вписаться в коллектив. Такой темперамент частенько считали

необычным или даже грубым, но Киве казалось, что это его сильная сторона. Эйдран знал, кто он такой, и держался особняком так уверенно, что Кива завидовала. С ним не было нужды болтать, можно было просто молча посидеть рядом, уйдя в собственные мысли. Каждый раз, когда Кива уходила от Эйдрана, она чувствовала себя чуть спокойнее, чем раньше, – а учитывая, сколько бед ее преследовало, это был сущий дар.

Летели дни, они быстро шли по морю Корин, стремительно покрывая расстояние между Хадрисом и Валорном. Отрядные воины – Наари, Эйдран, Кэлдон, Джарен, Эшлин, Торелл и Креста – посвящали дневные часы совершенствованию боевых навыков против как обычных, так и магических атак, причем Креста всех затмевала. Как-то раз вечером Кива спросила, зачем она так яростно тренируется, на что та лишь пожалала плечами и ответила:

– Всегда найдется кто-нибудь посильнее. Подготовиться не повредит.

Логика была неоспорима, хоть Кива и подозревала, что здесь кроется нечто большее. В Кресте что-то переменялось, она больше не сидела в сторонке, молча потешаясь над отрядом, а стала полноправным его членом. Кива даже как-то раз застала ее, когда она учила Типпа, как лучше вскрыть противнику бедренную артерию, и хоть от самого урока в восторг не пришла, но от терпеливого, вдумчивого отношения Кресты к мальчику у нее потеплело на сердце.

Голдрик тоже занял в отряде почетное место, пусть и не так укоренившись, как Креста, – свою долю уважения он заслужил тем, что без устали толкал судно вперед. Еще он с опаской предложил рассказать Киве о ее матери, но та отказалась – ничего не хотела знать об ее жизни в качестве мятежницы. Если Тильда в самом деле любила Киву так сильно, как утверждал Голдрик, тогда хотелось запомнить ее такой, как в Кивином детстве, до Залиндова, и чтобы ничто не омрачало эти воспоминания. Обо всем прочем можно было спросить Торелла, но тот каждую свободную секунду посвящал Эшлин. Они все танцевали друг вокруг друга, но всем было очевидно, к чему идет дело.

Кива радовалась за брата, пусть ее одинокое сердце болезненно сжималось всякий раз, когда она видела двух генералов вместе. В любом случае она старательно избегала смотреть на Джарена, даже в

те секунды, когда чувствовала на себе его взгляд, что случилось все чаще и чаще. Несмотря на ее намерение держаться от него подальше, он неоднократно пытался поймать ее, но каким-то чудом она всякий раз оказывалась чем-то занята или с кем-то разговаривала, так что поговорить не получалось. Становилось очевидно, что он не согласен с Кивиным желанием сохранять дистанцию, и его попытки пообщаться огорчали ее все сильнее. По ее мнению, они оба высказали все что нужно, и что бы Джарен ни намеревался ей сообщить, это лишь ухудшило бы ситуацию. Так что Кива из последних сил его сторонилась – как ради себя, так и ради него самого.

Наконец через четыре с половиной дня, проведенных в тесноте на судне, Голдрик сказал, что остаток пути до Лираса они могут долететь. Некоторое время ушло на то, чтобы собрать вещи и вывести на палубу лошадей, но как только все собрались, капитан Теми с командой вышли их проводить и сердечно распрощались, а потом Голдрик призвал ветер и поднял их с корабля.

Ветроворот снова оказался таким же неприятным, и когда они добрались, Кива поняла, что привыкшие к морской качке ноги не держат ее на твердой земле. Зефир, взбудораженный магией – а может, просто по своей буйной натуре, – клацнул в ее сторону зубами, так что она прикрикнула на него: «А ну тихо!», прежде чем осмотреться.

Если Эрса была сложена из темного песчаника посреди черной пустыни, то Лирас оказался совершенной ее противоположностью. Все здания здесь были светлыми и стекались к огромному, будто хрустальному дворцу. Столица лежала в низине, в окружении гор, вершины которых покрывало нечто вроде снеговых шапок. Но Кива знала, что это не лед: из всех королевств Вендерола только на территории Валорна имелись соляные горы. Эти драгоценные склоны, образовавшиеся в результате природных сдвигов минеральных пластов, славились тем, что несли смерть даже самым искусным скалолазам – здесь то и дело случались оползни и образовывались непроходимые и смертельно опасные расщелины.

Кива поежилась, глядя на горы, особенно на ту, что возвышалась над всеми прочими, – ее белая вершина устремлялась в небо подобно предупредительному сигналу, отваживающему глупцов.

– П-похоже на горы в-вокруг Залиндова, – нервно произнес Типп. Но потом посмотрел на город и пришел в восторг: – У них ч-что,

дворец изо л-льда? Почему не т-тает?

– Это не лед, дружок, – ответил Кэлдон. – Это очищенная соль, подсвеченная люминием. Как и большинство зданий в городе. Такого больше нигде не увидишь.

Лирас был без сомнения прекрасен, но сердце Кивы все равно принадлежало Валлени и ее золотому Речному дворцу. Что было тому причиной, сам город или правившие им люди, она раздумывать не стала.

Эшлин вышла вперед, ведя лошадь в поводу.

– Я сомневалась, имеет ли смысл и здесь искать общину аномалий, учитывая, как до сих пор нам не везло. Но здесь находится последнее поселение, о котором Навок упоминал при Голдрике, так что можно и рискнуть. К тому же мы довольно далеко от Мирравена – вдруг селяне решат, что могут говорить без опаски, особенно если признаемся, откуда мы?

Кива знала, что Валорн – один из самых надежных союзников Эвалона наряду с королевством Нерине на самом юге. Если есть шанс, что селяне доверятся жителям союзного королевства, то Эшлин права: стоит попытаться.

– Делимся так же, как в прошлый раз, – сообщила принцесса. – Мы с Эйдраном, Голдриком и Тором едем в деревню, а остальные – на встречу с королевой Иссой и леди Тишь.

– Что за леди Т-тишь? – спросил Типп.

– Советница Иссы, – ответила Эшлин.

Заметив озадаченные лица Типпа и Кивы, Джарен подошел ближе и пояснил:

– Мать Иссы умерла родами, а отец скоропостижно скончался несколько лет назад, оставив ее единственной наследницей. Но она еще слишком юна, так что Тишь выступает и наставницей, и советницей, утверждая все решения Иссы. Так или иначе, встретиться с ней придется.

– Еще нам не миновать встречи с толпой крайне любезных придворных, – сказал Кэлдон так, что Кива не поняла, радуется он этому или огорчается. – По правилам валорнского гостеприимства отказ – все равно оскорбление, так что, если вам что-нибудь предлагают, лучше соглашайтесь, нравится вам или нет.

Джарен заметил встревоженный взгляд Кивы и добавил:

– В разумных пределах.

Она кивнула и отодвинулась; он огорчился. Кива не стала обращать на это внимание – она все еще пыталась защитить их обоих – и спросила Голдрика:

– Уже темнеет. Далеко до общины аномалий?

– Дальше, чем до двух предыдущих. Но к сумеркам мы должны успеть.

Кива показала на тучи, зреющие над ближними утесами:

– Следите за погодой.

Торелл и Эйдран недовольно взглянули на небо, а Эшлин тихо выругалась и сказала:

– Я надеялась, что к ночи мы уже успеем к вам вернуться, но кажется, снова придется искать таверну.

Она перебросила светлые волосы через плечо и вздохнула.

– Видимо, встретимся здесь следующим утром.

Обсудив еще пару деталей, четыре охотника на аномалий сели на лошадей и уехали к перевалу. Кива с отрядом тоже отправились, но к городу. Как и у Эрсы, крепостной стены у Лираса не было – сами горы защищали город от потенциальных врагов, но отряд перехватил патруль и, как и в предыдущих городах, сопровождал их прямо во дворец.

Вблизи сочетание соли и люминия оказалось поистине уникальным, кристальные здания напоминали что-то неземное. Оставив лошадей на попечение слуг, Кива и ее друзья вошли внутрь, и там все выглядело как во сне: белые мраморные коридоры и витые колонны, устремляющиеся к полупрозрачному потолку, который усеивали бесчисленные люминиевые сферы.

Кива ничего не могла с собой поделаться и едва ли не глазела по сторонам, пока их вели по просторным коридорам, но, когда к ним направилась троица хихикающих придворных, чьи парадные наряды и безукоризненные прически напомнили ей о том, как она помята с дороги, ей удалось принять невозмутимый вид. Конечно, на корабле она хорошенько выстирала одежду и отмылась сама, но между блеском платьев этих женщин и ее собственной практичной кожаной одеждой все равно зияла пропасть.

Она мысленно встряхнулась, удивляясь, почему эта мысль вообще пришла ей в голову. Неважно, как она выглядит. Они с отрядом были в

одной лодке, хотя у Джарена и Кэлдона броня каким-то образом выглядела попримечнее, чем у остальных.

Особенно у Джарена.

«Перестань!» – одернула Кива себя, радуясь тому, что их эскорт отогнал придворных, не дав им даже близко подойти.

После долгого пути по бесконечным коридорам и лестницам из светлого камня стража привела их в удобную залу для аудиенций с бежевыми креслами перед впечатляющим письменным столом из белого дуба. За ним сидела девочка едва ли старше двенадцати, а темная кожа, буйные волосы и невероятно огромные глаза делали ее еще младше на вид. За ее спиной и чуть сбоку стояла строгая на первый взгляд женщина с седеющими волосами и квадратными очками на носу. Но враждебное выражение лица смягчилось, как только она увидела, кто прервал их занятия.

– Принц Деверик, какая нежданная радость! – сказала леди Тишь, широко улыбаясь. – И принц Кэлдон здесь. Как замечательно!

Кива попыталась расслышать ложь в ее голосе, но, кажется, она в самом деле была им рада.

– Джарен, тебя так давно не было! – воскликнула королева Исса, выбегая из-за стола, чтобы заключить Джарена в объятия, отчего Кива ни с того ни с сего вдруг заревновала.

– Ты что-то позеленела слегка, персик, – шепнул стоящий рядом Кэлдон. – Зависть тебе не к лицу.

Она сердито взглянула на него и получила в ответ тихий смешок. При этом звуке юная королева оторвалась от Джарена и бросилась к Кэлдону, что, к досаде Кивы, вовсе ее не задело. На самом деле ей показалось трогательным близкое знакомство Иссы с принцами. Но вот леди Тишь...

– Ваше Величество, не забывайте о манерах, – сказала женщина устало: кажется, ей слишком часто приходилось поднимать вопросы придворного этикета.

– Но это Джарен и Кэл! – едва не захныкала Исса. – Они мои друзья.

– У королев не бывает друзей, – ответила Тишь.

Исса крепче вцепилась в Кэлдона.

– У этой королевы – бывает! Особенно когда они такие красивые.

Типп хихикнул, и даже Киве пришлось прятать смех за кашлем. Стоило отдать ей должное: у юной королевы отличный вкус.

Заслышав смешок Типпа, Исса отпустила Кэлдона и осмотрела остальной отряд. Дольше всего ее темные глаза задержались на Типпе, и у того порозовели щеки.

– Ты кто? – спросила она.

Кива не совсем поняла, был ли вопрос обращен ко всем или только к Типпу. Он тоже неуверенно повернулся к Джарену за помощью.

– Наари ты уже знаешь, – сказал принц, и Исса радостно помахала рукой стражнице, – а рядом с ней Креста Восс, Типп Перидон и Кива Корентин.

Голова королевы повернулась к Киве.

– *Корентин?* То есть как...

– Она нам друг, – твердо сказал Джарен.

Его заявление всколыхнуло в Киве массу эмоций, но она от них отмахнулась, понимая, что Джарен просто старается спасти ее от немедленного заключения под стражу. Исса, союзница Эвалона, наверняка знала и о мятеже, и о том, потомок чьего рода стоит во главе этого мятежа.

– Любопытно, – тихо проговорила Исса, уже иначе глядя на Киву – взглядом не оживленного ребенка, а расчетливой королевы; в ее чертах проступила женщина, которой она станет в будущем.

– Может быть, стоит пригласить принца Деверика и его спутников присесть? – намекнула леди Тишь.

– Ой! Где мои манеры? – воскликнула Исса, подталкивая Кэлдона и Джарена вперед. – Прошу, устраивайтесь поудобнее.

Перед столом стояло всего четыре кресла, но ни Наари, ни Креста не захотели садиться, а замерли безмолвными стражами, пока все остальные рассаживались на бархатных сиденьях.

– Вечером вы просто *обязаны* со мной поужинать, – сообщила королева Исса, вернувшись к себе за стол. – Пообщаемся как следует. Но через пару минут у меня назначена другая встреча, так что, может быть, расскажете, зачем вы приехали? Мы несколько недель не получали вестей из Эвалона. Даже месяцев. Я так беспокоилась, что отправила посла проверить, все ли в порядке – ждем его обратно со

дня на день. Но полагаю, раз вы здесь, теперь его отчет мне не нужен. Я так рада, что...

Леди Тишь кашлянула, и Исса вспыхнула, осознав, что тараторит.

– Простите, – выдавила она, тут же поморщилась. – Стойте, мне нельзя так говорить. Королевы не извиняются. Но, эм... Простите.

Она вновь поморщилась, выпрямилась и сказала куда более официозным тоном:

– Прошу, поведайте, что привело вас к нам.

Кэддон, кажется, чуть не рассмеялся, но Джарен остался невозмутим; он ласково посмотрел на юную королеву, и та тут же расслабилась. Кива едва не вздохнула, увидев знакомый взгляд.

– Мы не помешаем вашей встрече, и для нас будет большой честью присоединиться к вам за ужином, благодарю вас, – сказал Джарен, хотя держался так скованно, что, заподозрила Кива, он бы с радостью отказался от подобных почестей. Повезло, что Исса еще ничего не знала о происходящем в Валлении: хоть переворот не придется обсуждать. – Что до цели нашего визита, я не уверен, успели ли ваш батюшка рассказать вам, но когда-то давно мой предок передал вашему на хранение одну вещь. Мы пришли забрать ее.

В отличие от Джарена, Кива не подумала о том, что из-за скоропостижной гибели родителей Исса могла ничего не знать о кольце, и встревожилась, когда та вопросительно обернулась к Тиши.

Но потом юная королева повернулась обратно к Джарену и спросила:

– Ты имеешь в виду кольцо Сараны?

Кива вздохнула с облегчением и заметила, что Кэддон с Джареном тоже слегка расслабились, будто с плеч убрали тяжесть.

– Да, – ответил Джарен, подаваясь вперед. – Оно у тебя?

Им столько пришлось пережить ради предыдущих двух колец, что теперь, пока они ждали ответа королевы, сердце у Кивы стучало как бешеное.

Исса вновь посмотрела на Тишь, кусая губу. По лицу советницы ничего нельзя было понять, но она одобрительно кивнула подопечной.

– В каком-то смысле, – медленно ответила Исса.

Выглядела она неуверенно, и у Кивы упало сердце.

Креста резко спросила через головы остальных:

– И что это значит?

– Просто... – Исса почесала нос, не глядя им в глаза. – Папа сказал, что по правилам кольцо нельзя отдавать просто так. А правила установила Сарана, когда отдавала нам кольцо.

Кэлдон застонал, и Кива чуть не застонала следом, вспоминая, что в Джиирве им сказали то же самое, а потом опоили и швырнули на арену.

Только Джарен не откликнулся на слова Иссы, лишь снова заметно напрягся.

– И что это за правила?

Исса умоляюще взглянула на леди Тишь, и советница вступила в разговор:

– Когда Сарана вверила кольцо предкам Иссы, она питала надежду, что однажды потомки Валлентисов и Корентинов перестанут враждовать.

Кива заерзала под взглядами Иссы и ее советницы.

– Таким образом, хоть кольцо и принадлежит роду Сараны, она постановила, что забрать его могут только Валлентис и Корентин, благожелательно настроенные друг к другу.

Кэлдон с облегчением рассмеялся, указал на Киву и произнес:

– Мы уже рассказали, она из Корентинов. И мы определенно настроены друг к другу благожелательно. Так что условие Сараны выполнено.

Леди Тишь подтолкнула королеву Иссу, та поерзала и ответила:

– Да, но дело в том... Когда я сказала «в каком-то смысле», я имела в виду, что я знаю, где кольцо, но отдать его не могу. Вам придется пойти туда и забрать его. Валлентису и Корентину. Вместе.

Кива застыла в ужасе, а Джарен спросил:

– *Куда* пойти?

В королевской зале для аудиенций имелось единственное окно, выходящее на погружающийся в сумерки город и гребень соляных гор за ним; в центре вздымалась над прочими самая высокая вершина.

Именно на эту гору и посмотрела Исса, тихо пискнув в ответ:

– Кольцо в пещере на вершине горы Небу. Сотни лет назад одна чародейка наложила защитное заклинание, чтобы только Валлентис вместе с Корентином смогли забрать кольцо с горы. Туда вам и нужно. Но только двоим, таковы правила Сараны.

Она глядела на них виновато, но Киве уже было не до этого. Она лихорадочно размышляла: из Корентинов в Лирасе сейчас была только она одна. Вот если бы Торелл остался, или Эшлин с Голдриком, которые могли перенести их на вершину... Но никого из них не было, так что она торопливо выпалила, пытаясь взять контроль над ситуацией:

– Со мной пойдет Кэлдон.

Он обернулся, вскинув брови, но тут заметил ее перепуганное, отчаянное выражение лица и медленно кивнул:

– Конечно. Захватим с собой перекус, будет весело.

Кива с благодарностью ему улыбнулась, изо всех сил стараясь не смотреть на Джарена. Ей незачем было спрашивать его мнения – вряд ли он горит желанием лезть вместе с ней в гору; в конце концов, ей и самой хотелось этого меньше всего на свете.

– Подъем опасен, – предупредила леди Тишь. – Сейчас уже поздно; если хотите успеть подняться и вернуться до ночи, выходить из города нужно до рассвета. А если погода переменится, придется искать убежище в пещерах и ждать, пока небо не прояснится.

– В горах погода переменчива, – сказала Исса; она явно была рада, что никто не собирается на нее ругаться. – Так что готовьтесь ко всему.

У Кивы вспотели ладони, пока королева и ее советница давали советы насчет дороги, вновь и вновь напоминая, как она опасна, и предлагали велеть слугам собрать припасы. Вскоре они распрощались, потому что подошло время следующей встречи, и явившаяся стража проводила Киву и ее друзей в личные покои, такие же красивые, как и остальной дворец. Лишь оставшись без посторонних, они взглянули друг на друга, все как один мрачные, – все, кроме Типпа.

Мечтательно вздохнув, он спросил у Кивы:

– К-как понять, что в-влюбился?

Кива совершенно неосознанно бросила взгляд на Джарена и обнаружила, что тот тоже на нее смотрит. На миг ей показалось, что его лицо потеплело, но она так перепугалась, что отвела взгляд и торопливо уставилась в окно. Над залитым закатным светом склоном горы Небу висели грозовые тучи, и она упала духом, так что обернулась к Типпу и выдавила:

– Давай-ка отложим эту беседу на потом.

Креста – храни ее боги – влезла с вопросом:

– Мы что, собираемся просто сидеть на заднице, пока эти двое, – она ткнула в Киву и Кэлдона, – прутся вон туда? – Она ткнула большим пальцем в окно как раз в тот миг, когда небо прорезала молния.

– Сдается мне, выбора у нас нет, – ответила Наари, и ее нефритовая сережка блеснула в свете люминиевых сфер.

– Я спокоен, – сказал Кэлдон, который и в самом деле совершенно расслабленно развалился на роскошной бежевой софе. – Уйдем задолго до того, как вы все проснетесь, а потом придем с кольцом – вы и заскучать не успеете.

Он подмигнул Киве, и от его уверенности стало спокойнее и ей самой.

Наари и Креста продолжали жаловаться, пока наконец не смирились с тем, что Сарана выдала кристально ясные инструкции и, если в защите кольца участвовала древняя чародейка, лучше их соблюдать. Пока шло обсуждение, Джарен молча глядел в окно, а Типп каждую пару минут мечтательно вздыхал – мыслями его, а может, и сердцем завладела юная королева. Кива сочла бы это ужасно милым, если бы не волновалась так сильно насчет грядущего.

Когда позвали к ужину, Кива вежливо отклонила приглашение Иссы, чтобы лечь пораньше – проснуться надо было до рассвета. Кэлдон так просто отказаться не смог, но заверил Киву, что не задержится допоздна, и сказал, что встретится с ней в гостиной в такой час, что она застонала. Потом она попрощалась и пожелала спокойной ночи друзьям, попросила Кресту и Наари приглядывать за Типпом. Джарену Кива лишь пообещала, не сводя взгляда с его плеча, сделать все, чтобы вернуть кольцо. Не дожидаясь ответа, она улизнула в одну из спален и торопливо задернула шторы, чтобы не смотреть на хлещущий над городом ливень и свирепые горы за ним.

Выбросив из головы все мысли, Кива улеглась в кровать; она беспокоилась, что не заснет, но каким-то чудом сразу отключилась и проснулась свежей и готовой к новому дню. Она быстро оделась и, не удержавшись, выглянула в окно, но почти ничего не увидела, кроме освещенных люминием городских улиц – солнце еще даже не собиралось подниматься над вершинами гор. По крайней мере, дождь перестал, и она вознесла благодарственную молитву богам, готовым ее выслушать.

Эта молитва застыла на языке, когда она вошла в гостиную. Потому что там ее ждал не Кэлдон.

А Джарен.

Кива остановилась как вкопанная.

– Что ты тут делаешь?

– Кэл перебрал за ужином, – ответил Джарен, проверяя рюкзаки, собранные слугами. – Проспит еще несколько часов и весь день будет ни на что не годен.

Кива с колотящимся сердцем воззрилась в сторону спальни, которую занял Кэлдон, гадая, не поможет ли ее магия избавить этого дурака и от похмелья, и от недосыпа. Но решила, что лучше не надеяться. Она чудовищно на него злилась: как он мог так с ней поступить?

– Может, лучше подождать до завтра, – сказала она непривычно высоким голосом. – Там уже и Тор с остальными вернутся. Может, он...

Она умолкла, потому что Джарен быстро направился к ней. В голову пришла мысль убежать и спрятаться в комнате, но она осталась на месте, окаменев, когда он подошел достаточно близко и надел лямку рюкзака сперва ей на левое плечо, потом на правое, а затем надежно все подтянул – осторожно, но уверенно.

Кива едва дышала. Он был так близко, что она чувствовала тепло его тела, видела его лицо прямо перед собой, пока он осматривал результат.

Лишь убедившись, что все в порядке, он отошел и сказал:

– Дорога длинная. Пошли.

Он развернулся к выходу, не дав ей возможности возразить.

Она бы и не смогла, слишком ошарашенная его нежностью, и молча пошла вслед за ним к двери.

Глава двадцать шестая

Первые несколько часов похода прошли, к счастью, без приключений.

Путешествие началось с выезда из сонного города; иссиня-черное небо уже светлело, когда они достигли подножия холмов. Они не разговаривали, и Кива немного расслабилась, представляя, что с ней Кэлдон – всего-то и надо было не смотреть в сторону Джарена.

К моменту, когда они достигли подножия горы Небу и обнаружили хорошую тропку, по которой могли проделать добрую треть пути верхом, она почти успокоилась. Деревья постепенно редели, а почва становилась неустойчивой: чем выше они поднимались, тем глубже в камень уходила ненадежная соль. Королева Исса и леди Тишь предупреждали, что нужно смотреть под ноги, а еще рассказали, как добраться до укромной пещеры козопасов, полной сена и соломы – там можно было уютно устроить лошадей и забрать их на обратном пути.

Оставив Зефира и Дымку, Кива и Джарен пошли пешком. Небо теперь было нежно-розовое, безоблачное, но подниматься им предстояло еще несколько часов. Кива старалась не думать о перемене погоды, вместо этого шаг за шагом переставляя ноги. Без тяжелого Зефира гора под ней не осыпалась, но камней тут было предостаточно, и приходилось внимательно смотреть вниз, чтобы не споткнуться. У Джарена не было дара исцеления, и, если она подвернет лодыжку, ему придется нести ее на руках, а это последнее, чего она хотела.

Склон становился все круче, у Кивы началась одышка, дышать на такой высоте было все тяжелее. Они еще не вышли за границу леса; Кива то и дело замечала пещеры на склоне и вспоминала, что им, возможно, придется спешно искать убежище от непогоды. Но пока что все шло неплохо, и Кива надеялась, что они доберутся до вершины и вернутся как можно быстрее.

– Давай сделаем привал, – впервые за несколько часов заговорил Джарен, когда деревья вокруг поредели.

Кива согласилась и уселась на землю, со стоном опустила рюкзак и размяла затекшие плечи.

– Как тебе дорога? – спросил Джарен и достал из рюкзака бурдюк с водой и мешочек с орехами и ягодами.

У Кивы заурчало в животе, и она порылась у себя в припасах, пока не нашла то же самое.

– Тяжеловато, но не смертельно, – ответила она. Вежливая беседа ни о чем, просто два посторонних человека перебрасываются парой слов – она справится. На самом деле, сейчас она чувствовала себя рядом с ним не так ужасно: все силы уходили на подъем, и на беспокойство энергии уже не оставалось.

– А ты как?

– Так же, – ответил Джарен.

Учитывая его физическую подготовку, Кива сомневалась, что он сказал правду. Уж он-то вовсе не задыхался, и она подозревала, что привал он предложил только ради нее. Но за предусмотрительность она возблагодарила его только мысленно – ей хотелось вернуться к обоюдному свойскому молчанию.

Понимая, что скоро деревья закончатся, а с ними и возможность найти укромное местечко, оба не забыли облегчиться перед тем, как продолжить восхождение; склон был так крут, что бедра горели, а тропинка исчезла вместе с деревьями. Вскоре остались лишь зазубренные валуны и острые скалы, которые приходилось осторожно обходить, а зачастую и перелезать. Джарен не раз протягивал руку Киве, чтобы помочь, и каждый раз она чувствовала жжение от его прикосновения еще долго после того, как он выпускал ее ладонь.

Солнце было уже высоко в небе, когда серые осадочные породы сменились белой солью: похоже, до вершины оставалось всего ничего. Подъем стал куда тяжелее, им приходилось отдыхать все чаще, но ветер выше границы леса был такой ледяной, что они останавливались лишь на пару минут, делали пару глотков воды, перекусывали, а потом отправлялись дальше.

Как раз после одного из таких привалов они наткнулись на первую расщелину: просоленная земля раскололась надвое, и трещина уходила вдаль, насколько хватало глаз, будто кто-то взял меч и прорезал гору. Кива замерла, в венах вскипел адреналин, стоило только заглянуть за край трещины. Дна она не увидела, и по позвоночнику пробежал холодок. Сразу вспомнилось, где она и чем опасен этот путь.

– Придется прыгать, – сказал Джарен, тоже заглядывая в разлом.

Кива сглотнула, еще разок посмотрела по сторонам, ища конец расщелины, но увидела только жуткую зазубренную линию в обоих направлениях.

– Эй, – окликнул Джарен, заметив ее страх, и протянул руку. – Тут всего метр-полтора. Прыгнем вместе.

Кива онемела и уставилась на сплетение их пальцев, не справляясь с эмоциями. Торопливо отдернула руку и проговорила:

– Иди первый. Я за тобой.

Джарен всмотрелся в нее, наверняка заметив, что ей стало еще страшнее, и теперь виной тому была не только гора. Медленно кивнул и сказал:

– Лучше прыгай с разбега – на всякий случай. Вот так.

Он отошел на несколько шагов назад, разбежался, легко перемахнул через провал и ловко приземлился на другой стороне.

– Твоя очередь!

Кива не стала раздумывать, понимая, что если начнет, то уже ни на что не решится. Вместо этого она попятилась и бросилась вперед, оттолкнулась от твердой белой соли и перелетела через разлом. На другой стороне она запнулась, рюкзак перевесил, и на миг ее охватил парализующий страх: она начала падать в расщелину. Но тут подоспел Джарен, подхватил ее и оттащил от края; сердце у нее бешено колотилось, ноги тряслись, и она прижималась к Джарену, не в силах пошевелиться.

– Все хорошо? – тихо спросил он.

Она не сразу нашлась с ответом – частично из-за случившегося, но еще и потому, что он до сих пор ее не выпустил. Каким-то чудом она смогла собраться с силами и отошла, дрожащей рукой заправила волосы за уши, кивнула и хрипло ответила:

– Спасибо.

Дрожь унялась не сразу и возвращалась с каждой новой обнаруженной расщелиной. Эти рваные полосы прорезали гору пугающе часто, и чем выше они поднимались, тем больше их становилось. Некоторые удавалось обойти, но другие, как и первую, приходилось перепрыгивать; теперь Кива не забывала про рюкзак и прыгала подальше, чтобы снова не попасть по случайности в объятия Джарена.

Скоро ее страх расщелин уступил место тревоге насчет погоды, потому что начали собираться тучи. И она, и Джарен то и дело с опаской поглядывали на небо, и когда первая капля дождя упала Киве на щеку, она поняла, что самое время заняться поисками убежища.

Но тут она увидела ее – нужную пещеру на вершине горы.

Джарен тоже ее увидел и с широкой улыбкой обернулся к Киве – такой радостный, такой беззаботный, что она остановилась как вкопанная.

И тогда земля под ногами дрогнула.

Киве показалось, что она стоит на спине громадного просыпающегося зверя: соль поехала, земля растрескалась, могучий рев пронесся по всему хребту. Захотелось зажать уши, но она не могла: пыталась удержать равновесие; машинально Кива потянулась к Джарену, и их руки встретились как раз в тот момент, когда гора раскололась надвое...

Прямо у них под ногами.

Кива в ужасе взвизгнула, попятилась, увлекая за собой Джарена, но соль под ним крошилась и ползла, и на вершине распахнулась свирепым зевом расщелина.

И он провалился в нее.

– Нет! – завопила Кива, когда он рухнул вниз. Под его тяжестью она упала на живот и опасно повисла на краю, изо всех сил вцепившись в его ладонь. Она протянула свободную руку, чтобы подхватить его покрепче, но Джарен был слишком тяжел и тянул ее вниз, и она с безграничным ужасом поняла, что сама его не вытащит. – Помоги мне! – закричала она.

Но он уже выбросил вверх левую руку, до побелевших костяшек ухватился за край и подтянулся к краю расщелины. Кива помогала, изо всех сил таща его наверх.

А потом он внезапно оказался снаружи, они по инерции покатались назад, и он приземлился сверху; тяжело дыша, они лежали, не в силах пошевелиться.

Кива не знала, кого колотит сильнее. Она машинально обняла Джарена, сердце стучало так, что она почти не слышала собственное сбившееся дыхание. Глаза щипало от слез – она никак не могла справиться с испугом, как и не могла выпустить Джарена, хотя понимала, что надо.

Она не знала, сколько времени прошло, прежде чем он смог приподняться на локтях и удивленно посмотреть на нее.

– Ты меня спасла.

Придя в чувство, Кива толкнула его в грудь, но он не пошевелился.

– Ты кучу раз меня спасал, – слабо возразила она. Накрапывал дождь, Кива чувствовала, как тихое «кап-кап-кап» стучит по лицу, смешиваясь со слезами.

Джарен шевельнулся, но лишь для того, чтобы коснуться ладонью ее щеки, нежно провести пальцами по дорожкам ее испуганных слез, и ее пробрало невольной дрожью.

– Почему ты плачешь?

Кива снова толкнула его в грудь, запаниковав уже по другой причине.

– Слезь, пожалуйста.

Он не шелохнулся.

– Кива, почему ты плачешь?

– А ты как думаешь? – с нарастающим раздражением ответила она. Злость – это хорошо. Если она злится, значит, одолевшие ее чувства отходят на задний план. – Ты только что на моих глазах провалился под гору! Чуть не умер!

– И это тебя огорчает?

Кива изумленно уставилась на него, а потом пихнула изо всей силы и, сумев выползти из-под него, вскочила на ноги. Спину прострелило болью – она упала на рюкзак, но не обратила на это внимания, свирепо глядя на поднимающегося Джарена. От нового разлома они оба старались держаться подальше – гора успокоилась, но Киве по-прежнему казалось, что все вокруг ходит ходуном.

– Ты серьезно сейчас? – прошипела она, вытирая лицо, и покосилась на небо – дождь усиливался. Далекие раскаты грома напомнили, что лучше бы поспешить в пещеру, пока дело не дошло до молний, но она не могла пошевелиться – ждала ответа Джарена.

– Да, – ответил он, твердо глядя ей в глаза. – Ты меня избегаешь. Я понятия не имею, что у тебя на душе. Так что серьезно.

В отличие от Кивы, он уже справился с дрожью, будто разом позабыв о случившемся, и не сводил с нее глаз.

С нарастающей яростью Кива подалась вперед:

– Я избегаю тебя, потому что ты сам этого захотел!

– Я несколько дней пытался поговорить с тобой, ты же знаешь. Но так и не смог, к своей досаде, – возразил Джарен, и его спокойный тон противоречил сказанному. – Ты избегаешь меня, потому что боишься.

Кива свирепо взглянула на него:

– Не боюсь!

– Боишься. Ты несколько недель даже взглянуть на меня не могла.

Кива всплеснула руками; после всего случившегося она уже не находила в себе сил следить за словами.

– Да это ты на меня не смотрел! Ты сказал, что не хочешь иметь со мной ничего общего, вот я и послушалась!

– Я солгал.

Всего два слова заставили Киву замереть, а злость обратилась полной тишиной. Она всматривалась в его честное, открытое лицо. Потом запаниковала, твердо покачала головой, попятилась; сердце снова заколотилось.

– Неправда. Ты просто запутался. Ты... Ты меня ненавидишь.

Боль – сильная, несомненная боль – мелькнула на лице Джарена. Он медленно прикрыл глаза, а когда открыл снова, боль из взгляда никуда не делась.

– Я никогда не смог бы тебя возненавидеть, Кива.

Она вновь непреклонно покачала головой, ничего не желая слышать.

– Но ты ненавидишь. И это... Это правильно. Незачем притворяться, что это не так. После всего, что я сделала...

– И что же ты сделала? – спросил Джарен, делая шаг вперед.

Кива собралась ответить, но растеряла все слова. Он же точно знал, что именно она сделала.

– Я... Зулика... Тот вечер...

Джарен склонил голову набок.

– Ты отдала сестре амулет?

Кива подпрыгнула, и теперь уже ей пришлось прикрыть глаза, чтобы вспомнить опустошенное лицо Джарена и всю ложь, которую вывалила на нее сестра в Речной гостиной.

– Нет, – ответила она севшим голосом. – Я даже не знала, что она украла его. Но...

– Ты рассказывала ей о моем даре, о том, что мне подвластны все четыре стихии? – перебил ее Джарен, делая еще шаг вперед.

Кива попятилась, но недалеко – расщелина оказалась слишком близко.

– Я...

– Рассказывала? – настаивал он.

– Нет, – повторила она. Он доверил ей свою тайну, и она никому ее не выдала, как и обещала.

– Ты помогала выкрасть Книгу Закона?

Кива обхватила себя руками, вспоминая, как Типпа обвинили в том, что сделала ее сестра.

– Нет, – выдавила она.

Он подошел еще на шаг и мягко спросил:

– Ты отдала ей кинжал?

На этот раз Кива сумела лишь прошептать, дрожа:

– Конечно нет. Я понятия не имела, что он собой представляет и на что способен. Я не хотела, чтобы... – голос сорвался, и она не смогла договорить.

Но ей и не пришлось, потому что Джарен встал прямо перед ней и спросил – тоже шепотом:

– Так почему тогда ты винишь себя за случившееся?

Кива не в силах была взглянуть в его нежные понимающие глаза. Это просто шок, Джарен ведь чуть не погиб. Когда потрясение схлынет, он вспомнит все, что она натворила, вспомнит, кто она такая, и этого ее сердце не выдержит. Дрожащими губами она произнесла:

– Я рассказала ей о Королевской Триаде. Ты потерял из-за меня *все*.

– Зулике дела не было до Королевской Триады, – ответил Джарен. – Ты же слышала ее в тот вечер: она и раньше планировала заполучить Око, чтобы вонзить его в меня. Только затем оно ей и нужно было. И она сама признала, что много лет планировала захватить Эвалон, даже не зная о Триаде. Рассказав о ней, ты лишь дала Зулике повод ускорить атаку.

– А еще я дала ей средство для этой атаки. Все, что она сделала...

– ...сделала она лично, – твердо перебил Джарен. – Ты не отвечаешь за поступки Зулики. Не отвечаешь за ее решения. Твоя сестра убила бы меня тем вечером, если бы не ты. Ты спасла мою

жизнь. Почему ты продолжаешь считать себя главным злодеем этой истории?

Его вопрос эхом звенел в ушах Кивы, но она все равно покачала головой; слезы застилали глаза. Ей нечего было сказать, но Джарен еще не закончил. Он коснулся пальцами ее подбородка, поднимая ей голову, пока Киве ничего не оставалось, кроме как посмотреть ему в глаза, и тихо и чувственно спросил, твердо глядя на нее:

– Когда же ты поймешь, что я не виню тебя за случившееся?

– Вiniшь, – просипела Кива. Она не могла позволить ему забыть. – Вiniшь и на это имеешь право.

– Я злился, – тихо сказал Джарен. – Мне было больно. А проще всего было злиться на тебя. Я ошибался и за это прошу прощения. Но в пустыне я сказал тебе неправду. А то, что ты говорила под ангельской пылью...

На этот раз голос сорвался у него, и он прошептал, очарованно глядя на нее:

– Я не мог ненавидеть тебя даже в самые черные дни. Когда я услышал твои слова, когда узнал, что тебе не хотелось жить... – на лицо вернулось затравленное выражение, – меня будто снова ударили в сердце.

Даже понимая, что он говорит правду, Кива слишком боялась ему поверить.

– Но я соврала тебе, – прошептала она; слезы текли ручьем, смешиваясь с каплями дождя, который лил все сильнее. – Ты сказал... Ты сказал, что полюбил обманку.

Джарен придвинулся, и теперь она не видела ничего, кроме него.

– Я в самом деле полюбил обманку, но этой обманкой оказалась *ты*. Я полюбил *тебя*, Кива. И люблю до сих пор. Любил раньше и люблю сейчас, только теперь я знаю, какая ты на самом деле.

Кива не могла слушать, ей было слишком больно.

– Пожалуйста, не надо...

Она подняла руку, чтобы отстранить его, чтобы напомнить, что он ошибается; она искала защиты от опасной надежды, расцветающей внутри, как цветок в лучах солнца. Но Джарен стоял слишком близко; он взял ее за руку, прижал к своей груди, и его сильная ладонь накрыла ее пальцы.

– Я никогда не сердился, что ты солгала мне, – мягко произнес Джарен. – Я сердился, что ты не сумела мне довериться и рассказать правду.

Он не сводил с нее взгляда, и все его чувства были как на ладони.

– Кэлдон все про тебя знал и все равно любил. Мне ты такого шанса не дала. После всего, через что мы прошли, ты все равно не доверяла мне. Вот что меня расстраивало. Не то, что было не в твоей власти, даже не твои собственные ошибки. А то, что ты так и не доверилась мне. Я отдал тебе все и думал, что это взаимно, но все это время я даже не знал, кто ты такая.

Кива слушала его признание, и земля у нее под ногами вновь дрогнула, но на этот раз виной тому была не гора. Она поняла, что предстоит сделать выбор. Можно и дальше убегать от Джарена, беречь сердечко от уже знакомой боли. А можно доверить Джарену то же самое, что доверил ей он: правду, какой бы кривой и путаной она ни была.

Нервно вздохнув, Кива решилась:

– Ты знал, кто я.

Она говорила так сдавленно, что он лишь чудом расслышал ее. Кива опустила взгляд на его ладонь, лежащую поверх ее, и заставила себя продолжить:

– Ты знал меня лучше, чем я сама себя. Я десять лет была мертва, а ты вдохнул в меня жизнь. Спас. Освободил. Создал меня. Доверил мне себя, поделился семьей, королевством, всей жизнью, *собственным сердцем* – и это дало мне силы проложить путь.

Слезы покатались еще сильнее, когда она вынудила себя посмотреть в его полные чувства глаза и продолжила:

– Ты прав, нужно было рассказать тебе о себе. Но я не рассказала не потому, что не доверяла. Тебе невозможно не доверять. Просто... Я думала, что, если все расскажу, расскажу, как разрываюсь между своей и твоей семьей... – голос сорвался, и она просипела: – Я боялась потерять тебя.

Взгляд Джарена практически прожигал ее, но она не отвернулась, а, отбросив остатки страха, договорила:

– Ты помог мне понять, чего я хочу, просто потому, что ты это ты. Ты дал мне силы сказать «нет» сестре и ее повстанцам. – Дрожа всем

телом, она смогла договорить: – Я выбрала тебя, Джарен. И всегда выберу тебя. Потому что я люблю тебя и...

Кива не успела договорить – губы Джарена прижались к ее губам, и она проглотила остаток фразы.

Она удивленно пискнула, но тут до нее дошло, что происходит, и она отчаянно вцепилась в него так же крепко, как он в нее.

Этот поцелуй не был нежен, он был полон ярости и силы, полон всего, что они подавляли многие недели и месяцы. Кива обняла Джарена за талию, пропустив руку под рюкзаком, а другую запустила во влажные от дождя волосы, притягивая его к себе. Не сдержавшись, всхлипнула, когда они прервались набрать воздуха – ее переполняли чувства, но тут он вновь поцеловал ее, язык проник в ее рот, и она застонала, не размыкая объятий. Колени подогнулись, и Джарен подхватил ее, еще углубляя поцелуй. Его стон скользнул по ее горлу, и Киву пробрало до мурашек. В животе разлилось тепло, жар пробежал по коже, тело оживало под его ладонями. Она не хотела его отпускать, даже не знала, сможет ли...

Но тут в пелену их страсти ворвался громогласный раскат грома. Оба посмотрели на небо – они не заметили, как хлынул ливень, как вода намочила одежду и теперь стекала на каменную соль у них под ногами.

Кива тяжело дышала; одна рука оставалась в спутанных волосах Джарена, другой она вцепилась в его талию так, будто от этого зависела ее жизнь. Она ошалело уставилась на него и увидела в его глазах то же самое выражение, и он смотрел на нее в ответ так, будто... будто...

– Ты и правда не злишься на меня, да? – робко шепнула она.

Он тихо рассмеялся, так легко, что у Кивы на глазах вновь выступили слезы, а зияющая дыра в сердце начала бесследно зарастать.

– Нет, родная, – прошептал он в ответ, губами собирая слезы с ее щек. И добавил, не отстраняясь: – Правда не злюсь.

Она ничего не смогла с собой поделаться – разревелась прямо в его объятиях, плечи вздрагивали, грудь вздымалась, пока вся боль волнами изливалась из нее, оставляя после себя только чистоту. Она чувствовала, что Джарен успокаивающе поглаживает ее по спине, шепчет что-то утешающее на ушко. Но ей хотелось другого. Выдохнув

его имя, она подняла голову, и он сразу понял, вновь прижался к ней губами – нежный, любящий, настоящий, каким он и был всегда.

– Прости меня, – проговорила она ему в губы. Ей нужно было высказать это вслух, дать ему понять, что она говорит от чистого сердца. – Пожалуйста, прости.

– Хватит извиняться, – прошептал он в ответ.

– Но я...

Он сцеловал с ее губ возражения, заставляя забыть, что она собиралась сказать, заставляя забыть собственное имя. Его радость, его прощение, его любовь – больше Кива ничего не помнила, сердце было до боли полно, и боль эта была прекрасной, идеальной, бесконечной.

Но тут раздался следующий раскат грома, за ним – вспышка молнии, и они оба поняли, что оставаться дальше снаружи опасно.

Разрумянившийся Джарен оторвался от нее, тяжело дыша, с распаленным взглядом, подернутым пеленой. Но он собрался быстрее, чем Кива, взял ее за руку и сказал:

– Надо добраться до пещеры.

Кива восхитилась его прикосновением, легким, охотным, едва смея поверить, что все это правда. Но потом посмотрела на него и правда взглянула на нее в ответ, несомненная и зримая.

Он не злился на нее. Не винил ее.

Он ее любил.

Как и сказал.

– Правда, мне бы очень хотелось продолжить... – хрипло сказал Джарен, и глаза его потемнели, когда он посмотрел на ее губы. – И поверь мне, очень, очень бы хотелось...

Гром вновь разорвал небеса, и молния сверкнула уже ближе.

– Но тут мы просто мишени, – закончила за Джарена Кива, которую не нужно было упрашивать. Потребовались колоссальные усилия, но она все-таки смогла на время обо всем забыть и подтолкнула его вперед как раз в тот момент, когда небеса разверзлись и дождь хлынул стеной; стало ничего не видно и не слышно, даже собственных мыслей.

Они слепо бежали прочь от расщелины, поскользываясь и спотыкаясь там, где соляная вершина поросла тонким слоем мха, который стал скользким от дождя. Каким-то чудом они все же не

упали, с каждым шагом приближаясь к пещере, пока вокруг все сильнее сверкали молнии.

Но в кои-то веки они добрались и влетели под каменные своды, и как раз вовремя – молния ударила в гору так близко, что Кива ощутила статическое напряжение и зажала руками уши при оглушительном раскате грома.

– Близковато, – проговорил, тяжело дыша, Джарен.

Кива не смогла ответить: она отчаянно втягивала воздух в легкие.

Наконец перестав пыхтеть, она откинула волосы с лица и, грустно посмотрев на текущую с нее воду, заключила очевидное:

– Я выгляжу как мокрая крыса.

Джарен улыбнулся:

– Самую малость.

Он, разумеется, ухитрился смотреться так же безупречно, как и всегда, пусть даже с него натекло воды с хорошую речку. Все это чудовищно несправедливо, подумала Кива, корча ему рожу.

Джарен хохотнул и обнял ее, и выражение его глаз говорило, что ему совершенно безразлично, насколько они вымокли, и даже то, что они наконец добрались до цели. Кива понимала, что нужно поискать кольцо, но снаружи бушевала гроза, так что уйти сразу все равно бы не получилось. Время было. Можно было воспользоваться моментом и насладиться обществом друг друга, можно было...

Мысли оборвались, когда она увидела кровь на его руке.

– Что случилось? – спросила она, беря его руку и поворачиваясь к выходу из пещеры в поисках света, чтобы осмотреть рану.

– Ерунда. Край расщелины оказался острым, вот и все.

Кива вспомнила, как он подтягивался, помогая ей, – ему все это время было больно, а она даже не заметила.

Теперь она смотрела на Джарена и раздумывала над еще одним выбором. Этот должен быть проще, учитывая все, что выпало на их долю, и все их признания. Но Кива все равно волновалась, когда посмотрела ему в глаза и призвала магию; золотое свечение сразу откликнулось, осветило пещеру и мягко перетекло от нее в него.

Хотелось отвернуться – Кива боялась того, что могла прочесть на его лице. Это было иррационально: он знал, что она владеет целительским даром, несколько недель наблюдал за ее тренировками.

Даже помогал ей. Но исцелять его впервые с той ночи, когда она спасла ему жизнь... Все равно что признать, кто она на самом деле.

Корентин.

Некогда – его кровный враг, а теперь – предательница собственной семьи.

Она не представляла, как он отреагирует, не осознает ли вдруг то, чего она боялась все это время: что у них нет будущего, что слишком много обстоятельств против.

Но случилось не это.

Вместо этого Джарен коснулся ее щеки свободной рукой; золотое свечение ореолом окутывало их обоих, и он прошептал единственное слово:

– Красота...

Кива закрыла глаза и качнулась к нему, не в силах вынести груз эмоций. Почувствовала, как он коснулся ее лба нежным, ласковым поцелуем, как угасает магия, потому что рана полностью залечена. Лишь потом она открыла глаза и увидела на его лице сияние чистой любви.

– Такая красота... – вновь прошептал он. Но на этот раз золотого света не было. Теперь он говорил уже не о магии, а о ней самой.

С лаской во взгляде он наблюдал, как она это осознает и как у нее внутри все устаканивается, а последние осколки души склеиваются воедино, исцеленные другой магией, доступной лишь ему. Она тихо вздохнула и подалась вперед, спрятала лицо у него на груди и просто стояла, прижимаясь к нему, пока снаружи бушевала гроза, и никому из них ничего больше не было нужно – лишь простое душевное объятие в утешение после долгой разлуки.

Они долго стояли не шелохнувшись – так долго, что гроза утихла, а дождь ослабел, хотя спускаться пока еще не стоило.

Но Кива все равно оторвалась от Джарена и предложила:

– Может, поищем кольцо?

Джарен со вздохом кивнул, выпустил ее из объятий, но не отошел далеко, и они вместе отправились вглубь пещеры, вглядываясь во тьму.

– Тебе, случайно, не попадались в рюкзаках люминиевые фонарики? – спросила Кива, потому что чем дальше они отходили, тем меньше оставалось света.

– Не заметил, – ответил Джарен. И поддел ее: – Вот было бы здорово, если бы кто-нибудь из нас мог призывать золотой свет!

Вспыхнув, Кива немедленно воззвала к дару, игнорируя тихий смех Джарена, и вытянула руку, освещая пространство перед собой.

Пещера оказалась неглубока, и, если бы не гроза, им бы даже Кивина магия не понадобилась, зато теперь они могли не спотыкаться на неровном полу, пока шли к дальней стене. Там на уровне пояса обнаружилась ниша, в середине которой, поблескивая изумрудом в свете магии Кивы, покоилось земляное кольцо Сараны.

У Кивы побежали мурашки, когда она заметила неестественное голубоватое свечение в нише и вспомнила о древней чародейке, которая наложила охранные чары. Навоку ни за что не удалось бы выкрасть это кольцо без Валлентиса и Корентина вместе. Но это было и неважно. Все равно лучше собрать все четыре кольца. А еще теперь, когда Кива с Джареном вновь стали... *Кивой с Джареном*... она по-прежнему хотела вернуть ему силы. И по-прежнему считала это своей главной целью, пусть даже его прощение она уже заслужила.

– Так что, просто... забираем? – спросила Кива, с сомнением разглядывая голубое свечение.

Джарен взял ее за руку.

– Есть только один путь проверить.

Они одновременно протянули руки, пальцы без сопротивления прошли в нишу и забрали кольцо.

Кива нервно поерзала в ожидании, что сработает какая-нибудь ловушка, или проклятие, или что-нибудь столь же неприятное. Но ничего не случилось.

– Так просто, – заметил Джарен, и в его голосе звучало такое же облегчение, что испытывала и она сама.

Но Кива все равно фыркнула.

– Ну да, если не считать подъем, расщелины, грозу и то, что мы несколько раз чуть не умерли, – и это не говоря об эмоциональной драме.

Уголки губ Джарена поползли вверх.

– Эмоциональная драма?

Кива помахала рукой между ними.

– А как это назвать?

Он развеселился.

– Я не думал, что нужно как-то называть. Но что насчет «Тот раз на горе, когда ты наконец-то...»

Кива зажала ему рот ладонью.

– Ты прав, никаких названий.

Он поцеловал ее в ладонь со смехом в глазах. У нее внутри забурлило тепло, и она мягко, мечтательно вздохнула.

Но потом собралась и сказала:

– Воняет тут страшно. Давай найдем место поуютнее и посвежее и подождем, пока кончится дождь.

Они вернулись ко входу в пещеру и сбросили промокшие рюкзаки, а потом уселись, прислонившись спинами к каменной стене. Кива, конечно же, прильнула к Джарену, он обнял ее, и они долго сидели, глядя на дождь в уютном молчании.

Но потом, разумеется, она посмотрела на него и увидела, что он уже глядит на нее в ответ, и то ли он подался вперед, то ли она, но их губы вновь встретились. В этот раз поцелуй не был безумным – они медленно исследовали друг друга, нежно и сладко. Им некуда было спешить, и по негласному согласию они держали себя в руках, не желая торопить события, тем более в зловонной пещере на вершине горы. Теперь у них было время, впереди лежало целое будущее.

При этой мысли Кива вновь мечтательно вздохнула и уложила голову на грудь Джарена, который крепко прижимал ее к себе.

– О чем думаешь? – тихо спросил он.

– О всяком хорошем, – ответила она таким же мечтательным голосом.

Тело Джарена под ней содрогнулось от смеха.

– А конкретно?

Кива не видела причин ничего скрывать от него после всего, что им выпало за день.

– Просто думала о будущем. Нашем будущем.

Он удовлетворенно хмыкнул.

– И что ты в нем видишь?

Кива поцеловала его в грудь над сердцем и повторила:

– Всякое хорошее.

На этот раз он хохотнул вслух. Но потом посерьезнел и сказал с сомнением:

– Ты как-то упомянула, что мечтала учиться в Серебряном Шипе. Это... ты говорила всерьез?

Кива закрыла глаза, осознав, что пусть он и простил ее, над доверием им все равно придется поработать. Она прижалась к нему теснее и тихо ответила:

– Я скрывала только свою семью и дар, все остальное было правдой. Так что да, в идеальном мире, где нет ни Зулики, ни Навока, где ты не терял дар и королевство, где вокруг ромашки и милота... в этом мире Серебряный Шип – часть моей мечты.

– Часть? – переспросил Джарен.

Кива закатила глаза, поняв, о чем он спрашивает на самом деле, но с другой стороны – она была ему благодарна, что он больше в ней не сомневается.

– Может быть, и для тебя там найдется местечко. Не знаю.

Он тихо рассмеялся и поцеловал ее в макушку.

– Рад это слышать, учитывая, что ты тожеходишь в мои мечты о будущем. Думаю, нам обоим было бы неудобно, если бы в твои входил кто-то другой.

Кива хихикнула и обняла его еще крепче; сердце разрывалось от чувств.

– Кажется, мы оба знаем, что соперников тут быть не может.

Джарен вновь удовлетворенно хмыкнул, но потом сказал серьезным тоном:

– Кстати о будущем... Наверное, нужно обсудить Зулику.

Кива замерла:

– Что обсудить?

Сомнение в его голос вернулось, но уже по другой причине:

– Тильда... Голдрик... Все твердят, что тебе придется сразиться с Зуликой, что только ты на это способна. Даже я сказал, что рассчитываю на то же, но моим словам не стоило верить, как и всему, что я наговорил тебе в пустыне. С моей стороны непростительно взваливать это на тебя.

Кива нахмурилась:

– О чем ты?

Джарен тихо произнес:

– Она же твоя сестра.

Он ничего больше не добавил, и Кива ответила:

– Я в курсе. Что не так?

Джарен поерзал под ней и наконец сказал, тщательно подбирая слова:

– У тебя из родных остались только Тор и Зулика. Если не хочешь с ней сражаться, если не можешь даже представить, как обратиться против нее свой дар... Я пойму. Все поймут. Никто из нас не станет тебя принуждать. Найдем другой способ.

С каждым словом, что срывалось с его губ, Кива напрягалась все сильнее – а потом расслабилась.

– Спасибо, что сказал, – хрипловато ответила она. – Для меня это много значит.

Джарен тоже расслабился.

– Мы что-нибудь придумаем, – заверил он ее, целуя в лоб. В нем не было ни следа злости, обиды или разочарования, лишь полное понимание.

Но Кива покачала головой: она не договорила.

– Для меня это много значит, – повторила она, – но Зулику необходимо остановить. А если мама считала, что только я справлюсь с ее тьмой, я должна попытаться.

Она вспомнила всех, кого любила, подумала, какая всем им грозит опасность, пока Зулика творит что хочет, и добавила:

– Я сама с собой не уживусь, если не попытаюсь.

– Но она же твоя сестра, – вновь мягко напомнил Джарен.

– Была ею, – сказала Кива, вспоминая ту девочку, которую знала больше десяти лет назад. Той девочки больше не было, на ее место пришла жесткая девушка, которая не боялась изувечить человека. Даже Киву и Тора, ее родных. – Я не знаю, что она такое теперь, испортила ли ее темная магия или все это плод ее желаний и намерений. Но в любом случае ее сила слишком опасна. Я не могу и не стану закрывать на это глаза.

Кива потеряла шов на груди Джарена и добавила:

– Хотя... Никто не говорил, что случится, если я в самом деле исцелю ее. Я не собираюсь... Я не стану...

– Никто и не ждет, что ты причинишь ей вред, – торопливо сказал Джарен, прижимая ее к себе. – Забери темную магию, и на этом твоя роль закончена. С остальным разберемся потом.

Кива благодарно кивнула, не давая себе задуматься над тем, какое будущее ждет Зулику. Она сказала Джарену чистую правду, но ей все равно было больно думать о некогда любимой сестре.

«Пусть она наша сестра, но у всего есть последствия, и очень скоро ей предстоит в этом убедиться».

Кива вспомнила, что сказал Торелл в начале путешествия, и его непоколебимое чувство справедливости немного успокоило ее. Судьба Зулики скоро будет решена, и Кива не только примет ее будущее, но и сама вынесет приговор.

И она впервые почувствовала, что готова.

Она сбежала из Залиндова, и не единожды, а дважды. Она справилась с наркотической зависимостью от ангельской пыли, вытасила себя из глубочайшей тьмы и нашла силы продолжать жить. Она сражалась на джиирванской арене и убила женщину, и ужас пережитого оставил на душе шрамы – но не сломил.

И Зулике тоже ее не сломить.

Она все еще очень боялась, особенно учитывая, какой силой владела сестра, но Кива тоже была сильна. И собиралась выложиться на полную, отдать все, что только имела, потому что друзья рассчитывали на нее.

И когда придет время, она их не подведет.

Кива почувствовала, что это решение правильное, и утвердилась в нем. Зулику больше обсуждать было незачем, да и не хотелось, так что она опустила ладонь на твердый живот Джарена и сказала:

– Кстати, о сестрах...

Он замер под ее рукой.

Кива осторожно, очень осторожно продолжила:

– Ты думал о том, что будет, когда ты увидишь Миррин? После всего, что она устроила... Больно, наверное... Уж я-то знаю.

Джарен медленно прикрыл глаза и кивнул.

– Я всегда знал, что она завидует, но и представить не мог...

Когда он вновь посмотрел на Киву, ей пришлось сморгнуть слезы, так много чувств было в его глазах.

– Хуже всего то, что я понимаю, почему она пошла на это, – продолжал он. – Мои чувства к тебе... Если ее чувства к Серафине хоть капельку напоминают мои...

Он умолк, потом тихо добавил:

– Жаль только, что она выбрала предать нас, а не рассказать о требованиях Навока и о собственной боли. Мы бы все обсудили, пришли к общему решению, но теперь... – Он вздохнул. – Ее судьба не в моих руках. И не в маминых. Миррин пошла на государственную измену, и, если мы вернем Эвалон, меру ее наказания определит Королевский Совет, а нам останется только принять его решение.

В его голосе звучала боль, и Кива крепче обняла его, точно зная, что он чувствует. И его, и ее сестра сделали свой выбор, и, если все пойдет как надо, обе за него поплатятся. Но это не значило, что хоть кому-то из них будет легко.

– Боги, ну почему с семьей так трудно? – пробормотала Кива.

Джарен усмехнулся – едва слышно, но этот смешок развеял нависшую над ними тяжесть.

– Вопрос века.

Кива вздохнула вслед за ним и, чтобы отвлечься, вытащила из-под одежды амулет, поиграла с гладкими краями и острыми камнями. Желая переменить тему – это пошло бы на пользу им обоим, – она посмотрела на рубин, топаз и изумруд и сказала:

– У нас теперь три кольца. Значит, осталось лишь одно.

Джарен согласно буркнул, достал кожаный мешочек, в котором хранил кольца, и без лишних просьб передал его Киве. И принялся задумчиво гладить ее по руке, будто не мог не прикоснуться к ней.

Даже через одежду это ощущение чуть не сбило Киву с мысли, но она заставила себя сосредоточиться и поделилась тем, что уже некоторое время занимало ее голову.

– Тебе не кажется странным, что Сарана раздала кольца, ничего не сказав твоей семье?

Джарен пожал плечами.

– Может, она и сказала, просто за века забылось.

Кива повертела мешочек в руках и высыпала кольца на ладонь.

– Кинжал Торвина, Око Богов, передавался в моей семье из поколения в поколение. Бабушка знала о его истинной силе. Знала и мама, и Зулика. Это за века не забылось. – Она всмотрелась в кольца. – Райю и Фемби, Сибли, даже Исса – их предки сделали все, чтобы они помнили, что за реликвии им вверены. И я все думаю, почему Сарана не сделала то же самое для собственных потомков.

Джарен вновь пожал плечами.

– Я знаю не больше твоего. Мне бы еще хотелось понять, почему никто из наших так называемых союзников и словом о них не обмолвился, даже мимоходом. – Он помолчал. – Полагаю, об этом тоже говорилось в правилах – что кольца мы можем забрать только сами, без подсказок. Но все равно...

Он вздохнул.

– Было бы неплохо узнать о Длани до того, как она нам понадобилась. – И тихо добавил: – А еще было бы неплохо заранее узнать, что кинжал, которым владела моя семья, – не подлинное Око. *Это* был не самый приятный сюрприз.

Он говорил саркастично и без обиды, но Кива сжала кольца в кулаке, а мысли ее уплыли в другую сторону.

– Ты скучаешь?

– По Оку? – озадаченно спросил Джарен.

Она хотела сказать «нет», но он продолжил, не дав ей ответить:

– Я видел вещи Эшлин, когда мы с Кэлом приехали в Хайуорт. Ее кинжал ничем не отличается от Ока. Идеальная копия, прямо как та, которую я носил на официальных церемониях. Потрясающее сходство. Но я не хотел бы владеть ею, если ты об этом. Какой смысл, если это не настоящее Око.

Кива покачала головой.

– Нет, я про твою силу. Скучаешь по ней?

Она сама не знала, зачем спрашивает, – *разумеется*, он скучал по силе. Но она хотела знать о нем все, даже то, что причиняет ему боль. Особенно это.

Джарен умолк, размышляя над ответом. Все это время он продолжал гладить ее по руке, будто и сам таким образом успокаивался.

Наконец он признал:

– Сперва было трудно. Первые дни – хуже всего. Как фантомная конечность – мне кажется, что я могу колдовать, но каждый раз ничего не выходит.

Он нежно провел рукой по ее плечу, принялся пальцами перебирать волосы.

– Верить или нет, но ты оказала мне своего рода помощь.

Кива вздрогнула и изогнулась, чтобы посмотреть на него:

– Я?

– Кэл рассказал мне о твоём даре и о том, как ты десять лет подавляла его, потому что боялась, что может случиться, если кто-нибудь о нём узнает, – задумчиво ответил Джарен. – Тогда я понял, как мне повезло иметь такую свободу. Помнишь день, когда мы пошли в Серебряный Шип в гости к детишкам? Я всю жизнь мог позволить себе такие вещи.

Его лица коснулась печаль, но он не отвел взгляда от пальцев, перебирающих волосы Кивы, будто не мог посмотреть ей в глаза.

– Больше всего не хватает именно этого. Не боевых тренировок, не помощи магии в быту, а способности радовать других. Как радовала мама на Речном фестивале, как радовали остальные на других праздниках: для нас это мелочь, а для народа значит очень многое. Так что отказаться от этого было очень сложно. А еще...

Он резко умолк, будто пожалев, что начал говорить.

– Что еще? – мягко переспросила Кива.

Джарен заговорил лишь через минуту, все еще избегая ее взгляда:

– Ты уже знаешь, меня сделали наследником матери потому, что мне подвластны все четыре стихии. Были подвластны, – неловко поправился он. Кива стиснула его руку в знак поддержки, и он продолжил: – Если мы вернем Эвалон, Королевский Совет, скорее всего, лишит меня титула наследного принца. А Миррин, как я уже говорил, предстанет перед судом за то, какую роль сыграла в перевороте. Так что наследником Эвалона станет Ориэль.

Кива обняла Джарена, услышав печаль в его голосе. Но то, что он сказал дальше, удивило ее: печалился он не за себя.

– Ори совсем ребенок, – скорбно произнес Джарен. – Они лишат его детства. Ему столько предстоит выучить. Мне-то помогал отец, но он теперь...

Джарен умолк, чтобы откашляться, и хрипло продолжил, еще горестнее:

– Теперь мне придется помогать Ори. И я помогу, разумеется, помогу. Просто жаль, что на него взвалит эту ношу.

Сердце Кивы болело за Джарена по стольким причинам – и не сосчитать.

– Соболезную насчет отца, – мягко произнесла она. – Жаль, что меня не было рядом.

Джарен коснулся губами ее виска и ответил столь же мягко:

– Жаль, что тебя отправили в Залиндов. Когда я увидел тебя тем вечером в Стоунфордже, а Креста рассказала, где ты была, что с тобой сделали Зулика и Миррин, как Рук отправил тебя в тоннели... – Он содрогнулся и умолк.

– Я выжила, – сказала Кива, не желая это обсуждать. Ей не хотелось предаваться болезненным воспоминаниям, да и Джарена явно расстраивала даже мысль о том, что она вернулась в Залиндов. – Но насчет твоей магии и Ориэля – ты кое-что упускаешь из виду.

Она разжала пальцы и показала кольца, которые все еще держала в руке.

Джарен наконец поднял взгляд, и глаза его походили на бурное море.

– Я помню, что ты хочешь вернуть мне силу Дланью, и уж поверь, если она в самом деле способна на то, в чем уверял нас Голдрик, я не откажусь. Но я просто... Я не хочу надеяться. Сейчас мне нужно сосредоточиться на том, что у меня есть, а не на том, что я потерял. Если вернем мне дар, я буду вечно признателен. Но если нет...

Он вновь умолк, но Кива и без того сообразила. Она понимала его сомнения и даже принимала их. Но еще знала, что пусть он и смирился с потерей магии, ему все равно было больно, и о каких-то причинах она даже не догадывалась. Например, она не вспоминала о его титуле и о том, как отсутствие магии может сказаться на его праве наследования. Теперь ей еще сильнее хотелось вернуть ему потерянное. Она не сомневалась, что из Ориэля выйдет хороший правитель, особенно при терпеливом наставничестве Джарена, но точно знала: Джарен рожден стать королем. Такова его судьба, и она собиралась сделать все, чтобы эта судьба свершилась.

– Ты опять о чем-то задумалась, – сказал Джарен, разглаживая пальцем морщинку у нее на лбу. – Хочу ли я знать, что творится у тебя в голове?

Кива усмехнулась:

– Вряд ли.

Он и так обо всем узнает, как только они заберут последнее кольцо. Всего один город – и к нему вернется магия. Она должна в это верить. Она должна надеяться – за себя и за него.

Внезапная тишина заставила Киву посмотреть на вход в пещеру, и обнаружилось, что дождь наконец унимается. День шел к вечеру, к

ночи им никак было не успеть спуститься с горы, но если они успеют дойти до леса, то хотя бы не свалятся в очередную расщелину. А стоит добраться до лошадей, и даже в темноте спуститься будет проще простого, хотя все равно придется освещать путь магией. Мысль о том, чтобы остаться с Джареном наедине на всю ночь, искушала, но спать в вонючей пещере не хотелось, тем более что уже холодало. Лучше попытаться вернуться в Лирас, пока совсем не стемнело.

Джарен, судя по всему, пришел к той же мысли.

– Может, лучше...

Его прервала волна воздуха, ударившая в них от входа в пещеру, и Джарен, закрывая Киву, прижал ее к себе. Но ветер как появился, так и исчез.

И Кива, и Джарен вскочили на ноги, ошарашенно глядя друг на друга.

– Что это...

Кива не успела договорить: появилась Эшлин с бледным лицом.

– Эш, что... – начал Джарен, но кузина перебила его:

– Аномалии Навока в Эвалоне. Они окружают Валлению и вот-вот пойдут в атаку.

Глава двадцать седьмая

Кива застыла, услышав слова Эшлин, но Джарен немедленно бросился вперед, к сестре.

– Выкладывай, – тихо, встревоженно велел он.

Принцесса не стала мешкать:

– В общине мы нашли женщину, которая согласилась побеседовать. Она сказала, что Навок уже несколько месяцев тайком перебрасывает аномалий в Эвалон: они переходили границу по двое-трое, и никто ничего не заподозрил. Им велели ехать на юг, в Валлению, и ждать приказа.

Эшлин набрала воздуха и продолжила:

– Они подчиняются, потому что он выкрал их семьи. Мужья, жены, братья, сестры, даже дети – солдаты похищают и держат их в заложниках в крепости Дарквел.

А Киве быстро пояснила:

– Туда не пробраться даже с магией.

Она обернулась к Джарену и угрюмо поделилась:

– Если аномалии не будут за него сражаться, он убьет их родных. Дело не в том, что им нечего терять, как раз наоборот: они могут потерять все. И они это понимают.

Кива скрипнула зубами, осознав, насколько опасны могут быть аномалии. Они сражались не из верности Навоку, а из отчаяния. А доведенный до отчаяния враг с такой силой...

«Боги», – подумала Кива, и по позвоночнику пробежался холодок.

– Ты сказала, что они вот-вот пойдут в атаку, – сказал сестре Джарен. – Откуда той женщине это известно? Она может знать, что Навок делал раньше и что планировал, но сейчас...

– Эти новости не от нее, – ответила Эшлин. – Исса отправляла в Эвалон посла – беспокоилась, потому что несколько месяцев не получала от нас весточки.

Кива вспомнила, как королева упоминала об этом на вчерашней встрече.

– Посол приехал сегодня, как раз к нашему возвращению из общины, – пояснила Эшлин. – Он и рассказал. Он собственными

глазами видел аномалий.

Джарен выругался, но его двоюродная сестра еще не закончила:

– Дальше хуже. Навок лично отправился на место. Он плывет вдоль побережья, а воздушные аномалии ускоряют его корабли, как мы, когда плыли из Эрсы.

Джарена это не расстроило. Он выпрямился:

– Наш флот его остановит. Далеко не уплывет.

– Уплывет. Уже уплыл, – сказала Эшлин, еще сильнее помрачнев. – У него полный корабль аномалий, и не только воздушных стихийников. Они разоряют побережье, только чтобы показать силу. Горят целые деревни, поселения в низинах смывает приливной волной, земля трескается по его воле. Все корабли, которые мы послали навстречу, даже не успели приблизиться, как их буквально разорвало на части. Ни единого выстрела. Это сразу и предупреждение, и обещание: он идет, и он не знает жалости.

На этих роковых словах повисла тишина; Киве оставалось только представлять жуткую картину, нарисованную принцессой.

– Когда он прибудет? – спросил Джарен, весь закованный.

– Со дня на день. – Эшлин повернулась к Киве: – Он и не собирался следовать соглашению с твоей матерью. Все говорит о том, что он лишь использовал мятежников, ждал, пока Зулика и Миррин ослабят нас, чтобы ворваться и захватить наше королевство. Он выжидал, пока нашей защиты не станет, и теперь Эвалон сам упадет ему в руки.

Кива не удивилась тому, что Навок решил разорвать соглашение, но вот тому, что он начал действовать без ее помощи... Ведь, в конце концов...

– Зулика не отдаст ему Валлению, пока у нее есть дар, способный остановить его, – сказала Кива. Ей стало дурно при одной только мысли об этом, но по крайней мере, хоть какая-то польза выйдет от смертоносных сил сестры: у Навока нет против них защиты.

– Зулика заперлась во дворце, – рассказала Эшлин, сверкая серебристыми глазами. – Даже не пытается подготовиться к обороне города. Вообще ничего. Горожанам нужна защита, а она...

Эшлин остановилась, глубоко вздохнула, а потом сказала уже куда спокойнее:

– Вряд ли твоя сестра станет спасать хоть кого-нибудь, кроме собственной шкуры. Сдается мне, только это она и умеет.

Кива опустила взгляд; внутри царили опустошение, ярость и стыд. Но тут она почувствовала, как Джарен берет ее за руку, без слов напоминая, что ни за что ее не винит.

– Если нам повезет, Навок по прибытии нападет на Зулику, – продолжала Эшлин, не замечая их молчаливой беседы. – Ей придется защищаться, и в лучшем случае она выведет его из игры. Но сдается мне, все мы понимаем, что Навок не дурак.

– А значит, у него есть другой план, – сказал Джарен, прикидывая что-то в уме.

– Или он ее недооценивает, – возразила Эшлин.

Кива знала, что можно стоять и гадать часами, но так никому не поможешь, и потому спросила:

– Что будем делать?

– Нужно возвращаться в Валлению, – немедленно откликнулся Джарен, и Кива преисполнилась гордости за него. Даже без силы и без короны он сделал бы что угодно, чтобы защитить свой народ.

Но Эшлин покачала головой:

– Нет, вам нужно раздобыть последнее кольцо. Теперь нам больше чем когда-либо нужна Длань Богов. Посол Иссы не сказал, сколько у Навока аномалий, но на нашей стороне сейчас только Кэл, Голдрик, тетя Ариана, Ориэль и я. Самим нам магическую армию не одолеть.

Она покосилась вглубь пещеры:

– Полагаю, третье кольцо вы нашли?

Кива протянула ладонь, на которой до сих пор лежали все три кольца.

Эшлин коснулась пальцем изумруда, переливая в него магию земли, и зеленый камень ярко вспыхнул и погас.

– Теперь вам нужно только последнее, – сказала Эшлин, пока Кива убирала кольца в мешочек и возвращала его Джарену.

– Эш, нельзя же просто бросить Валлению...

– Я сказала, что *вам* нужно раздобыть последнее кольцо, – перебила Джарена Эшлин. – Я не говорила, что ехать за ним нужно всем вместе. Не на этот раз.

Джарен сощурил глаза:

– Что ты имеешь в виду?

– Я, Эйдран и Тор отправимся напрямиком в Валлению, а остальные – в Арден. Они уже собираются: Исса согласилась дать нам еще лошадей, чтобы мы обошли без остановок. А я хоть и не могу переноситься так же далеко, как Голдрик, зато я сильнее и быстрее восстанавливаюсь, так что могу прыгать короткими частыми прыжками, и по прибытии у меня еще останутся силы. Надеюсь, этого хватит, чтобы вернуться к завтрашнему вечеру.

– Почему вы трое? – спросил Джарен. – Почему не я...

– Потому что королева Лора обожает тебя, – заявила Эшлин. – До сих пор за каждое кольцо приходилось побороться, а времени больше нет. Если расположение правительницы Нерине хоть капельку нам поможет, нужно этим воспользоваться.

Кива решила, сейчас не время упоминать, что Иссе Джарен тоже нравится, но все-таки они потеряли целый день, взбираясь на смертельно опасную гору.

– А что до нас троих, – продолжала Эшлин, – перед тем, как поехать в Джиирву, я отправила в Валлению часть войск – слишком мало, надо было больше, но я и представить не могла...

Она нахмурилась, потом встряхнулась и продолжила:

– Я им нужна, именно я должна повести их в бой, что бы нам ни противостояло. Эйдран организует королевскую стражу, хотя надо думать, капитан Верис уже готовится к обороне города, с согласия Зулики или без оного. А Тор, – Эшлин бросила взгляд на Киву, – хочет собрать повстанцев. Он был их генералом и надеется, что они все еще готовы сражаться за него. Шансов немного, но...

– Враг у нас один, – проговорил Джарен.

– Именно, – согласилась Эшлин.

Кива сжала кулаки, при мысли о том, какие опасности ждут ее друзей и брата, ей стало тошно.

– Голдрик перенесет вас прямо из Лираса в Арден. Когда заберете кольцо, встретимся в Валленин, и как можно скорее. Перенести вас сразу в Валлению он не сможет, но...

– Что-нибудь придумаем, – скупно кивнул Джарен.

Кива видела, что план ему не по душе, он рвался домой, помогать городу и семье, но понимал, что последнее кольцо уравнивает шансы. И не только потому, что они заполучат собственную магическую армию –

с кольцом и сам Джарен сможет сразиться со стихийниками Навока на равных.

– Знаю, это непросто, – сказала Эшлин, заметив раздрай Джарена. – Но постарайся не забывать, что даже без магии наши солдаты хорошо натренированы и бесстрашны. Они не дрогнут. А Верис удержит королевскую стражу. Время у тебя есть, просто не очень много.

– И останется еще меньше, когда прибудет Навок, – бросил Джарен. – Вряд ли он станет долго ждать, прежде чем скомандует аномалиям напасть.

– Ну, так вернись раньше его, – выразительно предложила Эшлин.

– Может, он и не собирается нападать, – сказала Кива. – Может, они просто хотят нас запугать, чтобы мы решили, что они нападут.

И Джарен, и Эшлин посмотрели на нее с таким скепсисом, что она зарделась.

– Как знать? – пробормотала Кива.

Несмотря на смущение, она обрадовалась, увидев, как дрогнули губы Джарена. Получилось хотя бы немного ослабить его напряжение, пусть даже на миг.

– Надо убираться с этой горы, – сказала Эшлин, подзывая их наружу. – Раньше перелететь сюда не получилось из-за погоды, но мы хотя бы послали за вашими лошадьми, и они уже во дворце. Все ждут только вас. Отправляемся в путь, как только вернемся.

Киве становилось плохо при мысли об осажденной Валлени, но она была признательна Эшлин за то, что теперь не придется лезть вниз по крутому склону. Видимо, это отразилось у нее на лице, потому что у Джарена вновь дрогнули губы. Взгляд у него по-прежнему был суровым – и Кива полагала, это надолго, – но он, очевидно, решил сконцентрироваться на том, на что мог повлиять, а не прокручивать в голове пустые страхи.

Заметив это, Кива сжала его руку в знак поддержки, пока они шли вслед за Эшлин наружу, без слов говоря: она рядом, и вместе они справятся с чем угодно.

Лицо у него смягчилось, он поднял их сплетенные пальцы к губам, чтобы запечатлеть на ее костяшках быстрый благодарный поцелуй, и в этот момент Эшлин остановилась и повернулась к ним.

Принцесса вздернула брови, но сказала только:

– Давно пора, – а затем призвала магию и унесла их с горы.

От горы Небу до Лираса было совсем недалеко, так что их лишь несколько секунд помотало ветром, прежде чем они опустились перед хрустальным дворцом, где уже ждали оседланные и готовые к дороге лошади, в том числе Зефир и Дымка. Тор и Эйдран беседовали с конюхами, которые привели заводных лошадей, предложенных Иссой, но кроме них из всего отряда присутствовала только Креста.

– Ну наконец-то! – воскликнула рыжая, бросаясь им навстречу. – Чем вы там занимались? Пирожки пекли?

Кива сжала губы, понимая, что сейчас не время для смеха.

Но Креста все равно заметила ее радость и рассердилась.

– Ты прослушала, что Навок и Серафина плывут в Валлению? Что тут смешного?

– Сера с Навоком? – удивился Джарен.

– Посол Иссы слышал, что так, – ответила Эшлин. – Наверняка не узнать.

– Она с ним, – с твердой уверенностью сказала Креста. – Если кому и хватит дурости притащить беззащитную сестру на битву, так это ему.

Не успела Кива спросить, с чего вдруг Креста так разгорячилась, как в распахнутых дверях дворца нарисовался Кэлдон, а с ним Типп, Наари и Голдрик. Последние трое обрадовались, увидев, что Эшлин вернулась с Кивой и Джареном, но вот Кэлдон...

Кива потеряла дар речи, когда он рванул по ступеням дворца к ним с перекошенным от ярости лицом. Остановившись перед ними с Джареном, он вонзил в брата кобальтовый взгляд и воскликнул:

– Стоило того?

Кива озадаченно покосилась на Джарена, который спокойно произнес:

– Стоило.

Только тогда Кэлдон заметил их соединенные руки, и его гнев мгновенно испарился.

Но он все равно ткнул пальцем в Джарена:

– Мог бы просто попросить, скотина. Думаешь, мне очень хотелось лезть на проклятую гору? Необязательно было меня подпаивать. А ты ведь знаешь, как мне плохо от неразбавленного морадина. Все утро блевал!

В разрез с собственными словами он заключил и Киву, и Джарена в яростные объятия.

– Два придурка, – пробурчал он им на ухо. – Не знаю, за что вас люблю. Честно, я заслуживаю большего.

Выпустив их, он запечатлел смачные поцелуи сначала на щеках Кивы, потом Джарена, и заявил:

– Больше никаких любовных ссор! Мое бедное сердечко этого не вынесет.

Ошарашенная Кива не сразу смогла обернуться к Джарену с вопросом – и обвинением – в глазах.

Тот чуть зарделся и признался:

– Ну, может быть, я чуток приврал насчет того, что Кэлдон перебрал на ужине.

– Перебрал, как же, – фыркнул Кэлдон.

Под пристальным взглядом Кивы Джарен заерзал. И тогда она поняла, что, хотя все их мысли были заняты надвигающейся угрозой, он все равно беспокоился, что она о нем подумает. Осознав, что он опоил Кэлдона, лишь бы любой ценой остаться с ней наедине, Кива не сдержалась: встала на цыпочки и легонько, нежно коснулась его губ.

– УРАААА!

Никто не успел ничего сделать – в них врезался Типп, и все трое чуть не повалились на землю. Он обнял их и принялся скакать на месте, улыбаясь так широко, что Кива удивилась, как у него не разболелись щеки.

– Не торопитесь, – сказала Креста. – Разве мы куда-то спешим?

Она говорила резко, но, подняв глаза, Кива увидела, что ореховые глаза Кресты светятся от счастья. Рыжая застала худшие дни Кивы, знала, в какое отчаяние привела ее потеря Джарена, и лучше прочих понимала, как много для Кивы значит это воссоединение.

Но все равно... Креста была права. Им в самом деле пора в путь.

Кива с Джареном мягко отлепили от себя Типпа, который все еще сиял улыбкой в пол-лица. Впрочем, он, кажется, и сам понял, что праздновать не время, и смог обуздать свой восторг, когда подошел Голдрик.

– Кольцо у вас? – спросил бывший повстанец, волосы которого выбились из-под кожаного ремешка и лохмами обрамляли усталое лицо. Кива гадала, хватит ли ему сил перенести их так скоро после

прошлого ветроворота, и молилась, чтобы Голдрик смог осилить весь путь до Ардена.

– Да, – подтвердил Джарен, когда Эшлин, Эйбран и Торелл подошли к остальным, ведя в поводу своих лошадей и заводных.

– Пора отправляться, – сказала принцесса. Она подошла к братьям, быстро и крепко обняла Кэлдона, а потом и Джарена, и закатила глаза, когда оба попросили ее быть осторожной. Даже и не вспомнишь, что она генерал армии Эвалона: сейчас она была для них просто сестрой и подругой.

Кива видела Эшлин в бою, знала, что принцесса прекрасно способна о себе позаботиться. Но все равно не могла прогнать страх, пока та осматривала Спирита и готовилась к дороге. Не могла она не бояться и за остальных.

– Через пару дней увидимся, – сказал Эйбран, и это оказалось его единственными словами прощания; впрочем, он встретился с Кивой глазами, потом перевел взгляд на Джарена и улыбнулся им обоим. Кива впервые увидела его улыбку и так залюбовалась, что Джарену пришлось выразительно кашлянуть. Она вспыхнула, обернулась к нему, увидела смех в его взгляде и зарделась еще сильнее.

– Эйбран не просто так держится в стороне, – негромко пошутил Джарен. – Стоит ему забыться, и его затопчут поклонницы.

В это легко было поверить – Кива увидела всего одну его улыбку, а эффект оказался сокрушительным. Но она внутренне встряхнулась, заметив, что к ней направляется брат, и отошла от Джарена, чтобы побыть с Тором наедине.

Тот открыл рот, но Кива его опередила:

– Обещай, что не натворишь глупостей.

В серьезных изумрудных глазах блеснул смех, когда он ответил:

– Смотря что считать глупостями.

– Я серьезно. Эшлин говорит, ты собираешь повстанцев. Но если не получится, если тебя не послушают, если за тобой явится Зулика...

– Обещаю, – мягко произнес Тор. – Но и ты тоже пообещай.

– Не я ведь мчусь навстречу опасности, – возразила Кива, опустив «пока что». – А даже если забыть о Зулике, остаются еще аномалии Навока: если они нападут, придется сражаться против стихийной магии. В такой битве даже ты ни разу не участвовал.

– Мы готовились к этому, – напомнил ей Тор. – За меня можешь не беспокоиться.

– Ты мой брат. Я *всегда* о тебе беспокоюсь.

Тор не нашелся с ответом, так что просто притянул ее к себе и крепко обнял. Как бы ей хотелось так и стоять с ним, держать его на виду, знать, что он в безопасности. Но оба понимали: их все ждут, поэтому торопливо разомкнули объятия и вернулись к отряду.

Там Тор посмотрел прямо на Джарена и велел:

– Береги ее.

Джарен ответил, серьезный как никогда:

– Ценой собственной жизни.

Киве захотелось фыркнуть и напомнить обоим, что она десять лет прожила в смертельно опасной тюрьме, но они обменялись такими многозначительными взглядами, что у нее одновременно заныло сердце и потеплело на душе. Когда Джарен с Тором наконец кивнули друг другу, они казались уже не двумя мужчинами, которые глубоко любили ее, но двумя командирами, двумя воинами, двумя принцами. Они заслужили уважение друг друга. А может, после всего, что они пережили, они даже стали друг для друга чем-то большим – настоящими друзьями.

У Кивы щипало в глазах, но она сдержала слезы.

– Я люблю тебя, мышка, – сказал Тор, садясь на лошадь и отъезжая. – Скоро встретимся, и не заметишь разлуки.

С этими словами он махнул Эшлин, и та, призвав ветер, унесла всех троих из виду.

Кива медленно выдохнула и посмотрела на остаток отряда.

– Наш черед, – возвестила Наари, подводя Зефира и Дымку к Киве и Джарену. – Все готовы?

Получив согласие, Голдрик шагнул вперед, и Кива крепче взялась за поводья Зефира. Магия вновь хлестнула ее и подняла в небо, и новое путешествие по воздуху показалось ей все таким же неприятным.

В отличие от горы, Арден лежал далековато от Лираса, и когда они наконец приземлились у лесного города, Киве пришлось прислониться к Зефиру, потому что голова у нее закружилась. А он впервые не попытался ее цапнуть. Она была бы вне себя от радости,

если бы ее голову не занимали гнетущие мысли, и вместо этого осмотрелась вокруг.

Королевство Нерине славилось густыми лесами, поэтому не было ничего удивительного в зарослях, столь густо окружавших столицу, что и не различить, где кончается чаща и начинается город. Даже здания, казалось, были вырезаны из природных материалов: цилиндрические основания разной высоты и ширины венчали круглые крыши, и все вокруг было зеленоватым, коричневым и желтым.

Любуясь видом, Кива решила, что есть в Ардене нечто потустороннее, даже магическое, особенно в люминиевых сферах, протянутых вдоль поросших мхом улиц подобно светлячкам среди деревьев. А был еще и чудесный дворец, что возвышался над городом, как многоэтажный золотой гриб, поблескивающий в вечернем свете.

– Г-город как из сказок! – охнул Типп.

Кива кивнула: она полностью разделяла его восторг. В этом городе, как нигде раньше, хотелось прогуляться по мощенным деревом тропкам, вьющимся вокруг дворца. Но не успели они с товарищами даже оседлать коней, как из массивных деревянных ворот навстречу им выехала группа стражи в зеленом.

И не только стража – в середине группы ехала почтенная дама в цветочной короне, вплетенной в седые волосы, с невероятными глазами цвета аметиста, в ослепительно-белом наряде, который делал ее такой же неземной, как и лесной город, из которого она выехала.

– Королева Лора, – поприветствовал ее Джарен, низко кланяясь. За все время путешествия он впервые обратился к иноземной правительнице по титулу, будто намеренно пытался удержать почтительное расстояние между ними.

– Джарен, сладенький, – ответила она голосом, подобным колокольчикам на ветру, – я знаю тебя с пеленок. Сколько раз просить тебя звать меня тетушкой Лори?

Кэддон закашлялся в кулак, но не смог полностью спрятать смех. Даже Кива чуть не прыснула, когда увидела смущение Джарена и вспомнила слова Эшлин насчет того, что королева его обожает. Кива ожидала чего-то совсем иного и от королевы куда моложе.

Не дожидаясь ответа, королева Лора продолжила:

– Я как раз прогуливалась со стражей, когда увидела, как вы летите в... Что это было? Ураган? – Она с сомнением наморщила лоб,

но потом пожала плечами, будто ей и не такое доводилось видывать. – Мне стало слишком любопытно, и я решила вас не дожидаться. Поняла, что просто обязана выехать навстречу и разузнать, чем обязана вашему неожиданному визиту.

Она повернулась к Кэлдону:

– А ты на добрую ладонь вырос с нашей последней встречи, юноша! В гости тебя теперь не дождешься...

– Аллергия, – невозмутимо откликнулся Кэлдон.

На этот раз закашляться пришлось Киве, и она нечаянно привлекла внимание королевы. Но аметистовые глаза Лоры лишь скользнули по ней и осмотрели остальной отряд, от Наари, которую наверняка знала, до Типпа, Кресты и Голдрика. Лишь после этого королева вновь взглянула на Джарена и спросила:

– Расскажешь, зачем вы прилетели? Или вы с друзьями предпочтете вернуться со мной во дворец, а там и побеседуем как полагается за чашечкой чая?

Лора так и не спешила, и Джарену пришлось взирать на нее снизу вверх, стоя возле Дымки.

– К сожалению, мы по делу: нам нужно как можно скорее возвращаться в Валлению. – Он не стал спрашивать, слышала ли она, что происходит в Эвалоне последние недели, а то и дни, лишь добавил: – Мы приехали за кольцом Сараны. Оно у вас?

В отличие от предыдущих раз, Джарен сразу перешел к делу, и лаконичность его вопроса напомнила Киве, насколько они спешат. Она нервно ждала ответа королевы: как бы им не пришлось зря тратить время на еще одно испытание. Но Лора лишь склонила голову набок, меж бровей у нее пролегла складка, и она переспросила:

– Кольцо Сараны?

Киву охватил ужас. Если Лора не знала о кольце, если оно затерялось в веках...

– Очень давно она отдала его вашим предкам, – ответил Джарен, словно надеясь подстегнуть ее память. Говорил он уверенно, но Кива понимала, что сердце у него наверняка колотится так же, как и у нее самой, и у остального отряда, застывшего в молчании. – Нам жизненно необходимо вернуть его, так что если вы знаете, где оно...

Лора лишь покачала головой, и Киве стало еще страшнее. Но тут королева изогнула седую бровь и сказала:

– Милый мой мальчик, ты уже знаешь, где кольцо. Сарана не оставляла его моим предкам. Хотела, да, но решила оставить у вас.

На мгновение стал слышен лишь гул насекомых и чириканье птиц над головой, и обычно расслабляющие звуки леса на этот раз не уняли волну поднявшейся внутри Кивы паники.

Потому что она вспомнила: золотое кольцо на пальце королевы Арианы.

Королевская Печать, часть Королевской Триады.

Украденная Зуликой.

Оно было у Миррин, когда Кива в последний раз видела их обеих в подземельях под Речным дворцом.

Кива скованно обернулась к Джарену и увидела на его лице то же потрясение.

– Не может быть, – практически с отчаянием проговорил он. – Печать не аккумулирует магию.

– По отдельности ни одно из колец этого не делает, – слабым голосом пробормотал Голдрик. – Когда они разъединены, ты и не догадаешься, на что они способны.

Кива впервые с прибытия в Арден присмотрелась к нему и заметила, что он пошатывается, а лоб его покрывает пот. Призыв ветроворота два дня подряд измотал его, но при виде тревоги в ее глазах он покачал головой, напоминая, что сейчас стоит беспокоиться о более важных вещах.

– Нужно немедленно скакать в Валлению, – твердо произнес Джарен. – Не знаю, как мы заберем кольцо у Зулики, но...

– Оно не у Зулики, – сипло сообщила Кива, и на нее обратились все взгляды. – А у Миррин.

И Кэлдон, и Наари выругались, но Киве казалось, что забрать кольцо у Миррин проще, чем выкрасть у Зулики. Джарен, кажется, полагал так же, потому что вид у него был бледный, но целеустремленный.

– Никто не хочет посвятить меня в подробности? – спокойно спросила королева Лора. – Джарен, дорогой...

– Простите, не можем задерживаться, – прервал ее Джарен, взлетая на коня. Кива и остальные тоже оседлали своих. – Прошу простить. Нам пора.

Наплевав и на придворный, и на все остальные этикетки, он развернул Дымку прочь от Ардена и поскакал по лесной тропке, а Кива, Кэлдон, Наари, Типп, Креста и Голдрик кинулись за ним.

В другое время Кива огорчилась бы, что не побывала в лесном городе, но сейчас могла лишь гадать, когда они окажутся в Валлении. Даже если скакать день и ночь, до границы с Эвалоном все равно ехать несколько дней, и еще дольше – до столицы. И теперь у них даже не будет Длани Богов, а значит, они и магию Джарену пока не вернут. Им еще столько предстояло сделать, чтобы получить хотя бы шанс на спасение королевства, и от неопределенности их будущего у Кивы опускались руки. Но она крепко сжала бедрами бока Зефира и уняла тревогу в душе. Если повезет, Голдрик быстро восстановит силу и перенесет их на изрядную часть расстояния. Оставалось надеяться лишь на это, как бы отчаянна ни была эта надежда.

Летели часы, они пробирались по густым лесам Нерине в полном молчании, делая лишь короткие передышки, чтобы дать отдых лошадям, а потом отправляясь в путь снова. Они не остановились, даже когда наступила ночь – продолжали идти вперед, освещая путь магией Кивы, чтобы не врезаться в деревья. Лишь когда лошади совсем выбились из сил, они наконец устроились на привал подлиннее и подремали несколько часов, хотя Кива сомневалась, что кому-то удалось заснуть по-настоящему.

С первыми лучами рассвета отряд был на ногах и готов отправиться дальше. Все были встревожены. Кива жалела, что никак не может утешить друзей, особенно Джарена, – она еще никогда не видела его настолько взвинченным. А был еще Голдрик, который хоть уже и не шатался, но определенно не выдерживал такой темп езды. Типп тоже, казалось, вот-вот свалится с пони, но, когда Кива поинтересовалась, не нужно ли ему отдохнуть подольше, он уперся и заявил, что все в порядке. Не считая Джарена, лишь Кэлдон, Наари и Креста справлялись с мучительной дорогой, да и то Кива регулярно лечила всех своим даром, облегчая боль в усталых мышцах и подкрепляя силы.

К сожалению, силы Голдрика магия Кивы восстановить никак не могла. Но в конце концов в середине третьего дня нелегкой дороги, когда и сама Кива задумалась, как долго еще вынесет, он собрал всех и сказал:

– Мне кажется, я уже могу вызвать ветроворот. Весь путь не вытяну, но донесу нас как можно ближе.

Все дружно вздохнули, торопливо спешили, сбились в кучку, и их подхватил вызванный Голдриком ветер – куда более грубый, чем раньше, ведь маг боролся за каждую милю. Когда они наконец опустились на опушке уже другого леса, Кива, поборов тошноту, бросилась к осевшему на землю Голдрику.

– Все хорошо, – проговорил он, тяжело дыша и потя. – Дай минутку.

– Тебе не минутка нужна, – строго сказала Кива. Она попробовала помочь ему своим даром, но смогла лишь замедлить скачущий пульс и вернуть краски на лицо. Он нуждался не в лечении, а в отдыхе.

Кива повернулась и оглядела остальных. Типп тяжело привалился к Быстроногу, и оба, и мальчик, и пони, казалось, вот-вот свалятся. Джарен с Наари бродили кругами и шептались, пытаясь определить, куда их вынесло. Креста одной рукой сжимала рукоять подаренного Эйраном меча, а другой стискивала кинжал, который подобрала где-то по пути; оба клинка висели в ножнах на поясе, но по ее лицу было видно, как ей не терпится пустить их в ход. Лишь Кэлдон смотрел на Киву, вопросительно подняв брови.

Она как раз хотела поделиться мыслями, но Наари успела первой, возвестив:

– Это лес Эмельда, я уверена. Мы на окраине Окхоллоу.

Кива потрясенно уставилась на Голдрика: неужели он и правда смог забросить их настолько далеко? Но тут нутро перевернуло от волнения, потому что если они в самом деле рядом с Окхоллоу, то Валления – всего в часе отсюда.

Они совсем близко.

Зулика совсем близко.

Кива не дала себе испугаться. Вместо этого она сказала:

– Типп и Голдрик не могут ехать дальше. Если они не отдохнут, то свалятся еще до города.

– Но мы так близко, – сквозь зубы процедила Креста, вторя мыслям Кивы.

Кива кивнула и, поднявшись на ноги, подошла к Кэлдону. Тихо шепнула ему одному:

– Мне нужно в Валлению. Я должна забрать кольцо и с помощью Длани вернуть Джарену силу. А потом сразиться с сестрой. Пора покончить с этим.

– Зачем ты повторяешь мне то, что я и так знаю? – прищурился Кэлдон.

– Потому что я хочу, чтобы ты остался здесь, с Типпом и Голдриком. – Он немедленно принялся возражать, так что она торопливо продолжила: – Джарен должен пойти со мной, чтобы я смогла применить Длань. Наари, ты знаешь, его не бросит. А Креста...

Они оба взглянули на рыжую, которая уже вернулась в седло и была готова ехать с ними или без них.

– ...она рвется в бой. Она не послушается, если я попрошу ее остаться и присмотреть за ними.

Кэлдон сложил руки на груди.

– И с чего ты решила, что послушаюсь я?

– Потому что Голдрика ты, может быть, разве что уважаешь, но Типпа любишь как брата, – ответила Кива, оглядываясь на измученного мальчика, пропыленного в дороге, с волосами, похожими на рыжее птичье гнездо. – Я хочу, чтобы ты тихо довез его до города и защитил. Для этого у тебя есть и меч, и магия.

Она поймала взгляд Кэлдона и прошептала:

– Кэл, пожалуйста. Я понимаю, что многого прошу.

– Рискую показаться задавакой, напомню, что я один из лучших бойцов королевства, – подчеркнул Кэлдон.

– Я знаю, ты же меня учил, – мягко произнесла Кива.

– А ты оставляешь меня нянчиться с ребенком, – ровно произнес он.

Кива пожевала губу, опустила взгляд на листву под ногами.

– Давай договоримся, – предложил он. – Я дождусь, пока они придут в себя, провожу их в город и укрою в безопасном месте, но потом отправлюсь к вам. Даже не вздумай спорить: я вам пригожусь. А если и нет, я все равно ни за какие коврижки не пушу тебя драться с сестрой в одиночку. Только вместе, солнышко. Ты и я. Усекла?

Глаза застлала слезы, и Кива подалась вперед, чтобы обнять Кэлдона, и прошептала ему на ухо:

– Спасибо.

– Боги, ну почему ты вечно реवेशь, когда обнимаешься? – буркнул он, похлопывая ее по спине. – Надо с этим что-то решать.

Она отстранилась, улыбаясь сквозь слезы.

– Решим. Обещаю. Но теперь...

– Вам пора, – закончил он за нее и вздохнул. Она знала, что ему совсем не по душе ее идея, но была бесконечно признательна Кэлдону, что он к ней прислушался и согласился присмотреть за Типпом.

– Вот за это тебя и люблю, – торжественно заявила она.

– Ты любишь меня за кучу всего, – самодовольно хмыкнул Кэлдон. Но тут же посерьезнел: – Не прощаемся. Скоро встретимся.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Скоро, – согласилась она.

А потом торопливо подошла к Типпу и Голдрику.

– Вы оба остаетесь с Кэлдоном, чтобы немного отдохнуть, а потом встретимся в Валлени.

Типп покачал головой, глядя на нее мутным взглядом, но Кива мягко погладила его по плечу и наклонилась объяснить:

– Ты знаешь, что мне предстоит сделать, и я не справлюсь, если буду за тебя переживать. Пожалуйста, Типп, мне нужно знать, что ты в безопасности. И еще я хочу быть уверена, что ты не свалишься с пони и не свернешь шею. Так что подожди с Кэлдоном, пока сможешь твердо стоять на ногах, а потом увидимся. Ты и моргнуть не успеешь. Хорошо?

Типп явно готов был возразить, но Кива не отводила взгляда, пока он не кивнул с неохотой.

– Б-береги себя, – попросил он срывающимся от усталости голосом.

– Обещаю, – прошептала она и, прижав к себе, оторвала его от земли, а потом поставила обратно. И спросила у Голдрика: – Мне что-то еще нужно знать о Длани? Просто надеваю кольца и наполняю их магией?

– Если в них уже хранится магия Валлентисов, то да, больше ничего не нужно, – подтвердил Голдрик совсем слабо, едва слышно.

Кива сжала его руку.

– Спасибо, что так выложился ради нас, – с чувством произнесла она. – Отдыхай, пусть Кэлдон о тебе позаботится. Как лекарь говорю!

– Погоди... Кива... – окликнул он ее вслед. Она обернулась и поймала проникновенный взгляд его карих глаз. – Насчет сестры – не дай ей ударить первой. Не забывай, на что она способна. Не сомневайся.

Кива вновь занервничала, но целеустремленно выпрямила спину.

– Не стану.

Затем она села на Зефира, подождала, пока Джарен, Наари и Креста торопливо распрощались, и вся четверка вновь помчала по дороге, на этот раз знакомой – покинув лес, они поскакали вдоль побережья. День выдался ясный, погода стояла отличная, и если бы не то, что ждало впереди, можно было бы решить, что они выбрались на приятную послеобеденную прогулку. Но тут они миновали последний утес и увидели впереди Валлению.

И, потрясенные, резко затормозили.

Потому что над городом возвышался сияющий Речной дворец.

И он горел.

Глава двадцать восьмая

Навок в городе.

Больше Кива ни о чем не могла думать, пока они с друзьями галопом мчались к Валлени и с бешеной скоростью скакали по городским улицам, по извилистой Речной дороге – спешка гнала их вперед.

Хотя они знали, что мирравенский король плывет в Валлению, Кива молилась успеть до него, пусть хоть на минуту, но до того, как он прикажет аномалиям атаковать. Однако надеялась она напрасно. А теперь им предстояло не только раздобыть последнее кольцо, но еще и противостоять *одновременно* Навоку и Зулике.

По крайней мере, аномалии напали не на город – *пока что*. Горел только дворец, и чем ближе они подъезжали, тем лучше становилось видно, что горят казармы, конюшни и территория по обе стороны реки. Несмотря на это, на улицах царила паника, горожане с воплями бежали как можно дальше от центра города. Только Кива, Джарен, Наари и Креста, как дураки, ехали к источнику угрозы, и лишь настойчивее понукали лошадей, пока не добрались до дворцовых ворот.

Их никто не охранял, но они оказались надежно заперты.

Джарен выругался; все торопливо спешили и бросились вперед, чтобы заглянуть за кованую решетку. Отсюда стало видно обширный дворцовый сад, через который пролежала дорога во дворец, но от обычной его ухоженности осталось лишь воспоминание. Земля была перекопана и разрыта, все заросло, что-то сгорело, а что-то смыли речные волны, и посреди всего этого аномалии яростно сражались со стражей, причем в ход шло как обычное, так и магическое оружие.

Кива узнала темную броню эвалонских солдат и серебро королевской стражи, даже серые кожанки аномалий Навока и его Серой Гвардии – не все мирравенские солдаты владели магией. Хоть караморских солдат не было – союз-то разорвали, – но радовалась Кива недолго: она заметила разнообразно одетый народ. Сердце сжалось: она увидела, кто вел этих людей в самую гущу битвы, высоко подняв меч и выкрикивая приказы, которые ей отсюда было не расслышать.

Торелл.

Он собрал повстанцев. А спиной к спине с ним сражалась Рессинда, чья пепельная коса бешено моталась из стороны в сторону, пока та защищала и себя, и своего генерала.

Кива едва не бросилась через забор им на помощь, но она понимала, что в крупном сражении от нее мало пользы, только мешаться будет. И она лишь больше в этом убеждалась, глядя, как Тор атакует и защищается, насадет на Серую Гвардию, подныривает и уклоняется от магии аномалий, словно напоминая ей, что постоять за себя он в состоянии. Но ей все равно хотелось спрятать его, уберечь ото всех опасностей. Впрочем, он бы ни за что ей не позволил. Она знала брата – он всегда сражался за то, во что верит. А сейчас он сражался за Эвалон.

Нет – он сражался за Валлентисов.

Потому что в какой-то паре метров от него билась и Эшлин; светлую броню пятнала грязь и кровь, в одной руке она держала меч, другой отправляла Серую Гвардию и аномалий в полет, и верные ей войска так же негибимо боролись со сверхъестественными противниками.

– Надо пробраться внутрь! – торопливо сказал Джарен, добела сжав кулаки на решетке. – Надо им помочь!

Киве пришлось собрать все силы, чтобы возразить:

– Нельзя, нам нужно во дворец. Ничего не изменилось: кольца, Навок, Зулика.

– Если победим Навока, его аномалиям больше не из-за чего будет сражаться, – заметила Наари, с угрюмым лицом наблюдая за битвой. – Кива права, нельзя тратить время. Нужно идти прямо во дворец.

Креста махнула рукой на мешанину тел и магии:

– И как вы собираетесь пробираться через вот это все?

Воздух вокруг Джарена буквально искрил от его напряжения, но все же он смог оторвать взгляд от сражения.

– Тут мы и не пойдем. – Он опустил взгляд на землю. – Пройдем под ними.

До Кивы дошло, и она охнула:

– Тоннели!

Только Креста явно ничего не поняла, но вопросов задавать не стала; все вернулись в седла и поскакали к тайному входу позади

дворца. Лошадей пришлось оставить, и Кива с благодарностью похлопала Зефира, прежде чем спуститься вниз через решетку. В тайном проходе царила чернильная тьма, как и в предыдущий раз, когда она тут бродила, но она сразу же призвала магию, чтобы осветить путь.

Все молча устремились по узкому коридору и добрались до развилки, которую Кива уже встречала, когда шпионила за Королевским Советом. Туда они не пошли, а продолжили подниматься по узким неровным ступеням, пока, наконец, не вышли через скрипучую дверь в более широкий подземный коридор под рекой, соединяющий половины дворца.

Тут они притормозили, тяжело дыша и вопросительно переглядываясь.

– Куда теперь? – спросила Креста, глаза направо-налево по освещенному люминием коридору с колоннами.

– Надо найти Миррин, – пропыхтела Кива. Джарен отлично управлялся с клинками, но с магией был способен на гораздо большее. Аномалии Навока сражались из отчаяния, большую часть жизни они провели в тихих деревушках, и какую бы тренировку ни прошли после вербовки, для серьезного боя не годились, судя по тому, что Кива увидела наверху. Умей они полноценно применять свой дар, они мановением руки убивали бы солдат Эшлин и повстанцев Тора. Вместо этого они беспомощно трепыхались, и хотя ущерб от них был немалый, но все же несоизмеримый с тем, какой мог бы быть. А вот Джарен всю жизнь тренировался применять магию в бою. Кива видела, как он практикуется в этих самых подземельях, сражаясь против семьи. Если вернуть ему силы, тогда...

– Вот только где она? – бросила сквозь зубы Креста. – И про Навока не забывайте. Мне...

– Сюда, – перебил ее Джарен, побежав на запад.

Кива сомневалась, что он продумывал их план после того, как они выберутся на поверхность, но ничего не сказала и просто кинулась за ним, чувствуя, что терпение Кресты на исходе. Она не понимала, почему бывшая заключенная так взвинчена, и лишь предполагала, что это имеет какое-то отношение к Залиндову и необузданной жажде насилия рыжей. Креста рвалась в бой, не желая наблюдать со стороны.

Но Кива знала: наблюдать им осталось недолго. Потому что стоит только Навоку выяснить, что они здесь... А особенно Кива...

И битвы Кресте не миновать, в этом Кива не сомневалась.

Добежав до конца коридора, четверка взлетела по очередной лестнице и наконец вернулась на поверхность, в сияющий белый с золотом вестибюль западного дворца. Но не успели они двинуться дальше, как изукрашенные двери распахнулись, и внутрь ввалились Эйдран и капитан Верис, отбиваясь от шестерки противников в серой броне – к счастью, никто из них не владел магией.

Джарен, Наари и Креста кинулись вперед, обнажая мечи, и ворвались в самую гущу схватки. Кива и глазом не успела моргнуть, не говоря уже о том, чтобы прикинуть, чем помочь, как вся шестерка Серой Гвардии уже оказалась на полу. Не глядя на них, она торопливо подбежала к друзьям, разрываясь между лекарским состраданием и голосом разума: она понимала, что сейчас ничем им не поможет.

Верис тяжело дышал, но все равно ухитрился коротко кивнуть Джарену.

– Ваше Высочество, генерал Эшлин сказала, что вы прибудете.

Эйдран, чья грудь тяжело вздымалась, доложил Джарену:

– Аномалии не обучены, но их очень много. И с ними целый легион Серой Гвардии. Мы долго не продержимся...

Больше он ничего не успел сказать: в двери вбежало еще больше Серых гвардейцев с обнаженными мечами; битва перемещалась из сада во дворец.

Джарен отпихнул Киву себе за спину, как раз когда двое солдат с ревом бросились к нему. Он легко одолел их, потом еще двоих, а Наари и Креста бесстрашно сражались бок о бок с Верисом и Эйдраном. Но сколько бы Серых они ни перебили, в двери вбегали все новые.

– Где Навок? – крикнула Креста капитану, и ее было едва слышно сквозь звон стали и стоны боли.

Верис не стал спрашивать, кто она такая, лишь проорал в ответ:

– Слышал, что он заперал Серафину в библиотеке, но это давно уже было – он мог уйти куда угодно!

Недовольно засопев, Креста врезала противнику ногой в грудь, и тот отлетел. Прежде чем кто-либо успел ее остановить, она выбежала из вестибюля, но не наружу, в сад, где еще шла битва, а вглубь дворца.

– Креста! – потрясенно закричала ей вслед Кива.

Она что, в самом деле рассчитывала разыскать Навока в этом многоэтажном лабиринте? Боги милосердные, тут же *две половины!* Как и сказал Верис, король Мирравена может оказаться где угодно. А если Креста и найдет его, что она собирается делать? Вокруг наверняка будет полно аномалий, к нему даже подобраться не получится.

Но как бы Кива ни беспокоилась за свою неразумную гордую подругу, за остальных она волновалась не меньше, потому что в двери вбегало все больше солдат, и теперь среди них были и маги. Не в силах просто стоять и смотреть, она рванула вперед, ища на полу брошенное оружие. Но не успела сделать и двух шагов, как под ногами у нее треснула мраморная плитка, и она попятилась.

– Где моя сестра? – прокричал Эйдрану Джарен, рубя лозы, пытающиеся обвить его за ноги.

– Королевские покои! – откликнулся Эйдран, без промаха разя кинжалом мага огня. – Ее не охраняют, но...

Он не успел закончить – аномалия воздуха швырнула его через всю комнату, и Наари немедленно сразила ее, не дав второго шанса применить силу.

Эйдран встряхнулся и кинулся обратно в свалку, как раз когда Джарен выскочил из нее, подбежал к Киве и толкнул ее за колонну, где их было не видно.

– Надо уходить, – пропыхтел он.

Кива окинула взглядом поле боя вокруг и покачала головой:

– Ты нужен здесь.

– Но...

– Я в битве ничем не помогу, – перебила его Кива, – зато путь до королевских покоев знаю. Эйдран сказал, Миррин не охраняют, со мной ничего не случится. Я справлюсь.

Пульс подскочил при одной мысли о том, чтобы идти одной, но это займет всего несколько минут, и к тому же она права: он здесь нужен, а она – нет.

Джарен бросил взгляд на отбивающихся друзей, обернулся к ней с сомнением в глазах. Но наконец кивнул, достал из кармана кожаный мешочек с тремя кольцами и вжал в ее ладонь.

– Забери Печать и разыщи меня.

Склонившись, он яростно, отчаянно поцеловал ее, выпрямился и приказал:

– Если откуда-нибудь вылезет Зулика – убегай. Без нас не выходи против нее, поняла?

Не дожидаясь согласия, он тронул амулет на ее груди.

– И что бы ты ни делала, не снимай его. Миррин обращается с оружием еще хуже, чем ты. Пока амулет с тобой, она не причинит тебе вреда.

Амулет все еще хранил в себе магию Кэлдона и Эшлин, и Кива знала, что он защитит ее от всего, кроме воды. Миррин ее не пугала, но, глядя на Джарена, почувствовала, как ее отвага угасает при мысли о том, чтобы расстаться даже ненадолго. За себя она не боялась, но боялась за него. И не только за него – еще и за Наари, Эйдрана, Вериса, которые сражались прямо за колонной, Торелла, Эшлин и Рессинду, которые вели бой снаружи, в саду, и Кресту, которая отправилась боги знает куда. Оставалось лишь радоваться, что Кэлдон, Типп и Голдрик еще не в Валлени, так что им не угрожали орды врагов. Но это мало успокаивало: остальные-то все еще в непосредственной опасности.

– Иди, Кива, – мягко велел Джарен, заметив в ее глазах растущую тревогу. Поцеловал ее еще раз, совсем мимолетно. – Иди.

И с этими словами он развернулся и бросился обратно в схватку. Серых гвардейцев прибавилось, но, уравнивая силы противников, подоспели и новые королевские стражники. Впрочем, Эйдран, Верис и Наари все равно оставались в меньшинстве, и Джарен немедленно кинулся им на выручку.

Кива дала себе пару секунд, чтобы посмотреть, как взлетает его меч, как умело он сражается даже без магии, и сказать себе, что с ним ничего не случится, просто не может случиться, а потом крутанулась на месте и убежала прочь.

Она мчалась, летела, неслась по устеленным красными коврами лестницам и длинным коридорам с бело-золотым интерьером, едва замечая портреты на стенах и статуи. Все выше и выше, этаж за этажом, пока легкие разрывались от боли, и наконец вылетела в нужный коридор, увидела золоченые двери королевских покоев и подбежала к ним.

Настежь распахнув двери, Кива ворвалась внутрь.

Но застыла, увидев то, что ждало ее внутри.

– Что? – охнула она, тяжело дыша.

Уже медленнее она прошла вглубь комнаты, краем глаза замечая знакомое роскошное убранство, высокие потолки и дорогие ковры, вычурный камин и хрустальный рояль, окна от пола до потолка, выходящие в сад, где до сих пор кипело сражение, и на реку, над которой протянулся мост, соединяющий обе части дворца. Но Кива едва видела комнату и то, что творилось за ее пределами: внимание ее было полностью поглощено тремя людьми, что раскинулись на красных бархатных диванах королевы.

Кива не представляла, с чем встретится, но полагала, что Миррин будет одна и Киве придется сражаться с ней за кольцо. Она вовсе не ожидала, что в комнате будет не только Миррин, но и Ариана, и Ориэль, и уж точно не думала, что все трое будут спать.

Только вот это был не сон. Потому что, подойдя ближе, Кива увидела кружащие над ними черные тени.

Магия Зулики – такая же, как и в случае противоестественной комы Наари.

Кива поежилась, еще раз вспомнив, как сильна сестра, но отбросила ужас и поспешила к Миррин. Проходя мимо Ориэля, она склонилась проверить его пульс и отскочила назад, когда из-за подушки выпрыгнул Флокс. Обычно дружелюбный серебристый медведь зашипел и попытался цапнуть.

– Тихо, малыш! – велела Кива, пятясь от его острых зубов и когтей. – Я сейчас всех освобожу.

Но сперва нужно было воспользоваться тем, что Миррин без сознания.

Подойдя ближе, она посмотрела на златовласую принцессу, запоздало осознавая: что-то пошло не так между нею и Зуликой, раз Миррин в итоге оказалась в оковах темной корентиновской магии. Видимо, с равноправием и общим правлением было покончено.

Киве было очень любопытно, но на размышления времени не было, так что она взяла Миррин за руки, ища, ища, ища...

Кольца у принцессы не было.

Кива в отчаянии обыскала одежду, проверила карманы голубого платья, но ничего не нашла и с тревогой выругалась, осознав, что

остался только один вариант: будить Миррин и спрашивать, где кольцо. Если его забрала Зулика...

«Не думай об этом», – велела себе Кива; незачем давать себе лишнюю причину для паники. Вместо этого она призвала дар и окутала им принцессу, прогоняя тени и разрушая чары Зулики. Потом отправила целебный свет к Ариане и Ориэлю, не желая оставлять их под чарами ни минутой больше.

Как только тени рассеялись, Кива поняла, что зря она это сделала.

Не потому, что Миррин, моргая, садилась на диване, а за ней следом поднимались и королева с сыном. Но потому, что Кива не осознавала, как мало у нее осталось сил после нескольких дней дороги без отдыха. А растратить столько магии зараз, пусть даже это не стоило ей никакого труда...

Пошатнувшись, Кива прижала ладонь ко лбу.

Кива не помнила, когда в последний раз колдовство забирало у нее столько сил. Научившись подпитывать дар позитивными мыслями, она почти не тратила энергию и уставала лишь после целого дня тренировок. Но теперь она ощущала изнеможение.

А учитывая, что Зулика была полна сил, устала она крайне не вовремя.

Впрочем, сделанного не изменить, так что Кива глубоко вздохнула, прислушиваясь к ощущениям, и с облегчением обнаружила, что все не так плохо. Она не смогла бы объяснить, но словно наяву чувствовала, как сила самовосполняется, готовясь к тому, с какой угрозой ей предстоит вскоре столкнуться. Она бы разревелась, если бы перед ней, ничего не понимая, не пошатывались трое членов королевской семьи.

– Мама! – закричал Ориэль, с уже куда более счастливым Флоксом на руках бросаясь навстречу королеве Ариане. Мама прижала его к себе, он разревелся, и этот нежный момент отвлек Киву на долю секунды.

Но потом она повернулась к Миррин, которая нетвердо стояла на ногах и выглядела точно так же, как в предыдущие их встречи, – надменной и властной.

– Что ты здесь забыла? – охнула принцесса. Голубые глаза метнулись к окнам и округлились, когда она увидела, что творится в саду. – Что...

– Где Королевская Печать? – перебила ее Кива.

– Я... что? – Миррин перевела взгляд на Киву, лицо у нее побледнело. Тут она что-то поняла, схватила Киву за руки и торопливо заговорила: – Я пыталась ее остановить, клянусь! Я совершила ошибку, худшую ошибку в своей жизни. Но когда попыталась все исправить... – Ее глаза наполнились слезами, когда она бросила взгляд на маму и брата. – Зулика была наготове и напала, прежде чем успели мы. Я пыталась... Мы все пытались...

Она рвано всхлипнула.

– Прошу, Кива, поверь мне. Я ош-ошиблась...

Она вновь всхлипнула, слезы потекли у нее по лицу, и она прошептала:

– Навок об-обещал, что мы с Серафиной будем вместе. Он солгал. Я столько сделала, столько навредила – и в-все зря...

Кива не знала, что и думать насчет горя принцессы, как и насчет ее вроде бы искреннего раскаяния. С одной стороны, она не могла не смягчиться: все-таки она и сама совершала кошмарные ошибки и долго корила себя за это. Но еще Кива знала, что сейчас не время это обсуждать.

Высвободив руки из крепкой хватки Миррин, Кива посмотрела туда, где стояли Ариана и Ориэль, оба заметно не в себе, и произнесла:

– Об этом успеем поговорить потом, но сейчас надо что-то сделать с Навоком. На дворец напали.

Она махнула рукой на окна, на сражение, кипящее в саду, – все горело, трескалось, затоплялось, повсюду сражались солдаты в доспехах, а еще больше лежало на земле.

– Нет времени объяснять, но мне нужно выяснить, где Королевская Печать.

– Она у меня, – сразу же отозвалась Ариана. Она не стала задавать вопросов, даже не спросила, на чьей стороне Кива, – вероятно, Миррин или Зулика уже все рассказали. Вместо этого королева лишь подняла руку, показывая кольцо на пальце.

У Кивы чуть не подломились колени. В этот момент она поняла, что Миррин и вправду раскаялась: если она вернула Печать матери, значит, Зулика лишилась Королевской Триады, а значит, больше у нее и прав на престол не было.

Впрочем, учитывая обстоятельства, Кива сомневалась, что кому-то есть дело до древних законов.

Отмахнувшись от этих мыслей, она подошла к Ариане и вытряхнула из мешочка на ладонь три других кольца. Сапфировые глаза королевы потрясенно округлились, и Кива поняла: королева точно знает, что это и зачем оно нужно.

Но никто и рта не успел раскрыть, потому что в двери королевских покоев ворвался Голдрик; он перевел взгляд с ладони Кивы на королеву с поднятой рукой и увидел все четыре кольца.

Обветренное лицо расплылось в улыбке.

– Кажется, я как раз вовремя.

Кива вытаращилась на него, не понимая, как он здесь оказался. Он должен был отдыхать под Окхоллоу или, по крайней мере, не торопясь ехать в город. Может, лежать где-нибудь в безопасном месте, которое нашел Кэлдон, если хватило времени. Что угодно, только не входить в королевские покои, будто точно зная, где искать Киву. Но она не успела спросить, как это возможно, потому что в двери вошло не меньше дюжины других людей – все в серой броне, все без оружия.

Аномалии.

И с ними король Навок – он неспешно вошел в комнату и остановился рядом с Голдриком; на красивом лице играла самодовольная ухмылка.

Но Кива не обратила на Навока внимания.

Не обратила внимания и на улыбки, которыми обменялись Навок и Голдрик, не как король и его бывший пленник, а скорее так, будто они вовсе не враги – а может, никогда ими и не были.

Киву заботил только Типп.

Потому что Навок крепко держал мальчика...

Прижимая к его горлу кинжал.

– Типп! – закричал Ориэль, выпустил Флокса и бросился к другу, но Ариана удержала его, а аномалии Навока насторожились.

– Не-не-не, – пожурил король всех трех Валлентисов, крепче вцепляясь в Типпа. – Моя личная стража убивает без колебаний. Только попробуйте призвать магию, и они прикончат вас, глазом не моргнув.

Кива быстро оглядела врагов и поняла, что Навок не лжет: эти аномалии отличались от тех, что сражались снаружи. Она не знала, что

ими двигало, их намерения были черны и опасны. Она поняла это, потому что среди них был Ксуру, и маг огня смотрел на нее с предвкушением в черных глазах.

У Кивы в ушах застучало, она посмотрела на опухшее красное лицо Типпа и слезы, текущие по его щекам. И заметила в его чертах не страх, а кое-что похуже.

Отчаяние.

Боль.

Горе.

Кива похолодела. Потому что знала, она *знала*: есть только одна причина, по которой он мог так выглядеть. Она посмотрела ему в глаза и сипло спросила:

– Где Кэлдон?

Снова расплакавшись, Типп открыл рот и тихо выдавил:

– Его уб-били.

Глава двадцать девятая

Сперва Кива не слышала ничего, кроме звона в ушах. Она заметила, как побелела Ариана, как осел в руках матери Ориэль, как Миррин прижала руки ко рту, испуганно охнув. Но Кива могла лишь оцепенело смотреть на Типпа, видя правду в его опухших, покрасневших глазах.

– Боюсь, мальчик прав, – сказал Голдрик, не ведая, что она не дышала и не *думала*. – Как-то слишком уж просто вышло, поверить не могу, что вы все купились, когда я прикинулся изможденным. Будто я не убедился бы, что мне с запасом хватит энергии на всю дорогу.

Он издевательски хохотнул.

– Стоило вам уехать, и мне нужно было только застонать, чтобы ваш выскочка-принц бегом кинулся смотреть, что со мной. Так и не увидел кинжала.

Кива покачала головой.

Нет.

Она отказывалась в это верить.

Кэлдон был силен – один из сильнейших людей, которых знала Кива. Он и раньше выживал после кинжальных ран. Даже она сама однажды ударила его кинжалом, и все было хорошо. Нужно было верить...

– Правда, рана неглубокая...

Кива чуть не свалилась от облегчения.

– ...но на острие столько яда некрота, что можно целую армию сразить.

В ушах снова зазвенело, на этот раз громче, а в глазах помутилось.

Яд некрота от гадюк некрот.

Один укус убивает взрослого человека.

За секунды.

– *Нет!* – на этот раз она воскликнула вслух и не узнала собственный голос. – Я не... Я тебе не верю!

Ее всю трясло, тело реагировало на то, что отказывался принять разум.

– Правды это не изменит, – пожал плечами Голдрик. – Принц уже гниет в канаве.

Он со смехом махнул рукой на Типпа.

– А этот пытался напоить его водой, пока тот испускал последний вздох. Водой! Много от нее пользы! – Еще смешок. – Столько лет проходил у тебя в помощниках, и это все? Мальчишке явно еще учиться и учиться. Впрочем, в его защиту стоит сказать, что кроме твоей магии принцу ничто бы не помогло: противоядия от яда некроса нет нигде на Вендероле.

По лицу Типпа вновь полились слезы, но глаза Кивы остались сухи. Не потому, что ей не хотелось рыдать, а потому, что она не могла. Чувства переполняли ее, пожирали, а мысль о Кэлдоне – *мертвом...*

Ариана всхлипнула, и Кива вспомнила, что семья Кэлдона стоит рядом.

Но надолго эта мысль не задержалась.

Кива вообще не могла о нем думать, отрицала услышанное, игнорировала правду, которую видела в злорадной усмешке Голдрика и в глазах Типпа. С необыкновенным радушием чувствовала, как по венам разливается оцепенение – знала, что лишь это удержит ее на ногах. Онемевшими губами она выговорила единственное слово:

– Зачем?

– Зачем я убил принца? – переспросил Голдрик. – На одного Валлентиса на моем пути меньше. Ты подарила мне прекрасную возможность, когда попросила его остаться с нами. Спасибо тебе – как я уже говорил, все вышло очень легко.

Кива не пустила его слова внутрь ее сознания, да и не пробрались бы они сквозь лед, сковывающий ее целиком.

Кэлдон погиб.

Кэлдон погиб.

Даже сквозь оцепенение Кива все равно чувствовала, как разбивается в груди сердце.

Но каким-то образом она выдавила:

– Нет, зачем все это? Почему ты с Навоком?

– Разве не очевидно? – Голдрик склонил голову набок. – Я с самого начала играл с вами.

Кива вздрогнула, хотя это она и без того поняла.

– Я любил твою мать, об этом я не лгал, – мягко произнес Голдрик, а потом продолжил уже тверже: – Но когда она начала сомневаться, когда она стала думать только о том, как бы вытащить тебя и спасти Зулику, когда она начала гадать, заслуживает ли ее род править, я понял: повстанцам лучше со мной во главе.

Он помрачнел.

– Моя семья служила Корентинам много веков со времен самого Торвина. Но только я собрал повстанцев, я разыскал для нас наследницу королевских кровей, готовую повести нас в бой. А твоя мать была готова – пока не передумала. Слишком уж переживала о семье. Это была ее слабость. И это ее уничтожило.

Кива сглотнула, взглянув ему в глаза, но тут их прервал скучающий Навок:

– Нельзя ли побыстрее?

Он сильнее вдавил лезвие в горло Типпа, на клинке показалась капелька крови, мальчик скривился, и у Кивы внутри все перевернулось.

– Терпение, друг мой, – призвал Голдрик. – Она заслуживает знать.

– Я тебе не друг, – сверкнул янтарными глазами Навок. – И мне плевать, чего она там заслуживает. Сказку на ночь расскажешь ей потом.

Голдрик вздохнул, обернулся к Киве и быстро заговорил:

– Тильда действительно отправилась к Навоку, чтобы заключить сделку, в этом я тебе не соврал. Но я поехал вслед за ней не из верности и даже не из любви. Я поехал за ней, чтобы заключить собственную сделку.

Кива переводила взгляд с Голдрика на Навока, сжимая кулаки так, что кольца врезались в ладони.

– Я слышал, что новый мирравенский король очень интересуется магией, так что поехал договориться с ним, в обмен предложив рассказать о Длани Богов, – пояснил Голдрик. – Он уже заключил сделку с Тильдой, что заберет тебя из Залиндова, женится и использует против Зулики, а я дал ему еще один повод: тот факт, что только ты можешь применять кольца.

– Да, да, – нетерпеливо влез Навок. – Мы заключили сделку: Голдрик прикинется моим пленником, а ты его освободишь – и не

глазей на меня так удивленно, ты ужасно предсказуема. Мне ничего не стоило наставить ему пару синяков да прикинуться, что я пытаюсь не дать тебе улизнуть, – а на самом деле все обстояло наоборот. – В голосе зазвучала горечь: – Хотя должен признать, я не знал, что во дворец проникла Эшлин. За это она еще поплатится.

Навок сердито уставился под ноги, но потом его лицо просветлело, и он продолжил:

– После того как ты освободила Голдрика, он должен был рассказать тебе о кольцах и о том, как тебе *жизненно* необходимо держать их подальше от бедного опасного меня. – Король резанул ее своей улыбкой. – Дальше он помог тебе собрать все четыре, а наградой ему станет то, что в первую очередь ты используешь Длань на нем, пока мои солдаты разбираются с Валлентисами и верными им войсками. Вот и прямая дорога к трону для истинного лидера мятежа. Без Валлентисов и Корентинов подданные Эвалона склонятся перед любым королем с магией стихий, а благодаря тебе она у него будет.

– Таков уговор, – добавил Голдрик. – Мы оба получаем магию, но я забираю себе Эвалон, а Навок – остальной Вендерол, королевство за королевством, наращивая попутно свою магическую армию.

– И еще кое-что. – Навок посмотрел Киве в глаза. – Убив сестру, ты станешь править со мной. В конце концов, я же договорился с твоей матерью. Я не настолько глуп, чтобы разрывать уговор с мертвыми.

Кива тяжело дышала, не в силах поверить в их слова, и это дало ей отваги спросить:

– С чего мне вообще вам помогать? Нельзя силой принудить меня применять дар. Вам не заставить меня...

Голдрик уверенно перебил ее:

– Потому что у тебя тот же фатальный изъян, что и у твоей матери: слишком уж ты любишь свою семью.

Типп вскрикнул – Навок прижал кинжал плотнее, и кровь потекла струйкой.

– Нет! – закричала Кива, бросаясь вперед, но ее остановил предупреждающий взгляд Навока.

– В этой комнате четыре дорогих тебе человека, и вряд ли ты хочешь, чтобы они умерли, – произнес король. – Но, если потребуется, они умрут. А если и это не поможет, мы сходим за ним.

Он бросил взгляд за окно, Кива посмотрела туда же и вздрогнула: золоченый мост, до этого пустой, наполнила Серая Гвардия и аномалии, которых с трудом сдерживала горстка королевской стражи в серебристом и солдат в черном. Из Серин вздыбилась волна и врезалась в мост, смыв через перила половину солдат как Эвалона, так и Мирравена, а прочие после краткой заминки вновь ринулись в атаку с удвоенной яростью.

Все это Кива увидела в мгновение ока, потому что в самом центре этой свалки, ровно там, куда указывал Навок, сражался тот, на кого она устремила полный ужаса взгляд.

– Джарен! – всхлипнул Ориэль, увидев брата впервые за несколько месяцев.

Кива подумала, что хуже уже не будет: она увидела кинжал у горла Типпа, услышала, что Кэлдон...

Нет.

Она запретила себе думать о нем, понимая, что просто не справится. Придется пока пожить в отрицании. Кэлдон первый велел бы ей сосредоточиться на текущих проблемах, а все остальное можно обдумать и потом.

Ее страх, паника, ужас – вот о чем следовало сейчас думать, и Киве казалось, что сильнее этим чувствам не стать.

Но потом увидела на мосту Джарена.

И по горящим глазам Навока точно поняла, что он сделает, если она не подчинится.

Ей придется смотреть, как один за другим страдают и умирают ее близкие, пока Навок и Голдрик не получают желаемое. Она не вынесет груза вины, не вынесет эту боль. Но еще она понимала, что если подчинится, если с помощью Длани дарует им магию, если сделает выбор в пользу своих близких, а не всего королевства, всего континента... Их уже ничто не остановит.

И виновата в этом будет она.

– Все хорошо, Кива, – шепнула Ариана. – Сарана понимала, что такое может случиться. Все будет хорошо.

Кива лишь печально покачала головой. Ариана ошибалась: ничего хорошего тут не было и быть не могло. Но когда она обернулась к королеве, ожидая увидеть на ее лице то же уныние, что овладело ею самой, то заметила лишь неестественное спокойствие в ее глазах.

Королева будто пыталась намекнуть ей на что-то, но Кива намек не улавливала.

Не отводя взгляда, Ариана сняла с пальца Печать и протянула ей.

Кива уставилась на него, как на змею.

– Забирай, – велел Голдрик, подходя ближе.

Навок остался на месте, не выпуская Типпа, в окружении стражей-аномалий.

Кольцо Кива не взяла.

Не смогла взять.

Но тут Типп вновь закричал: порез на его шее стал глубже, а кровь медленно закапала на воротник.

Кива мигом схватила кольцо.

– Погоди, сперва нужна ее магия, – напомнил Голдрик. А Ариане велел: – Ты знаешь, что делать. Но даже не вздумай что-нибудь выкинуть. Только кольцо.

Королева кивнула и коснулась ободка. На нем не было крупного камня, как на прочих, вместо этого золото украшал герб Валлентисов, отличительная черта Королевской Печати, и россыпь мелких синих сапфиров, которые Кива раньше не замечала. Они загорелись от прикосновения дара Арианы и погасли вновь. Все это время королева не сводила взгляда с Кивы, будто без слов пытаясь что-то ей сказать.

Но Кива все равно не понимала.

Пока Ариана не перевела взгляд на долю секунды. Лишь мельком, никто больше не заметил, но Кива округлила глаза.

«Сарана понимала, что такое может случиться».

Киву обуревали мысли, воспоминания, вопросы, слова Арианы обрели смысл, пусть даже Кива не смела поверить в них, не смела надеяться.

– Ты знаешь, что делать, Кива, – сказал Голдрик, и его глаза заблестели в предвкушении. – Надевай кольца, направляй магию в них, а потом в меня. Вот и все. Легче вздоха.

Сейчас Киве и вздохи давались с трудом, так что его заявление выеденного яйца не стоило. Но она все смотрела в глаза Арианы, и ее уверенный, поддерживающий, непреклонный взгляд помог и Киве набраться уверенности, хоть сердце и колотилось о грудную клетку.

– Не наденешь кольца за три секунды, придется найти нового заложника, – протянул Навок.

У Кивы ускорился пульс, Ариана торопливо кивнула ей, и она надела кольца.

Рубин. Топаз. Изумруд. Сапфир.

Длань Богов.

– Потрясающе... – охнул Голдрик, глядя на ее пальцы.

Он потянулся к ней. Кива отпрянула, но он поймал ее, схватил за руку и прижал ладонь к своей груди.

– Давай!

Кива медлила.

– Делай, что велено, или мальчишка умрет, – пригрозил Навок.

Но Кива послушалась лишь шепота Арианы:

– Давай, милая.

Молясь, что она правильно поняла королеву, что ее собственные вопросы и подозрения последних недель обрели почву, Кива набрала в грудь воздуха и призвала свой дар.

Когда золотой свет окутал ладонь, кольца ожили, в них ослепительно засверкало целебное сияние, создавая калейдоскоп красок – красная, белая, зеленая, синяя. Они были так яркие, что осветили всю комнату, а Киве пришлось прикрыть глаза от этого радужного сияния. Пальцы горели неожиданной пугающей болью. Она отняла бы руку от груди Голдрика, но тот железной хваткой прижимал ее пальцы.

А потом все прекратилось.

Прошла боль, растворились цвета, и Кива осторожно рассеяла дар, вместе с которым потухло свечение.

– Сработало? – спросил Навок.

– Я... Я не знаю, – озадаченно ответил Голдрик.

– Ты разве ничего не чувствуешь? – спросил мирравенский король. – Попробуй что-нибудь! Огонь, воздух, вода, земля, делай же что-нибудь!

Голдрик сосредоточился, но ничего не произошло.

Он яростно воззрился на Киву:

– Что ты сделала?

– Что ты и велел, – ответила она, вновь пугаясь при виде его озверевшего лица.

– Ты врешь! Ты наверняка... – Он резко умолк и свирепо взглянул на королеву Ариану. – Ты! Ты что-то знала. Сарана твой предок, так

скажи, как работает Длань!

Ариана теперь казалась напуганной – с виду.

Но Кива видела, как победно блестят глаза королевы – видела лишь потому, что знала, что искать.

– Отвечай, или мои аномалии разотрут твоих детишек в порошок! – велел Навок.

Королева побелела, и Кива испугалась, правильно ли поняла ее раньше. Но в глазах Арианы остался тот же блеск, и Киве пришлось удовольствоваться этим.

– Тебе нужно надеть кольца, – сказала Голдрику Ариана, слегка даже перебарщивая с дрожью в голосе. – Их нужно наполнить магией как Валлентисов, так и Корентинов, но тебе нужно надеть их, чтобы ее целительский дар обратился в тебе в силу стихий. Длань работает так: ею управляешь ты сам.

Жадные глаза Голдрика обратились на Киву.

– Отдай кольца.

Кива подчинилась, вновь молясь, чтобы королева знала, что делает.

Одно, другое, третье, четвертое – Голдрик надел кольца на пальцы, посмотрел на руку и вновь обратился к Ариане:

– Что дальше?

Королева немедленно перестала дрожать, а губы сложились в резкую злую улыбку, и она сказала ему почти ласково:

– А дальше ты отправляешься к Саране и Торвину.

Голдрик озадаченно открыл рот...

Но оттуда вырвался лишь вопль.

Кольца вспыхнули, пламя взлетело по его руке и охватило все тело.

Всего пять секунд могучей, молниеносной древней магии, и Голдрик вместе с кольцами обратился в пепел.

Кива застыла, вытаращившись на серую кучку на ковре и чувствуя, что ее вот-вот стошнит.

Но времени на это не было, потому что Навок заревел:

– Ты что наделала?!

И тут разверзся ад: Флокс решил, что *сейчас* самое время защитить своих близких, и, бросившись вперед, вонзил зубы Навоку в ногу.

Мирравенской король завопил и машинально попытался отмахнуться кинжалом от зверька, но для этого ему пришлось выпустить Типпа.

Чего и ждала Ариана.

– Давай! – закричала королева, и вдруг комнату начали рвать на части вода, ветер и земля: ее собственная магия вместе с даром Миррин и Ориэля против аномалий.

Кива инстинктивно ринулась вперед, в развершемся хаосе схватила Типпа и вместе с ним спряталась за хрустальным роялем. Выглянула оттуда: аномалии отбивались от Валлентисов огнем, летали копыя льда, с потолка крошился мрамор, бушевал ветер. Ксуру самозабвенно швырялся пламенем, ковер и диваны уже занимались, валил дым, даже после того, как Ариана водой погасила пожар.

Все это время Навок беспомощно отбивался от Флокса, который прыгал у него под ногами, кусался и царапался – было бы смешно, если бы не катастрофа вокруг.

Тут Кива поняла: Валлентисы выжидали, пока Типп окажется вне досягаемости клинка Навока, а теперь у них были развязаны руки. Пусть противников гораздо больше, с силой Валлентисов следовало считаться: они всю жизнь тренировались сражаться магией против магии, прямо как...

«Джарен!» – поняла Кива. Нужно его найти. Но сперва...

– Ариана! – закричала Кива и замахала королеве, которую оттеснили в дальний угол просторной комнаты, где она отбивалась, прижавшись к камину.

Но она была слишком занята и не слышала Киву.

А вот Ориэль стоял достаточно близко, он бегом нырнул к ним за рояль, глаза у него были круглые, но он, несмотря ни на что, помогал своим даром семье.

Понимая, что нужно сделать, Кива посмотрела в перепуганные глаза Типпа и велела:

– Никуда отсюда не уходи, понял? Дождись, пока станет безопасно.

Он тут же кивнул, и она перевела взгляд на юного принца и попросила:

– Пригляди за ним.

– Пригляжу, – серьезно пообещал Ориэль и зашвырнул валун в мага, который заметил их укромное место. Камень с размаху ударил его по лбу, сбив с ног, и больше маг уже не поднялся.

Не мешкая, Кива встала и рванула через комнату. В нее врезался вихрь, но вреда не причинил, потому что ее защищал амулет. Однако потом один из аномалий Навока ударил ее волной и сбил с ног. Тут же рядом возникла Миррин, подняла Киву на ноги и вскинула руки, отбрасывая аномалию.

– Цела? – спросила принцесса, перекрикивая звон бьющегося стекла и треск стен.

– Мне надо к твоей маме! – выговорила промокшая Кива, откашливаясь.

– Я прикрою! – Миррин толкнула ее вперед.

Кива вновь побежала, уклоняясь от ударов, как могла, потому что понимала, что нельзя опустошать амулет. Нельзя, если она правильно поняла, что он такое.

Наконец добежав до противоположного угла, она спряталась за алым креслом у камина, перед которым во весь рост гордо стояла Ариана, одного за другим повергая аномалий, которые все прибывали и прибывали.

– Длань – это не кольца? – крикнула ей Кива, вспомнив слова королевы: «Сарана понимала, что такое может случиться», а еще – мимолетный взгляд королевы, на долю секунды опустившийся вниз.

На амулет.

– Раньше была кольцами, – выдохнула Ариана, перепрыгнула через плеть лозы и разрубила ее ледяным клинком. – Но Сарана не раздавала их, а сделала копии, смертельную ловушку для любого, кто решит их применить. Настоящие кольца она расплавила и оставила в семье, чтобы защитить нас другим способом.

Кива коснулась амулета. Значит, она правильно догадалась: все это время она носила Длань Богов.

– Длань еще работает? – спросила Кива. Она ни разу не пыталась коснуться герба Валлентисов своим даром, даже не думала об этом. Но если на самом деле это не амулет Валлентисов, а Длань...

Ариана уклонилась от огненного вихря и ответила водяными копьями, а потом упала рядом с Кивой на колени и прижала палец к

сапфиру, который засиял синим, принимая магию и замыкая круг защитной магии всех четырех камней.

Королева сказала, все еще тяжело дыша:

– Сработает, но только раз. Сарана понимала: если расплавить оригинальные кольца, Длань ослабнет, но решила, что так безопаснее, чем если она случайно попадет в руки врага. – Ариана посмотрела Киве в глаза: – Попытка только одна. Не потратить зря.

И королева поднялась на ноги, отбивая атаки еще двух аномалий.

Кива не стала дожидаться, пока они падут, и кинулась прочь из комнаты.

«Попытка только одна. Не потратить зря».

Слова звенели в ушах Кивы, когда она вылетела в двери и понеслась по бело-золотым коридорам, слыша, как в спину ей раздался громогласный окрик Навока. У нее чуть не подломились колени, когда она поняла, что он бежит за ней, и оглянулась через плечо как раз вовремя, чтобы увидеть, как Ксуру швыряет в нее огненный шар. Тот ударил ее в спину, все перед глазами заволочло красным и оранжевым, но амулет отразил пламя, и Кива осталась цела.

Больше она не оглядывалась. Она бежала, не останавливаясь даже когда в нее вновь полетело пламя, а за ним вода, ветер и земля – к Ксуру присоединились другие охранники-аномалии Навока. Но амулет защищал ее от любой атаки, и их магия не могла ей повредить.

Ей все еще было до одури страшно. Но она все равно бежала. Впереди уже маячил мост, который начинался на том же этаже, что и покои королевы, и вел к восточному дворцу.

И там был Джарен.

Теперь Киве было его видно: с мечом в каждой руке он отбивался от Серой Гвардии и аномалий, стоя на вершине изогнутого золотого моста. Вериса и Эйдрана она не видела, не узнавала никого из королевских стражников или солдат в черной броне, которые сражались бок о бок с Джареном, но заметила Наари: она стояла ближе к восточному дворцу, окруженная роем одетых в серое противников.

Наконец добежав до моста, Кива бросилась в свалку, уклоняясь не только от магических ударов, но и от оружия. Амулет не спас бы ее от меча, но думать об этом было некогда – она бежала, бежала, бежала прямо к Джарену.

А потом прямо перед ней открылся просвет. Она закричала, зовя Джарена по имени, чтобы он заметил ее и не принял за очередного нападающего, и прыгнула к нему. Он поймал ее, вытаращился, и каким-то чудом не пырнул ее ни одним из клинков.

– Кива... Что... – охнул он.

Она не дала ему договорить, сорвала амулет с шеи и, прижав к его груди, призвала магию и наполнила ею кулон.

Свет, слепящий свет ударил по глазам, такой яркий, что она зажмурилась. Жидкое тепло полилось по руке, как подтаявший на солнце сироп, и закапало с кончиков пальцев прямо в Джарена.

Еще миг – и она почувствовала, как амулет хрустнул под пальцами, а свет чуть померк, так что она смогла открыть глаза и увидела, что герб распался на четыре части – по числу камней и по числу колец.

«Попытка только одна. Не потрать зря».

Сила амулета ушла, Длани Богов больше не существовало.

Но Джарен...

В его глазах сияло золото, когда он понял, что она сделала.

Потом он взмахнул рукой, и трое Серых гвардейцев, которых Кива не замечала, улетели за перила моста.

Джарен опустил взгляд на ладонь. В его глазах сквозил такой восторг, что она всхлипнула.

Его дар вернулся.

И как раз вовремя, поскольку Навок, дорогу которому расчищала охрана, добрался до моста, и его аномалии в единой атаке обрушились на место, где стояли Кива и Джарен.

Время замедлило ход, пока Кива смотрела, как к ним несется стена пламени, как водоворот взбивает Серин в бурлящий котел, который поднимается смертельной волной, как мост трескается и стонет под ногами. А ведь амулет ее больше не защитит, вспомнила Кива.

Но он был не нужен. Потому что еще один взмах руки Джарена – и стена огня с шипением врезалась в водоворот, и волна безвредно плюхнулась обратно в реку, а мрамор под ногами угомонился.

В саду еще кипела битва, но на мосту повисла тишина, потому что все вокруг, насколько хватало глаз, и мирравенцы, и эвалонцы – все

попятились при виде того, как Джарен без труда отразил могучую магию.

Вот только не без труда.

Кива стояла так близко, что слышала его тяжелое дыхание, чувствовала, как его колотит от изнеможения.

Тут она поняла: да, его дар вернулся, но он так долго жил без него, что теперь был не в лучшей форме. Ему нужно было время, чтобы войти в полную силу. Сейчас он все сделал инстинктивно – спасибо годам тренировок, но у него не хватало энергии на такие магические всплески, тем более что он без передышки дрался с самого прибытия во дворец. Он очень устал, а значит, и магия, и сам он долго не продержатся. Еще одна атака вроде той, которую они пережили, и...

Кива знала, что Джарен все отдаст, лишь бы спасти своих подданных, лишь бы спасти ее саму. Но еще знала, что и у его сил есть пределы.

Навок, кажется, подумал о том же, потому что он махнул Ксуру и остальной своей страже, приказывая остановиться, и шагнул в расчищенное ими пространство. Сражение на мосту не возобновилось, обе стороны словно затаили дыхание в ожидании.

Король Мирравена неспешно направился к Киве и Джарену, волосы полыхали бронзовым огнем, в глазах бушевала гроза.

Джарен попытался отодвинуть Киву себе за спину, но та не поддалась. Это из-за нее Навок разъярился, из-за нее ему больше не получить вождеденный магический дар. Аномалии, которых он уже собрал, – последние, которых ему удастся получить, и их число неуклонно сокращалось силами королевской стражи, солдат Эшлин и повстанцев Тора. Если бы не Серая Гвардия Навока, прикрывающая своих магических соратников, битва уже подошла бы к концу. Но на стороне Мирравена сражалось слишком уж много воинов, а на стороне Эвалона – слишком мало. Даже учитывая Ариану и Миррин, которые вступили в бой и нападали и защищались с помощью магии, врагов все равно было слишком много.

– Видишь, что происходит? – крикнул Джарену Навок, остановившись на изрядном расстоянии от него и указывая на разруху вокруг. – Моя армия сокрушит твою, это лишь вопрос времени. С Дланью Богов или без, я завоюю этот город, это королевство, этот континент!

Кива поежилась рядом с Джареном, и не столько от слов Навока, сколько от уверенности, с которой он говорил. В его глазах не было ни намек на сомнение, словно поражение Эвалона было предрешено.

Король вновь махнул рукой.

– Оглядысь! – Его гнев сменился надменностью. – Это я сделал. Я убил собственного отца, когда он оказался слишком слабым и бесхребетным, чтобы начать действовать, я последние восемь месяцев отправлял солдат в самую глушь Вендерола, чтобы собрать магическую армию. Я шел к этому дню всю жизнь. А ты... – Навок покосился на Джарена и договорил: – Со всей твоей магией ты всего лишь уголек перед лицом инферно. У тебя нет шансов меня одолеть.

Взгляд Джарена был непоколебим, но он не успел ответить – вмешался еще один голос:

– У него нет. А у меня – есть.

Кива оцепенела, услышав эти слова и увидев, кто входит на мост.

Это была Креста.

С ней шла Серафина с заплаканным лицом, но с широкой сияющей улыбкой на губах – словно она не могла сдержать ликование.

Кива не понимала, к чему эта улыбка. Не понимала и того, почему Навок вдруг будто увидел привидение.

Ореховые глаза Кресты встретились с его глазами, и она шепнула что-то Серафине; кивнув, принцесса исчезла во дворце. Лишь после этого бывшая каменоломщица шагнула вперед, и никто не остановил ее, пока она не остановилась в паре метров от короля.

Кива переводила взгляд с одного на другую, чувствуя, как суматошно колотится сердце, подмечая взглядом то, что разум никак не мог осмыслить.

Одинаково острую линию челюсти. Длинные прямые носы. Дикую, резкую красоту.

Невозможно. Не может быть.

Креста разглядывала Навока, яростная и бесстрашная, и ждала, что он скажет.

Когда он заговорил, голос его прозвучал сипло и приглушенно:

– Ты же должна быть мертва.

Она злобно сверкнула зубами и ответила достаточно громко, чтобы все слышали:

– И тебе привет, братец.

Глава тридцатая

«Братец».

Навок Килдарион приходился Кресте *братом*.

Кива ошарашенно посмотрела на них, потом обернулась к Джарену и увидела на его лице ступор и неверие. Он не знал. *Никто* не знал.

«*Дома было так себе*».

В голове Кивы зазвучал голос Кресты, история, которой она как-то поделилась. Отец, который жестоко с ней обращался, – это был *король Араккис*. А значит, сестрой, которую он считал слабой и никчемной, была Серафина. Но... Креста ни разу не упоминала *брата*. Кива не забыла бы такое, начала бы расспрашивать. И еще она не могла поверить, что даже не заподозрила, кто такая Креста. А ведь они столько времени провели вместе.

«*Спрятать от других то, что не хочешь показывать, просто. Уж тебе ли не знать*», – несколько недель назад сказала Креста.

Все это время правда была прямо перед ней, пряталась за ложью.

Впрочем, чем сильнее Кива напрягала память, тем яснее понимала, что Креста ни разу не солгала ей прямо, только что-то недоговаривала – например, что у нее есть *брат*. Она говорила, что у нее больше нет семьи, но ни разу не заявила, что они *умерли*. Это Кива поняла ее слова по-своему и не стала задавать вопросов, слишком погруженная в собственные проблемы, чтобы копнуть поглубже.

«*За одну ночь я потеряла всех, кроме матери*».

Кива слышала эту историю: жена Араккиса так его боялась, что сбежала, бросив семью, и прошел слух, что ее вскоре выследили и убили. Вот только слухи ошибались: ее не убили, и убежала она не одна – с ней была Креста. Они всех бросили. Даже Серафину.

Обдумав все это, Кива поняла, что Креста наверняка убежала из вестибюля в поисках не Навока, а сестры – она вылетела прочь сразу после того, как капитан Верис сказал, что король запер Серафину в библиотеке.

«*У сестры осталась только я*».

Кива помнила, какая боль звучала в словах Кресты, – но не потому, что сестра умерла, как решила Кива, а потому, что они оказались разделены. Но как это произошло, Кива не знала, и, затаив дыхание, смотрела на Навока и Кресту в надежде, что удастся все выяснить.

– Отец убил тебя в ту ночь, – Навок все еще был потрясен. – Он сказал, что вышел из себя, что Серафина пыталась помешать ему, но к тому моменту тебя уже было не спасти. Вот почему сбежала мама. Не смогла смотреть на него после этого.

На лице Кресты не отразилось ни следа эмоций, когда она ответила:

– Полагаю, нам обоим солгали, потому что, когда я пришла в себя, мама сказала, что мертва Сера. Вот почему она забрала меня из Блэкмаунта – чтобы спасти от него и от тебя.

Она склонила голову.

– Представляешь, каково мне было, когда я наконец узнала правду? Что Сера жива? Что ее бросили не с одним, а с двумя чудовищами? – Креста сощурилась. – Я хотела вернуться и разодрать вас в клочья, но, к сожалению, была не в том положении.

Залиндов – поняла Кива, сердце которой болело за подругу. Креста наверняка услышала про Серу, пока пять лет была взаперти.

– На мое счастье, – продолжала Креста, – ты уже позаботился об отце.

Она по-кошачьи усмехнулась.

– А теперь я позабочусь о тебе. На долю Мирравена пришлось многовато тиранов, пора это изменить.

Никто не успел осмыслить угрозу в ее словах, как Креста громко, звучно возвестила:

– По законам страны, в которой мы рождены, я, Крестория Воссенди Килдарион, вызываю тебя, Навок Араккис Килдарион, на кровный поединок!

Киву со всех сторон окатило напряжением, все одетые в серое мирравенцы на мосту потрясенно охнули, и даже Джарен рядом с ней застыл.

На этот раз в голове Кивы раздался голос королевы Арианы и слова, которые она сказала много месяцев назад на собрании Королевского Совета под дворцом: *«По законам Мирравена любой из*

членов королевской семьи может вызвать на поединок правящего монарха и в случае победы предъявить права на трон».

Креста вызвала Навока на поединок, как он сам когда-то вызвал собственного отца. Если она одолеет его...

Она станет королевой Мирравена.

Кива уставилась на подругу, вспоминая, как рьяно та тренировалась с самого Залиндова.

«Всегда найдется кто-нибудь посильнее. Подготовиться не повредит».

Креста готовилась, и готовилась вот для этого.

Навок хохотнул, мрачно и неприятно. Кива ожидала, что он возразит ей, может, даже даст Кресте шанс забрать свои слова обратно. Но вместо этого он произнес:

– Ты всегда была тупой нахальной девчонкой.

Он улыбнулся ей в ответ той же кошачьей улыбкой, острой и хищной. И добавил:

– В тот раз по тебе не плакал, и в этот не стану.

И он молниеносно прыгнул вперед, выхватив из ниоткуда кинжал и целясь прямо в нее.

Кива вскрикнула, предупреждая Кресту, но в этом не было нужды: Креста предвидела этот скрытый удар. Она уклонилась в сторону, и кинжал просвистел мимо, глубоко вонзившись в грудь одного из стражей Навока. Тот закричал, попятился и врезался в другого, а потом упал наземь.

И разверзся хаос. Креста обнажила клинок и бросилась на брата, который тоже вытащил меч, и клинки встретились в звоне стали. Но не только они кинулись в бой: их атака будто сняла чары на мосту, и все внезапно ожили.

Джарен схватил Киву и прижал ее к перилам, заслоня собой и крича ей пригнуться, а сам мечами и магией отражал каждый удар Серой Гвардии и аномалий. По молчаливому согласию, а может, и по мирравенским законам, никто не трогал Кресту, оставив их с Навоком сражаться один на один. Кива восхищенно смотрела, как рыжая – *принцесса* – билась и колола, блокировала и уклонялась, подпрыгивала и подныривала, отбивая все удары Навока и атакуя в ответ. Мост уже не выдерживал бойни, и Джарен тратил последние силы, чтобы не дать аномалиям расколоть его и опрокинуть всех в реку.

У Кивы звенело в ушах от звона металла и криков, в нос была вонь пота и крови, глаза жгло от вспышек пламени и блеска воды. Через перила она заметила Торелла и Эшлин, оттесненных к дворцу, рядом с ними Миррин и Ариана отбивались уже медленнее, чем в королевских покоях, – давала знать усталость. Кива молилась, чтобы Ориэль и Типп спрятались где-то в безопасном месте, может, там же, куда Креста отправила сестру. Но даже во дворце было небезопасно. Потому что у Кивы на глазах по фундаменту западного здания пошла трещина и поползла вверх по укрепленной люминием стене до самой высокой башни. Мост содрогнулся в ответ, взревела и сразу успокоилась река, когда водную аномалию свалила залитая кровью Рессинда.

После этого Кива потеряла в толпе друзей и брата – в этой свалке было сложно ориентироваться, а опасность была слишком близка, чтобы отвлекаться на что-то еще. Потому что пока Джарен отчаянно отражал атаки, его начали окружать. Его истощенный запас магии выдавал теперь только искорки да огоньки, а потом и вовсе отказал. Даже с королевской стражей и эвалонскими солдатами, которые помогали отбиться от противников, долго им не продержаться. А Кива не могла просто прятаться за их спинами, как какая-то жалкая барышня, ждущая спасения.

Нарушив приказ Джарена оставаться в укрытии, она дотянулась до ближайшего тела и забрала у мертвой женщины меч. Он оказался тяжелым, но ни его вес, ни отсутствие навыков не остановили Киву, когда она бешено замахнулась на Серого гвардейца, подобравшегося к Джарену со спины. Она вспомнила золотую воительницу, которую убила на арене, и еще слова Наари: убей или умри. Понимая, что ситуация такая же, Кива без сомнений ударила нападающего, целя понизу, и прямо через сапог разрежала ему ахиллово сухожилие. Он взревел, уронил меч и схватился за ногу. Джарен с круглыми глазами обернулся на звук – и глаза его полезли на лоб еще выше, но не от удивления.

От страха.

Кива как раз успела обернуться, чтобы увидеть, как в нее летит огненный шар Ксуру, чтобы почувствовать, как разливается в животе ужас, чтобы представить, как плоть слезает с костей, – но этого не

случилось. Потому что Джарен, у которого больше не осталось сил на магическую защиту, прыгнул перед ней и закрыл собственным телом.

Она все равно ощутила жар пламени Ксуру и запах собственных паленых волос, пришлось даже сбить огонь с рукава, однако в остальном никак не пострадала.

Но Джарен...

Она выронила меч, когда Джарен начал падать, и подхватила его со спины. Он застонал от боли, пока она осторожно укладывала его на землю.

– Нет, нет, нет... – охнула она, увидев, что случилось с его грудью: черная кожаная броня испарилась от талии и выше, от обнаженного торса остались лишь кровавые ошметки, черный пепел и расплавленная кожа.

Кива сглотнула комок в горле и заставила себя посмотреть в его полузакрытые от боли глаза.

– Н-ничего. Все в порядке.

В порядке он не был. И она тоже, потому что они все еще сидели в середине свалки на мосту, к ним подходил Ксуру с ухмылочкой на лице, а в ладонях у него снова горел огонь, который он собирался в них швырнуть.

Но не успел: его ухмылка обратилась в немой крик, когда его тело насквозь пронзил меч.

Меч Наари.

Стражница с янтарными глазами не стала дожидаться, пока Ксуру упадет, – она вырвала меч у него из спины и бросилась к Киве и Джарену, прикрывая их от новой волны нападающих.

Кива рвано втянула воздух и под защитой Наари призвала свой дар. Ослепительный золотой свет пролился на Джарена, вызывая очередной стон, но на этот раз – от облегчения.

«Прошу, прошу, прошу», – умоляюще поторапливала свой дар Кива.

Она снова чувствовала слабость, как тогда, когда она разбудила его семью, но не стала обращать на нее внимания, уговаривая дар залечить его плоть. Всего несколько секунд, но в разгар битвы казалось, что прошли часы, пока наконец его грудь не вернула прежнюю форму, кожа не стала розовой и гладкой, а ожоги не зажили полностью.

Магия померкла. У Кивы шла кругом голова, ее слегка пошатывало, и Джарен поддержал ее. Он выглядел встревоженно, будто не его только что чуть не сожгли.

– Я в порядке, – сказала она ему, но голос прозвучал слабовато. Ей нужен отдых. Им всем. Но армия Навока не отступала, как и сам Навок. Они с Крестой все еще яростно сражались, оба в крови из порезов и царапин, и никому не удавалось одержать верх.

Но тут они замерли.

Все замерли.

Потому что внезапно откуда ни возьмись мост заполонили тени.

«Нет!» – подумала Кива, когда ее тело неестественно застыло, а полные ужаса глаза встретили взгляд Джарена. С земли, где они до сих пор сидели, им обоим было прекрасно видно восточный конец моста. Там теперь было почти пусто, бой перекинулся к западной части и на середину. А горстка застывших солдат не загоразживала Киве девушку, которая неторопливо шествовала между ними.

Зулика.

Глава тридцать первая

Ужас змеей сжал грудь Кивы, пока она следила, как неспешно подходит сестра.

Черные волосы Зулика заплела в косу, переброшенную на плечо, белоснежная кожа почти светилась по сравнению с темной броней и тенями, вьющимися вокруг. Она шла, не обращая внимания на солдат, стражников и аномалий вокруг, которые статуями застыли на середине удара. Даже взглядом их не удостоила.

«Не сейчас!» – мысленно взмолилась Кива: она осталась совсем без сил. Она-то рассчитывала, что Зулика запрется где-нибудь в безопасном месте и дождетя конца битвы, как и сказала Эшлин. Но сестра пришла, хищно склонив голову набок, а золотисто-медовые глаза сияли даже издали.

– Мне почудилось, я видела твою магию из окна, – крикнула Зулика через мост. – Ты пришла поиграть со мной, сестренка?

Змея теснее сжала грудь Кивы: видимо, Зулику приманил свет ее целительства, и она не устояла перед искушением. В глазах ее царил безумие, но Кива не знала, что это: результат темной магии, заразившей кровь, или же сестра наконец поняла, что даже всей силой мира королевство ей не удержать. Кто бы ни победил в сегодняшней битве, ей Эвалон принадлежать больше не будет.

Но, видя это безумие, Кива осознала, что Зулику это больше не волнует. Сдаваться она не собиралась.

И только один человек мог ее остановить.

Призвав силу, Кива освободилась от удерживающих ее теней. Теперь это давалось без труда: тренировки окупались, хотя сил у нее почти не осталось. Но она встала, не обращая внимания на головокружение. Не обратила она внимания и на взгляд Джарена – он умолял освободить его, не встречать предстоящее в одиночку.

Однако в этой битве он не смог бы ее защитить, и она не желала рисковать и давать Зулике шанс использовать Джарена против нее.

Не на этот раз.

– Зулика, нам необязательно воевать. – Кива медленно зашагала к сестре. Она знала, что слова не достигнут цели, но тянула время, давая

дару восстановиться. – Мама хотела бы не этого. Ни для тебя, ни для меня.

Зулика оскалилась:

– Откуда ты знаешь, чего она хотела!

– Я знаю больше, чем тебе кажется. – Кива миновала троицу Серых гвардейцев с полными ужаса взглядами. – Например, я знаю, что она пыталась вытащить меня из Залиндова, чтобы спасти тебя.

Зулика фыркнула:

– Меня не нужно спасать. Смотри, что я умею!

Она взмахнула рукой, освободив две ближайšie к ней аномалии, но к ним ринулись новые тени, и маги схватились за грудь, хватая воздух и задыхаясь, а потом упали на землю.

Замертво.

Кива изо всех сил попыталась сохранить спокойствие, но ее охватил ужас от этой безжалостной атаки. У них даже шанса защититься не было. А Кива... Кива могла ее остановить. Но не успела, даже не подумала призвать собственный дар. Такую ошибку она больше не могла себе позволить.

– Мама сбилась с пути, – сказала Зулика с еще более безумным взглядом, будто каждый призыв темной магии все сильнее пятнал ее душу. – Не смогла принять нашу истинную мощь – смертельную магию Торвина, которая теперь в нашем распоряжении. Она моя и твоя, Кива.

Она с лихорадочным видом подалась вперед.

– Меня не нужно спасать, сестренка, – лучше присоединяйся ко мне!

Кива вновь призвала всю свою невозмутимость, хотя внутри все перевернулось.

– Забудь свой слабенький целительский дар и обратись к теням, – продолжала Зулика благоговейным тоном. Она протянула руку, призвала клубок тьмы и замороженно уставилась на него. – Вместе нас будет не остановить – и мы вернем все, что нам принадлежит.

Кива напряглась при виде теней, но взяла себя в руки. «Жди!» – велел ей тихий внутренний голос.

– В том-то и дело, Зули, – тихо произнесла Кива. – Нам ничего не принадлежит.

Она оглядела армии, все еще сражающиеся у дворца, – никто из них и понятия не имел, что на мосту разворачивалась совсем иная битва.

– Там внизу дерутся твои повстанцы, но не за тебя. Их ведет Тор, и он заслужил это право – заслужил их уважение. Но *королевство* он этим не заслужил. Оно не наше, и никогда нашим не было. И мне кажется, мама это поняла. Она была готова все бросить, если бы только это спасло тебя от саморазрушения. – Шепча, Кива протянула руку: – Позволь помочь тебе, Зули. Как и хотела мама.

На миг Киве показалось, что сестра ее услышала.

Но тут Зулика помрачнела и сказала тихо и угрожающе:

– Маме не следовало отворачиваться от нашего рода. Она стала предательницей, как и ты. И раз ты не желаешь примкнуть ко мне, так примкни же к ней!

С этими словами Зулика взмахнула рукой, и темная смертельная магия ринулась к Киве. Но та была готова. Она с болью вспомнила о Кэлдоне, который вновь и вновь заставлял ее тренироваться, отражая его огонь. Благодаря ему она успела отреагировать, на лету растворив тени Зулики целительным светом.

В любое другое время она порадовалась бы ступору на лице Зулики.

– Кажется, ты выучила пару новых трюков, – прошипела та, сверкая глазами цвета золотистого меда.

И вновь напала.

В Киву летела тень за тенью, и она отражала ее собственной силой, удерживая магию смерти, – но и только. Атаки не прекращались, по лбу катился пот, руки дрожали, колени подгибались. Но она отбивала удар за ударом, призывая свет и не давая сестре победить.

Вдруг Зулика разъяренно рыкнула, развеяла тени на мосту, и все снова погрузилось в хаос. Солдаты и аномалии, на долю секунды дезориентированные, продолжили бой, Креста и Навок с яростью вернулись к поединку. Кива заметила, как к ней бежит Джарен, но у него на пути стояли Серые гвардейцы, и ему пришлось обороняться, чтобы не угодить на их мечи. А потом ей стало не до него – тени сестры вновь полетели в нее, еще опаснее, чем раньше.

– Да... Просто... Умри... Уже! – выпалила Зулика между атаками, с каждым ударом подходя ближе. Вскоре она оказалась на расстоянии плевка, и тут сделала такое, чего Кива никак не ожидала. Она коснулась пробегающей мимо королевской стражницы; магия сработала слишком быстро, Кива не успела спасти женщину от смерти, а Зулика подхватила оброненный меч и ударила.

Кива отпрыгнула, лихорадочно ища на земле оружие, но тут Зулике наперерез бросилась Наари.

Та вновь взревела и яростно вернула удар. Глядя, как они кружат друг вокруг друга, Кива вспомнила, что их связывает давняя обида: несколько лет назад Зулика лишила Наари руки, а всего пару месяцев назад погрузила ее в магическую кому. Теперь Наари жаждала крови, но Зулика со своей магией и фехтовальным мастерством была смертельно опасной противницей.

Кива всеми силами берегла Наари, не давая теньям коснуться ее, пока та сражалась с Зуликой, но, чтобы нейтрализовать темную силу сестры, ей нужно было держаться как можно ближе, вместе с тем уклоняясь от обычных и магических вражеских атак. Ее собственная сила уже была на исходе, но она умоляла дар, черпая все глубже, хотя и понимала, что долго не продержится. Так им с Зуликой не справиться. Даже Наари ее не ослабила, а больше никто помочь им не мог. Джарена все еще окружали гвардейцы, да и магия его полностью истощилась. Креста с головой ушла в поединок с Навоком и больше никого не замечала. Все остальные сражались на берегу, слишком далеко, чтобы чем-то помочь. А магия Кивы... больше напоминала свечу на ветру.

«Любовь. Ей нужно сосредоточиться на любви».

В голове зашептал голос Кэлдона, и она подавилась всхлипом. Нельзя сейчас думать о нем, как и о последней сказанной им фразе, что она не встретится с Зуликой в одиночку: *«Только вместе, солнышко. Ты и я».*

Вот только его здесь не было. И она сражалась с Зуликой без него. Кивино сердце вновь пошло трещинами.

Но теперь она знала, что нужно делать.

«Любовь. Ей нужно сосредоточиться на любви».

Несмотря на тренировки, весь ее оставшийся дар сейчас подпитывался отчаянием, но ему нужно было другое. Чтобы свет

засиял, нужен другой свет.

«Я хочу, чтобы ты вспомнила что-нибудь, – сказал ей несколько недель назад Джарен. – Что-нибудь хорошее».

«Полное любви воспоминание», – добавил Кэлдон.

Даже посреди битвы это оказалось несложно – потому что стоило только подумать о них.

Джарене и Кэлдоне.

Типпе и Наари.

Кресте, и Торелле, и Эшлин.

Обо всех ее родных и близких, что сражались бок о бок с ней и за нее. Она вспомнила, как целовала Джарена на вершине горы, как рыдала в объятиях Кэлдона. Как щербато улыбался Типп и как свирепо защищала ее Наари. Подумала о неожиданной дружбе с Крестой, непоколебимой верности Торелла и незаслуженной доброте Эшлин.

Они стали ее надеждой.

Ее силой.

Причиной не сдаваться.

Она не могла сдаться.

И когда Зулика наконец ухитрилась удачно рубануть мечом по корпусу Наари, свалив ее наземь, Кива не стала медлить. Одну руку она вскинула в сторону стражницы, и золотой свет соединил края раны, а другой указала на Зулику, и все любовь, надежда и мощь, переполнявшие ее, вырвались вспышкой сияния ярче, чем солнце, и ударили в грудь сестры.

Зулика выронила меч и упала на одно колено, с пронзительным криком пытаясь призвать тени.

Тьма и свет.

Свет и тьма.

Зулика все сопротивлялась, и Кивой попытался овладеть страх, но она не поддалась, думая лишь о родных и о той силе, которую давала ей любовь к ним.

А затем тени Зулики вдруг исчезли.

Кива пошатнулась, когда сопротивление резко прекратилось, и чуть не упала.

На мосту вокруг них продолжалось сражение, но они будто застыли в собственном пузыре, неотрывно глядя друг на друга и тяжело дыша – изумрудные глаза против золотисто-медовых.

У Кивы колотилось сердце, в голове крутился лишь один вопрос: «Все кончено?» Она видела, что Наари пытается, но еще не может встать, что Джарен наконец избавился от противников и бежит к ней. Но не отводила взгляда от побежденной Зулики, которая по-прежнему стояла на одном колене, глядя на Киву снизу вверх полным чувств взглядом.

Тени ушли.

Магия смерти была выжжена.

Исцелена.

Кива стояла и дрожала, не смея поверить, даже когда Зулика заговорила едва слышным сиплым голосом:

– Все, что я делала, было ради семьи, – прошептала она. – Все, чего я добилась, все, чего желала, – ради нас.

Кива сглотнула.

– Ты желала чужого.

Зулика не слышала ее. Не слушала. Ее тон изменился, став жестким как сталь, и она прошипела:

– Ты пыталась отнять у меня мечту. Так теперь я отниму твою!

Раздался громкий крик боли, и Кива резко обернулась, как раз чтобы увидеть потрясенное лицо Навока и Кресту, которая вытаскивала меч у него из груди. Он зажал руками смертельную рану, попятился к самым перилам – и упал в реку.

У Кресты получилось.

Она одолела Навока.

Стала королевой Мирравена.

А значит, могла прекратить битву *немедленно*.

Но тут Кива осознала собственную фатальную ошибку и торопливо обернулась к Зулике, боясь, чего ей стоила невнимательность.

Потому что в руках сестры был знакомый кинжал, о котором Кива позабыла из-за всех опасностей, а ведь об этом конкретном клинке никому из них забывать не следовало.

Око Богов.

Со злобной беспощадной ухмылкой Зулика метнула клинок.

Но не в Киву.

«Ты пыталась отнять у меня мечту. Так теперь я отниму твою!»

Слова Зулики звенели в ушах, пока Кива следила за кинжалом и за долю секунды пыталась решить, что ей делать.

Она не сомневалась.

Потому что Око летело в Джарена. Оно могло лишиться его магии – *опять* – и на этот раз шансов вернуть ее не будет. Он потеряет не просто силы, но и право на трон. А этого Кива не могла принять, не могла допустить.

Так что она бросилась наперерез кинжалу.

Боль – обжигающая, ослепляющая боль пронзила ее, и она тяжело упала на мост, но не только глубокая рана в животе была причиной той боли; в венах, застывая льдом, кричала магия. Она чувствовала, как Око высасывает ее, чувствовала, как дар покидает ее, как его *крадут*.

А потом он пропал. За секунду, сразу, будто его и не было никогда.

Кива всхлипнула, но не успела ни оплакать потерю, ни обеспокоиться онемением, которое расплзлось от раны. Вместо этого она испугалась – ведь Джарен должен был уже добежать до нее. А Наари – подняться. Даже Креста подоспела бы к ней.

Но Кива осталась одна, мост был тих и недвижим...

И заполонен тенями.

«Нет!» – внутренне охнула она, когда к ней подошла Зулика с победной безумной улыбкой.

Киве так и не удалось сломить ее, магия смерти была все так же сильна.

Кива снова всхлипнула, на этот раз не только от боли и от утраты, но еще от отчаяния.

Потому что она проиграла.

А теперь ей и отдать было нечего, потому что целительский дар исчез навеки.

Зулика остановилась и присела рядом с Кивой, издевательски-ласково провела пальцем по ее лицу.

Кива не могла отползти – слишком ослабла, слишком сильна была боль. Сумела лишь прижать руки к животу, пытаясь остановить кровотечение.

– Как глупо... – проворковала Зулика. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но мне жаль, что все так обернулось. Если бы ты примкнула ко мне, все было бы иначе.

Кива зашлась кашлем, кровь пузырилась на губах и текла по подбородку.

Она знала, что это означает.

Знала, что времени у нее немного.

... И знала, что должна сделать.

У нее получилось лишь повернуть голову, но этого хватило: она встретила взгляд Джарена, который застыл в каком-то метре от нее, на полушаге перехваченный магией Зулики. В глазах его стоял ужас, лицо побелело как бумага, ярко контрастируя со свежей розовой кожей на груди. Кива попыталась без слов объяснить с ним: выразить всю свою любовь к нему, донести, что она не жалеет о том, что сделала ради него, и попросить прощения за то, что собиралась сделать. Но тут вновь заговорила сестра, и Кива с болью обернулась к ней.

– Не бойся, – сказала Зулика, весело покосившись на Джарена. – Ему не будет больно. Считай это последним подарком тебе – быстрая смерть для твоего жениха.

Она склонилась, поцеловала Киву в лоб и шепнула на ухо:

– Прощай, сестренка.

И тут Кива заговорила в ответ, выдавив всего два слова:

– Прощай, Зулика.

И не успела сестра осознать, что делает Кива, как та собрала последние силы и вырвала кинжал у себя из живота. Стало еще больнее – ей в жизни не было так больно, но Кива заставила себя выбросить руку вперед, пока Зулика, вытаращив глаза, пыталась отползти.

Она не успела, и кинжал резанул ее по щеке.

Рана была несерьезная, просто царапина.

Но ее хватило.

Зулика издала чудовищный вопль и прижала ладонь к щеке, а тени на мосту немедленно потянулись к ней, как разлитые чернила обратно в чернильницу. Всего несколько секунд, и ее сила испарилась без следа, а все жертвы освободились снова – и навеки.

В следующий миг Наари уже волокла Зулику прочь, но та не сопротивлялась, ослабевшая и покорная.

Все было кончено.

Дело сделано.

А потом рядом вдруг очутился Джарен.

– Кива, родная, посмотри на меня! – умолял он, глядя ее по щекам дрожащими руками. – Держись. Не закрывай глаза.

Он закричал. Не на нее – он звал на помощь.

Вокруг замелькали новые руки, ладони Кресты с силой надавили на живот. Она что-то кричала, ругалась на Киву, но Кива не понимала, мысли были неповоротливые, вялые. Она знала, что должно быть больно, чудовищно больно. Но боли не было.

Только кровь.

Очень, очень много крови.

Кива видела только кровь.

Пока глаза не закрылись.

А потом...

Темнота.

Глава тридцать вторая

Боль.

Кровь.

Крики.

Тишина.

Шли секунды, минуты, часы, дни, но Кива ничего не осознавала, плавая в море забвения, глаза ее открывались и закрывались, и каждый раз рядом появлялся кто-то новый.

Джарен, Типп, Креста, Торелл, Наари, Эшлин.

Они говорили с ней, просили и умоляли, но она не понимала слов и не могла ответить. Хотелось радоваться, что они здесь, что они пережили сражение. Но еще хотелось, чтобы они умолкли и не мешали падать обратно в блаженную пустоту, где не было ни боли, ни борьбы, ни страха.

Лишь покой.

Выплывали и другие лица – незнакомые люди в белых халатах, резко пахнущие чистотой, приходили и уходили, бормоча тихими встревоженными голосами. Она узнала лишь темнокожую пожилую женщину с добрым лицом и в очках в металлической оправе. Ее присутствие почему-то успокаивало и поддерживало. Но полудрема Кивы не давала вспомнить почему.

Чья-то рука держала ее ладонь.

Губы касались щеки.

Голубые с золотом глаза всматривались в нее.

Взволнованный голос шептал ей на ухо, рассказывал, как ее любят, и просил держаться.

Джарен.

Хотелось утешить его. Вытереть ему слезы.

Но темнота вновь забрала ее себе.

И на этот раз не отпустила.

Глава тридцать третья

Кива медленно просыпалась, веки налились тяжестью. Она попыталась поднять их, моргнула раз, другой, третий, и наконец зрение достаточно прояснилось, чтобы она поняла, где находится.

«Серебряный Шип», – шепнул усталый разум. Окошко в палате выходило на знакомый сад между корпусами больницы.

Часть ее гадала, как она очутилась здесь. Измотанные мысли пытались заполнить пробелы в памяти, а в животе угнездилась приглушенная боль. Но другая часть оказалась более настойчива – она требовала, чтобы Кива обратила внимание на человека, который сидел у ее кровати и которого она меньше всех ожидала увидеть.

Потому что рядом сидел Кэлдон.

Он был бледнее трупа, золотистые волосы спутаны, но кобальтовые глаза сияли, когда он протянул:

– Отвернулся на пару часов, и что мы имеем?

Кива вытаращилась на него.

Она все смотрела, смотрела, смотрела.

А потом скукожилась и разревелась.

Он выругался и вскочил на ноги, пересел на ее кровать и осторожно, очень осторожно привлек ее к себе.

– Мы же уже говорили об этом, – прошептал он ей на ухо, одной рукой поглаживая ее по плечу, а другой прижимая к себе. – Никаких слез во время обнимашек. Таковы правила.

– Я д-д-думала, т-ты ум-м-мер, – хлюпала носом Кива. От всхлипов боль в животе все нарастала, но она не могла сдержать волну чувств. Все, что она подавляла с того момента, как узнала о смерти Кэлдона, поднялось на поверхность, страх, ужас и боль теперь смывало таким облегчением, что Кива с трудом могла вздохнуть.

– Чуть не умер, – тихо произнес Кэлдон, и слова его были так же ласковы, как и движения. – Я расскажу, как все было, но только если ты успокоишься. Твоему телу нужен отдых, а если ты перенапряжешься, целительница Мэддис ворвется сюда и опять примется на меня ругаться.

– О-опять? – икнула Кива.

– Формально мне нельзя вставать. Но Джарену пришлось уйти на срочный Королевский Совет, и я пообещал ему, что не оставлю тебя одну, хотя сидеть тут с тобой – все равно что смотреть, как краска сохнет. – Он весело взглянул на нее и сообщил: – Ты слюнки пускаешь во сне, ты в курсе?

Кива не нашла в себе сил смутиться. Зато наконец справилась со слезами и спросила хриплым, неверящим голосом:

– Как ты сюда попал? Голдрик сказал...

– Ах да, *Голдрик*. – Взгляд Кэлдона помрачнел. – Тетя Ариана рассказала, что с ним сделали кольца. Лучше и не придумаешь.

Его гнев улетучился так же, как и вспыхнул.

– Я здесь благодаря Типпу. Он спас мне жизнь.

Этого Кива не ожидала: все-таки именно Типп сказал ей о гибели Кэлдона. Он не притворялся – она видела горе в его глазах и слезы, текущие по лицу.

– Он сам не знал, что спас, – пояснил Кэлдон, заметив ее удивление. – Сдается, он мне ребро сломал, когда они пришли за телом и обнаружили, что я дышу. Для такого малыша он удивительно сильный. Как пиявка.

– Но как? – Кива все еще ничего не понимала. – Голдрик сказал, что на кинжале был яд некроза. От него нет противоядия. Он сказал... Он сказал... – Она напрягала разум, чувствуя, как измождена. – Сказал, Типп пытался напоить тебя *водой*. Вода же не...

– Это была не вода. Помнишь, на Полночном рынке Типп улизнул, когда ты выкупала кольцо?

Кива кивнула: она в жизни бы не забыла эту ночь.

– Ну так вот, пока ты плясала под луной – или что ты там вытворяла, – мы в панике бегали кругами и искали его, пока не обнаружили, что он вернулся к чародейке. Очевидно, они неплохо провели время, а на прощание она вручила ему бутылочку с какой-то жидкостью и велела налить в бурдюк «утром девятого дня», чтобы использовать, «когда змея ужалит». Бедный малец решил, что сошел с ума, и ничего нам не рассказал – не хотел, чтобы мы решили, будто он совсем того, раз послушался. Но он начал считать дни и сделал, как велено, а потом, когда Голдрик воспользовался моментом и ударил меня – Кэлдон приподнял рубашку и показал белые бинты ниже ребер

– и начал болтать насчет яда, Типп понял, что об этом его и предупреждали, и попытался влить мне в глотку всю воду из бурдюка.

По лицу Кэлдона промелькнула тень.

– Приятного было мало, уж поверь. Но я осилил несколько глотков, прежде чем Голдрик оттащил его в сторону. – Поежившись, он закончил: – И вот я здесь.

– Но... Но... – Кива никак не могла осознать произошедшее и лишь повторила: – От яда некроза нет противоядия. На всем Вендероле нет.

– Именно. На *Вендероле*. Но чародейка ведь не из Вендерола, не так ли?

Кива с восхищением вспомнила Зофию Сэйдж, приплывшую из-за океана, и ее поразительную ментальную магию.

– Поверить не могу, – прошептала она.

– Прости, солнышко, но Типп подвинул тебя с первого места в списке моих любимчиков. Не принимай на свой счет.

Кива теснее прижалась к нему и с чувством сказала:

– Мой список он тоже возглавляет.

Кэлдон ласково посмотрел на нее и поцеловал в макушку.

– По ощущениям я все еще полумертвый, но ты доставила нам куда больше хлопот. Несколько дней висела на волоске.

Кива замерла.

– Несколько *дней*?

– Ты львиную долю недели не приходила в сознание. Клинок попал в печень, или в легкие, или куда там еще. Мэддис сказала, внутреннее кровотечение. Ну и задала ты им работы!

Говорил он шутя, но Кива слышала в голосе страх – тот же самый страх, который охватил ее, когда она решила, что потеряла его. Кива прижалась щекой к его груди и поморщилась, когда в животе вновь запульсировала боль. Она усиливалась – плач растревожил рану, но все равно...

– Ты уверен, что это внутреннее кровотечение? Мне больно, но не настолько.

Кэлдон усмехнулся:

– Это все лекарства. Не маковое молочко! – торопливо добавил он. – Креста рассказала про твою историю с ангельской пылью, так что было решено не использовать вызывающих привыкание веществ. Не

знаю, что тебе дают, но это какое-то обезболивающее и снотворное. Честно, я удивлен, что ты не заснула посреди беседы.

Кива в самом деле чувствовала сонливость, но Кэлдон только что напомнил ей кое о чем, и она усилием воли открыла глаза.

– Креста... Она...

– Килдарион? – еще шире ухмыльнулся Кэлдон. – Поверь мне, хранить этот секретик было ужасно приятно.

Кива вытаращилась на него:

– Ты что, *знал*?

Он закатил глаза:

– Когда ты уже поймешь, что я знаю все на свете?

– Но... Откуда? – выпалила она. – И почему ничего не рассказал?

– Во-первых, это была не моя тайна. – Он выразительно посмотрел на нее, и Кива закусил губу, вспомнив, как он хранил ее секреты. А он продолжил: – И, если уж честно, узнал я не сразу. В ней всегда было что-то знакомое, едва уловимое, но я только на середине пути начал складывать пазл. Ее движения, взгляд... Как некоторые заграничные правители реагировали на нее, будто не могли вспомнить, где ее встречали – фамильное сходство у нее мимолетно, но его хватило, чтобы зацепиться взглядом.

Фыркнув, он добавил:

– Не говоря уже о том, что она бегло говорит на куче языков, даже я знаю меньше, и дерется, будто родилась с клинком в руке.

Теперь, когда он разложил все по полочкам, Кива почувствовала себя еще большей душой, потому что ни о чем не догадалась сама. У нее на языке крутился миллион вопросов, один из которых касался того, как королевский статус Кресты повлияет лично на Кэлдона, – Кива помнила, как они медленно притирались друг к другу во время путешествия. Но не успела она и слова сказать, как дверь в палату открылась и вошла целительница Мэддис.

Она замерла на пороге, сведя седые брови.

– Ой-ой, – шепнул Кэлдон. – Застукали.

Но не шевельнулся.

Главная целительница громко протяжно вздохнула, подошла к ним и сказала:

– Вам нужно отдыхать. *Обоим*.

– Мы и так полулежа. Куда еще сильнее отдыхать? – спросил Кэлдон.

Не ответив ему, Мэддис посмотрела на Киву:

– Рада, что ты пришла в себя, дорогая.

– Спасибо за заботу, – тихо, почти застенчиво ответила она. Каждый раз, когда она встречала главу Серебряного Шипа, ее уважение только росло.

Целительница отмахнулась.

– Как ты себя чувствуешь? Болит?

– Чуть-чуть, – честно ответила Кива.

Мэддис достала из белого халата бутылочку.

– Выпей. До дна.

Не собираясь спорить, Кива взяла бутылочку, встревоженно отметив, какой слабой оказалась рука. Как и все тело. Слабость не прошла, когда она, поморщившись от землистого горького вкуса, проглотила лекарство, но боль почти сразу утихла, а пульсация в животе унялась.

От лекарства глаза начали закрываться сами по себе, но она заставила себя прислушаться, когда Мэддис сказала:

– Полежишь под наблюдением несколько дней, а потом еще какое-то время придется побережться. Но будешь полностью здорова.

– Отличные новости, – кое-как промямлила Кива.

Удерживаться в сознании дольше она уже не могла, лишь услышала, как Мэддис откуда-то издали пригрозила Кэлдону:

– Не заставляйте меня привязывать вас к кровати, молодой человек!

На что он нахально ответил:

– Каков скандал!

А потом Кива заснула с улыбкой на губах.

* * *

Когда Кива проснулась в следующий раз, все еще усталая и больная, за окном уже стемнело. Ей показалось, что она одна, но потом у кровати возник чей-то силуэт, а слабый люминиевый свет обрисовал змеиное тату и усеянное подживающими синяками и порезами лицо.

Кива и Креста долго смотрели друг на друга.

А потом Кива сказала:

– Если надо кланяться, тебе придется помочь мне встать.

Креста заметно расслабилась, плюхнулась на стул рядом с кроватью и с тяжелым вздохом ответила:

– Сдается мне, если ты хоть чуточку пошевелишься, эта жуткая целительница вышвырнет меня отсюда.

Кива слегка улыбнулась при мысли о том, что Креста – яростная, выжившая в каменоломне Креста, королева Креста – боится целительницу Мэддис.

– Думаю, ты справишься, – сказала она, чуть подвинулась и поморщилась от боли.

Повисла долгая пауза, а потом Креста вздохнула и сказала:

– Я хотела рассказать тебе. – Она поджала губы. – Нет, вру. Я никому не хотела рассказывать, потому что ничего не собиралась с этим делать.

Она откинула с глаз спутанные рыжие волосы и признала:

– Да, я хотела спасти Серафину, защитить ее – всегда хотела. Но вызывать на бой Навока ради этого я не собиралась.

– Тогда зачем вызвала?

– Все ты виновата, – неожиданно ожесточенно произнесла Креста. – Ты и твоя дурацкая ангельская пыль.

Брови Кивы взмыли вверх.

– Что, прости?

– В Эрсе. – Креста заговорила высоким голосом, пародируя Киву: – «Ты настоящий друг, Креста. Мне жаль, что ты потеряла семью, но я рада, что ты теперь в нашей семье». Я очень злилась на тебя за эти слова, потому что поняла, что это правда. Я пыталась не привязываться к вам, но не получилось.

Она хмурилась.

– До этого я плевать хотела на Валлентисов. Да и на Эвалон, если уж на то пошло. Но когда узнала вас всех поближе, уже не могла просто забить. А когда до меня дошло, что мой собственный брат повернулся на том, чтобы использовать тебя и убить их, то поняла, что не могу сидеть сложа руки. – И она с виноватым видом признала: – Хотя я до последнего сомневалась, пока не увидела его на мосту. Тогда

и решила: пусть я понятия не имею, что делать, Мирравену все равно будет лучше без него.

– Если уж на то пошло, мне кажется, из тебя выйдет прекрасная королева, – тихо сказала Кива.

Креста потерла лицо.

– Посмотрим.

– А Серафина поможет, – добавила Кива, не сомневаясь, что добросердечная принцесса не оставит сестру на растерзание.

– Я рассчитываю на это, особенно учитывая, что первым делом я доберусь до Карамора и исправлю все, что Нав там натворил. – Кресту, кажется, бесила одна мысль об этом.

У Кивы глаза полезли на лоб.

– Ты же не выдашь Серу за...

– Боги, ну конечно, нет, – торопливо ответила Креста. – Но Сера с Вошем дружат с пеленок. Если кто и пригладит перышки Карамору, так это она. И Миррин тоже решила помочь – она всю жизнь посвятила интригам и политике. Уверена, нам это пригодится, даже если мне придется постоянно оглядываться.

И она тихо добавила:

– Одни боги знают, что моя сестра в ней нашла.

– Погоди, Миррин едет с вами?

Креста нахмурилась.

– Джарен тебе не сказал?

Кива обвела рукой комнату и поморщилась, когда в животе вновь заболело.

– Я его не видела.

Креста помедлила, но потом поделилась:

– Королевский Совет обвинил Миррин в измене.

Кива оцепенела.

– Но она...

– Они знают, что она передумала и попыталась все исправить, но сказали, пусть послужит примером, – пояснила Креста. – Серафина умоляла меня вмешаться, так что я предложила в качестве наказания ссылку.

Она пожала плечами, будто это сущая мелочь, и продолжила:

– Так что да, Миррин едет с нами в Мирравен. И остается там.

Киву охватило облегчение – она радовалась и за Миррин, и за ее семью. Королевский Совет мог приговорить принцессу к смерти; ссылка – не лучший вариант, но она хотя бы останется в живых.

– Значит, ты готова к частым визитам Валлентисов? – спросила Кива, не сомневаясь, что Джарен и остальные все равно захотят видеться с Миррин, несмотря на ее предательство. Но едва слова слетели с губ, как Кивины мысли умчались от принцессы, и она, не сдержавшись, склонила голову и уточнила: – Например, одного симпатичного принца?

Креста смахнула с плеча невидимую пылинку.

– Может, Джарена я и пушу в гости, особенно если ты потрудишься поднять свой ленивый зад и притащишься повидаться со мной.

У Кивы на душе потеплело: она поняла, что это такой не особо тактичный способ сообщить, что их дружба останется прежней, даже если они не будут видеться каждый день. Но она не дала себе отвлечься.

– Я про другого симпатичного принца.

Креста наморщила нос:

– Ориэль еще маловат, тебе не кажется?

Кива рассмеялась и сразу же пожалела об этом, потому что в животе вспыхнула боль. Она стиснула зубы и сказала:

– Ты знаешь, о ком я.

Повисла пауза, а потом Креста ответила:

– Ну, наверное, Кэлдон может заехать в гости. Если голова его в ворота пролезет.

Кива помимо воли вновь рассмеялась и на этот раз чуть не застонала, а потом смогла выговорить:

– У вас такие странные отношения.

– «Отношения» – это сильно сказано, – ехидно улыбнулась Креста. После чего сказала, словно предупреждая: – Я не знаю, что готовит будущее. Все стало куда сложнее. Но... – Она опустила глаза, вновь встретила взгляд Кивы и тихо добавила: – Посмотрим.

Кива и такого признания от нее не ожидала, так что ответила с улыбкой:

– Мне этого достаточно.

Креста лишь покачала головой и возвела глаза к потолку, потом наклонилась, взяла что-то с тумбочки у кровати и передала Киве.

Это оказалась такая же бутылочка, как та, которую давала Киве целительница Мэддис.

– Выпей, – велела Креста, подпихивая ее. – Я видела, как ты морщишься, тебе больно. Надо поспать.

– Да я целыми днями сплю, – возмутилась Кива, но она понимала, что так выздоровеет быстрее, и выпила горькую настойку. Боль снова утихла почти сразу, но и глаза начали закрываться.

– Не смей уезжать в Мирравен, не попрощавшись, – пробормотала она, укладываясь в постель.

– Не уеду, – голос Кресты уплывал вдаль. – Кстати, у нас еще осталось неоконченное дельце.

Но Кива не успела ни о чем спросить, потому что снова уснула.

* * *

Киву разбудило яркое утреннее солнышко; как и в прошлые разы, в комнате она была не одна. Но на этот раз ее ждали сразу двое: на стуле громко храпел Типп, а еще кое-кто лежал рядом с ней на кровати, крепко обнимая.

Кива прижалась к Джарену, вдыхая его свежий запах, напоминающий о стихиях, и чувствуя, как ее переполняют эмоции. Он пошевелился, ощутив ее движение, медленно открыл глаза и опустил голову, чтобы взглянуть на нее.

Сонным голосом он тихо сказал, чтобы не потревожить Типпа:

– Проснулась.

Кива улыбнулась и поддразнила его:

– Или тебе все снится.

Он невыносимо нежно коснулся ее щеки.

– Определенно снится.

Легонько поцеловав ее в висок, он поймал ее взгляд и сказал:

– Ты меня напугала.

Кива услышала боль в его голосе, страх, который он не мог спрятать, и прошептала:

– Прости.

– То, что ты сделала...

– Я сделала бы снова.

Он застыл.

– Без сомнений, – добавила она, желая доказать, что говорит всерьез.

Взгляд его наполнился разными чувствами – любовь, горе, ужас, облегчение и многое другое. Но потом он очень осторожно произнес, будто боялся, что она забыла:

– Твой дар...

Кива опустила взгляд на ладони, зная, что никогда больше не увидит золотого свечения, и пытаясь разобраться, что чувствует по этому поводу. Она десять лет отрицала свой дар и подавляла его изо всех сил. Потом, наконец-то высвободив, несколько месяцев боялась его, и не только потому, что не могла контролировать, но и потому, что он мог превратить ее в чудовище. Лишь недавно она приняла его и полюбила. И не могла отрицать, что где-то в глубине души скорбит об этой потере, тем более что она необратима.

Но большей частью она испытывала облегчение. Потому что теперь она точно не поддастся темной магии своей семьи. Бабушка Делора сама порезала себя Оком Богов, чтобы избавиться от дара; она сделала этот выбор, чтобы не рисковать. Киве хотелось бы, чтобы ей оставили тот же выбор, но знала, что эта печаль пройдет.

Кива шепотом поделилась своими соображениями с Джареном и тихо добавила:

– Без магии я смогу прожить. А вот жить, зная, что ты опять потерял свой дар, а с ним и все остальное, не смогла бы.

Джарен так взглянул на Киву, что у нее перехватило дыхание. Но, собравшись, она договорила:

– И кстати, не дар делал меня лекарем, так что ничто не мешает мне совершенствоваться.

Джарен немедленно понял, к чему она клонит, и выговорил:

– Значит, собираешься принять приглашение Мэддис учиться здесь?

Кива провела пальцами по его губам.

– У меня есть пара причин остаться в Валлении. Пожалуй, это одна из них.

Тревога и сомнения ушли с лица Джарена, глаза его смеялись, когда он переспросил:

– Пара причин, да?

Кива подалась к нему и коснулась губами его губ, не обращая внимания на боль в животе.

– Одна точно найдется.

Он заурчал и подложил руку ей под голову, прижимая к себе и углубляя поцелуй. Язык мелькал, переплетаясь с ее и заставляя Киву стонать.

Но потом стон наслаждения обратился стоном боли, когда она попыталась пододвинуться ближе, а живот возмущенно занял.

Джарен тут же застыл, в глазах у него было и желание, и вина, и он уложил ее обратно отдыхать.

– Никаких поцелуев, пока не поправишься, – твердо велел он.

Он так тяжело дышал, что Кива не сомневалась: она заставит его передумать. И именно этим и намеревалась заняться – может, через пару дней, когда перестанет казаться, что внутри все рвется при любом движении.

Пытаясь успокоиться самой и успокоить его, Кива сказала:

– Страшно спрашивать, но... что случилось на мосту? Я имею в виду под конец. После того, как я... потеряла сознание.

Джарен понял, что интересуется ее на самом деле, и ответил как можно мягче:

– Зулика заперта в дворцовой темнице. Она... Прости, родная, но раскаянием там и не пахнет. Тор пытался поговорить с ней, но она просто наорала на него, обозвала предателем и выгнала.

Кива закрыла глаза и на этот раз заставила себя спросить:

– Что ее ждет?

Джарен крепче обнял ее и тихо ответил:

– Королевский Совет отправляет ее в Залиндов.

Глубоко в душе Кива уже знала ответ, но все равно расстроилась. Она спрятала лицо на груди Джарена, жалея, что все обернулось именно так, но понимала: другого выбора нет. Зулика захватила королевство. Она убила несметное количество людей. Она не Миррин, ее нельзя было просто изгнать и надеяться, что она тихо уедет. Даже без магии она оставалась слишком опасной и непредсказуемой, а еще, по словам Джарена, ни в чем не раскаивалась.

– Мне жаль, родная, – повторил Джарен. – Был бы другой способ...

– Знаю, – прошептала Кива. Ей не требовалось объяснений. – Знаю.

Они погрузились в молчание и просто лежали в объятиях друг друга. Впервые с того мига, как Кива очнулась в Серебряном Шипе, ее не клонило в сон, и вскоре она начала вполголоса засыпать Джарена вопросами. Спрашивала о битве, о потерях, о том, сильно ли поврежден дворец и как его намереваются отремонтировать. Спрашивала, какие настроения царят среди народа Эвалона по поводу того, что Валлентисы снова на троне, и по поводу нового неожиданного союза с Мирравеном. Спрашивала об Оке Богов и о том, забрали ли его – Джарен ее заверил, что кинжал у Валлентисов. Из нее сыпался вопрос за вопросом, а он посвящал ее в детали всего, что она пропустила, пока лежала без сознания. В процессе проснулся Типп, и Джарену пришлось буквально ловить его, когда тот скакнул со стула обнимать Киву, напоминая, что до выздоровления ей еще далеко.

Потом к ним пришли еще посетители: Кэлдон улизнул из собственной палаты, а Креста заявила подозрительно быстро после него. Затем прибыли Эшлин и Торелл, и оба заметно приободрились, увидев, что Кива пришла в себя – особенно Тор, судя по тому, с какой дрожью он обнял ее и как велел больше никогда его так не пугать. По ее просьбе они с Эшлин рассказали, как прошла их часть сражения и чем они занимались, когда прилетели в Валлению. Причем Тор, несколько смущаясь, поведал, что уговорить повстанцев примкнуть к нему оказалось очень легко. Кива не удивилась: она не забыла, как в лагере повстанцев под Окхоллоу все буквально молились на своего генерала.

Вскоре пришла Рессинда с подарком – полной корзинкой шокобулок, которые Кива немедленно принялась с осторожностью уплетать. Булочки помогли скрасить печаль, когда Торелл рассказал, что они с Ресс отправятся вслед за Эшлин в главный армейский лагерь в крепости Хайурт, как только покончат со всеми делами во дворце. По его словам, они собираются сообща выработать стратегию, которая обратит повстанцев не в повстанцев, но Кива знала, что тут кроется нечто иное. Она видела, как они с Эшлин все время украдкой переглядываются, и слышала, как Ресс шутя ворчит, что стала

«дурацким третьим лишним». Но было очевидно, что она тоже предвкушает следующее приключение, и не менее очевидно, что она отправится за Тореллом куда угодно, и не из романтических соображений, а из чистой верности.

Тем утром ее посетили и другие гости: то и дело проведать Киву заглядывала Наари, и даже Эйдран зашел разок, ничего не сказал, просто кивнул и скрылся. Явился и капитан Верис, но он привел королеву Ариану и Ориэля, которые желали лично убедиться, что Кива идет на поправку.

К сожалению, в этот момент осмотреть Киву решила и целительница Мэддис, которая обнаружила, что палата ломится от гостей, один из которых – беглый пациент. Что еще хуже, Ориэль притащил Флокса, и серебристый медведь как раз устраивал себе гнездышко у Кивы в ногах. Мэддис бросила на зверька единственный взгляд, прежде чем обернулась к остальным и молча указала на дверь. Все немедленно засобирались прочь, даже королева.

Кива рассмеялась бы, если б не внезапная усталость, которая охватила ее сразу же после того, как все ушли, и целительница Мэддис попеняла ей на это, пока поила Киву содержимым еще одной бутылочки.

Прежде чем погрузиться в сон, Кива ухитрилась пробормотать последний вопрос – в силе ли предложение стать студенткой Академии.

– Как я уже говорила, в Серебряном Шипе тебе всегда будут рады, – ласково ответила Мэддис.

У Кивы защипало в глазах, и от одной только мысли о будущем ее наполнило счастье. Об этом она и мечтала.

* * *

В дымке сна и горькой настойки пролетели следующие несколько дней, после чего целительница Мэддис наконец признала, что Кива достаточно окрепла, и выписала ее. Кива еще неделю не могла ходить не морщась, и еще две прошло, прежде чем она осилила легкую тренировку с Кэлдоном, который вернул себе прежнюю форму куда быстрее.

Мучительно было ждать, пока тело восстановится, но лучше так, чем умереть.

Через месяц после выписки из Серебряного Шипа Кива стояла во дворе зимнего дворца, нервно переминаясь с ноги на ногу. Даже живописный вид гор Танестра не мог успокоить ее, учитывая, что предстояло сделать. Но она понимала, что пора, – она и так слишком долго откладывала.

– Готова? – спросил Джарен, беря ее за руку.

Кива вздохнула и переплела с ним пальцы.

– Насколько это возможно.

Они вдвоем обернулись к друзьям, которые терпеливо ждали их вокруг фонтана.

Кэлдон, Креста, Типп, Наари, Торелл, Эшлин, Эйдрен – весь отряд за вычетом Голдрика вновь собрался ради последнего дела.

С ними из Валлени приехала также Серафина вместе с Миррин, и это была последняя остановка принцессы Валлентис на пути из Эвалона. Отсюда они и Креста поедут на север, в Задрию, но сегодня обе принцессы останутся во дворце, пока Кива и ее друзья займутся одним делом.

Дело было малоприятное, но Киве нужно было его закончить. И Тореллу. Даже Кресте, Типпу, Джарену и Наари – у всех были свои причины. Только Эшлин, Кэлдон и Эйдрен приехали их поддержать, и их присутствие успокаивало Киву сильнее всего.

– Ну так пошли? – спросил Кэлдон.

Кива собралась с духом и посмотрела на Эшлин. Генерал кивнула в ответ и взмахом руки призвала магию.

Теперь, когда к Джарену вернулись силы, он начал учиться искусству ветворота у сестры, но она тренировалась дольше, да и с подобным расстоянием справилась бы лишь она. Ветер подхватил их и поднял в воздух, перенес к горам и наконец опустил в месте назначения.

Кива уставилась на впечатляющие железные ворота и бездушные известняковые стены: тюрьма Залиндов осталась такой же неприветливой.

Но она явилась сюда не ради приветствий.

А ради прощания.

Зулика ехала отдельно. В приговоре было сказано, что ее повезут в тюремной повозке, как и всех остальных заключенных. Кива захотела прибыть одновременно с ней и как-то ночью робко поделилась этой идеей с Джареном, будто опасаясь, что он осудит ее желание попрощаться с сестрой. Но он лишь мягко поцеловал ее и пообещал все устроить.

Глядя на тюремную повозку, которая остановилась у ворот, она гадала, почему это вообще пришло ей в голову. Каждый раз, когда Кива спускалась в подземелья Речного дворца, Зулика отказывалась с ней говорить, отворачивалась и делала вид, будто не замечает. Торелл считал, что лучше так, чем доставшиеся ему проклятья и вопли, но Кива сомневалась. И еще сомневалась, чем вызвано поведение Зулики – тем ли, что она считала их предателями крови, или ее изменила магия смерти. Но в любом случае это было уже неважно, особенно теперь, когда распахнулись железные врата и смотритель Рук вышел из них во главе отряда надзирателей в черной форме.

Пальцы Кивы стиснули ладонь Джарена. Она слышала скрежет зубов Кресты, видела, как Кэлдон успокаивающе опустил руку на плечи Типпа. Кива не хотела, чтобы мальчик ехал с ними, но тот настоял. Ему нужно было подвести собственную черту, сказал он, и Кива не смогла отказать ему.

– Ваши высочества, – произнес Рук, остановившись для поклона в паре шагов от них с таким видом, будто откусил лимона. – Я получил ваше сообщение. Вы готовы передать осужденную?

Джарен обернулся к Киве. Та выпустила его руку и шагнула вместе с Тореллом вперед; вместе они дошли до повозки и посмотрели через решетку. Зулика сидела в углу, щуря глаза цвета золотистого меда. Она больше не игнорировала Киву и не кричала на Торелла. Вместо этого она горько произнесла:

– Сейчас мне полагается молить о прощении?

Тор шагнул к Киве, коснувшись ее плечом и давая понять, что он рядом, что они вместе.

«Пусть она наша сестра, но у всего есть последствия, и очень скоро ей предстоит в этом убедиться».

Эти слова он произнес несколько недель назад.

Сегодня они сбылись.

– Нет, Зули, – тихо ответил Тор. – Сейчас нам полагается попрощаться.

Он взглянул на Киву, но та распрощалась с Зуликой на мосту Речного дворца. Сейчас Киве оставалось лишь смотреть в злые глаза сестры, пока Тор звал надзирателей, и не отводить взгляд, пока тюремная повозка катилась в железные ворота...

И не скрылась из виду.

Кива рвано вздохнула и повернулась к брату.

– Ты в порядке?

– Нет. А ты?

– Нет, – прошептала она.

Но все наладится – когда-нибудь.

Они медленно вернулись к друзьям. Рук, кажется, дожждаться не мог, когда они уберутся, но понимал, что в присутствии правителей двух королевств следует соблюдать этикет и ждать, пока его отпустят.

Но случилось не это.

Потому что, когда Кива подошла к Джарену, собираясь сообщить Эшлин, что они с Тором готовы отправляться, Джарен вышел вперед и вручил Руку запечатанное письмо.

Смотритель покосился на бумагу, распечатал и прочитал, бледнея.

– Это что такое?

Кива никогда раньше не слышала, чтобы он говорил таким тоном – он будто *испугался*.

Она вопросительно взглянула на Джарена, но попутно заметила ухмылку на губах Кэлдона, блеск в янтарных глазах Наари, удовлетворенную мину Эшлин и широко улыбающегося Типпа.

Что до Кресты...

Ее злорадная усмешка была неопишима.

– Алабастор Рук, – произнес Джарен, и Кива застыла, услышав этот редкий для него повелительный тон, – вы обвиняетесь в преступлениях против человечности, которые включают в себя массовый геноцид, но не ограничиваются названным. Таким образом, вы освобождены от должности смотрителя и приговорены к пожизненному заключению в той самой тюрьме, которая стала местом ваших преступлений.

Кива мелко дышала, неверие билось в венах.

По знаку Джарена собственные надзиратели Рука шагнули вперед, и смотритель сверкнул глазами, покосившись на них.

– Вы не можете этого сделать! – бросил он. – Я не подчиняюсь Эвалону, приказы отдают все восемь королевств. У вас нет прав...

– У него нет, – перебила его Креста, – но раз мы тут недавно расстроили планы одного тирана насчет завоевания всего Вендерола, правители остальных королевств оказались, скажем так, *признательны*.

Она ухмыльнулась еще злораднее:

– Мы просто попросили об одолжении. – Она кивнула на письмо, которое Рук сжимал в кулаке. – Все подписи на месте. Сам взгляни.

Он не опустил взгляд – уже прочитал письмо.

– Вы не можете этого сделать, – повторил он, но уже не со злостью, а со страхом.

– Можем. Уже сделали, – ответила Креста, которая как-то слишком уж наслаждалась происходящим.

Кива, все еще в ступоре, едва смела поверить в происходящее – Рук наконец-то по закону поплатится за все свои преступления, за всех, кого убил, включая ее отца.

– Еще кое-что, – буднично произнес Джарен. – Ваши преступления гарантируют пожизненный срок в Залиндове, но преступления против наследного принца Эвалона, – он указал на себя, – и новой королевы Мирравена, – он указал на Кресту, которая в ответ подняла средний палец, – заслуживают большего.

– О чем это вы? – вновь разозлился Рук.

Джарен повернулся к Типпу:

– Окажи честь.

Мальчик ухмыльнулся – такого выражения на его лице Кива никогда еще не видела, оно жутко напоминало гримасу Кресты. Громким голосом он процитировал:

– Т-таким образом, вы п-приговариваетесь к Ордалиям. В случае п-п-победы вы с-свободны. Но если п-проиграете... – Типп пожал плечами, не переставая ухмыляться, – в-вы знаете, что тогда.

Кива ошарашенно замерла, но не успела даже обдумать эти слова, этот почти гарантированный смертный приговор – Рук рванул вперед. Его остановили надзиратели, схватили за руки и дернули назад, а он

верещал и ругался на них, приказывая отпустить, однако они не уступали.

Креста двинулась вперед – медленно, неспешно, но, оказавшись рядом, бросилась стремительно, как змея, схватила его за левую руку и выхватила с пояса кинжал. В мгновение ока она вырезала два полукружия на тыльной стороне его ладони, и кровь сразу же выступила на букве «З».

– Теперь за своего сойдешь, – сказала она, пока он орал от ярости и боли. А надзирателям велела: – Уведите.

Кива оцепенело повернулась к друзьям. Ее переполняли эмоции.

Джарен подошел к ней.

– Все в порядке? Мы не хотели рассказывать заранее на всякий случай...

Кива закрыла ему рот ладонью и прошептала, чувствуя, как на глаза набегают слезы:

– Спасибо. – И посмотрела на остальных: – Всем вам.

– Мы не только ради тебя это сделали, – закатила глаза Креста.

Кива это понимала. Креста вынесла из-за Рука не меньше, пусть и иначе. И Типп тоже – он провел в Залиндове три года. Даже Джарен и Наари – за время их короткого, но памятного заключения. Все они пострадали из-за смотрителя, какие-то шрамы были видны, другие прятались внутри. Но больше из-за него никто не пострадает. Его террор окончен.

– Р-р-расскажи ост-тальное, – попросил Типп, подсакивая на месте.

– Это не все? – охнула Кива.

На этот раз заговорил Эйдран, и его голос успокаивающе пророкотал:

– Я стану исполняющим обязанности смотрителя, пока мы не найдем подходящую замену для Рука. А пока я здесь, займусь прополкой в рядах надзирателей, выловлю всех, кто злоупотребляет властью, и отправлю их куда следует.

Кость и Мясник – поняла Кива, бросив взгляд на Кресту. Рыжая лишь ухмыльнулась в ответ – эти новости она уже слышала.

– И еще кое-что, – вступила Эшлин. – Остальные королевства согласились, что Залиндову требуются перемены. Со временем, но мы введем достойную судебную систему, где наказание будет

соответствовать преступлению. Некоторых отсюда никогда не выпустят, – она не стала называть имя Зулики, но Кива сама поняла, что ее сестра в этом списке, – но для других заключение больше не будет пожизненным. Узники смогут заслужить освобождение.

Освобождение из Залиндова. Когда-то Кива и представить себе такое не могла.

Но теперь...

– Не знаю, что и сказать, – ответила она срывающимся голосом и посмотрела на друзей, которых, кажется, порадовала ее реакция.

Всех, кроме Кресты, которая протянула:

– Повторюсь, не только ради тебя это делаем.

Но неважно, почему они это сделали. Залиндов слишком много лет занимал мысли Кивы и преследовал ее в кошмарах. Зная, что будущие заключенные могут избежать тех же мук, что после Залиндова может быть жизнь...

У Кивы с плеч гора свалилась, и на ее место пришло чувство правильности, *справедливости*.

Но не только. Она посмотрела на стены из известняка и вдруг поняла, что Залиндов больше не властен над ней, изменится он или нет. Он остался в прошлом – и навсегда там и останется.

Она выжила.

Пришла пора *жить*.

Чувствуя, как эта мысль укореняется глубоко в душе, Кива посмотрела на Джарена, на друзей, на брата и спросила голосом, полным благоговения, полным надежды:

– Что будем делать дальше?

Ответил Джарен – наклонился к ней и прошептал на ушко три великолепных слова:

– Дальше будем мечтать.

говорили, что все будет хорошо, даже когда казалось, что это неправда. Спасибо и моим друзьям: Летиции Пеффер, Мелли Хамприс-Бос, Джеки Дэвисон, Люси Оркилд, Рене Чоппинг, Рэйчел Гриффитс и Кайли Тренделл – за то, что были на моей стороне и всегда поддерживали, когда мне было это необходимо. Не могу выразить, как много это значило и значит для меня.

Мне повезло с изумительными издателями по всему миру, но я хочу отдельно поблагодарить своих редакторов Эмилию Роудс из Clarion Teen и Зою Уолтон из PRH Australia, а еще всю команду US и ANZ за то, что вели эту трилогию с самого начала. Еще спасибо моим агентам Джону Селлерсу и Тине Гамниор. И конечно, огромное спасибо моему британскому редактору, Молли Поуэлл, и агенту Кэти Киан – и всей команде Hodder – вы лучше всех. Еще спасибо Кристин Нельсон за то, что позаботилась об этих книгах, и великолепным Дженни Майер и Хейди Голл – не перестаете поражать своей магией зарубежных прав! Спасибо командам издательств в Нидерландах (De Boekerij), Бразилии (Intrínseca), Италии (Sperling&Kupfer), Хорватии (Znanje), Венгрии (Maxim), Германии (Loewe Verlag), России (Эксмо), Чехии (Albatros/Fragment) и Франции (Hachette Romans) – не могу дождаться ваших восхитительных переводов!

Мне так повезло с чудесными друзьями, которым я всегда готова вопить изо всех сил, как люблю их. Джессика Таунсенд, спасибо за наши еженедельные прогулки по пляжу (которые на самом деле случались не раз в неделю) и все наши глубокие и увлекательные беседы. Твой голос напоминал мне, что быть человеком – нормально (хоть у тебя самой и не получается следовать собственной мудрости), и я очень благодарна тебе за это. Спасибо Саре Дж. Маас за то, что мне было позволено уродливо рыдать по скайпу, когда казалось, что мир разваливается на куски. Я все еще в ужасе, но очень благодарна и польщена тем, что мы друзья. Еще хочу поблагодарить звезд янг-эдалта Александру Бракен, Эделин Грейс, Стефани Гарбер и Бриджид Кеммерер – вас я почти не знаю, но вы все равно были готовы помочь советом и поддержкой, особенно в новом мире пандемии. Я очень надеюсь однажды повстречаться с вами лично, но до тех пор спасибо вам за то, что были так добры к одному случайному автору!

Пока не заиграла музыка, а меня не выгнали из собственных благодарностей, хочу сказать спасибо Брайди Моррис, одной из

первых читательниц этой книги, которая помогала мне побороть панику, убеждая, что все не так плохо; Элисон Элзейд – за помощь со сценой у костра (помимо прочего) и за то, что я со своей памятью золотой рыбки забыла упомянуть тебя в «Мятежной королеве» и «Золотой клетке» *закрывает лицо*; и Аве Тасек за сообщения капсом в личку, которые каждый раз смешили меня, и за теплый отзыв на эту конкретную книгу. Вы все восхитительны.

Последнее, но определенно не по важности: спасибо каждому, кто читал любую из моих книг, и особенно эту трилогию. Я уже говорила, что в худшие дни подумывала вовсе бросить писательство. Я рада сообщить, что больше об этом не думаю, частично потому, что я слишком люблю это дело, но во многом – благодаря вам. Вы – причина, по которой я делаю то, что делаю, – и не бросаю – и за это я искренне признательна. Спасибо, что вопите о моих книгах в соцсетях и делитесь любовью к моим историям и персонажам с другими читателями – правда, для меня это значит очень многое. Буквально все. Надеюсь, в следующее книжное приключение мы отправимся вместе, куда бы оно ни привело. Ну, а что дальше?

Думаю, Джарен выразился лучше всего:

«Дальше будем мечтать».

notes

Примечания

1

Сине-лиловый цвет (*прим. пер.*).

От англ. Most Valuable Player, в буквальном переводе «самый ценный игрок».